

ISSN (print): 2587-5434
ISSN (online): 2587-5523

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists

Scientific Journal

WEST – EAST

Vol 2/2, №1 (October, 2019)

Publishing House “UNIVERSAL”

Tbilisi 2019

INTERNATIONAL, REVIEWED AND REFERRED **SCIENTIFIC JOURNAL**
“ **WEST-EAST** ” PUBLISHED BY THE DECISION OF MEMBERS OF THE BOARD AND
SCIENTIFIC COUNCIL OF
INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL ORGANIZATION OF PHILOLOGISTS
“ **WEST-EAST** ”

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

Zoia Adamia - Editor-in-Chief, PhD, prof, Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Institute of Russian Language and Literature (Georgia) ORCID iD: 0000-0001-6841-622X

Nino Sanaia - Executive Secretary, PhD, prof. Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Institute of Foreign Languages (Georgia) ORCID iD: 0000-0001-5818-0866

Scientific-Editorial Council

Valerij Mokienko – Chairman of the Scientific-Editorial Council, Professor, Doctor of Philological Sciences, Departement of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c.em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists.

Harry Walter – Professor, Dr.Dr.h.c., University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies (Germany)

ImrePacsai – Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor, Nyíregyháza High School (Hungary)

Editorial Board

Olga Lomakina – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Simona Korycankova – Associate Professor, PhDr. Mgr., Ph.D. Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University, Brno (Czech Republic)

Elena Tareva – Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia)

Maria Konyushkevich – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Journalism of YankaKupala State University of Grodno, Grodno (Republic of Belarus)

Anna Onkovych - Doctor of pedagogical sciences, professor, Kyiv Medical University, Kyiv, (Ukraine)

Tatiana Fedulenkova – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Foreign Languages of Professional Communication of the Institute for the Humanities, Vladimir State University named after the Stoletov Brothers (Russia)

Anna Petrikova – PhD, Associate Professor, Faculty of Philosophy of Presov University, Presov (Slovakia)

Maria Mocarz -Kleindienst – PhD, Associate Professor, Lublin Catholic University of John Paul II, Lublin, (Poland)

Natalia Roitberg – PhD, the lecturer of Foreign Language at the University of Haifa (Israel)

Leila Diasamidze – PhD, Language Center, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

Olena Polovynko – Doctor of Philosophy: Philological Sciences, Associate Professor, University of Strasbourg (France)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ, РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ И РЕФЕРИРУЕМЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”
ВЫХОДИТ ПО ОБЩЕМУ РЕШЕНИЮ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ
И НАУЧНОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОЛОГОВ
«ЗАПАД-ВОСТОК»

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

Зоя Адамия – главный редактор журнала “WEST-EAST”, доктор филологии, профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, Институт русского языка и литературы (Грузия)

Нино Саная – ответственный секретарь журнала “WEST-EAST”, доктор филологии, профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, Институт иностранных языков (Грузия)

Научно-редакционный совет

В. М. Мокиенко - председатель научно-редакционного совета журнала “ WEST-EAST ”, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, почётный профессор Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта, Оломоуцкого университета (Россия, Германия, Чехия)

Харри Вальтер - доктор филологических наук, профессор, член президиума МАПРЯЛ, Институт славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта (Германия)

Имре Пачай - хабилитированный доктор филологических наук, профессор, Ньйредьхазская Высшая школа (Венгрия)

Редакционная коллегия

О. В. Ломакина - доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов РУДН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия)

Симона Корычанкова- доктор филологических наук, ассоциированный профессор, университет им. Масарика (Чехия)

Е. Г. Тарева - доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Россия)

М. И. Конюшкевич - доктор филологических наук, профессор, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь)

А. В. Онкович - доктор педагогических наук, профессор, Киевский медицинский университет (Украина)

Т. Н. Федуленкова - доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Россия)

Анна Петрикова - доктор филологии, ассоциированный профессор, Прешовский университет (Словакия)

Мария Моцаж-Клейндиенст – доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Люблинский католический университет Иоанна Павла II, Люблин (Польша)

Наталья Ройтберг - доктор филологии, Хайфский университет (Израиль)

Лейла Диасамидзе - доктор филологии, Языковой центр, Батумский государственный университет им. Шота Руставели (Грузия)

Елена Половинко - кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Страсбургский университет (Франция)

SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”

The journal is published **twice a year (March and October)**

Reception of materials (**deadline**) until **January 15 and August 15**

The publication of the electronic version of the journal on the site is expected **until March 15 and October 15**

Mailing of the printed version of the journal will take place **until March 25 and October 25**

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

The journal has: **Index- Crossref, ROAD-ISSN, Open journalSystems, e-library, OCLCWorldCat**, etc.

Each article of the journal is assigned a digital object identifier (**DOI**) for improved search and identification:

- Peer reviewed and referred journal
- Year of foundation: November, 2018
- ISSN (print) – 2587-5434
- ISSN (online) – 2587-5523

- Release form: printed and electronic
- Language of texts: English, Russian,
- Language metadata: English, Russian,

Thematic orientation:

1. Linguistics
2. Media culture
3. Translation
4. Pedagogics .Language Teaching Methodology

Address for correspondence and submission:

134a, TsotneDadianistr, Tbilisi 0180, Georgia.

Tel.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail:a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Antiplagiat program

For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's

<http://ispop.ge/jour.php>

©“WEST-EAST”, 2019

Publishing House “UNIVERSAL”, 2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”

Журнал издается **2** два раза в год (в марте и в октябре)

Прием материалов (дедлайн) – до **15 января и 15 августа**

Публикация электронной версии журнала на сайте – до **15 марта / 15 октября**

Почтовая отправка печатной версии журнала – до **25 марта / 25 октября**

DOI: 10.33739.

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

Индексация: Crossref, ROAD-ISSN, Open journal Systems, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), WorldCat и др.

Каждой статье журнала присваивается идентификатор цифрового объекта (**DOI**) для лучшего поиска и идентификации статьи

- Рецензируемый и реферируемый журнал
- Год основания: ноябрь 2018
- ISSN (печатный) – 2587-5434
- ISSN (электронный) – 2587-5523

- Форма выпуска: печатная и электронная
- Язык статей: английский, русский
- Метаданные статей: английский, русский

Научные статьи проверяются на плагиат

Направления журнала:

1. Лингвистика
2. Медиакультура
3. Перевод
4. Педагогика. Методика преподавания языков

Адрес для корреспонденции:

Грузия, г.Тбилиси 0180, ул. Цотне Дадиани, N134а

Тел.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Полная информация о журнале и правила оформления статей размещена на сайте

<http://ispop.ge/jour.php>

©West-East, 2019

Издательство “УНИВЕРСАЛ”, 2019

CONTENTS

LINGUISTICS

SEMANTIC REALIZATION OF THE LEXEME “KPACOTA” IN THE SYSTEM OF V. SOLOVYOV'S POETRY- Simona Korycankova	11
REPRESENTATIONS OF SUCCESS AND FAILURE IN RUSSIAN AND CZECH PHRASEOLOGY: WAYS OF EXPRESSING LIFE EXPERIENCE - Elena Seliverstova	15
INFORMAL PAREMIA IN MODERN JAPANESE – Tatyana Gurevich	21
PHRASEOLOGISMS WITH THE ZOONYM-COMPONENT IN RUSSIAN AND PERSIAN - Ekaterina Akimova	23
PRESENTATION OF THE CONCEPT OF "BEAUTY" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY - Olga Andryuchshenko	28
RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1 ST AND 2 ND PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY - Irina Graneva	31
NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES - Elena Grigorian	36
NATIONAL CHARACTER AND LANGUAGE PERSONALITY: CULTURAL VALUES AND TRADITIONS - Veronika Katermina	40
THE SPREAD OF CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN THE CHINESE CULTURAL DISTRICT (UNTIL THE TWENTIETH CENTURY) - Elena Khrisanova, Yixia Ma	44
COMPARATIVE STUDY OF PHRASEMES IN RUSSIAN, SPANISH, FRENCH AND GEORGIAN LANGUAGES - Marine Kobeshavidze, Tsiuri Akhvlediani, Ketevan Gabunia	48
HONEY IN RUSSIAN AND POLISH PHRASEOLOGY - Elena Nikolaeva	51
UNIVERSAL ASPECTS IN THE INDIVIDUAL HUMAN CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS) - Irina Podgorbunskaya	55
TOWARDS THE EXISTENCE OF BUZZWORDS IN THE LANGUAGE - Karine Vlasova	59

MEDIA CULTURE

WAYS TO ORGANIZE MULTI-LEVEL TEXT IN SCIENCE NEWS - Tatiana Arsenyeva	64
IMAGES OF CULTURE IN MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONS AND METHODS OF TRANSFORMATION (ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER.RU DMITRY VODENNIKOV'S COLUMN) - Yekaterina Garanina	68
THE PRACTICES OF RUSSIANS' REGIONAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MEDIA DISCOURSE - Olga Ilina, Evgenii Kablukov	71
ON THE DISCURSIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF CONCESSION IN INFORMAL INTERVIEW - Elena Nikolaevna Klemenova, Nadezhda Vladimirovna Kovalchuk	76
LANGUAGE NORMS AND USAGE IN UKRAINIAN MASS MEDIA - Svitlana Korotkova, Olena Polovynko	80
REGULARITY OF NATIVIZATION OF EXOTICISMS: LOANWORDS FROM THE SOUTH-ASIAN LANGUAGES IN THE CURRENT ENGLISH PRESS - Marina Kuzina	85
“NATURE – STATE” OPPOSITION IN THE ECOLOGICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON GREENPEACE OFFICIAL CITE ARTICLES) - Svetlana Kushneruk, Maria Kurochkina	89
MEDIA DISCOURSE OF THE MODERN CITY AS A POLICULTURAL PHENOMENON - Iulia Mikhailova	93

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

PROVERBS AND PROVERBIAL SAYINGS AS LINGUODIDACTIC MATERIAL ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A POLISH SCHOOL - Marzanna Karolczuk	97
INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES - Tamara Kyrik, Maryna Boholiubova, Olga Lyalina	101
LINGUO-METHODOLOGICAL ASPECT OF OVERCOMING INTERFERENCE IN TEACHING FOREIGN STUDENTS A SECOND NON-NATIVE LANGUAGE - Tetiana Krech, Irina Milieva	105
MEDIA EDUCATION TECHNOLOGIES IN DEVELOPING STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCE - Volodymyr Biletsky, Hanna Onkovych, Olha Yanyshyn	110
TOPICAL ISSUES OF TEACHING TO READ IN RUSSIAN IN GEORGIAN UNIVERSITIES - Marine Aleksidze, Laura Guruli	115
LANGUAGES AND INTERMEDIATE LANGUAGE – POLYFONY AS A METHOD OF TEACHING LEXIS AND ITS RESEARCH - Archan Sarkar	119
THE COURSE "RUSSIAN PHRASEOLOGY" IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE - Marina Yevgenyevna Bokhonnaya, Yevgeniya Alexeevna Sherina	122
THE VIDEO COURSE OF FOREIGN LANGUAGE: FOCUS ON STUDENT'S AUTONOMOUS ACTIVITY - Svetlana V. Dudushkina	125
THE ENGAGEMENT OF ANALOG AND DIGITAL APPROACHES IN TEACHING TRANSLATION - Nataliya Gavrilenko	130
AUDIOFILES WITH ORAL FAMILY COMMUNICATION IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE - Yuliya Pikuleva	134
INNOVATIVE PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AS A UNIVERSAL MEANS OF TRAINING, EDUCATION AND DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL PUPIL - Elena Rogaleva	138
BLENDED LEARNING IN THE LANGUAGE CLASSROOM - Valentina Reshetnikova	143
LANGUAGE TRAINING OF FOREIGN STUDENTS IN THE CONDITIONS OF BILINGUALISM - Oksana Trostynska, Olena Kopylova	147
THE TECHNIQUE OF HISTORICAL COMMENTARY IN STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS - Gulnara Suyunova, Gulfia Otepova	152
FINAL CONTROL FOR FOREIGN CITIZENS PREPARATORY FACULTY - Svetlana Varava	156

TRANSLATION

DENOTATIVE AND TRANSFORMATIONAL APPROACHES TO THE TRANSLATION OF IDIOMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN - Galina Bezkorovaynaya	162
LINGUOCULTUROLOGICAL TRANSLATION PECULIARITIES OF DIPLOMATIC CORRESPONDANCE OF FRENCH CONSULATES IN GEORGIA AND TURKEY (middle 19 th -early20 th) - Victoria Diasamidze	165

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «КРАСОТА» В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В. СОЛОВЬЕВА - Симона Корычанкова	11
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УДАЧЕ И НЕУДАЧЕ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОБРАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА - Елена Селиверстова	15
НЕФОРМАЛЬНАЯ ПАРЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ - Татьяна Михайловна Гуревич	21
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ - Екатерина Акимова	23
ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ - Ольга Андрющенко	28
РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ - Ирина Юрьевна Гранева	31
НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ - Елена Григорьян	36
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ - Вероника Викторовна Катермина	40
РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КИТАЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ОКРУГЕ (ДО XX ВЕКА) - Елена Хрисанова, Ися Ма	44
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ - Марине Кобешавидзе, Циури Ахвледзиани, Кетеван Габуння	48
МЁД В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ - Елена Николаева	51
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ) - Ирина Подгорбунская	55
К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ - Каринэ Абрамовна Власова	59

МЕДИАКУЛЬТУРА

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО ТЕКСТА В НАУЧНЫХ НОВОСТЯХ - Татьяна Евгеньевна Арсеньева	64
ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛОНКИ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА НА ПОРТАЛЕ ГАЗЕТА. RU) - Екатерина Петровна Гаранина	68
ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ - Ольга Ильина, Евгений Каблуков	71
О ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ УСТУПКИ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ - Елена Николаевна Клеменова, Надежда Владимировна Ковальчук	76
НОРМЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В УКРАИНСКИХ МАСС-МЕДИА - Светлана Витальевна Короткова, Елена Алексеевна Половинко	80
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА ДЕЭКЗОТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-ЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ) - Марина Кузина	85
ОППОЗИЦИЯ «ПРИРОДА – ГОСУДАРСТВО» В МЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ GREENPEACE) - Светлана Леонидовна Кушнерук, Мария Анатольевна Курочкина	89
МЕДИАДИСКУРС СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН - Юлия Михайлова	93

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ - Мажанна Карольчук	97
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА - Тамара Викторовна Кирик, Марина Михайловна Боголюбова, Ольга Александровна Лялина	101
ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ - Татьяна Васильевна Креч, Ирина Владимировна Миличева	105
МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ - Владимир Билецкий, Анна Онкович, Ольга Янышин	110
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГРУЗИИ - Марина Алексидзе, Лаура Гурули	115
ЯЗЫКИ И ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК – ПОЛИФОНИЯ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ - Арчан Шаркар	119
СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ - Марина Евгеньевна Бохонная, Евгения Алексеевна Шерина	122
ВИДЕОКУРС ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА – НАПРАВЛЕНИЕ НА АВТОНОМНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ - Светлана Викторовна Дудушкина	125
ОБРУЧЕНИЕ АНАЛОГОВОГО И ЦИФРОВОГО ПОДХОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ - Наталья Гавриленко	130
ЗАПИСИ УСТНОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ - Юлия Борисовна Пикулева	134
ИННОВАЦИОННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ - Елена Ивановна Роголёва	138
СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ КЛАССЕ - Валентина Решетникова	143
ЯЗЫКОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА Оксана Тростинская, Елена Копылова	147
ПРИЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ - Гульнара Сейльбековна Суюнова, Гульфира Елюбаевна Отепова	152
ОБ ИТОГОВОМ КОНТРОЛЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН - Светлана Варава	156

ПЕРЕВОД

ДЕНОТАТИВНЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛО-ГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ - Галина Тиграновна Безкоровайная	162
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ КОНСУЛЬСТВ ФРАНЦИИ В ГРУЗИИ И ТУРЦИИ (сер. XIX-нач. XX века) - Виктория Григорьевна Диасамидзе	165

LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-11-15>

SEMANTIC REALIZATION OF THE LEXEME “КРАСОТА” IN THE SYSTEM OF V. SOLOVYOV'S POETRY

Simona Korycankova
 Assoc. Prof. PhDr. Mgr., Ph.D.
 Masaryk University
 (Brno, Czech Republic)
 e-mail: korycankova@ped.muni.cz

Abstract. The aesthetic-philosophical category of beauty is also researched by linguists. Based on Vladimir Solovyov's philosophical system, one may assert that the perception of beauty plays an important role, not just in the poet's worldview, but in his literary work as well. The images of beauty that we analyze in Solovyov's poetry are built upon a specific set of words, a lexico-semantic analysis of which reveals their author-specific use. The contextual setting of such images is accompanied by a semantic property matching the poet's aesthetic and philosophical ideas, e.g., Красота, луч, свобода, любить, пурпурный, святой and others. The semantic shifts in the use of the word красота illustrate the nuances of meaning typical for the actualization of the philosophical idea of beauty, its semantic refinement that accentuates the associative links to the emanations of the high beauty of the divine world. The poem “The Nocturnal Voyage” served as a sample for the analysis, the main component of its content based upon the salvation of the Suffering Beauty by the hero of the poem. Thus, a lyrical-epic basis is combined with a verbal makeup that helps illuminate the images of light, color, sound and emotional impressions of the ideal Divine world, i.e., the world of perfect aesthetic saturation – the world of beauty.

Keywords: poetry, text, analysis, image, beauty, comprehension

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «КРАСОТА» В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО
 ТВОРЧЕСТВА В. СОЛОВЬЕВА

Симона Корычанкова
 Дос. PhDr. Mgr., Ph.D.
 Университет им. Масарика
 (Брно, Чешская Республика)
 e-mail: korycankova@ped.muni.cz

Аннотация. Эстетико-философская категория красоты исследуется также учеными-лингвистами. Опираясь на философскую систему Владимира Соловьёва, можно утверждать, что восприятие красоты имеет важное место не только в мировоззренческих представлениях поэта, но также в его литературной работе. Образы красоты, которые мы анализируем в поэтическом творчестве Соловьёва, построены на специфическом наборе слов, лексико-семантический анализ которых указывает на их индивидуально-авторское употребление. Контекстуальное оформление таких образов сопровождается семантической характеристикой, соответствующей эстетико-философским представлениям поэта, напр. Красота, луч, свобода, любить, пурпурный, святой и др. Семантические сдвиги в употреблении слова «красота» наглядно показывают те нюансы значения, которые характерны для актуализации философской идеи красоты, ее смыслового уточнения, акцентирующего ассоциативные связи с эманациями высшей красоты божественного мира. Примером для анализа послужило стихотворение «Ночное плавание», в котором основной компонент содержания выстроен на спасении Красоты-страдальницы лирическим героем. Так сочетается лирико-эпическая основа с вербальным оформлением, способствующим раскрытию образов света, цвета, звука и эмоциональных восприятий Горнего идеального божественного мира, т.е. мира идеальной эстетической насыщенности – мира красоты.

Ключевые слова: поэзия, текст, анализ, образ, красота, осмысление

INTRODUCTION. Beauty as perceived by Vladimir Solovyov is deified and mysterious, it is the principle through which one attains a direct connection to the foundation of existence. Without beauty, there is no transformed matter, i.e., no global spiritual refinement of creation. “Beauty, or an idea given flesh, is the best half of the real world, the half that not only exists, but deserves existence. An idea, in general, is a thing that, by itself, is worthy of being” (Solovyov, 1994). This implies that the aim of beauty is to transform reality, it must not merely be a surface coating, but penetrate the essence of each object and event. Clearly, “true beauty, not as a mere reflection of an idea from matter, but its true presence in matter, presupposes, above all, the deepest and closest interaction between the internal, or spiritual, and external, or material, existence. That is the main properly aesthetic precept” (Solovyov, 1994). V. Solovyov's contribution to the Russian aesthetic thought is embodied in his poetry, which is based on a mystic and philosophical understanding of the world and inspired by the idea of true beauty incarnated.

LITERARY OVERVIEW. The ethical and aesthetic framework of V. Solovyov's worldview is intertwined with the mystic and religious source of his philosophy. The thinker had dreamed of a philosophical treatise on his ideas of beauty and the meaning of art, however, he only had time to finish two principal articles where he analyzes the meaning of aesthetics in the universal process of creation. It is known that “in the early 80's, Solovyov envisioned “The Aesthetics”

as free theurgy: art had to have a connection to church mysteries and a mystic foundation. Aesthetics as theurgy was the third part of his religious and philosophical system, a capstone for theocracy and theosophy” (Mochulsky, 2000). However, it was only in the late 80's that Solovyov returned to aesthetic matters and published two articles, “Beauty in nature” (1889) and “The general meaning of art” (1890). The magnum opus on aesthetics was assumed to have been prepared for print, but was never published or recovered after the thinker's death. K. V. Mochulsky claims that it was never even written, and that “the author merely intended to revise and order his earlier articles on aesthetic matters. In the ten years of church and community work, Solovyov's views underwent a significant change, leaving little of the 80's vision” (Mochulsky 2000). As it is, one can avail oneself of five articles when analyzing V. Solovyov's aesthetic ideas: “Beauty in nature”, “The general meaning of art”, “On lyrical poetry”, “The first step toward positive aesthetics”, “The philosophical beginnings of holistic knowledge.”

RESEARCH METHODS. The lexeme *красота* in the sense of the highest principle of creation is used by Solovyov in the poem “The Nocturnal Voyage” («Ночное плавание»), which is a free translation of H. Heine's “Gods of Greece”. For his translations, Solovyov always chose poems that reflected his philosophical worldview and matched his spiritual mood. All poetic translations by Solovyov can be asserted to have been reimagined in accordance with his personal worldview. In the present poem, Solovyov focuses on the hero who saves the Suffering Beauty imprisoned in the earthly world. Beauty is understood here by Solovyov as a symbol of the dawning cognizance of the world's spiritual creation; it, like the eternal feminine principle, descends to earth from heavenly dimensions and, having been shackled, is saved by a human hero, i.e., a symbolic union of heaven and earth takes place. Building upon Heine's idea, Solovyov perceives Beauty as the eternal feminine principle that is the means to All-Unity. Beauty merges with the hero that liberates her (*Мы на берег вышли вдвоем*), thus actualizing the emergence of a new being, reborn in accordance with the holistic principle of existence. The lexical means used to create an image of the transformed entity contain semantic elements of light (*солнце, лучом*), color (*пурпурным*), sound (*тихо*). The dynamics of the image are conveyed by the poet by means of a lexico-semantic realization of visual and auditory perception, augmented by verbs associated with smooth, unhurried movement (*всходило, играя, причалил, вышли*).

Уж солнце всходило, по зыби морской
Играя пурпурным лучом.
И к пристани тихо причалил наш челн.
Мы на берег вышли вдвоем.
(“The Nocturnal Voyage”)

The dynamics of the poem are built upon antithetic images realized through key expressions that allow the author to counterpose pictures of a rising sea's elemental power (*Волнуется море, иветерревет...*) and its calm state, conveyed by means of an associative link to the meaning of the expressions *тихоотчалил, всплеснула волна, тихопричалил*. The meaning of the opposed figurative expressions is complicated by the addition of the author's personalized semantics of the expressions *вздыхалося море – сходились волны – волнуется море – всплеснула волна* exposing the activity of the watery element, its power and mutability. Solovyov actualizes the idea of primal chaos: “The movement of living elemental forces in nature has two main shades: those of free play and terrible struggle. The same natural phenomenon, a thunderstorm, can represent either shade, depending on the circumstances under which it happens. The majestic beauty of summer storms, like that of a turbulent sea, depends on the moving chaos and the excited intensity of the elemental forces vying with the luminous world order for ultimate supermacy” (Solovyov 1994).

Chaos, or perfect formlessness, is the necessary foundation of any manifested beauty. Such a perception of Beauty's materialization is verbalized by means of lexemes with the meaning of the element of water in semantic and syntactic connection with verbs of movement that bear the main message, which allows to isolate philosophically important ideas in the poem's context that define the structure of the writer's artistic world. Thus, the poet conveys the idea of saving the Suffering Beauty, which is actualized not only in the narrow sense of a personification of beauty manifested on the earthly plane, but also in the sense of the mystic feminine principle, the foundation of ideal existence that melds the Divine and the Mundane in All-Unity.

An important signifying element that helps realize the author's creative intent is the acoustic property, which, if emphasized, contributes to the actualization of the auditory perception of the poetic image through key lexemes with the meaning of sound – *тихо, звучали, речь, говорила, крик, ревет*. The use of the antonymic associative pairing *тихо – крик* adds a dynamic property to the acoustic styling of the poem, which is marked in the first quatrain (*От берега тихо отчалил наш челн*), sharply changed and reinforced in the fourth quatrain (*Вдруг ввышине / Пронесся пронзительны йкрик*), further developed in the fifth quatrain (*тот крик нам грозил*) and culminates in a qualitatively new feeling of silence (*тихо причалил*) and tranquility (*Мы на берег вышли вдвоем*) in the last quatrain.

The poem is permeated with the spirit of an otherworldly, mystic reality, actualized by means of words and expressions – *бледная тень, она (луна), волшебный серебрянный блеск, бред, мгла да туман, чудится, тайною; ни в явь, ни во сне; нездешней, греза, призрак, создание мысли больной*. Images of the otherworld are tightly bound to images of the hero's emotional state verbalized by means of the lexemes *уныло, тоскливо, плачущий, вздрогнули, злоешего, злобно, страшит, люблю* and others. Such a number of expressions used to describe the otherworldly reality depicted by the author signifies a deliberate use of the counterposed images device, where the lexeme *Красота*, associated with the earthly reality (*Вневоле, в тяжелых цепях Красота*), gains personalized meanings and forms an antonymic associate to the images of the surreal, mystic plane.

This approach allows Solovyov to emphasize the image of Beauty, which, saved and reborn in the otherworld, in the photic, chromatic and auditory properties of the divine world (*солнце, пурпурнымлучом, тихо*), merges with the hero that protected her. The image of the ultimate unity of the female (*Красота, Страдалица*) and male (*я*) stands out in the foreground of this world's dimensions actualized by means of lexemes – *страсти, скорби, горе, муки, злоба* – semantically connected to manifestations of man in the Mundane and associated with earthly experiences. The image of earthly emotions is built upon an explicit semantic interconnection of the lexemes *страсти, скорби, горе, муки, злоба* that, in the poem's context, are included within the semantic-associative borders of the expressions *посланник небес – В груди заключил я своей*.

The associative conjunction, in the reader's mind, of the linguistic means describing the hero is reinforced through the idea of the contradiction between the Mundane and Divine, suffering and bliss, ugliness and perfection. The dense emotional space is emphasized by the poet by the repetition of the lexeme *все/всю*, the meaning of which, as actualized by the author, not only refines the emotional connotation, but also summarizes the significant markers of earthly experiences for all mankind during its entire history (*людей, веков*).

Мне чудится, будто – посланник небес –
Все страсти, все скорбил людей,
Всегоре и муки, всю злобу веков
В груди заключил я своей.

(“The Nocturnal Voyage”)

The beauty/love pairing, perceived aesthetically and philosophically, forms an indivisible poetic space of ideas and images, objectivized through the lexical nominates *Красота* and *любовь/любить*. The actualization of the idea of perfect Beauty and the image of its salvation through the highest love, which sacrifices the imperfection of the earthly principle, represent, in the author's artistic worldview, the explicit idea of the ethical and aesthetic foundation of the perfect world. The meaning is underlined through the repetition of the cognate lexemes *любить, любовь*, where, on the one hand, the development of the author's philosophical understanding of true love is emphasized, and, on the other hand, the dynamics of the image of the hero's emotional mood and his rebirth by means of this feeling and unification with the foundation of existence are achieved.

В неволе, в тяжелых цепях Красота,
Но час избавленья пробил.
Страдалица, слушай: люблю я тебя,
Люблю и от века любил.

Любовью нездешней люблю я тебя.

Тебе я свободу принес,..

(“The Nocturnal Voyage”)

The lexeme *любить* and *любовь* (*люблю, любил, любовью*) is repeated in the short fragment of the quoted poem five times, four of those in verb form, which proves the semantic significance that V. Solovyov lent to the image of an emotionally rich and intense amorous state of the hero. The energy and dynamism of the image of Beauty's salvation is explicitly emphasized by the use of the verb *принес(дар)* and the repetition of the lexeme *смерть* (*смерти*), semantically and associatively connected with the verb *умрешь*. The poet's artistic worldview meets religious ideas of a deity's spiritual perfection, realized through death and rebirth.

The symbol of the captive Beauty (*Вневоле, втяжелых цепях Красота*) gains a personalized meaning realized through the contextual-associative image of goddess Beauty's descent into the Mundane (*Лишь в смерти спасение падиших богов*) and her rebirth by means of death and resurrection (*Умрешь и воскреснешь со мной*). The poem emphasizes the author's actualization of the meaning of the word *воскреснешь* (*сомной*), refined by the expression *сомной*, which explicates Solovyov's idea of the savior-hero, an envoy of heaven, who, by bringing freedom to the Sufferer, dies with her and is reborn in the Divine. In L. Pild's opinion, Solovyov thus makes his translation closer, not to Heine's original, but to his own myth of the Eternal Femininity. “Solovyov's hero loves the Sufferer with an “otherworldly love” and saves her from the evil of the “earthly element”, while, in Heine's original interpretation, “beauty is elusive, that is, man cannot always define its nature, its essence, or influence its manifestations” (Pild, 2007).

In his analysis of Solovyov's translation, N. V. Kotrelev claims that the Russian poet unconditionally interprets beauty as a feminine principle, thus adding his philosophical perception to the original text (Kotrelev, 2005). The lexeme *Красота* is capitalized by Solovyov, which formally reflects its significance as a symbol of beauty in explicit connection with the lexeme *Страдалица*. The internal associative semantic connection is born on the basis of a mystic-philosophical reading of the text, when the lexical pairing *Красота – Страдалица* is augmented by the associates *Вечная женственность – св. София*.

The analysis concludes that Solovyov not only evoked in himself the lyrical mood necessary for a good translation of a poem, but also elaborated the semantic structure of the original by incarnating the mystic-philosophical ideas of the place of the idea of Beauty in the creation of the material world and its connection to the feminine principle, which is postulated as an integral part of divinity. The hero of the poem addresses God with a prayer for salvation, and thus a direct figurative-spiritual interconnection of the nominate chain *Страдалица – лирический герой – Красота – Бог* is demonstrated.

Но что это? Боже, спаси ты меня!

О, Боже великий, Шаддай!
Качнулся челнок, и всплеснула волна...
Шаддай! о, Шаддай, Адонай!
(“The Nocturnal Voyage”)

In the context of the poem, the idea of the salvation of Beauty and the taming of elemental forces is actualized in the image of the calm sea that underlines the associative link with the subjugation of the chaotic elemental principle («Качнулся челнок, и всплеснула волна...») and the transition to the higher spiritual dimensions. Following Solovyov's aesthetic-philosophical ideas about the cognizance of the meaning of the universal idea in manifest Beauty and Goodness (Love), one can see in the poem a direct realization of man's irreplaceable role in the universal creative process. Man, aware of the divine foundation of existence, turns to the source – God (*Шаддай, Адонай*), and, with his help, leads the personified Suffering Beauty, a symbol of the earthly nature, out of the prison of formless chaos and the earthly element. Thus the Divine is united with the Mundane in the All-Unity of existence.

An elaboration of the image of the Divine's beauty can be traced in the poem “The Soul's Delight” («Восторг души»), where the aesthetic principle of the otherworld is accompanied by associated images of the auditory and emotional manifestation of the described space. In the poem's context, the hero (*он*) has felt the deity's touch (*святая красота*), however, captivated as he is by the mundane world (*шумящий балаган*), he fails to retain a belief in the eternity and perfection of the supra-material world (*не тленная мечта*) and falls completely under the Mundane's sway («И бледный призрак тихо отлетал»).

The idea of high beauty is explicated by means of the lexeme *красота* and the epithet *святая*, which connotes a property of the Divine. The contextual surroundings actualize the rich emotional and auditory earthly space of the hero, which is formally emphasized through a multiple antithesis (*восторг души – расчетливы обманом, речью рабскою – живой язык богов, святыню мирную – шумящим балаганом*), where the chief semantic role is played by key lexemes (*восторг, обман, речь, язык, святыня, балаган*) along with epithets and contextually relevant words (*души, расчетливым, рабскою, живой, богов, мирную, шумящим*), which lend personalized properties to poetic expressions. Thus, the image of man's existence on earth (*шумящий балаган*) is characterized by the poet by means of a negative connotation with an unpleasant auditory sensation associated with an obstacle to the soul's ascension to the domain of the Divine.

The dynamics of the image are reinforced through the use of the dominants *заменил, обманул*, which carry the main message. The earthly space, strongly emphasized through imagery, is verbalized through lexemes (*расчетливым обманом, речью рабскою, шумящим балаганом, земной пыли, злобный крик, коснеющие руки*) associated with experiences of the Divine and an imprisonment in corporeal flesh. The intensity of the impact on the reader is refined by the use of participial and verb forms *разбит, разочарован, прикован, заглушал, отлетал* containing in their semantic property man's inability to withstand the power of material temptations.

Когда же сам, разбит, разочарован,
Тоскуя, вспомнил он святую красоту,
Бессильный ум, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.
(“The Soul's Delight”)

RESULTS AND DISCUSSION. The emphasized property of the Mundane as the basic figurative cognizance of the poem is counterposed with the peaceful image of the Divine. All the expressions associated with the idea of the higher dimensions reduce their property to the idea of eternal beauty, whose central position is specified by the verbs *вспомнить захотел*. The hero is unable to revive the immortal dream in his memory, he misses love, yet the malicious scream of unbelief is silenced by captivating sounds that recall past feelings. The images demonstrated define the hero's personality, which contains as an inalienable part the emotional properties of the author's sensory perception, closely bound to the manifestation of the auditory property. Thus, associatively, the Mundane is connected not only with images of earthly shackles and suffering, but also loud (*злобный крик*) imperfect (*речью рабскою, язык кощунственный*) sounds.

The audio-emotional modality defines the image of beauty's perception, which is only obliquely revealed by means of the phrase “он вспомнить захотел”. The specific philosophical insight of the poem is the associative connection “beauty – love”. Beauty appears as the author-specific synonym of the universal triune idea, one of the parts of which is also true love. On earth, in the Mundane, it manifests as romantic attraction, as a longing for a perfect tender feeling. The metaphor-circumlocutions “Тоскуя, вспомнил он святую красоту” and “Былой любви пленительные звуки” are closely connected in meaning and represent the author's figurative comprehension of the idea of an eternal and unquenchable divine principle in man, which is manifested through the ethical and aesthetic principle of existence.

CONCLUSION. Based on V. Solovyov's philosophy, one may assume that images of beauty not only play a significant role in his poetry, but that the lexical makeup of such images used by him will be accompanied by a semantic property that matches the poet's aesthetic and philosophical views. The lexeme *красота* (*-ы, -у, -е*) is used in Solovyov's poetry 12 times. The word's semantic shifts illustrate the nuances of meaning typical for the actualization of the philosophical idea of beauty, its semantic refinement that emphasizes the associative connections with its emanations.

The present analysis demonstrates the general properties of a lexico-semantic analysis of aesthetically significant philosophical images that play an important role in V. Solovyov's artistic worldview. The base units that define the figurative perception and depiction of the world form semantic fields and lexical rows of associatively connected words,

through which the poet's linguistic picture is formed. Images with a photic, chromatic, emotional and auditory property represent the basis for an in-depth lexico-semantic analysis of the concept of Beauty in V. Solovyov's poetry.

LIST OF REFERENCES

- Kotrelev, N.V. (2005). Istorija teksta kak kontinuum voleizyavleniya avtora: VI. Solovyev. Nochnoye plavaniye: Iz «Romantsero» Geyne. [The history of the text as a continuum of the author's will: VI. Solovyov. Night swimming: From "Romanzero" Heine]. Istoriko-filologicheskii sbornik «Shipovnik»: K 60-letiyu Romana Davidovicha Timenchika. Moskva, 151-175.
- Mochulsky, K. V. (2000). Vladimir Solovyev. [Vladimir Solovyev]. VI. Solovyev: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solovyeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. T. I. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 556-829.
- Pild, L. (2007). Geyne v literaturnom dialoge K. Sluchevskogo i VI. Solovyeva [Heine in the literary dialogue of K. Sluchevsky and VI. Solovyov]. Na mezhe mezh Golosom i Ekhom. Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan. Moskva: Novoye izdatel'stvo.
- Solovyev, V. S. (1994). Chteniya o bogochelovechestve. Stat'i. Stikhotvoreniyaipoema. Iz «Trekhrzgovorov» [Readings on God-Manhood. Articles. Poems and poem. From the Three Talks]. SPb., Khudozhestvennaya literature.
- Solovyev, V. S. (1889). Krasota v prirode [Beauty in nature]. Voprosyfilosofiiipsikhologii. (1), 23 – 72.
- Solovyev, V. S. (1890). Obshchiysmysliskusstva [The general meaning of art]. Voprosyfilosofiiipsikhologii. (5), 84 – 102.
- Solovyev, V. S. (1890). O liricheskoyepoezii [On lyrical poetry]. Russkoyeobozreniye. (12), 626 – 654.
- Solovyev, V. S. (1890). Pervyy shag k polozhitel'noyestetike [The first step toward positive aesthetics]. VestnikYevropy. (1), 294 – 302.
- Solovyev, V. S. (1877). Filosofskiyenachalatsel'nogoznaniya [The philosophical beginnings of holistic knowledge]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (190), Mart 60-99. April' 235-253, (191) Iyun' 199–233, (194) Noyabr' 1–32.

For citation:

Korycankova, S. (2019) SEMANTIC REALIZATION OF THE LEXEME “КРАСОТА” IN THE SYSTEM OF V. SOLOVYOV'S POETRY. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 11-15. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-11-15>

Для цитирования:

Корычанкова, С. (2019) СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «КРАСОТА» В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В. СОЛОВЬЕВА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 11-15. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-11-15>

Information about the author: Simona Korycankova – Assoc. Prof. PhDr. Mgr., Ph.D., Head Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University, Brno, Czech Republic
address: Porici9, Brno 603 00, Czech Republic
e-mail: korycankova@ped.muni.cz

Сведения об авторе: Симона Корычанкова (Брно, Чешская Республика) –Док. PhDr. Mgr., Ph.D., Заведующая кафедрой русского языка и литературы, Кафедра русского языка и литературы, Педагогический факультет Университет им. Масарика
Адрес: Porici 9, Brno 603 00, CzechRepublic
e-mail:korycankova@ped.muni.cz

Manuscript received: 05/25/2019 Accepted for publication: 09/23/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-15-21>

REPRESENTATIONS OF SUCCESS AND FAILURE IN RUSSIAN AND CZECH PHRASEOLOGY: WAYS OF EXPRESSING LIFE EXPERIENCE

Elena Seliverstova
Doctor of Philological Sciences, Professor
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
e-mail: selena754@inbox.ru

Abstract. It is common for a person to hope for success and to note cases of an unsuccessful set of circumstances that influenced the outcome of the case. Speakers note success and failure in different spheres of life and use different nominations and cultural codes to verbalize such ideas. Appeal to the expressive means of different languages allows to discover common human (pan-Slavic) condensed meanings - “Luck is changeable” (*Временем в горку, а временем в норку*; Czech. Dnes tlusto, a zejtra pusto), “And we will be lucky someday” (*Будет и нашей улице праздник*; *Poteče kdys voda I naměj mlýn*) “Luck is predetermined by heaven (God)” (*He всякому по Якову, а кому Бог даст*; *Bez Božeho požehnání marné lidské namáhání*) etc., and specific national ideas: “Luck is more important than beauty” (*He хитер парень, даудачлив; неказист, даталанен*), “Good luck alone is not enough for well-being” (*Счастье без ума дырявая с ума: где найдёшь, там сгубишь*), etc. Czech paremiyas are peculiar in conveying the idea of luck to a person unworthy (*Čím větší neřád, tím větší štěstí*), sustainability of luck for somebody (*Koho Bůh miluje, toho i král naděluje*) etc.

Key words: luck, verbalizer, proverb, condensed meaning, stereotypical representations

пониманием счастья как «выпадающего по случаю» – приятной, оксюморонной «желанной неожиданности»; «счастье, – пишет В.В. Колесов, – сродни чуду», это некое «дурацкое счастье» (Kolesov, 2002).

Я.Ю. Кузнецова, рассматривая ментальную структуру «Удача – Неудача» в русской и итальянской языковых картинах мира, смежную с концептами «счастье», «успех», «надежда», «горе, беда, несчастье», выявляет, с одной стороны, типичные «базовые сценарные модели» и, с другой, – «комплекс метафорических образов-интерпретантов», реализуемых лексико-семантическими средствами каждого из языков (Kuznetsova 2013).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Об удаче / неудаче, т.е. выпавшем на чью-л. долю неожиданном везении/ невезении,⁶ – говорится во многих фразеологических и пословичных единицах (ФЕ, ПЕ), очерчивающих конкретные ситуации в различных жизненных сферах – торговли, женитьбы, учебы и т.д.⁷; ср. пришедшую из языка картёжников ФЕ *как карта ляжет* – о ситуации неизвестности, допускающей как положительный, так и отрицательный исход дела. И в русском, и в чешском языке это в первую очередь единицы, содержащие компоненты, прямо выражающие искомый смысл; ср. рус.: *удача, удался⁸, удачливый, неудача (удача улыбнулась; Удача – кляча: садись да скачи; Неудача ума прибавляет; Удастся – так коврижка, не удастся – так крышка; Удачливый в гору ползет, а неудачливый и под гору не катится), везет/ повезло/ повезет, везение (Везет в картах, не везет в любви; Не на всякое хотенье есть везенье), талан⁹ (Нашему болванун и в чем нет талану), доля (Душа не без доли, мужик не без тягла; С долей хорошо по грибы ходить, а без доли – кузов потерять), счастье (Счастье без ума дырявая сума: где найдёшь, там сгубишь; Счастье в оглобли не впряжешь; Без счастья и в лес по грибы не ходи), красный день (Абодье красный день и удача на лову); мат пришел кому (прост.) – 'конец, полная неудача' (РСС.3: 541); *переть, поперло* – ср. совр. жарг. *пруха, непруха*.*

В чешском языке на лексическом уровне номенклатура способов выражения выглядит иначе: в основном о везении и удаче говорится с использованием слов *šťěstí*(счастье) – ср.: *Mělajsemšťěstí* (букв. Мне повезло), *Bláznimajíšťěstí* (Дуракам везёт), *Bylotonepochybněšťěstí* (Это была несомненная удача), *Tojjesmůla!* (Вот не повезло/ не везёт!); *Když se šťěstí unaví, sedneinavola* (Когда удача устанет, сядет и на вола) – и *PánBůh (KomuPánBůh, tomuvšichnisvatí)*, но также используются лексемы *dařitse/ podařitse* – 'повезти, удался' (*Podařilosemutokoupit* – Ему удалось это купить), *přát* – 'желать', 'благоприятствовать, благоволить' (*Odvažněmu šťěstí přeje* – Удача на стороне отважного; К отважному счастье расположено), глагол *jit/ vyjít* – 'идти; ладиться, клеиться, даваться, получаться'.¹⁰

Нередко – при отсутствии в паремийном тексте особых семантических опор – лишь трактовка лишь трактовка показываемой в обороте ситуации, т. е. применение описательно-аналитического метода, позволяет уловить в нем семантику 'удача' или 'неудача'. Так, русские, похоже, полагаются на удачу, сопровождая некий рискованный шаг с неизвестным исходом, но с вероятностью и желанностью позитивного, выражениями *либо грудь в крестах, либо голова в кустах; либо пан, либо пропал* и др.; ср. чеш. *bud' ruscnebonic* (либо взять напором, либо не получить ничего). В чешской ПЕ *Komusenelení, tomusezelení* говорится о том, что гарантом успеха (везения, благополучного состояния дел), вербализуемых метафорической лексемой «зеленеет» ('растет, колосится'), является отсутствие лени (ср. прямое и конкретное рус.: *Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*).

Перспективной представляется задача выявления в массиве устойчивых выражений двух языков ФЕ и ПЕ, обнаруживающих эксплицитно или имплицитно выраженную связь с семантикой удачного/неудачного стечения обстоятельств, и определение выражаемыми конденсированных смыслов. Рассмотрение языковых «культурноносных» единиц близкородственных языков – русского и чешского – позволяет рассчитывать на выявление сходства и различий в вербализуемых в них представлениях об удаче и неудаче и специфики в использовании образных средств.

Охватить весь круг ситуаций, воспринимаемых в параметрах «везет/ повезло – не везет/ не повезло» практически невозможно, поскольку с этой позиции могут оцениваться как отдельные поступки человека, так и не зависящие от него события и ситуации.¹¹ Это хорошо видно на примере сочетаний с глаголом *привалить*, который весьма часто сочетается с существительными, называющими различные проявления везения, удачи: при игре в карты («Ходи, твой ход. *Карта* к тебе *привалила* знатнецкая» [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев]),

⁶ По В.И. Далю, *удача* – это 'успех, поспешенье, счастье, талан, желанный случай'. Ср. трактовку слова *удатный* ('отважный, расторопный, которому «в отваге всегда удача»). *Удатное* (удатливый) требует сметки, а *удачное* (удачливый) – случайное, наудачу, на авось [Д.4: 471]. *Неудатный* – кому не повезло с расторопностью, хваткой, сноровкой; *неудачный, неудачливый* – 'невезучий'.

⁷ Источниками материала послужили русские и чешские словари пословиц: БСПП (2010), Bittnerová, Šchindler (1997), Zaorálek (1963), ČHFS (2002).

⁸ *Удался* – 'сделаться, статья, случиться по желанию, посчастливиться' [Д.4: 471]: *Удалось и кореляку на веку* («За целую жизнь везло и кореляку»); *Удастся – брага, не удастся – квас! Удастся голубец – не надобен и дубец!* (*голубец* – голубая лошадь).

⁹ От этого слова образованы прилагательное *таланливый* ('счастливый, удатный, кому везет') и глагол *таланить* кому-л. ('быть счастьем, удаче, счастливым, удаваться') [Д.4: 388].

¹⁰ «Kacetlhráloosedmouvýhrvderby. Znovu ti to vyšlo» (букв. Каетл бился за седьмой выигрывает в дерби. Ему снова повезло/ удалось) // Orlický deník.cz; https://orlicky.denik.cz/hokej_region/kacetl-hral-o-sedmu-vyhru-v-derby-znovu-mu-to-vyslo-20180113.html; дата обращения: 12.05.2019.

¹¹ Так, в ПЕ *Метил баба в Ладогу, а попала в Тихвин* можно усмотреть указание на невезение: «не повезло попасть в нужное место», хотя ее можно рассматривать и как указание на недалёкость субъекта.

возможность заработать («Стоит ли здесь горбатиться за копеечку? <...>А ей еще и большая халтура привалила, она сама хвасталась» [М. Баконина. Школа двойников]), неожиданно появившиеся («свалившиеся») деньги («Деньги привалили: куйбышевец нашел банковскую карту вместе с ПИН-кодом»),¹² сэкономленные деньги («Халыва привалила», – пишет автолюбитель, которому удалось легко и недорого приобрести детали к своему неновому «Москвичу»¹³) и даже возможность профессионального роста («Нам привалила такая везуха, такой подарок судьбы» [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты]).

Контексты, таким образом, показывают, что спектр характеризуемых с этой точки зрения событий, явлений, факторов позволяет привлекать для анализа не только ФЕ и ПЕ, включающие компоненты с семантикой 'удача' – 'неудача', но и выражения, имплицитно указывающие на проявления прихотливого «поведения» судьбы. Ср., например, русскую ПЕ, отмечающую в буквальном смысле удачную женитьбу: *Не у каждого жена Марья, а кому Бог даст*, но способную выражать идею о благосклонности в целом удачи отнюдь не к каждому человеку.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Удача воспринимается как необходимое условие успешного существования человека; она желательна и необходима практически в любых видах деятельности; ср. формулы-пожелания «Желаю удачи!», «Ни пуха, ни пера!», рыбакам – «Ни чешуи, ни хвоста!» и др. Повитуха напутствовала новорожденного фразой «Как в поле туман, так ему счастье (талан)!». Чешский язык располагает шутливым напоминанием о присутствии удачи в жизни: *Pamatuj na strejčkapřihodu!* (Помни о дядюшке Удаче).

Анализ устойчивых выражений русского и чешского языков – в большей степени пословиц, чем поговорок – позволил выявить конденсированные смыслы, т.е. предельно кратко вербально выраженные идеи, общие для носителей двух языков и культур (см. о паремийных конденсатах подробнее в: Seliverstova 2017). Назовем среди них наиболее часто вербализуемые смыслы, располагая их в направлении к менее частотным.

1. Идея «непостоянства, переменчивости удачи» – одна из версий наиболее часто вербализуемого в ПЕ общего представления о непостоянстве позитивного состояния дел (ср. *Не все кому Масленица*; чеш. *Často rodvečer pláče, kdo sesmál zrána* – Часто вечером плачет тот, кто с утра смеялся) – представлена в ПЕ *Счастье с бессчастьем двор об двор живут; Не все дорога скатертью, бывают и перебоинки* ('перебивы в ровном, благополучном течении жизни'); *Поталанило было счастье, да и село* – глагол *таланить* кому-л. ('быть счастьем, удаче, счастливить, удаваться' Д.4: 388). Ср.: чеш. *Dnestlusto, a zejtrapusto* (Сегодня толсто, а завтра пусто); *Po bouři zas slunce svítí* (После бури снова солнце светит). Чешские обороты удерживают от напрасного ожидания постоянной, каждодневной удачи: *Nejsoukaždý den Vánoce* (Не каждый день Рождество); *Není každý den posvícení* (Не каждый день праздник); *Bůh nevyplácí každou sobotu* (Бог не выплачивает (не выдает) каждую субботу) и под.

Интересно выраженное в чешской ПЕ удовлетворение тем, что загордившемуся успехами неожиданно выпала неудача: *Že byl hrd, dostal prd* (Был горд, а потом(у) получил “задницу”). Согласно чешской ПЕ, удача переходит от одного к другому: *Dnes hraje mně, a zítra mohou tobě* (Сегодня играют мне, а завтра могут тебе). Здесь можно усмотреть и намёк на весьма печальную перспективу услышать похоронную музыку.

Идея переменчивости реализуется в выражениях, рисующих различные ситуации: *Временем в горку, а временем в норку; С долей хорошо по грибы ходить, а без доли – кузов потерять*. Предусмотрительный, откладывая деньги про запас, учитывает перспективу смены обстоятельств: *Деньга про белый день, деньга про красный день да деньга про черный день*.

2. Русский язык располагает значительным количеством выражений, используемых в ситуациях, допускающих неоднозначный исход. В оборотах *пан или пропал; Либо грудь в крестах, либо голова в кустах; на коне или под конем* (чеш. *bud' na koni nebo pod koněm*) и др. выносятся на первое место метафорически номинируемое представление о желательном, «победном» результате. ПЕ *Удача – брага, неудача – квас!* неоднозначна: с одной стороны, оценивается сама удача, пьянящая как брага и расцениваемая как успех на фоне неудачи, а с другой – речь может идти о благополучном финале любого дела, противопоставляемом нежелательному, метафорически означенному компонентом *квас*. Этот лексический бином, ориентированный на показ преферативности одного из двух возможных исходов; ср.: *Удастся – так коврижка, не удастся – так крышка*.

С одной стороны, «на удачу особенно полагаться не стоит» – она практически непредсказуема, а с другой – на нее всегда уповают, начиная какое-либо дело: *Наудачу мужик и хлеб сеет; Наудачу казак на коня садится, наудачу его и конь бьет*. Здесь налицо типичная для русской ментальности надежда на то, что *кривая вывезет* и «кавось» не подведёт.

3. «Не ко всем удача одинаково благосклонна»: *Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки; Кому село Любово, кому горе лютое; Удачливый в гору ползет, а неудачливый и под гору не катится* и т.д. ПЕ *Иной за что ни возьмется, все удаётся* можно рассматривать как ироничное подначивание в адрес завидующего или оправдывающегося невезением. Ср. чеш. *Někoti husu, někoti prase* (Одному гуся, другому поросю); *Někdo má štěstí vlásce, někdo ve hře a někdo v ničem* (Одному везет в любви, другому в игре, а кому-то ни в чем).

4. «С удачей нам не везет; удача – это не наш удел, чаще выпадает невезение»: *Не наш талант, чтоб найти, а наши, чтоб потерять*. Интересно, что говорящие более склонны отмечать отсутствие удачи, а ее наличием практически не похваляются; ср. констатацию невезения в ПЕ *Мой талант ушел по горам (съел баран)*;

¹²<http://8plus1.ru/dengi-privaili-kujbyshevec-nashel-bankovskuyu-kartu-vmeste-s-pin-kodom.html>

¹³<https://www.drive2.com/l/4954556/>

Нашему Ивану (болвану) нигде (ни в чем) нет талану. Потому приветствуется даже малая удача: *Лучше в малом удача, чем в большом провал.*

5. С другой стороны, идея «И нам когда-нибудь повезет» реализуется в ПЕ обоих языков: рус. *Будет и на нашей улице праздник*; чеш. *Poteče kdys voda I na můj mlýn* (Потечет когда-н. вода и на мою мельницу), *Snad i mně někdy se rozední* (И у меня когда-н. наступит день (рассветит)).

6. О природе удачи и неудачи в ПЕ сказано по-разному: *Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит, Удача – спутник смелого.*

Как известно, «удача неуправляема, не является по чьей-л. прихоти» – и от неудачи никто не гарантирован: *Не на всякое хотенье есть везенье; Счастье да трясье на кого нападет; Везет в картах, не везет в любви* – чеш. аналог: *Štěstí vkartách, nešťěstí vlásce.*

Согласно чешской ПЕ, удача выпадает и невезучему: *I slepé kuře najde zrna* (И слепая курица найдет зерно), и, наоборот, потерпеть неудачу, провалить дело может и умный: *I chytrák se spálí; Klopejtnout může i učenej* (Споткнуться может и ученый).

7. Удача (неудача), по мнению говорящих, «предопределена свыше»: *Не всякому по Якову, а кому Бог даст; Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст; Кому Бог дал ручки, а кому грабли.* Ср. ФЕ *родиться в рубашке*, реализующую идею изначального везения – с момента появления на свет; чеш. *Narodit se v košili. Pán Bůh «заведует» удачей и в чешских ПЕ: чеш. Kому Bůh přeje, tomu ve snách padne, komu Bůh ne přeje, tomu z lžice spadne* (К кому Бог благоволит / За кем удача, тому и с неба падает, а кому нет – у того из ложки выпадает); *Bez Božího požehání nemá lidské namáhání* (Без напутствия Господа напрасны людские усилия); *Vám Bůh dal, nám slíbil* (Вам Бог дал, нам пообещал).

8. В паремике отразилось и восприятие «количества» везения/ невезения, идея «дозированности» удачи по сравнению с неудачами: *Недоля (злая судьба) пудами, доля золотниками.* В ПЕ *Беда поездом (гнездом) ходит; Одна (не)удача идет, другую ведет* указывается на цепь последовательных удачных/ неудачных событий. В чешских ПЕ эта мысль реализуется под несколько иным углом зрения – в идее «охвата» удачей широкой жизненной сферы: *Kому Pán Bůh, tomu všichni svatí* – «Кому Господь, тому и все святые»; *Koho Bůh miluje, toho i kraal naděluje* (Кого любит Бог, того наделяет и король). Обратная сторона – невезение – отражается в ПЕ так же: *Kdomá nešťěstí má iposměch* (Кому не везет, над тем и насмешки).

9. Только в русских ПЕ обнаружена идея удачливости как одной из характеристик человека. «Удача важнее красоты», говорят паремии, выражая высокую оценку чьей-либо удачливости, затмевающей невзрачную внешность: *И не удачен молодец, а удачлив (неудатный – 'невидный собой').* В целом для русских ПЕ вполне типично отрицать важность физической привлекательности при наличии иных, более важных достоинств: *Не хитер парень, да удачлив; не казист, да таланен*; ср.: *С лица воды не пить*). Отсутствие же везения – серьезный недостаток: *Всем молодец, да нет талану на роду* – многозначность слова *талан* позволяет трактовать ПЕ как сетаования по поводу отсутствия не только удачи, но и сноровки, сметки, что практически обесценивает совокупность иных достоинств. И, наоборот, «многого достигнет удачливый (сметливый, смелый)»: *Кому есть талан, тот будет атаман.*

10. «Одной удачи для благополучного существования недостаточно»: *Счастье без ума дырявая сума: где найдешь, там сгубишь.*

11. В чешской паремике также обнаруживаются идеи, нетипичные для русских ПЕ: «Большая удача выпадает недостойному» – *Čimvětší neřád, tímvětší štěstí* (Чем больше негодяй, тем больше ему везет); *Kdo se kurví, ten má štěstí* (Кто ведет себя «по-свински» (как курва), тому везет); «Везение неуловимо, его не ухватить»: *Štěstí je vrtkavé* (Счастье вертляво (уворачивается)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В качестве итога проделанного анализа следует отметить три вида совпадений/ несовпадений в выражении в русском и чешском языках отношения к удаче и неудаче. Во-первых, это случаи вербализации одного конденсированного смысла в обоих языках – ср. идею о переменчивости, непостоянстве удачи, о неравной ее благосклонности к разным людям (*Кому село Любово, кому горе лютое; Někomu husu, někomu prase*).

Во-вторых, общая для двух культур идея может приобретать в одном из языков особое звучание. Так, мысль о неуправляемости везения/ невезения конкретизируется в чешском языке в двух направлениях – в возможности удачи для невезучего (*I slepé kuře najde zrna*) и, наоборот, неудачи – для опытного, умного (*Klopejtnout může i učenej*), а для русских важным оказывается и указание на случайное «попадание» удачи/ неудачи: *Счастье да трясье на кого нападет.* В идее непостоянства удачи носители чешского языка акцентируют бессмысленность ожидания каждодневного везения (*Nejsou každý den Vánoce*).

По-разному реализуется в русском и чешском языках указание на «количество» везения: в русском языке акцентируется последовательность фиксируемых удач/ неудач и большой объем неудачного по сравнению с удачным (*Недоля пудами, доля золотниками; Одна удача (неудача) идет, другую ведет*), в то время как чешские ПЕ отмечают скорее общую, стабильную везучесть (*Koho Bůh miluje, toho i kraal naděluje*).

В-третьих, оба языка располагают этномаркированными единицами, выражающими смыслы, типичные для одной культуры. У русских вербализуется в ПЕ расчет на удачу при начале дела (*Наудачу мужик и хлеб сеет; Наудачу казак на коня садится, наудачу его и конь бьет*), характеристика удачливости как более важной по сравнению с красотой (*И не удачен молодец, а удачлив*), а неудачливости – как серьезного недостатка (*Всем молодец, да нет талану на роду*), идея недостаточности одной лишь удачи для полного благополучия (*Счастье без ума дырявая сума: где найдешь, там сгубишь*). При этом в русских ПЕ не обнаружена

вербализация идеи большей удачи, выпадающей недостойному (*Čím větší neřád, tím větší štěstí; Kdo se kurví, ten má štěstí*), идея неувимости везения (*Štěstí je vrtkavé*);

Частота паремийного выражения одного смысла может, безусловно, в разных языках различаться, как и «набор» компонентов, вербализующих в составе ПЕ семантику удачи/ неудачи, и в целом спектр векторов осмысления этого важного в жизни человека явления.

Обращение к паремийному материалу двух языков позволяет увидеть как универсальное, так и национальное, культурно маркированное, в каждом из них, что делает возможным выявление в конечном итоге «типологического паспорта фразеологии» конкретного языка (Adamia, 2019: 21) и специфику образного видения важного фрагмента языковой картины мира.

LIST OF REFERENCES

- Adamia, Zoia. (2019). Comparative analysis of Biblical phraseological units (in Russian, English and Georgian languages) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1 N1. (March), pp. 20-26. DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-20-26>.
- Bayburin, A. K. (1998). Obryadovoyepereraspredeleniyedoli u russkikh // Sud'bytraditsionnoykul'tury: Sb. stateymaterialovpamyati L. Ivlevoy.[The ritual redistribution of the share of the Russians// The Fates of Traditional Culture: articles and materials in memory of L. Ivleva]. Sankt-Peterburg. (p.p. 78–82).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D.(1997).Yazykovayakontseptualizatsiyamira (namaterialerusskoygrammatiki [Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)].Moskva.
- Vorkachev, S. G. (2001). Kontseptschast'ya: ponyatiynnyyobraznyykomponenty // Izvestiya RAN. Seriyaliteraturiyazyka[Concept of happiness: conceptual and figurative components //Revue of the RAS. A series of literature and language]. Vol. 60. No. 6. (p.p. 47–58).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). Klyuchevyyeideiruskoyazykovoykartinymira[Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moskva: Yazykislavyanskoykul'tury.
- Kovshova, M. L. (1994). Kontseptsud'by. Fol'klorifrazeologiya // Ponyatiyesud'by v konteksteraznykhkul'tur [Concept of fate. Folklore and phraseology // The concept of fate in the context of different cultures]. Otv. red. N.D. Arutyunova. Moskva: Nauka, (p.p. 137–142).
- Kolesov, V.V. (2002). «Sud'ba» i «schast'ye» v russkoymental'nosti. Razmyshleniya o filosofii na perekrestke vtorogo I tret'yego tysyacheletiy. Sbornik k 75-letiyu prof. M.Ya. Korneyeva. Seriya «Mysliteli» [“Destiny” and “happiness” in the Russian mentality. Reflections on philosophy at the crossroads of the second and third millennia. Collection for the 75th anniversary of prof. M.Y. Korneev. Series "Thinkers"]. Vyp. 11. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoyefilosofskoyeobshchestvo. (p.p. 98–106).
- Kuznetsova, Ya. Yu. (2013). Mental'nayastruktura «Udacha – Neudacha» v russkoyital'yanskoyazykovykhkartinakhmira // VestnikNovosibirskogoped. un-ta. [Mental structure "Luck - Failure" in the Russian and Italian language pictures of the world // Bulletin of the Novosibirsk State. ped. university].No. 2(12). URL: www.vestnik.nspu.ru.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., Nikolaeva, E.K.(2010). Bol'shoyslovar' russkikhposlovits (BSRP) [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moskva: ZAO "OLMA Media Grupp".
- Rusakova, I.B. (2007). Kontsepty «schast'ye» – «neschast'ye» v lingvokul'turnomsoderzhaniiruskikhposlovits : dis. ... kand. filol. nauk. [The concepts of “happiness” – “misfortune” in the linguocultural content of Russian proverbs : dis. cand. philol. sciences].Moskva. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/koncepty-schaste-neschaste-v-lingvokulturnom-soderzhanii-russkikh-poslovic.html>
- Savenkova, L.B. (2000). Kontsept «schast'ye» v russkikhparemiyakh // Frazeologiya-2000. Mater. Vseros. nauch. konf. «Frazeologiyanarubezhevekov: dostizheniya, problemy, perspektivy» [The concept of "happiness" in the Russian proverbs // Phraseology-2000. Mater.of scientific conf. "Phraseology at the turn of the centuries: achievements, problems and prospects"]. Tula.(p.p. 103–106).
- Seliverstova, Ye.I. (2017). Prostranstvorusskoyposlovitsy: postoyanstvoizmenchivost' / nauch. red. V.M. Mokienko [The space of the Russian proverb: constancy and variability / scientific. ed. V.M. Mokienko].Izd. 2, ispr. idop. Moskva: FLINTA :Nauka.
- Slovar' russkogoyazyka (SRYA).(1983).[Dictionary of the Russian language]/ Pod red. A.P. Yevgen'yevoy. Izd. 2, ispr. idop.V 4 t. Moskva: Russkiyyazyk.
- Steksova, T.I. (1998). Nevol'nost' osushchestvleniyakaksrytayasemanticheskayakategoriyaiyeyeproyavleniye [The bondage of realization as a hidden semantic category and its manifestation]. Novosibirsk: Ed. NGPU.
- Tolstaya, S. M. (1994). «Glagolsud'by» i ikhkorrelyaty v yazykekul'tury //Ponyatiyesud'by v konteksteraznykhkul'tur [“Verbs of fate” and their correlates in the language of culture. The concept of fate in the context of different cultures]. Moskva. (p.p. 143–147).
- Urbanovich, G. I. (2007). Geneticheskayakarakteristikaleksiko-semanticheskogopolya «sud'ba, schast'ye, udacha» v russkomyazyke : dis. ... kand. filol. nauk [Genetic characteristics of the lexical-semantic field “fate, happiness, luck” in Russian: dis. ... cand. philol. sciences]. Moskva. (p.p.143–147).
- Bittnerová, D., Šindler, F. (1997). Českáprísloví. Soudobystavkonce 20. století. Praha: Karolinum.
- Česko-ruskýfrazeologickýslovník. (2002). / ValerijMokienko, AlfrédWurm. Olomouc: UniverzitaPalackého.
- Zaorálek, J. (1963). Lidovářčení. 2 vyd. Praha: Nakladelství ČAV.

Электронные ресурсы

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. [дата обращения 30.05.2019]

Electronic resources

NKRYA – National Corps of the Russian Language [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [date of access: 05.30.2019].

For citation:

Seliverstova, E. (2019) REPRESENTATIONS OF SUCCESS AND FAILURE IN RUSSIAN AND CZECH PHRASEOLOGY:WAYS OF EXPRESSING LIFE EXPERIENCE // International Scientific-Pedagogical Organization of

Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 15-21. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-15-21>

Для цитирования:

Селиверстова, Е. (2019) ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УДАЧЕ И НЕУДАЧЕ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОБРАЗНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 15-21. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-15-21>

Information about the author: Seliverstova Elena Ivanovna – Professor of Russian Language, Head of the Department of Russian language for the humanities and natural faculties of St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: selena754@inbox.ru

Сведения об авторе: Селиверстова Елена Ивановна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных фак-ов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: selena754@inbox.ru

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-21-23>

INFORMAL PAREMIA IN MODERN JAPANESE

Tatyana Gurevich

Doctor of Cultural Studies, Professor

Moscow State Institute of International Relations

(Moscow, Russia)

tmgur@mail.ru

Abstract: The subject of the study is an informal paremia in modern Japanese, presented in calendars. The goals and objectives of the paper are defined by the special attitude of the Japanese to slogans, catchphrases, which are widely used in everyday speech, public speaking, in anime and movies, newspaper articles and television broadcasts. The aim of the study is to identify the national-cultural specificity of these paremias. The methodological basis was the linguoculturological analysis, in which cultural and linguistic phenomena are viewed through the prism of mutual influence, using semantic, structural and descriptive methods. As a result of the study, certain sociolinguistic and pragmatic properties that are characteristic of informal paremia have been determined. The materials of the study allow us to conclude that paremias embody representation of Japanese speakers about the surrounding reality.

Key words: worldview, paremia, language, culture, calendar

НЕФОРМАЛЬНАЯ ПАРЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Татьяна Михайловна Гуревич

доктор культурологии, профессор

Московский государственный институт международных отношений

(Москва, Россия)

tmgur@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является неформальная паремия в современном японском языке, представленная в календарях. Цели и задачи статьи определяются особым отношением японцев к лозунгам (slogans), броским фразам (catchphrases), которые широко используются в повседневной речи, публичных выступлениях, в аниме и кинофильмах, газетных статьях и телепередачах. Целью исследования является выявление национально-культурной специфики этих паремий. Методологической основой послужил лингвокультурологический анализ, в котором феномены культуры и языковые явления рассматриваются сквозь призму взаимного влияния, использовались семантический, структурный и описательный методы. В результате исследования были определены некоторые социолингвистические и прагматические свойства, которые характерны для неформальной паремии. Материалы исследования позволяют сделать заключение о том, что паремии воплощают представления носителей японского языка об окружающей действительности.

Ключевые слова: мировосприятие, паремия, язык, культура, календарь

ВВЕДЕНИЕ. Неформальная паремия, к которой мы можно отнести часто цитируемые фразы из рекламы, текстов кинофильмов, аниме, популярных песен и выступлений политиков и общественных деятелей в купе с фразеологией выполняют роль культурного кода, дающего возможность субъекту речи идентифицировать себя с соответствующей лингвокультурной общностью, а изучающим язык лучше понять психологию людей, говорящих на этом языке.

В настоящее время, когда кодирование знаний все больше строится на рационалистической основе такая паремия приобретает особую значимость при знакомстве с любой, в частности, и с японской культурой, которая широко представлена в разнообразных календарях, имеющих большой спрос у японцев.

В отличие от других лексико-фразеологических средств языка, неформальные паремии относятся к сложным коммуникативным единицам, передающим определенную сложившуюся систему коннотаций. Подобно афоризмам, они не только называют те или иные явления, но зачастую направлены на формирование свойств и достоинств человека, которые ценятся в соответствующем обществе, осуждают недостатки социума, человека и его поведения. Возможно, исследование проблем, связанных с подобными коммуникативными единицами в терминах ценностных установок, представляется более оправданным с точки зрения некоторого лингвофилософского дискурса, но без такого исследования не обойтись и при решении вопросов прикладного характера, а именно – для выработки эффективной методики обучения иностранному языку. Преподавателям следует принять во внимание и то, что краткость паремий импонирует привычкам современной молодежи, испытывающей определенные трудности с освоением больших текстов.

В рамках данного исследования были рассмотрены неформальные паремии, представленные в разнообразных календарях, пользующихся большой популярностью у японцев, с целью выявления национально-культурной специфики обозначенных единиц.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ. Методологическую основу исследования составил лингвокультурологический анализ, в соответствии с которым феномены культуры и языковые явления рассматриваются сквозь призму взаимного влияния. В работе использовались семантический, структурный и описательный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИЯ. Современную педагогику, как и лингвистическую науку, отличает интерес к культурным кодам и стереотипам. Именно это и является основным элементом содержания японских календарей, являющихся прекрасным учебным материалом, способствующим освоению иноязычной языковой картины мира, средством воспитания и приобщения к культуре в самом широком смысле слова. Транслируя важную для социума информацию, они являют нам японское мировосприятие, служат авторитетным источником для изучения национального характера, иллюстрируют грамматические модели, смысловые нюансы лексики и фразеологии, а также часто встречающийся в публицистике приём *taigendome*, превращающий фразу в лозунг, который затем функционирует в качестве неформальной паремии.

Трудно перечислить виды ежедневных, еженедельных, ежемесячных, отрывных, настенных и настольных календарей, выходящих в Японии: художественные с репродукциями произведений искусства или фотографиями пейзажей, календари, посвященные актерам и фотомоделям, сумоистам, героям манга и аниме, различным видам спорта, кулинарии, архитектуре и прочее. В таких календарях есть достаточно много полезной и интересной информации по его теме, представлены пословицы и афоризмы с их толкованием и источником появления.

Среди источников наполнения паремиологического фонда подобных календарей можно назвать сочинения древних китайских мыслителей, библеизмы, поэзию и художественную литературу (как японскую, так и зарубежную), высказывания политических деятелей, военачальников, современную периодику и то, что сейчас называют лайфхаками, относящимися к самым разным сферам жизни.

Японские календари, мудрые наставления которых, представляя собой неформальные паремии, часто звучащие из уст японцев, знакомят и с законами природы, и с нормами поведения в обществе, рассказывают о хозяйстве и отношениях в семье, предупреждают об опасностях, дают медицинские рекомендации и советы, как уберечься от травм и сохранить здоровье.

Японские календари – это средство воспитания и приобщения к культуре, а нашим учащимся не менее, чем японцам, полезно познакомиться с ценностными установками, многие из которых выдержали испытание временем. Говоря о содержании мудрых сентенций, можно наглядно проследить сходство и различие в мировидении носителей русского и японского языков.

Для примера рассмотрим лист октябрьский календаря *kokoro-nokakugenreki* «Афоризмы для души» 2019 года, выпущенный издательством *kadensya*. Общим высказыванием для всего месяца является максима *Если слишком вглядываться в мелочи, не сможешь увидеть значительное*. Эта ставшая паремией фраза, которую последнее время достаточно часто можно услышать в выступлениях японских общественных деятелей, формирует принципиально новый для японцев взгляд на окружающий их мир. До сих пор было принято (Капана, 2004), что, в отличие от европейцев, которые смотрят на мир как птицы, охватывая взглядом всё сверху и сразу, японцы внимательны к мелочам, видят мир как маленькое насекомое или змея, ползающая по земле и разглядывающая мелкие детали всего, что попадает ей на глаза (Morita, 1998). С наступлением нового века, эпохи глобализма, японцы хотят научиться смотреть на мир глазами европейцев. Именно к этому и призывает их этот афоризм, уверенно входящий в новый активный словарь японского языка.

На каждый день месяца приходится какое-то высказывание, практически все из которых неоднократно дублируются на других страницах этого же календаря, повторяясь затем и в интернете, и на страницах газет, и в речи японцев.

На октябрьском листе календаря привычные паремии представлены тремя давно известными пословицами:

shitashikinaka-nimoreigiari— И в отношениях между близкими людьми существуют правила вежливости;
waraumon-niwafukukitaru— Туда, где смеются, приходит счастье;

kodomo-waoya-outsusukagami — Дети – зеркало родителей.

Очень много неформальных паремий на рассматриваемом листе напоминают о правилах поведения, дают этические рекомендации: *ookinakoe-deaisatsu-o* — приветствуй громким голосом;

isogasisa-okoojitsu-nisuruna — «занятость – не отговорка»; *terebi-okeshitekaiwa-o* — говори, выключив телевизор; *aite-nomi-ninattekangae* — думай с позиции собеседника; *yarutokimetarakyō-kara* — если решил что-то сделать, делай сегодня; *jikangenshyū-washinyō-nomoto* — строгое соблюдение времени – основа доверия; *matorenyakusokusuruna* — не давай невыполнимых обещаний; *jibun-nosekinin-wajibun-de* — свои обязанности выполняй сам.

Интересны и полезны также и лайфхаки – житейские советы, которые мы встречаем не только в этом календаре, но и в рекламе, на страницах газет, журналов, в частности посвященных вопросам здорового и правильного образа жизни: *suimin-wakisokutadashikuhachijikan* — спать надо восемь часов; *sesuji-onobashitearuku* — ходи с прямой спиной; *ofuro-nooyu-wayokujitsusentaku-ni* — горячую воду из офуро* – /используй/ на следующий день для стирки; *hamigaki-washyokugosugu-ni* — чистка зубов – сразу после еды; *toire-nisekaitizu-ohare* — в туалете повесь карту мира; *utsukushiisoyokki-wasyokuyoku-osusumeru* — красивая посуда способствует аппетиту; *terebi-oerandemiyō* — смотрим TV выборочно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что неформальная паремия, широко представленная как в средствах массовой информации, так и в привычных для японцев календарях, является прекрасным средством, помогающим лучше познакомиться с японской языковой картиной мира. Транслируя важную для социума информацию, она является инструментом для знакомства с национальным мировосприятием и авторитетным источником для изучения национального характера, в лаконичной форме отражающим размышления и вопросы, которые волнуют современных японцев, идеи, на которых воспитывается новое поколение этой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Kanaya T. (2004) .Eigo-nimoshyugo-wanakatta /И в английском языке не было подлежащего/. Tokyo: PHP bunkoo.

Morita Y. (1998). Nihonjin-no hassoo, Nihongo-nohyoogen /Выражение экспрессии в японском языке/. Tokyo: Iwanami shinshyo.

For citation:

Gurevich, T. (2019) INFORMAL PAREMIA IN MODERN JAPANESE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 21-23.

doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-21-23>

Для цитирования:

Гуревич, Т. М. (2019) НЕФОРМАЛЬНАЯ ПАРЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 21-23. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-21-23>

Information about the author: Tatyana Gurevich - Doctor of Cultural Studies, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

tmgur@mail.ru

Сведения об авторе: Гуревич Татьяна Михайловна - Доктор культурологии, профессор. Московский государственный институт международных отношений. Москва, Россия

tmgur@mail.ru

Manuscript received: 05/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-23-28>

PHRASEOLOGISMS WITH THE ZOONYM-COMPONENT IN RUSSIAN AND PERSIAN

Ekaterina Akimova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

(Tula, Russia)

e-mail: akimova.katrin@yandex.ru

Abstract. The author of the article conducts a comparative study of the phraseological material of two languages, in terms of the social norms of human behaviour, the system of values and the mentality reflected in the language. Identification of the specifics of animals in the system of phraseological means of characterizing a human being deepens knowledge of the human world. The object of the study were Russian and Persian phraseological units with the zoonym component as a means of interpreting cultural and symbolic representations in the mentality of Russian and Persian language societies.

Key words: *phraseologism, phraseological unit, zoonym, zoonym-component, picture of the world.*

* японская ванна, прямоугольная, более короткая и глубокая, чем европейская

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Екатерина Акимова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

(Тула, Россия)

e-mail: akimova.katrin@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи проводит сопоставительное изучение фразеологического материала двух языков, с точки зрения социальных норм человеческого поведения, системы ценностей и менталитета, отраженного в языке. Выявление специфики представлений о животных в системе фразеологических средств характеристики человека углубляет знания о мире людей. Объектом изучения стали русские и персидские фразеологизмы с компонентом-зоонимом как средства интерпретации культурно-символических представлений в менталитете русского и персидского языковых социумов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, зооним, компонент-зооним, картина мира

ВВЕДЕНИЕ. Изучение персидской и русской фразеологии позволяет нам глубже понять историю и характер народов, сравнить картинность и образность двух мировых языков.

Большая часть идиоматических выражений создавались народом, и потому в них нашли отражение интересы, взгляды, мысли, проблемы и заботы обычных людей.

Один из древних и обширных пластов лексики – зоонимы (наименования животных). Стараясь создать свой портрет, объяснить собственное и чужое поведение, раскрыть эмоции и чувства, охарактеризовать свои и чужие положительные и отрицательные поступки, человек сравнивал собственный мир с миром животных. Поэтому в различных языках мира существует большое число сравнений, пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом в своем составе.

Говоря о фразеологическом фонде русского и персидского языков, отметим значительное количество антропоцентрических фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом-зоонимом (корова, собака, кошка, волк, ворона, змея и др.). В большинстве фразеологизмов с таким компонентом встречается тип метафорического переноса, при котором названия животных употребляются для характеристики человека, обозначают черты внешности, являются символами моральных и интеллектуальных качеств (Salamatina, 2016).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом не только составляют обширную группу, но и отражают многовековые наблюдения людей за животным миром и человеческим обществом. Многие наименования животных стали устойчивыми сравнениями и метафорами, репрезентирующими человеческие качества. Ср.: рус. *как черепаха* (медленно двигаться), *как соловей* (красиво говорить или петь), *как лиса* (хитрый) и перс. *как сова* (зловещий), *как павлин* (красивый), *как слон* (трудолюбивый).

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами можно разделить на тематические группы:

1. ФЕ с зоонимами «Млекопитающие» (наименования домашних и диких животных);
2. ФЕ с зоонимами «Птицы» (наименования домашних и диких птиц);
3. ФЕ с зоонимами «Рептилии»;
4. ФЕ с зоонимами «Рыбы, членистоногие»;
5. ФЕ с зоонимами «Насекомые».

Наибольшее видовое разнообразие в русском и персидском языках получают первые две группы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Материалом исследования стали 50 русских и 80 персидских фразеологических единиц в следующих словарях: «Большой словарь крылатых слов русского языка» (Berkov et. al., 2000), «Большой фразеологический словарь русского языка» (Telia, 2006), «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (Frazeologicheskislovarusskogoyazyka, 1967), словарь «Крылатые слова» (AshukinandAshukina, 1987), «Русско-персидский словарь» (Voskanyan, 2012), «Персидско-русский словарь» (Rubinchik, 1970), «Фарси-русский фразеологический словарь» (Goleva, 2010). Общее количество проанализированных фразеологизмов составило 130 единиц.

Исследованием фразеологизмов с компонентами-зоонимами занимались многие ученые. Об этимологии зоонимов в славянских языках подробно говорит О.Н. Трубочев (Trubachev, 1960). В обширной работе Г.С. Голевой приводится большое число иллюстративных примеров из персидской художественной литературы, раскрывающих коммуникативно-функциональный статус фразеологизмов в персидском языке (Goleva, 2006). Зоонимы в немецком языке подробно проанализированы в работах Э.А. Кацитадзе (Katsitadze, 1985). Наибольшее внимание было уделено сравнению ФЕ с компонентом-зоонимом в русском и английском языках: в работах Г.М. Вишневской и Т.В. Федоровой (VishnevskayaandFedorova, 2010), Л.Р. Сакаевой (Sakaeva, 2008), Л.А. Саламатиной (Salamatina, 2016). Фразеологизмы с зоонимами, имеющими библейское и кораническое происхождение, в русском, французском и азербайджанском языках описаны в статье Г.Р. Садыховой (Sadykhova, 2012), сравнительный анализ фразеологизмов китайского и русского языков, содержащих зоонимы, представлен в работах Хао Цзяньчжуан и Е.Ю. Кошелевой (HaoandKosheleva, 2015), Ян И Лиин (YangILin, 2003).

МЕТОДЫ И ССЛЕДОВАНИЯ. В работе использованы сравнительный и описательный методы, реализованные через комплекс более частных методик и исследовательских приемов таких, как метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Наибольшее видовое разнообразие в русском и персидском языках получили зоонимы с компонентами «млекопитающие» и «птицы».

Помощники в русском крестьянском труде – конь, лошадь. Фразеологизмы с такими зоонимами репрезентируют отношение к работе, трудолюбие: *устал (работает) как лошадь, конь не валялся*.

Для носителей персидского языка основными домашними животными являются верблюд и осел. Многочисленную группу в персидской фразеологии составляют фразеологизмы с зоонимом *верблюд*. Например, *как верблюд* (злопамятный), *ходить как верблюд* (громко, шумно). Одной из самых распространенных в Афганистане ФЕ является вопросно-ответная реплика *Верблюда видел? – Нет, не видел*. Употребляется в случае, когда лучше пренебречь фактом, способным навредить. Происходит из рассказа об ученом, который путем умозаключений точно описал верблюда, которого никогда не видел. Хозяин верблюда, потерявший животное в пустыне, обвинил невиновного ученого в краже. Другому примеру из персидской фразеологии: *Верблуду сказали, что у него кривая шея, а он ответил: «А что у меня прямое?»* можно найти аналог в русском языке *Горбатого могила исправит*. Носитель персидского языка в данном случае акцентирует внимание на особенностях характера субъекта в сравнении с внешними данными. Аналогичную особенность восприятия образа животного можно проследить и на примере персидских фразеологизмов с зоонимом *осел*. Афганцы говорят: *Если осла Исы (Иисуса) отведешь в Мекку, он всё равно останется ослом* и *Читать ослу книгу бесполезно*. Отдельным персидским фразеологизмам можно найти аналоги в русской фразеологии. Ср.: перс. *Бог узнал, что творит осел, поэтому не дал ему рогов* и рус. *Бодливой корове Бог рог не дал*; перс. *Любовь осла – это бить задними ногами* и рус. *Бьет, значит, любит*.

Особое место и в русском, и в персидском фразеологическом фонде занимают единицы с компонентами *корова* и *бык*. Корова в русских фразеологизмах имеет такие качества, как: неуклюжесть, нелепость, громоздкость, всеядность, а также представлены её основные достоинства для человека, такие как мясо и молоко: *как корова на льду, как корове седло, как корова языком слизала, дойная корова*. Образ, создаваемый на основе данных фразеологизмов, представляется нейтральным, но с уклоном в отрицательную сторону. В персидском языке компонент *корова* чаще всего употребляется в составе паремий: *Чем больше мясников, тем меньше коров* (о взаимосвязи каких-либо явлений), перс. *Пока теленок станет коровой, сердце хозяина обольется кровью* (о трудностях воспитания детей). Интересно, что русскому выражению *сказка про белого бычка*, употребляемого в значении «бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение с одному и тому же» вполне соответствует персидское с абсолютно другим зоонимом – *история сорока попугаев*, – часто употребляемое для обозначения женских разговоров, которые характеризуются особой продолжительностью. Данные фразеологизмы наделены отрицательной коннотацией, хотя и употребляются в качестве шуточных. Напротив, персидская ФЕ *корова с белым лбом*, имея значение «о человеке, отличающемся от других, выделяющемся из толпы и хорошо узнаваемом (например, о богатом или ученом)» несет в себе, скорее, положительную коннотацию. Перс. *Бык и оселлучше людей, которые обижают друг друга* также имеет, с одной стороны, положительную оценку данных животных, но с другой стороны, отрицательно оценивает людей с определенными человеческими качествами.

Одним из самых распространенных в русской и персидской фразеологии является образ волка. И в русском, и в персидском языках существует фразеологизм *волк в овечьей шкуре*, пришедший в русскую фразеологию из Нового завета, а в персидскую из Корана. В Евангелии от Матфея сказано: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф., 7, 15), о лицемере, скрывающем свои хищные мысли под маской добродетели, кротости (Verkov et. al., 2000). Упоминается волк и в Коране как животное, от которого исходит опасность в самый неожиданный момент: «Он (Исхак) сказал: "Я буду в глубокой печали, если вы возьмёте его (сына Юсуфа) с собой, и, боюсь, если я доверю его вам, то съест его волк, когда вы будете невнимательны к нему"» (смысл 13 аята суры «Юсуф», тафсир «аль-Мунтахаб»). Зооним *волк* используется и в других персидских фразеологизмах со значением «лицемерие»: *волчье перемирие* (ср. рус. *крокодиловы слезы*). Намеренно и многократно подчеркивается несправимость волка. Ср. перс. *Волк всегда голодный* и рус. *Сколько волкани корми – он всё в лес смотрит / Волк каждый год линяет, а всё сер бывает*. В Афганистане говорят: *У волка не бывает дома без костей*, что значит: у каждого есть свой секрет (ср. рус. *скелет в шкафу*). Однако *волк* не всегда выступает в роли жестокого хищника. Как и в русском фольклоре, в представлении носителей персидского языка волк часто становится жертвой более хитрого животного – лисы, а иногда и вороны. Ср.: перс. *Лиса смеется надстарым волком; У вороны своя еда, а у волка общая*. Объяснением для последней фразеологической единицы является тот факт, что в природе ворона может есть свою пищу на дереве, где у нее никто ее не отнимет, в то время как добыча волка остается на земле доступной для каждого. Распространенной в русской и персидской фразеологии является противопоставление зоонимов *волк* и *овца* (например, рус. *Волки чуют, где овцы ночуют, Волк овец не соберет*). Рус. *И волки сыты, и овцы целы* имеет неоднозначное толкование. В библейских текстах овца была прототипом праведника и всем доверяющего человека, а волк – грешника и соблазнителя. Это две стороны, которые никогда не могут прийти к согласию, у них постоянно есть противоречия. Это поговорка о мудрости, о том, что можно безболезненно выйти из безвыходной, казалось бы, ситуации. С другой стороны, за время своего использования поговорка *и волки сыты, и овцы целы* немного преобразовалась, появилась концовка *и вечная память пастуху*. В современном мире эта поговорка используется для обозначения ситуации, когда компромисс был достигнут за счет каких-то серьезных жертв. Противопоставление волка и овцы снимается в персидском фразеологизме *Волк и овца пьют воду из одной кружки*, употребляемое в ситуации, когда «все равны в своих правах» (в русском

языке широко известен библеизм *Тогда волк будет жить вместе с ягненком* (Ис. 11:4-9), являющийся фрагментом пророчества о будущем Золотом веке, когда на земле исчезнут зло и горе).

Особый интерес представляют фразеологизмы с зоонимами *собака* и *кошка*. Представление о собаке как о существе гонимом, известно еще из Библии, а в современном русском языке наименование этого животного дает наибольшее число негативных коннотаций (Sakaeva, 2008). Собака, являясь первым животным, прирученным людьми, «сблизилась с человеком как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок. <...> Но у индоевропейцев сохранились также вплоть до появления письменных памятников, а в ряде случаев до наших дней, ясные следы религиозной роли собаки как животного, окружаемого высокими почестями, неприкосновенного, наделенного божественной силой» (Trubachev, 1960). Среди русских фразеологизмов зооним *собака* используется чаще в отрицательном или шутильном значении. Ср.: *как собак нерезаных* (много), *собака на сене* (о жадном человеке), *собаке собачья смерть* (о плохом человеке, получившем по заслугам). Отрицательные коннотации зоонима *собака* распространены и в персидском языке: *Желтаясобака – брат шакала* (о плохом человеке). Примечательно, что известному в русском языке фразеологизму *у кошки семь (девять) жизней* соответствует перс. ФЕ с зоонимом *собака*: *у собаки семь жизней*. Возможно, для русского человека корни представления о сверхъестественных способностях кошки идут из древнерусской мифологии, в которой кошки воспринимались как демонические существа.

Широко употребляются в последнее время в языке афганских, иранских и пакистанских политических СМИ единица *кошкин танец* в значении «совершение ненужных действий, приводящих к проблемам» (обычно о действиях правительственных структур в разрешении военных конфликтов). Широко известна среди афганцев и пословица *кошка ради Бога не ловит мышку*, которая используется часто в качестве ответа на какую-либо просьбу, которую сложно или нежелательно выполнять. Отметим, что фразеологизмы с зоонимами *кошка (кот)* чаще всего используются именно с отрицательной коннотацией, способствуя созданию образа человека, которому не стоит доверять. Ср.: перс. *доверить кошке мясо* (рус. *доверить волку стадо, пустить козла в огород*). О коварстве кота говорится в персидском фразеологизме *Если бы у кота были крылья, то небыло бы ни одной птицы*. В русской фразеологии зооним *кошка (кот)* тоже обладает отрицательными коннотациями: *чуёт кошка, чье мясо съела; не все коту Масленица, будет и Великий Пост*.

Достаточно многочисленной в русском и персидском языках является группа фразеологизмов с компонентами-зоонимами, называющими птиц. Ср. рус. *белая ворона, Всяк кулик свое болото хвалит, Курица не птица, баба не человек*, перс. *Ворон с вороном летает, а голубь с голубем* (аналог рус. *Конь до коня, а молодец до молодца*). Как показывают такие персидские паремии как *Вороны в собственном гнезде не кричат* (аналог рус. *Не выносить сор из избы*), *Ворона после появления детей в семье не наедается* (тема обеспечения и воспитания детей), зооним *ворона* у носителей персидского языка часто используется в связи с домашними и семейными вопросами, означает человека рационального. Напротив, в русской культуре фразеологизмы с компонентом *ворона* чаще всего способствуют созданию образа человека неразумного: *считать ворон* (ротозейничать), *ворон ртом ловить* (упускать благоприятный случай), *пугать ворон* (вызывать насмешки нелепым видом).

Особую популярность в современных афганских СМИ, освещающих вопросы культуры и образования, получила пословица *Ворона хотела научиться ходить, как куропатка, но забыла, как сама ходит*, что часто используется при выражении отрицательного отношения к слишком высокому интересу афганцев к культуре Запада и их отторжению от традиционной культуры. Широко распространено в Афганистане выражение *У (твоей) курицы одна нога*, произносимое обычно в разговоре с человеком, которого невозможно переспорить.

Особое место занимают во фразеологическом фонде ФЕ с компонентом-зоонимом, называющим рептилий, центральным образом среди которых выступает змея. Русскому выражению *отогреть змею на груди* семантически полностью соответствует перс. *вырастить змею в своем рукаве* (помочь человеку, который не заслуживал этого). Также семантическими аналогами являются рус. *змея подкодная* (о злобном, коварном, опасном человеке) и перс. *змея скрасивыми узорами* (обычно о злобной, коварной, опасной женщине). Невозможность исправления характера человека отражается и в персидской пословице *Змея оставляет свою кожу, но не свой характер* (ср. с рус. *Волк каждый год линяет, а всё сер бывает*). Однако в ряде случаев даже змея может быть лучше человека. Например, перс. *Плохая змея лучше плохого друга, Даже змея не кусает спящего*. Кроме того, любое коварство змеи, с точки зрения носителей персидского языка, рано или поздно наказывается, что нашло отражение в пословице *Змея жалит всех, но боится слепой лягушки*.

Менее широко, но также употребляются в речи носителей русского и персидского языков и фразеологизмы с зоонимом *рыба*. Рус. *молчит, как рыба* не требует особых объяснений. В персидском языке особое распространение получили ФЕ *Большая рыба глотает маленькую рыбу* (в значении «сильный побеждает слабого») и *В любое время вытаскивают свежую рыбу из воды* (обычно о бизнесмене, умеющем получить хорошую прибыль).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Метафоричность зооморфных фразеологизмов, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров и синтаксической структуры во многом обусловлена их сферой, основу которой составляет имплицитно выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывания животным определенных черт человеческого характера. В этнокультуре разных народов фразеологизмы, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах (Vishnevskaya and Fedorova, 2010).

Проведенный нами анализ показал, что высокая продуктивность использования названий домашних животных в составе ФЕ объясняется экстралингвистически: для русских людей – конь, лошадь, бык, корова, – а

для носителей персидского языка – осел, верблюд – играли важную роль в жизни, в частности, ведении домашнего хозяйства. Повадки животных, замечаемые людьми, и их сходства с человеческим поведением послужили основанием для образования фразеологизмов с компонентами-зоонимами.

Некоторые образы животных в своём культурном значении различны в русской и персидской культуре: неуклюжесть, нелепость в русских фразеологизмах репрезентирует зооним *корова*, а в персидском языке – *верблюд*; в русском языке зооним *ворона* характеризует человека, по разным причинам вызывающего насмешки, а в персидском языке образ *вороны* чаще связывается с семьей, воспитанием детей, домашним очагом, рациональностью.

В русском и персидском языках есть фразеологизмы, в составе которых используются названия различных животных, для обозначения идентичного культурного значения: у *собаки девять жизней* и рус. у *кошки девять жизней*; перс. *Бог узнал, что творит осел, поэтому не дал ему рогов* и рус. *Бодливой корове бог рог не дает*; перс. *доверить кошке мясо* и рус. *доверить волку стадо, пустить козла в огород*.

Проведенное исследование, включающее выявление и анализ корпуса фразеологизмов, отражающих представления о различных сферах жизни человека в русской и персидской языковой картине мира, показало, что ФЕ с компонентом-зоонимом формируют своеобразную зоонимическую фразеологическую картину, образную антропологическую модель мира, которая интерпретируется через образы животных. Зоонимические компоненты ФЕ репрезентируют национально-культурную специфику переносного значения фразеологизмов, описывая особенности внешности и характера человека посредством характеристики животных.

Национально-культурное содержание фразеологии во многом специфично для каждого языка и одним из способов его освоения является более широкое ознакомление с культурой народа-носителя языка путем сравнения друг с другом ФЕ. Результаты такого сравнения могли бы быть полезны в рамках изучения фразеологических систем разных языков и их национальных вариантов, что и является главной перспективой данного и последующих исследований.

LIST OF REFERENCES

- Ashukin N.S., Ashukina M.G. (1987) *Krilatie slova* [Winged words]. M., 526 p.
- Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. (2000) *Bolshoy slovar krilatih slov russkogo yazyka* [Great dictionary of winged words of the Russian language: about 4,000 units]. M. Russkie slovari, 624 p.
- Vishnevskaya G. M., Fedorova T. V. (2010) *Osobennosti konnotatsii angliiskih zoomorfnykh frazeologizmov* [Features of connotation of English zoomorphic phraseological units]. Electronic resource. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_issledovaniy/14_10/ (12.05.2019).
- Voskanyan G. A. (2012) *Russko-persidskiy slovar: okolo 30000 slov* [Russian-Persian dictionary: about 30,000 words]. Tehran, 867 p.
- Goleva G. S. (2010) *Farsi-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Farsi-Russian phraseological dictionary]. Electronic resource. URL: <https://www.twirpx.com/file/434632/> (12.05.2019).
- Goleva G. S. (2006) *Frazeologiya sovremennogo persidskogo yazyka* [Phraseology of the modern Persian language]. M., 224 p.
- Katsitadze, E. A. (1985) *Metaforizatsiya zoonimov v nemeckom yazyke*. [Metaphorization of zoonyms in the German language.: Autoref. dis. kand. Philo. sciences']. Tbilisi, 14 p.
- Klevtsova S. D. (1984) *Russko-persidskiy slovar* [Russian-Persian dictionary]. M., 872 p.
- Rubinichik Yu. A. (1970) *Persidsko-russkiy slovar* [Persian-Russian dictionary]. M., 1613 p.
- Sadykhova G. R. (2012) *Sopostavitelnyy analiz obrazov givotnih v Korane i Biblii (frazeologicheskiy aspekt)* [Comparative analysis of animal images in the Koran and the Bible (phraseological aspect)]. M. Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication., P. 136-144.
- Salamatina O. A. (2016) *Rol komponentov-zoonimov v formirovaniy obshego frazeologicheskogo znacheniya angliiskih frazeologicheskikh edinic* [The Role component-zoonyms in the formation omegaresearch the meanings of English idioms]. *InternationalstudentscientificBulletin*. №5-3. P. 428-430.
- Sakaeva L. R. (2008) *Phrazeologizmi s componentami-zoonimami, opisivaiushie cheloveka kak object sopostavitelnogo analiza russkogo i angliyskogo yazykov* [Phraseological Units with components of zoonyms, describing a person as an object of comparative analysis of Russian and English languages]. *News of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen*. P. 43-47.
- Telia V. N. (2006) *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language]. M., 782 p.
- Trubachev O. N. (1960) *Proishogdenie nazvaniy domashnih givotnih v slavianskih yazykah* [The origin of the names of Pets in Slavic languages (etymological studies)]. M.
- Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* (1967) [Phraseological dictionary of the Russian language: more than 4000 entries/edited by A. I. Molotkov]. M.
- Hao Z., Kosheleva E. Y. (2015) *Phrazeolocizmi kitaiskogo i russkogo yazykov, sodergashih zoonimi: sopostavitelnyy analiz* [Idioms of Russian and Chinese languages containing the names of: a comparative analysis] *The Young scientist*. №11. P. 1701-1703. URL <https://moluch.ru/archive/91/19890/> (30.05.2019).
- Yang I Lin (2003) *Sopostavitelnyy analiz russkih i kitaiskih phrazeologizmov s zoonimami* [Comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units with zoonyms. Abstract of the thesis for the degree of master of arts]. Taipei, 19 p.

For citation:

Akimova, E. (2019) PHRASEOLOGISMS WITH THE ZOONIM-COMPONENT IN RUSSIAN AND PERSIAN // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019).* p.23-28. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-23-28>

Для цитирования:

Акимова, Е. (2019) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 23-28. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-23-28>

Information about the author: Ekaterina Akimova - Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

akimova.katrin@yandex.ru

Сведения об авторе: Екатерина Акимова - Кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого Россия

akimova.katrin@yandex.ru

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-28-31>

PRESENTATION OF THE CONCEPT OF "BEAUTY" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY

Olga Andryuchshenko

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pavlodar State Pedagogical University

(Pavlodar, Kazakhstan)

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Abstract. This work deals with the analysis of the aesthetic evaluation based on the example of the concept of "beauty". According to the author, the linguistic expression of aesthetic evaluation falls into the embodiment of the concept of "beauty" in its two forms (beautiful - ugly), and the combined embodiment of this concept (in various combinations with the concepts of "good", "evil", "appearance", "nature", "art", "health", "soul", "mind"). General characteristics of the concept of "beauty" in the English and Russian linguistic cultures are confined to, based on the phraseology analysis, matching it with the ideal and ambivalent characterization of beautiful appearance (recognition of possible moral deficiencies with the external beauty).

Ключевые слова: *idiom, aesthetic evaluation, linguistic culture, beauty, concept*

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ольга Андрищенко

Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор

Павлодарский государственный педагогический университет

(Павлодар, Казахстан)

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу эстетической оценки на примере концепта «красота». Показано, что языковое выражение эстетической оценки распадается на воплощение концепта «красота» в его двух ипостасях (прекрасное – безобразное) и комбинированное воплощение этого концепта (в различных сочетаниях с концептами «добро», «зло», «внешность», «природа», «искусство», «здоровье», «душа», «ум»). Общие характеристики концепта «красота» в английской и русской лингвокультурах на основе анализа фразеологизмов сводятся к отождествлению его с идеалом и амбивалентной характеристике красивой внешности (признанию возможных моральных недостатков при внешней красоте).

Ключевые слова: *фразеологизм, эстетическая оценка, лингвокультура, красота, концепт*

INTRODUCTION. Evaluation, as a logical-philosophical category, may be traced back to the works of ancient thinkers, but still continues to be a source of interest and attention of researchers. The category of evaluation became the object of attention of linguistics in the 20th century. The evaluation meaning problem became particularly relevant in the second half of the 20th century as part of the general problem.

Aesthetic evaluation is a complex phenomenon, which finds different ways of expression in the language, has a certain structure, partly coinciding in the English and Russian languages and linguistic consciousness of different groups of society. As a linguistic category, evaluation is associated with human thinking, practical activities, social and cultural reality, on the other hand. It can be considered an ontological property of the person who cannot but evaluate the world around him in his cognitive activity. Human consciousness in its realisation and systematization of reality initially tries to determine the specific object, its attributes, every phenomenon from the point of view of a number of universal human categories. In this regard, the topic of the scientific work seems to be relevant because it allows to explore the linguistic units from the axiological point of view.

The object of our study is the linguocultural concept of "beauty" in the English and Russian linguistic world view. As research material we used phraseological units with "beauty" conceptual component as an aesthetic category, embodied in the dichotomy of "beautiful - ugly".

REVIEW OF LITERATURE. It must be said that at the present stage of development of linguistics features of the conceptualization of the world in language have been demonstrated based on a huge actual material. The development of semantics resulted in a description of whole semantic fields, or fragments of linguistic world view presented in the literary European languages, as well as a comparison of these fields in different languages (works of Yu.D. Apresyan, researches of A. Wierzbicka, V.G. Gak, V.Z. Sannikov, E. Yakovleva).

However, the study of linguistic models of the world is not limited to description and typological comparison thereof, they also become the subject of interpretation in the framework of the whole complex of the human sciences. The linguistic world view of a language is considered in the context of mythology, folklore, and culture of the given nation. Sometimes the world view is understood as a direct reflection of the people's psychology (works by F. Boas, E. Sepir, B. Whorf, H. Hoyer, research of N.I. Tolstoy, S.M. Tolstoy, works by S.E. Nikitina, T.V. Tsivyan, I.A. Bartminsky, N.D. Arutyunova).

A special direction in the study of linguistic models of the world is the restoration of its fragments in the language. These are fragments belonging to the material culture of the people, to the relationships within the family, the family (works by E. Benvenist, O. N. Trubachev, T. N. Gamkrelidze). Also, attempts are made to restore the people's archaic understanding of the world. Idioms are an undoubtedly valuable source for the analysis of these concepts as speech codes that describe the naive world view of the people.

Since the 60's, the problem of the world view has been considered within semiotics in the study of primary modeling systems (language) and secondary modeling systems (myth, religion, folklore, poetry, prose etc.). Proponents of this approach (B.A. Uspensky, Yu.M. Lotman) interpret culture as a "non-hereditary memory of the group of people", and consider the structural organization of the surrounding world as its main task, which finds expression in the concept of the world model. We adhere to the provisions of this research, because we believe that secondary modeling systems bear the imprint of culture and reflect the people's understanding of the outside world.

RESEARCH METHODS. The following methods were used in the research: method of analysis and synthesis of theoretical material used to summarize the results of the currently available research; continuous sampling method, which allows to select the exact, representative examples to illustrate the linguistic phenomena; descriptive analytical method, including observation of analyzed linguistic phenomena, their analysis and classification, as well as the interpretation of the results with a view to identify the specificity of texts of gender oriented magazines; quantitative analysis by means of which the frequency of certain linguistic phenomena is determined.

RESULTS AND DISCUSSION. About 250 idioms of the total scope of phraseological units of the Russian and English languages have a meaning of qualitative evaluation of actions and manners of behavior, one way or another associated with the concept of "beautiful/ugly". Idioms of this type are the subject of our study. They are considered from the point of view of semantic characteristics, categorical values and system associations. This paper deals with words featuring specific semantics that expresses aesthetic evaluation. Their meaning includes an indication of the object of evaluation. We have considered the words, providing for explicit evaluation of the subject or object (beautiful, wonderful, ugly, disgusting, terrible).

The national concept of beauty reflected in idioms is inextricably linked with the concepts of appearance, behavior and inner world. I.S. Kon notes that the appearance is "a valuation of the basic properties and qualities of the inner world" (Kon, 1980).

As is known, beautiful and ugly are the sensually perceived phenomena rousing delight or disgust when evaluating appearance. People perceive other people visually in the first place (Demyankov 2004). Such preliminary valuation of results in the subject's conclusion on whether he or she likes or dislikes the object of perception. Vision is demonstrated as the main way of aesthetic perception in such expressions as: *pleasure to look, feast for the eyes, picture-perfect, can't take my eyes off, die for; go against the hair, offend their eye view, a sickening view.*

The first group consists of idioms that describe a person's appearance. A handsome man in Russian phraseologisms is described as young and active: *in one's prime, in the full of one's health.* Beautiful appearance of the person is described by collocations associated with the perception of art as harmony: *a picture of a man, a picture of a woman, divine beauty, pin-up beauty, pure masterpiece, demonic beauty.* An idea of unearthly beauty reflected in the comparative expressions is associated with images of mythology and religion: *handsome like a god, like a cherub, like an angel.* The aesthetic valuation contained in the semantics of these units is accompanied by an ethical valuation: angelic beauty involves spirituality, kindness, tenderness; whereas demonic means destructive power, sensuous physicality.

The perception of female and male beauty is different in the Russian culture. Kovshova M.L. suggests that the male beauty is not only visible, but also tangible: somatic or bodily metaphor underlies such idioms as *musclebound person, admirable chest, door-wide shoulders, young blood* etc. The main object of contemplation in aesthetic evaluation of men is body, which must be strong, muscular. Military or sports metaphor underlies such collocations as *athletic body, Herculean body*, etc. "A strong, healthy man can be lean, but it does not spoil his appearance if his body is rapid, moving like mercury (Kovshova 2002).

The beauty of the female body is as tangible, tactual: *light, airy, graceful, delicate, soft, gentle body.* Notions of beauty of a mature woman are reflected in fixed collocations containing food metaphor: *luxuriant, crispy, rich, vigorous body.* Girlish slimness, smooth, graceful gait are depicted in the following phraseology units: *Even like pine, slender as a peahen, swan pace.*

Ugliness of man as opposed to the harmonious appearance is reflected in such idioms as *ugly as sin; not good enough; freak show; like a demon, dress up like a hobgoblin*.

The ugly body, as the subject of aesthetic evaluation, is the body of a lazy, inactive or old, ailing person. Idler's and glutton's body loses its inherent proportions: gluttony, sloth, idleness makes a person graceless, disgusting, and ugly. In fixed comparative collocations of zoomorphic nature an inactive man is likened to an elephant, bear, bull, pig, hog, boar, fatted turkey. A woman with uncontrolled passion for food is described by a popular collocation "*fat like a pig*". Body proportions of an inactive person also become the object of description in Russian phraseologisms: *as fat as a pig, hog fat, won't fit in the doorway, cheeks are visible from behind*.

Appearance of an ugly person coincides with the appearance of an unhealthy person and is described by fixed collocations containing the following words: *frail, thin, gaunt, bony, skinny*. The image of the bad/ugly brings together a large group of idioms: *about to fall apart, look like death warmed up, walking corpse*. Very thin, ugly human body is compared to *a match, sliver, skeleton, Koshchei the Immortal*. The largest group includes idioms with reference bone component: *skin and bones; bone bag; bone rattling; bald-rib*. The image of these idioms is based on the impossibility of identifying the skin and bones with the body of a healthy beautiful person. Change, body loss correlates with the idea of its destruction, and makes it possible to assert that in the Russian world view an unhealthy person is unpleasant as an object of contemplation.

Thus, in Russian phraseology the following images are singled out underlying the concept of "beauty": youth; good health; piece of art; comparison with god; comparison with noble animals and birds.

Negative aesthetic evaluation is recorded in the following features: poor health; congenital physical defect; excess and insufficient height and weight; lack of taste in clothes.

According to the English phraseological dictionaries, and special studies of phraseological nomination of a person's appearance, the number of phraseological units denoting aesthetic evaluation in English is very small (Katermina 2002). A study of English phraseological material reveals the following provisions. A special attention is paid to the beautiful appearance of man. Beautiful appearance of the person is expressed by the following comparative collocations: *graceful as a swan, as pretty as picture, as handsome as a young Greek god, as handsome as paint, as shining as star*. It seems that the most important in the description of a person's appearance are those visually contemplated characteristics that lend themselves to comparison with the standard or existing image of a young Greek god, graceful swan, piece of art.

Appearance of an ugly person is expressed in the following idioms in the English language: *ugly as a scarecrow, ugly as a toad, ugly as a dead monkey, ugly as sin*. Ugly appearance is compared with a bogey, a toad, a dead monkey, sin, which indicates the negative aesthetic evaluation in the English linguistic world view.

The lack of health is the main semantic component in describing the ugly man using phraseologisms in both cultures. The image of the ugly man is described by a wide group of idioms, we present some of them as examples: *bag of bones, walking corps (skeleton), one of the pharaoh's lean kine*. As in Russian, in English phraseologisms beauty is associated with health, and they have "ugly and lean" in their composition. *bean-steak, string bean, bare-bone, barber's cat*.

Having compared phraseological designation of aesthetic evaluation in English and Russian phraseologisms, we can infer a significant coincidence of these units, and differences relating to the concept of "health" (this concept is used more actively in the Russian linguistic culture) and "age" concept (the concept increasingly associated with the idea of appearance in the English linguistic culture).

CONCLUSION. Our research resulted in the following conclusions. From the standpoint of cultural linguistics one can distinguish aesthetic linguistic world view as a kind of understanding of the world, recorded in the meanings of linguistic units. The unit of the aesthetic linguistic world view is the aesthetic component of the concept featuring image-perceptual, conceptual and evaluation components. Aesthetic evaluation of reality is expressed in two basic modes - admiration and disgust - and, in essence, is emotionally experienced sensory perception of the world.

The main way of linguistic realization of the concept of "beauty" is lexical semantics. This concept is represented in the meanings of the words in two basic varieties, corresponding to categories of aesthetics - beautiful and ugly. Nominative density of this concept in its positive-evaluation part is approximately equal to such density in its negative-evaluation part in both the English and Russian linguistic cultures.

The linguistic expression of aesthetic evaluation falls into the specific embodiment of the concept of "beauty" in its two forms (beautiful - ugly), and the combined embodiment of this concept (in various combinations with the concepts of "good", "evil", "appearance", "nature", "art", "health", "soul", "mind").

General characteristics of the concept of "beauty" in comparative linguistic cultures are confined to equation with the ideal, intense refinements, ambivalent characteristic of beautiful appearance (recognition of possible moral deficiencies with the external beauty) with respect to the positive aesthetic evaluation and fear of a very ugly appearance and neglect in relation to the ordinary appearance in relation to the negative aesthetic evaluation.

Phraseological units, embodying the concept of "beauty" in the compared linguistic cultures, concretize it through comparisons with works of art, divinity, flowers and stars, precious birds and animals. Ugly appearance of man is likened to a dirty, repulsive animal. Ugly objects are frequently compared to death and mortal sin. For the Russian linguistic consciousness of great importance is health as the basis of beauty, while youth is of great importance for the English.

LIST OF REFERENCES

Demjankov V. (2004) *Plenitel'nyy analiz yazyka. YAzyki ehstetiki: Konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo*. Moscow: Indrik, p. 169-209.

Katermina V. (2002) *Ideograficheskiy slovar' slovesnoj i frazeologicheskoy nominacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)*. Krasnodar: KubGU, p. 119

Kon I. (1980) *Druzhba: Etiko-psihologicheskij ocherk*. Moscow: Politizdat, p. 255.

Kovshova M. (2002) *Idioma kak kul'turnyj tekst: opyt medlennogo chteniya* // *Frazeologiya i miroponimanie naroda. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Frazeologicheskaya kartina mira*. Tula: TPGU im. L.N. Tolstogo, p. 143.

For citation:

Andryuchshenko, O. (2019) PRESENTATION OF THE CONCEPT OF "BEAUTY" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.28-31. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-28-31>

Для цитирования:

Андрющенко, О. (2019) ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 28-31. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-28-31>

Information about the author: Olga Andryuchshenko - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Сведения об авторе: Ольга Андрющенко - кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

**RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1ST AND 2ND
PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY**

Irina Graneva

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer

National Research Lobachevsky State University

of Nizhni Novgorod

(Nizhni Novgorod, Russia)

e-mail: irina.graneva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to contrastive linguo-culturological analysis of Russian and Czech personal and possessive the 1st and 2nd person pronouns as components of phraseological units in terms of expressing culturally-important meanings. The purpose of the study is to consider linguo-cultural similarities and distinctions in ways of phraseological representations of the whole complex of nationally conditioned senses correlated with especial marking, selecting of the circle, the world of "mine, our own" and its opposition to "aliens", conceptual antinomy of my, our values and the others' ones. The methods of the communicative-pragmatic analysis, cognitive analysis of the "language of culture," referential analysis, conceptual analysis, functional-stylistic analysis of phraseological units are used. It is proved that the analyzed Russian pronouns in phraseological units express a complex of national cultural-value meanings associated with particular prominence of the world of "our own" (circle "ours") and its opposition to "other" to a greater degree than Czech ones.

Keywords: personal and possessive pronouns; phraseological units; contrastive linguoculturology; Russian language; Czech language

РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ирина Юрьевна Гранева
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)
e-mail: irina.graneva@mail.ru

Аннотация: В работе освещаются возможности русских личных и притяжательных местоимений *мы, вы, наш, ваш* и их чешских соответствий, которые выступают в особых типах нереперентных употреблений в составе фразеологизмов и коллокаций (при выражении культурно значимой информации). Цель исследования — рассмотреть лингвокультурные сходства и различия в способах фразеологической репрезентации русскими и чешскими личными и притяжательными местоимениями I и II лица целого комплекса национально обусловленных смыслов, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим», концептуальной оппозиции ценностей «своего мира» и «мира чужого». Используются методы коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа «языка культуры», референтного анализа, концептуального анализа, функционально-стилистического анализа фразеологических единиц.

Ключевые слова: личные и притяжательные местоимения; фразеологизмы; контрастивная лингвокультурология; русский язык; чешский язык

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена возможности русских личных и притяжательных местоимений *мы, вы, наш, ваш* и их чешских соответствий, выступающих в особых типах нереперентных употреблений в составе фразеологизмов и коллокаций при выражении культурно значимой информации.

Особую роль в выражении национально-культурной специфики взгляда на мир, отраженного через призму этнического языка, играет фразеологический фонд языка, что доказано в пионерских работах В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой (Teliya 1996; Kovshova 2013) и др.

В составе фразеологизмов и фразеологизованных вводных и служебных слов интересующие нас местоимения I и II лица утрачивают свою первичную референтную функцию маркировать непосредственных участников коммуникации и становятся выразителями культурно значимой семантики в плане национально обусловленных речевых стратегий носителей языка. В процессах фразеологизации местоимение не только утрачивает дейктическую функцию, но и вообще перестает быть самостоятельной лексической единицей, становясь выразителем особого типа значения — фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы.

Каждое из указанных местоимений уже и до стадии фразеологизации отличается особой культурной маркированностью, потому что ориентировано на выражение ценностных ориентиров и идеологических приоритетов для носителей языка: тем в большей степени этот потенциал реализуется, когда эти единицы, как раз в силу своей значимости для говорящих, и закрепляются в языковых клише и устойчивых выражениях. При этом на возможности местоимений участвовать в выражении культурно значимой информации существенно влияют системные свойства грамматики сравниваемых языков и особенности моделей употребления устойчивых выражений в узусе: даже такие сходные в генетическом смысле славянские языки, как русский и чешский, обнаруживают существенное своеобразие в использовании личных и притяжательных местоимений в плане выражения интересующего нас культурного потенциала.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Наше исследование связано с весьма востребованными в современной парадигме лингвистического знания идеями в области сопоставительного лингвокультурологического изучения фразеологизмов через призму национально-культурной специфики. Это направление активизировалось в отечественной лингвистике в 80-е–90-е гг. XX в. — см., например, работы Н.Ю. Пятницкой (Pyatnitskaya 1987), Д.О. Добровольского (Dobrovolskiy 1997) и др. Современное состояние вопроса отражено в диссертации Г. К. Гизатовой «Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии» (Gizatova 2010) и обобщено в обзорной статье Т.Н. Федулenkовой и И. В. Бечиной «Современные направления в изучении фразеологии» (Fedulenkova, Vechina 2011).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА, МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретической основой исследования являются методологические положения А. Вежбицкой об описании культуры через посредство естественного языка (Wierzbicka 1997), идеи лингвокультурологического описания фразеологизмов, заложенные в трудах В.Н. Телия и ее научной школы (Teliya 1996), принципы языковой концептуализации мира, изложенные в работах (Apresyan 1995; Radbil 2016).

Методы исследования определяются общими методологическими принципами, согласно которым к анализу семантики и функций местоимений как единиц дейктического типа необходимо привлекать коммуникативно-прагматический подход. В числе методов, использованных в данной работе, также следует назвать метод когнитивного анализа «языка культуры» (Wierzbicka 1997), метод логического анализа языка (референциальный анализ) (Paducheva 1985) и метод функционально-стилистического анализа семантики фразеологизмов (Teliya 1996).

Материалы исследования — данные русских и чешских толковых и фразеологических словарей, а также результаты нашего собственного Интернет-мониторинга языковых данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

1. Личные и притяжательные местоимения I лица единственного числа

Местоимения Я и МОЙ в составе русских устойчивых сочетаний и фразеологизованных конструкций выражают целый комплекс национально обусловленных культурно ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью позиции говорящего, с особой значимостью его мира.

Так, местоимение Я используется в разговорной речи как неосознанное мерило ценностей, как критерий значимости явлений окружающего мира — ср., например, *по мне* — т.е. по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус. Этот ценностный стереотип выражен в междометных употреблении выражений, включающих в состав косвенные падежные формы Я: *Уж этот (это, эти) мне кто-, что-либо* — ср., например: *Ох уж эта мне работа!*

Падежные формы от Я, входя в состав фразеологизмов, участвуют в самых разных аспектах выражения позиции говорящего по отношению к миру: *Будет с меня* — в значении достаточности чего-либо с позиции говорящего; *Будь / не будь я тем-то или такой-то* — в значении гипотетической возможности относиться или вести себя в соответствии с нормами, устанавливаемыми опять же говорящим. В просторечном употреблении также есть фразеологизм *Я не я (лошадь не моя)* — в значении 'ничего не знаю, не имею никакого отношения к чему-либо', который выражает идею активного эмоционального нежелания признавать свою ответственность за что-либо. В чешском языке сходный культурный смысл выражается коллокацией *Mě se to netýká* 'Я тут ни при чём', причем в связи со спецификой чешской грамматики субъект здесь передается косвенным падежом — *me* (= мне).

Идею особой значимости мира говорящего, его системы ценностей выражают и фразеологизмы с компонентом МОЙ. Притяжательность как семантический компонент данного местоимения усиливает возможность выражения значимости своего Я, своего мира, в противовес чужому. Все, что так или иначе соотносится с моими ценностями, привычками, интересами и пристрастиями, выступает как позитивно-оцениваемое явление, и эта культурная установка отражается в фразеологизмах с местоимением МОЙ. Эта идея ярко эксплицируется в фразеологизме: *Человек моего / не моего круга*. Показательным в этом плане является и фразеологизм *Моя взяла* в значении 'Я победила (победила), одержал (одержала) верх' или *Все вышло по-моему!* В свою очередь, устойчивые выражения *В мои годы, в мое время* не просто констатируют временной промежуток, о котором идет речь, но выражают позитивное ценностно-заинтересованное отношение к этому промежутку. Аналогично — эмоционально-экспрессивное восклицание *Моя работа!*

Фразеологизмы с компонентом МОЙ также демонстрируют, что человеческое «Я» является естественным центром мира и критерием ценностей: *Поживи с моё!* не просто выражает пожелание прожить столько же, сколько я, но и утверждает значимость, безусловную ценность собственной жизни, собственного опыта, в сравнении с собеседником. Аналогично — в фразеологизме *До моего (дожить, дотянуть и т. п.) 'до моих лет'*. Эмоциональное вовлечение в «свой круг» какого-л. другого лица выражают ласкательные устойчивые сочетания по модели *Мой свет, / мое золотице, мой мальчик* и пр. Похожие явления мы наблюдаем и в чешском языке — ср., например: *Ty moje sluníčko!* (= Ты мое солнышко).

Безусловная культурная ценность идеи МОЕГО обуславливает образование эмоционально-экспрессивных этикетных форм типа *Мое почтение / Má úcta!*, или междометий, выражающих самый разный спектр значений: *Боже мой! / Мой бог!* В этих типах употребления обнаруживаются почти полные русские и чешские параллели — ср. чешские *Má úcta!*, (*Má poklona!* (= Мое почтение) или *Bože můj! / Můj ty bože!* (= Боже мой! / Мой бог!).

2. Личные и притяжательные местоимения II лица единственного числа

Другую сторону «русского мира ценностей», связанную с установкой на повышенную эмоциональность общения, на душевность, не предпочтение неформальности и неофициальности коммуникации, на эмпатию по отношению к другому, отражена в фразеологизмах с местоимениями ТЫ и ТВОЙ.

Не случайно именно местоимение ТЫ выступает мерилом перехода к высокой степени неформальности отношений в фразеологизмах: *Быть, переходить* и т. п. *на ты с кем-либо, говорить ты кому-либо*. Эту же культурную ценность «русского мира» выражает устойчивое выражение *Выпить, пить на ты с кем-либо* — в значении 'закрепить дружбу, добрые отношения особым застольным обрядом, после которого обращаются друг к другу на «ты»; то же, что выпить, пить и т. п. на брудершафт'.

ТЫ также широко присутствует в разного рода междометийных конструкциях с неопределенным эмоционально-экспрессивным значением: *Ах / ух ты!* — восклицание, выражающее удивление, испуг, радость и т.п. У этой коллокации имеется чешский эквивалент *Ty brd'o!* Во всех вышеуказанных случаях эксплуатируется так называемое «обобщенно-личное» ТЫ, которое маркирует расширение позиции адресата до неопределенно большого круга людей, включая и говорящего, как Я.

С другой стороны, местоимения ТЫ и ТВОЙ естественным образом участвуют в создании негативно-оценочных фразеологизмов, порождая фамильярно-пренебрежительные, грубые и инвективные обороты. См., например, междометные употребления: *Вот тебе (те) (и) на!* — удивление чему-то неожиданному; *Вот тебе!* — злорадство и пр.; *На тебе!* — негативная реакция на кого-л. / что-л.; *Ну тебя!* восклицание, обозначающее: отстань, отстаньте. В чешском языке в семантически и прагматически эквивалентной конструкции местоимение ТЫ закономерно исчезает, так как в чешской грамматике личное местоимение I или II лица при глагольной форме вообще вербализуется в исключительных случаях. *A tady to máš!* (дословно 'Вот ты и здесь!', где II л. ед. ч. выражено только личной глагольной формой).

В этих и других схожих случаях эксплуатируются так называемые «панибратские», или фамильярные, употребления ТЫ (и ТВОЙ), служащие для понижения статуса собеседника в целях нанесения ему коммуникативного вреда, т.е. в целях речевой агрессии — оскорбительной инвективы: *Иди ты на...*, ритуальных форм божбы (клятвы): *Вот те крест!* — или проклятий: *Чтоб тебя разорвало....* (или сокращенное — *Чтоб тебя...*); *Чтоб тебе (те) пусто (было)!* Ср. в чешском эквиваленте *Táhni k čertu!*, где повелительное наклонение глагола употреблено опять же без местоимения II л. Чешский аналог русской междометийной коллокации *Ишь ты!* вообще передается посредством другой внутренней формы, без ТЫ: *Koukni!* (буквально — ‘Смотри!’).

3. Личные и притяжательные местоимения I лица множественного числа

Местоимение МЫ для русского мира вообще обладает повышенной культурной значимостью, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости (Stepanov 1997). Это также отражено и во фразеологизмах с местоимением МЫ. Косвенная предположно-падежная форма от МЫ выражает значимую для русских людей идею объединения людей по общности духа или по другим, существенно важным признакам. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п.’. Примечательным в плане выражения ценностей является многозначное устойчивое выражение *между нами*: как наречие, оно употребляется в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’, в вводном слове в сокращенном варианте или в полном (*между нами говоря*) оно употребляется при упоминании о чем-либо, что должно остаться известным лишь очень узкому кругу лиц, и наконец как предикатив — употребляется, когда речь идет о сохранности чего-л. в тайне. Нетрудно заметить, что образный потенциал МЫ как носителя идеи общности людей по культурно значимому признаку для выражения этих значений используется неслучайно.

Также МЫ в составе фразеологизмов отражает определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда МЫ употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении ‘Я’ (Я как один человек условно равен по значимости многим). Эта установка проявляется в фразеологизованных моделях устойчивых сочетаний типа *Знаем мы вас* и пр.

Аналогичные возможности выражать культурно-значимую информацию в составе устойчивых выражений демонстрирует и притяжательное местоимение НАШ. Так, значимая для говорящего сфера своего мира, своего круга отражена в фразеологизме *На наших глазах* — в значении ‘На виду у нас, в настоящее время (с точки зрения говорящего лица)’, где говорящий вовлекает в круг неопределенно большого количества людей в свой кругозор, в свое поле зрения (вы, конечно, видите то же, что и я, потому что мы с вами — одно). Веру в правильность установок и действий «нашего круга» отражает шутивая поговорка *где наша не пропадала*, выражающего надежду на успех в безнадежном деле. Человек не как индивидуум, а как представитель своей группы отражен, например, в просторечной шутилой форме этикетного приветствия *Наше вам (почтение)*, в более «игривом» варианте — *Наше вам с кисточкой!* (приветствие при встрече).

Идея общности людей на основе духовной близости выражена в фразеологизме *наш парень* — в значении ‘близкий, свой, которому можно доверять’. Аналогично — в просторечном фразеологизме *Наш брат* — о человеке или группе людей, имеющих что-либо общее (с точки зрения говорящего лица). Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших!* — выражает гордость за поступки или действия представителей нашей общности людей. Аналогично *Наша взяла (берет)* — о том, что представители нашей группы (в социальной психологии это именуется «ингруппа», в противоположность «другим», чужим — «аутгруппе») одерживают верх в чем-л. Отметим, что чешский аналог снова исключает местоименную форму из состава фразеологизма, выражая идею I л. мн. ч. посредством глагольной формы: *máme navrch*, (буквально ‘имеем верх’, ср. русское *взяли верх*).

4. Личные и притяжательные местоимения II лица множественного числа

Фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения ВЫ и ВАШ, по особенностям выражаемой ими культурной информации в известном смысле противопоставлены фразеологизмам с компонентами МЫ и НАШ. Об этом свидетельствуют, например, образуемые с помощью этих местоимений оппозиции типа *у вас — у нас, не наше дело — не ваше дело, ваша взяла — наша взяла, ваш брат — наш брат* и пр. Эти фразеологизмы выражают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, т.е. отстранение и снижение ценностей другой, противопоставленной группы (аутгруппы, в терминологии социальной психологии) как частный случай общей архетипической аксиологической оппозиции СВОЕ — ЧУЖОЕ.

Для фразеологизмов с ВЫ на это указывают модели фразеологизованных конструкций с формой *у вас* или *к вам* в значении ‘в вашем доме, кругу, мире’ / ‘в ваш дом, круг, мир’ (вспомним знаменитое детское стихотворение, обыгрывающее это противопоставление: *А у нас в квартире газ. А у вас?*). Чешские эквиваленты опять обходятся без местоименной формы, выражая требуемое отношения глаголом: *Jste místní?* (= (вы) есть здешние?’).

Для фразеологизмов с ВАШ отстройка от чужих ценностей также проявляется в фразеологизмах *ваше дело* — ‘ваш долг, обязанность, право’ и *не ваше дело* — вас не касается, вы не должны. Ср. также выражение *ваш человек = не наш человек*. И само местоимение *ваш* в самых разнообразных контекстных окружениях очень часто употребляется в значении ‘относящийся к той же среде, как и вы, близкий вам по убеждениям, взглядам’: *Я ваш по крови*. Это также выражается в противопоставленности фразеологизмов *говорить по-вашему* и *говорить по-нашему*: это противопоставление выражает не просто культурную маркированность

собеседников по языку (*говорить по-вашему* – т.е. на другом языке), но и культурную, ценностную чужеродность (*говорить по-вашему* = *не по-нашему*, т.е. говорить непонятно, использовать чуждые, для говорящего понятия). Ср. так же *делать / поступать по-вашему* – ‘так, как вы думаете, как вы считаете нужным’.

Коллокации в роли этикетных формул типа *Ваши покорный слуга* (в заключении старинных писем), т.е. находящийся у вас в распоряжении; *весь ваши, всегда ваши* — готов помочь, оказать услугу (вежливая форма окончания письма, разговора и т.п.), а также обращения *Ваше благородие, Ваше превосходительство* означают наличие дистанции в коммуникации, официальный тон общения. В чешских вариантах местоимение, как правило, отсутствует. Например: рус. *С вáшего любéзного разрéшения* и чеш. *Když laskavě dovolíte* (буквально ‘Если любезно позволите...’).

Для фразеологизмов с ВАШ в этом плане намечаются две тенденции. С одной стороны, выражается культурная семантика почтения, уважительного отношения, а с другой стороны, наличие дистанции, официальности в общении в русской модели мира, как правило, может оцениваться потенциально негативно (как ощущение невозможности искренних, доверительных отношений и, как следствие, отсутствие духовной близости). Это проявляется в фразеологизме *воля ваша* — ‘ваше право решать что-л.’, который обычно употребляется для выражения недовольства говорящим таким положением дел, или фразеологизмах *ваши брат / ваша сестра* (в просторечии) — в прямом значении выражающие почтение ‘находящийся под вашим покровительством; касающийся вас, приятный, угодный вам’, но реально употребляющиеся в иронически-сниженном регистре, с негативно-оценочным оттенком по отношению к ситуации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В целом русские и чешские местоимения имеют сходные модели фразеологизации, что можно объяснить определенной общностью культурно значимых представлений в славянском мире и общечеловеческой архетипической концептуализацией мира ценностей через универсальную оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ. Но грамматическая система и узус в чешском языке ограничивают возможность употребления личных и притяжательных местоимений при глаголах I и II лица во избежание грамматического плеоназма. Обычно в чешском языке местоимения употребляются только тогда, когда на них падает логическое ударение, чаще всего в стилистически маркированных, эмоционально-экспрессивных конструкциях, тогда как в русском языке они используются в самых обычных, нейтральных высказываниях типа *Завтра мы пойдем в кино*.

Это значит, что местоимения в чешском языке самой системой языка ограничены в возможности выражать концептуально значимые ценностные смыслы, подвергаться лексикализации и фразеологизации, в отличие от русских. Напротив, в русском языке можно видеть значительную вариативность и крайне широкий охват самых разных ценностных представлений в переносных лексикализованных употреблениях местоимений в составе фразеологизмов. Это говорит нам о существенно большей степени культурной разработанности идей и представлений, выражаемых фразеологизмами с местоимениями Я, МЫ, ТЫ и ВЫ (и, соответственно, МОЙ, НАШ, ТВОЙ и ВАШ) в русском языке по сравнению с чешским. Об этом свидетельствует, в частности, наличие в русском языке разветвленных моделей парадигматического варьирования, в котором участвует *весь* (или почти весь «набор» местоимений: *это мое (твое, наше, ваше, не мое, не твое, не наше, не ваше) дело, твоя (наша, ваша) взяла, находится у меня (у тебя, у нас, у вас) / приходит ко мне (к тебе, к нам, к вам), делать по-моему (по-твоему, по-своему, по-нашему, по-вашему), твой (свой, наш, ваш) брат / сестра, мой (свой, твой, наш, ваш) человек* и пр.

LIST OF REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1986). Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexis and grammar and naiv model of the world] // Semiotika i informatika, 28, 5–33.
- Dobrovolskiy, D.O. (1997). Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii [National-cultural specificity in phraseology]. Voprosy yazykoznaniya, 6, 37–48.
- Fedulenkova, T.N., Bечина, I.V. (2011). Sovremennyye napravleniya v izuchenii frazeologii [Contemporary trends in studies in phraseology]. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii, 3, 203–206.
- Gizatova, G. K. (2010). Strukturno-tipologicheskii podkhod k sopostavitel'nomu issledovaniyu frazeologii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk. [Structural-typological approach to contrastive study in phraseology: Grand PhD dissertation on philology]. Kazan: KSU.
- Kovshova, M.L. (2013). Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguo-culturological Method in Phraseology: Codes of a Culture]. Moskva: LIBROKOM.
- Paducheva, E.V. (1985). Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij) [A Sentence and its Correlation with Reality (Referential Aspects of Pronouns' Semantics)]. Moskva: Nauka.
- Pyatnitskaya, N.Yu. (1987). Universalnoye i natsionalnoye vo frazeologii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk [The universal and national in phraseology: Grand PhD dissertation on philology]. Saratov: SGU.
- Radbil, T.B. (2016). Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [The Foundations of Studies in Language Mentality]. Moskva: Flinta; Nauka.
- Stepanov, Yu.S. (1997). Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. The Experience of the Study]. Moskva: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
- Teliya, V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguo-culturological aspects]. Moskva: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
- Wierzbicka, A. (1997). Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York: Oxford University Press.

For citation:

Graneva, I. (2019) RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1ST AND 2ND PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Для цитирования:

Гранева, И. Ю. (2019) РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Information about the author: Graneva Irina - Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of the History of the Russian Language and Comparative Slavic Linguistics, Institute of Philology and Journalism National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: irina.graneva@mail.ru

Сведения об авторе: Гранева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, руководитель Чешского центра образования и культуры, старший преподаватель кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, Институт филологии и журналистики. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
e-mail: irina.graneva@mail.ru

Manuscript received: 05/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES

Elena Grigorian

Candidate of Philology, Senior Lecturer

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Abstract. The paper deals with general tendencies in emergence of new meanings of phraseological units and so-called winged words, or catch-phrases, Russian and Latin, especially when the initial meaning is forgotten or obscure. The examination of such cases reveals the tendency for literal interpretation, or reinterpretation of inner form involving a device analogous to folk etymology. In some cases the original meaning being alien for a present-day mind results in adaptation of the meaning to contemporary world-view and system of values. Other factors that may be relevant are reinterpretations of grammatical forms, lexical and semantic archaisms; mistakes in translations of borrowed expressions involving alternative selection of meanings of polysemous words, etc.

Keywords: winged words (catch-phrases), phraseology, inner form, reinterpretation

НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Елена Григорьян

Кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Аннотация. Рассматриваются общие тенденции в развитии новых смыслов у русских и латинских крылатых слов и выражений, в первую очередь анализируются такие примеры, когда первоначальное значение оказывается полностью забытым или малоизвестным. В подобных случаях явно прослеживается тенденция к буквальному прочтению или возникает новая интерпретация образа, внутренней формы выражения, что, в свою очередь, может быть обусловлено забвением исходных контекстов; таким образом, действует механизм, аналогичный народной этимологии. В некоторых случаях существенна чуждость первоначального содержания для современного сознания, по крайней мере массового, что приводит к адаптации смысла (видимо, бессознательной) к современному миропониманию и системе ценностей; также может иметь место альтернативная интерпретация грамматических форм, лексических и семантических архаизмов, а также ошибки в переводе, связанные с выбором других значений многозначных слов, обычно в пользу более известных и употребительных, и т.д.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеология, внутренняя форма, переосмысление

ВВЕДЕНИЕ. В числе основных факторов, определяющих развитие языка и формирующих его строй и состав, И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечает «бессознательное забвение и непонимание (забвение того, о чём сознательно и не знали и непонимание того, чего сознательно и не могли понимать), ... но забвение и непонимание производительное, положительное, вызывающее нечто новое поощрением бессознательного обобщения в новых направлениях» (Baudouin de Courtenay 1956:226). Это в полной мере относится к жизни крылатых слов и выражений, при всей специфике этой группы и при её неоднородности (часть этих единиц бесспорно относится к фразеологии, т.е. представляет собой фразеологизмы, относительно других нет единого мнения – по крайней мере что касается укоренившихся в узусе цитат, используемых в своём прямом значении, и однословных единиц). Вместе с тем вся эта разнородная группа следует ряду общих тенденций, которые и будут рассмотрены далее.

Основными источниками материала для данного исследования послужили словари крылатых выражений – русских (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005), латинских (Babichev, Borovsky 1982) и иноязычных разного происхождения (Babkin, Shendetsov 1981, 1987), используемых в русской речи, причём некоторые из них встречаются как в оригинальном виде, так и в русском варианте.

Специфика крылатых слов связана с тем, что, во-первых, они, по крайней мере первоначально, привязаны, хотя и в разной степени, к исходным контекстам, а на практике переносятся и на иные ситуации; во-вторых, они обладают явной внутренней формой, которая также может давать толчок к переосмыслению.

Следует оговорить, что мы рассматриваем именно переосмысления, а не случаи обычного расширения значения, использования готовых форм для обозначения более широкого круга ситуаций, чем в первоначально употреблении, что и делает высказывание крылатым выражением, например, *Всё смешалось в доме Облонских* – содержание уже никак не связано с Облонскими или событиями в их доме и к ним не отсылает; или *в Греции всё есть, Прогнило что-то в Датском королевстве* и т.п., где Греция или Датское королевство уже ничего не значат, но *всё есть, прогнило* (в смысле неблагоприятного положения) используются всё в том же значении, что и в исходном контексте. Также не рассматриваются случаи обозначения аналогичных (в каком-то отношении) ситуаций, типа *Пришёл, увидел, победил* в смысле быстрого и успешного решения какого-либо дела; или многочисленные случаи иронического употребления, в том числе ставшие узуальными и зачастую вытеснившие исходные значения, типа *злчное место, Кухарка может управлять государством, Умом Россию не понять*. Всё это обычные и достаточно распространённые процессы в исторической семантике, стандартные модели трансформаций изначального смысла.

ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ. Представляются более интересными случаи другого рода, в которых обнаруживается явная тенденция к буквальному прочтению. Она объясняется тем, что первоначальный контекст незнаком или выражение с ним уже не ассоциируется, а смысл неочевиден – особенно если фраза встречается вне всякого контекста, как латинские крылатые выражения в учебниках, или если новый контекст не даёт однозначной подсказки. Так, например, *В начале было слово* – изречение широко известное, но его первоначальное значение неизвестно рядовому носителю языка, а для филологов и философов остаётся предметом различных трактовок, которые обращены не к русской лексеме, а к греческому слову *logos* в контексте Евангелия от Иоанна. В речи же данное выражение часто понимается как «сначала было что-то сказано». «Большой словарь крылатых слов русского языка» (Berkov et al., 2005) определяет смысл этого выражения как «О первичности слова, ... о слове как о начале всякого дела» и подтверждает предлагаемую интерпретацию иллюстративным материалом. Такое понимание, по-видимому, поддерживается также существующим в нашей культуре представлением о силе слова. Аналогично *Всё моё ношу с собой / Omnia mea tecum porto* встречается как в своём первоначальном смысле «О духовном достоянии человека как об истинном богатстве» (Ashukin, Ashukina 1988), так и в прямом – о человеке, который носит всё своё имущество (обычно скудное) при себе.

Если выражение образное, то его смысл часто реконструируется на основе его внутренней формы, и образ получает более естественную интерпретацию, которая напрашивается как бы сама собой и понятна и без всякого контекста: действует механизм, аналогичный народной этимологии. Так, *Левая рука не ведает, что делает правая* даже в изолированном употреблении естественно воспринимается как образ непоследовательности, несогласованности в действиях, тогда как евангельский смысл данного образа – что благоденствия следует совершать тайно, не напоказ – в принципе не восстановим без контекста. Достаточно распространённое выражение *Иван, не помнящий родства* уже никак не связано с первоначальным юридическим значением термина *не помнящий родства* и обрело смысл, основанный на внутренней форме: оно обычно обозначает человека, забывшего свои исторические, национальные, духовные корни, и употребляется в высказываниях типа «Мы не должны быть Иванами, не помнящими родства». Аналогичный механизм переосмысления образа можно видеть и в выражении *растекаться мыслью по древу*, об исходном значении которого (в «Слове о полку Игореве») высказываются разные мнения – и толкование *мыслию* как *мысию*, т.е. белкой, и признание значения «мыслью» изначальным (Ashukin, Ashukina 1988), – однако при любой из предложенных трактовок очевидно, что современный смысл данного фразеологизма, уже описывающего не поэтическое мастерство, а отклонения от темы или излишнее внимание к подробностям, опирается на тот же образ дерева, разным поворотам и ответвлениям которого следует мысль, далеко уходя в разные стороны.

Заметим, что новое осмысление образа возможно и при широкой известности исходного контекста: так, цитата из общеизвестной басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» *Как под каждым ей листком был готов и стол, и дом,* наряду с тем смыслом, в котором употребляется в самой басне – беззаботной жизни на всём готовом; «легко достигаемой, без труда и материальных затрат, обеспеченности» (Ashukin, Ashukina, 1988), –

приобрело значение, отмечаемое в (Berkov et al., 2005): «о людях, довольствующихся малым, живущих аскетично, нетребовательных». Сочетание смыслов, унаследованных от исходного контекста, и переосмысления образа, подобно рассмотренным выше примерам, можно наблюдать также в выражении *каменный гость*, как оно трактуется в словарях: значение «о человеке, излишне сильно пожимающем другим руки» (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005) восходит к эпизоду из источника этого выражения – драме А.С. Пушкина «Каменный гость»; но значение «о крайне молчаливом человеке» (Berkov et al., 2005), «хранящий упорное молчание» (Ashukin, Ashukina 1988) уже не связано с пушкинским (или мольеровским, или мопертровским) текстом и, скорее всего, обусловлено коннотациями слова *камень*.

Причиной переосмысления крылатого выражения может также стать чуждость содержания для современного сознания, по крайней мере массового (иногда, но не обязательно, в сочетании с непонятностью языковой формы). Так, известное изречение из Нагорной проповеди *Блаженны нищие духом* (встречается и латинский вариант *Beati pauperes spiritu*) или отдельно употребляемое словосочетание *нищие духом* само по себе непонятно и требует объяснения. Некоторые словари (не все!) дают толкование исходного значения, однако за пределами евангельского контекста это значение вообще не встречается, а выражение *нищие духом* интерпретируется, в соответствии с внутренней формой, как убогие в духовном отношении; ср. словарные определения: «1. О смиренных, лишенных гордости и собственного достоинства людях. 2. О недалеких, ограниченных, лишенных духовных интересов людях» (Berkov et al., 2005) – причём первая дефиниция является оценочной подачей исходного, библейского значения; ср. также «смиренные, лишённые гордости, а также: нищие умом, лишённые духовных интересов» (Ashukin, Ashukina 1988), где первая часть отражает первоначальный смысл выражения. Смысл изречения в полном варианте – *Блаженны нищие духом* – объясняется, например, как «О вреде ума, интенсивной духовной жизни, мешающих непосредственной вере в бога» (Berkov et al., 2005); авторы отталкиваются от цитаты из В. Тендрякова, которая содержит негативную оценку, отличную от исконного смысла евангельской цитаты; другое значение – на наш взгляд удачно сформулированное в словаре (Babkin, Shendetsov 1981) – «Употр. обычно при иронической характеристике чьего-либо удовлетворённого состояния как следствия недомыслия или недалёкости». Причина того, что изначальный смысл утрачен (за пределами религиозного дискурса) – в характере современной культуры, для которой человеческая личность, индивидуальность, интеллект и чувство собственного достоинства являются ценностями.

Аналогичный пример – переосмысление изречения *Уничижение паче гордости* (с вариантами *Унижение/Смирение паче гордости*), что изначально значило «лучше быть униженным, чем вознестись»; современное же значение – «уничижение и есть гордость» (приводится по телевизионной лекции из цикла “Academia”, канал «Культура», 2013, лектор С. Иванов). В (Berkov et al., 2005) для основной статьи выбран наиболее мягкий вариант *Смирение паче гордости*, современный смысл которого объясняется как «Излишняя скромность имеет своим источником гордыню», но в той же статье приводится ряд библейских цитат, отражающих первоначальный смысл и связанных именно с унижением: «...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк., 18, 14) и др.

Нередко сама форма высказывания неоднозначна и порождает несколько трактовок, в число которых может входить и первоначальная (а может и не входить). *Mens sana in corpore sano* и его русский перевод *В здоровом теле здоровый дух* в изолированном употреблении воспринимается в первую очередь как указание на причинно-следственную связь – именно в этом смысле оно пишется на медицинских учреждениях, спорткомплексах и т.п. Все комментаторы и авторы словарей указывают, что это значение не является первичным, а некоторые считают его даже противоположным изначальному (которое в свою очередь интерпретируется как призыв не ограничиваться заботой только о физическом здоровье); в качестве первоисточника, как правило, указывается 10 сатира Ювенала, соответствующий фрагмент которой полностью приводится в (Babichev, Borovsky 1982) – в оригинале и в русском переводе; в (Berkov et al., 2005) высказывается предположение, что Ювенал использовал уже существующую пословицу, и вероятнее всего это так, но в этом случае первоначальный смысл остаётся для нас гипотетическим; впрочем, (Serov) поясняет (без указания источника): «Предполагают, что в основе этой строчки Ювенала лежит известная в Древнем Риме поговорка: *В здоровом теле здоровый дух – редкое явление*». Если же брать реальный узус – а три из привлекаемых нами словарей дают обширный иллюстративный материал, причём разноплановый, – становится очевидным, что данная формулировка (иногда с другим порядком слов) используется для выражения различных смыслов вплоть до противоположных. Даже если ограничиться примерами, приводимыми в словарях, можно увидеть разброс от буквального понимания связи между физическим и духовным здоровьем или умственным развитием – от экспериментов, доказывающих правильность такого представления (*В здоровом теле - здоровый дух. Эта крылатая фраза поэта Ювенала широко известна. Египетский физиолог Абдель Вахаб эль-Наггар ... провел исследования, которые экспериментально подтвердили изречение многовековой давности. ... Тесты насообразительность и другие проверки показали: после тренировки умственная деятельность улучшилась* Пр., 26.12.83» (Berkov et al., 2005) до возражений типа «в здоровом теле не всегда здоровый дух» и призывов заботиться не только об умственном, но и о физическом развитии: «Надо стремиться к тому, чтобы в человеке здоровый дух соединялся со здоровым телом», ср. *Но нельзя же ставить школьное дело так, чтобы всё было направлено исключительно к развитию только умственной сферы ребёнка. Mens sana in corpore sano - как жаль, что это естественное и очень старое правило забыто!* Склифосовский, Материалы по этиологии школьн. искривления позвоночника (Babkin, Shendetsov 1987); встречаются также примеры использования этого выражения для констатации гармоничного сочетания того и другого, как в примере из А.И. Герцена *Вы ужасно*

изменились: ... такие стали, кровь с молоком. — *In corpore sano mens sana*, - отвечал он... (Babkin, Shendetsov 1987). Готовая формулировка оказывается подходящей для разного содержания.

Столь же неопределённым и допускающим различные прочтения является высказывание *Человек есть мера всех вещей*, которое обычно воспринимается примерно как «человек – это главная ценность, главный фактор, главный ориентир». ((Berkov et al., 2005) даёт, на наш взгляд, довольно неточное и более частное определение «О необходимости учитывать интересы людей при осуществлении своей деятельности», что соответствует даже не всем приводимым в той же словарной статье примерам.) Первоначальный же смысл этого высказывания – утверждение релятивизма – не существует вне контекста философии Протагора.

Понимание заимствованных выражений не в последнюю очередь зависит от перевода. Так, латинское *Ars longa, vita brevis*, или *Vita brevis, ars longa* (иногда передаваемое в русском варианте *Искусство велико – жизнь коротка* или *Жизнь коротка, искусство долговечно* или др.) в свою очередь восходит к греческому оригиналу – высказыванию Гиппократу, более точный перевод которого даётся в (Babichev, Borovsky 1982): «Наука обширна, а жизнь коротка»; там же приводится контекст в латинском варианте *vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeceps, experientia fallax, iudicium difficile* и в переводе на русский язык: «Жизнь коротка, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно». В латинском варианте слово *ars*, обозначающее искусство, соответствует греческому слову *tekhne*, обозначающему не только искусство, но и некоторые науки, в том числе медицину, а также естествознание, грамматику и др. Некоторые словари указывают значение «наука» и для *ars*, но основное значение *ars* 'искусство' является общеизвестным, так же как и значение «длинный» или «долгий» для *longus*; поэтому не удивительно, что и во многих учебниках латинского языка, и в «Словаре иностранных слов» (Slovar' 1984) даётся перевод «искусство долговечно, а жизнь (человека) коротка»: первоначальный контекст, скорее всего неизвестный составителям, здесь не привлекается и не осознаётся, и происходит всё то же буквальное понимание, о котором говорилось выше; данное прочтение также поддерживается существующим в нашей культуре представлением о бессмертии великих творений искусства. Некоторые словари, дающие подобные варианты перевода, иногда его уточняют: «Следует отметить, что смысл изречения Гиппократ не в том, что искусство долговечнее жизни, а в том, что искусство настолько велико, что на овладение им не хватит человеческой жизни» (Ashukin, Ashukina 1988); «Искусство (или наука) велики по своим целям и задачам, а жизнь человека коротка – всего сделать нельзя. Употр. в значении: дела много – жизни мало» (Babkin, Shendetsov 1981). Стоит заметить, что все примеры, приводимые в словарных статьях, – во всех случаях только с латинским вариантом (с разным порядком частей) – соответствуют именно этому, изначальному, смыслу данного изречения, относятся ли они к науке, искусству или другим областям деятельности.

Заметим попутно, что в словарях, которые дают русскоязычный вариант этого выражения, не приводится ни одного примера его использования (не удалось нам найти примеров и в Интернете), но упоминается его употребление в «Фаусте» Гёте в виде «Искусство долговечно, а жизнь наша коротка», и некоторые авторы (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005) указывают, что это способствовало распространению данного изречения. Переводчик не указан (скорее всего, это один из первых переводов на русский язык), но надо заметить, что такая формулировка никак не вяжется с контекстом (Часть 1., сд. 4). В оригинале Мефистофель произносит немецкий вариант данного изречения *Die Zeit ist Kurz, die Kunst ist lang*; в переводе Н. Холодковского – латинский вариант *Ars longa, vita brevis est*, а Б. Пастернак передаёт содержание данного высказывания как «Но жизнь, к несчастью, коротка, А путь до совершенства дальний», не цитируя крылатое выражение в его принятом виде.

Изменение значения может быть обусловлено и чисто языковыми факторами. Многие крылатые выражения содержат слова и обороты, непонятные современному носителю языка. Переосмысление может быть вызвано их неверным пониманием и приводить также к переделке их формы; это во многих случаях относится к церковнославянизмам. Классическим примером является известное словосочетание *ложь во спасение*, возникшее вследствие неверного понимания церковнославянского текста «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не спасется», в русском переводе «Ненадёжен конь для спасения, не избавит великою силою своею» (Ashukin, Ashukina 1988). Новое значение вообще не связано и исходным текстом и отталкивается только от языковых форм. В чём-то подобный, хотя и более простой пример представляет выражение *на сон грядущий*, изначально *на сон грядущим*, т.е. отходящим ко сну (Ashukin, Ashukina 1988). Переосмыслению мог способствовать тот факт, что слово *грядущий* употребительно в значении «предстоящий» (*грядущие перемены* и т.п.), тогда как в значении «идуший» является архаизмом; при этом оба прочтения совместимы с исходным контекстом и по сути не меняют его смысла (*молитвы на сон грядущим/на сон грядущий*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, обобщая рассмотренный выше материал, можно отметить доминирующую тенденцию в трансформации крылатых выражений: сложные философские и религиозные идеи переосмысливаются, как правило, в более простые, не требующие фоновых знаний и часто приближенные к более массовым представлениям (за возможным исключением некоторых выражений, имеющих книжный характер); практически во всех случаях укореняется относительно общедоступный смысл, выражаемый в достаточно прозрачной языковой форме.

LIST OF REFERENCES

Ashukin, N.S, Ashukina, M.G. (1988). *Krylatyie slova: Literaturnyie tsitaty; Obraznyie vyrazheniya* [Winged words: Literary quotations; Figurative expressions]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura

- Babichev, N.T., Borovskiy, Ya.M. (1982). Slovar' latinskikh krylatykh slov [Dictionary of Latin winged words]. Moskva: Russkiy yazyk.
- Babkin, A.M., Shendetsov, V.V. (1981). Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov. A-J. [Dictionary of foreign language expressions and words. A-J.]. Moskva: Nauka.
- Babkin, A.M., Shendetsov, V.V. (1987). Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov. K-Z. [Dictionary of foreign language expressions and words. K-Z.]. Moskva: Nauka.
- Berkov, V.P., Mokienko, V.M., Shulezhkova, S.G. (2005). Bolshoy slovar' krylatykh slov [Dictionary of winged words]. Moskva: Russkiye slovari, Astrel-AST.
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1956). Nekotorye obshchiye zamechaniya o yazykovedenii I yazyke [Some general observations on linguistics and language]. Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiya XIX-XX vekov. Moskva: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo, 220-240.
- Serov V.V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic dictionary of winged words] <https://azbyka.ru/fiction/enciklopedicheskij-slovar-krylatyx-slov-i-vyrazhenij-serov/> [29.04.2019]
- Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moskva: Russkiy yazyk (11th ed.)

For citation:

Grigorian, E. (2019) NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 36-40. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

Для цитирования:

Григорьян, Е. (2019) НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 36-40. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

Information about the author: Elena Grigorian – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Chair of General and Comparative Linguistics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Сведения об авторе: Елена Леонидовна Григорьян - кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Manuscript received: 06/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-40-43>

NATIONAL CHARACTER AND LANGUAGE PERSONALITY: CULTURAL VALUES AND TRADITIONS

Veronika Katermina
Doctor of Philological Sciences, Professor
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Abstract. This article dwells on national character as a complex entity. Special emphasis is put on the national culture and national language. Such terms as “national culture”, “national character”, “language personality” are taken into account. In order to understand the character of a nation, it is necessary to study, first of all, its history, social system and culture. It is important to understand that for a language personality it is impossible to draw a direct parallel with the national character but a deep analogy between them exists. It consists in the fact that the carrier of the national principle in both cases is relatively stable in time that is invariant on the scale of the personality itself, a part in its structure which is in fact the product of a long historical development and the object of intergenerational transfer of experience. The national permeates all levels of organization of the language personality, each of them acquiring a peculiar form of embodiment, and the frozen, statistical, invariant character of the national in the structure of the linguistic personality is transformed in the language itself into a dynamic, historical component. The idea that the national peculiarities cover all levels of the organization of the language personality, on each of them acquiring a peculiar form of embodiment is considered to be the basic notion.

Key words: national language, national character, language personality, culture, ethnos

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ

Вероника Викторовна Катермина
Доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный университет
 (Краснодар, Россия)
[e-mail: veronika.katermina@yandex.ru](mailto:veronika.katermina@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье речь идет о национальном характере как многомерном образовании. Акцент ставится на национальной культуре и национальном языке. Рассмотрены понятия «национальная культура», «национальный характер», «языковая личность». Чтобы понять характер народа, нужно изучать, прежде всего, его историю, общественный строй и культуру. Важно понять, что для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует. Она состоит в том, что носителем национального начала и в том, и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, то есть инвариантная в масштабе самой личности, часть в её структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта. Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статистический, инвариантный характер национального в структуре языковой личности превращается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую. В статье подчеркивается, что национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения.

Ключевые слова: национальный язык, национальный характер, языковая личность, культура, этнос

INTRODUCTION. Each national language not only reflects but also forms a national character. In other words, if a language forms a representative of a people, i.e. a native speaker, and forms it as an individual, then it should play the same constructive role in shaping the national character.

At the same time, the very concept of a national character is rather ambiguous. I.S. Kon gives several justifications for its complexity (Kon 1968). First, the national character is objectified in culture: just as it is impossible to study it, ignoring the artistic creativity of the nation, it is impossible to study the literature and art of the people without taking into account its national characteristics. Secondly, there is an appraisal and regulatory problem, namely, the question of whether modern culture and art should preserve any national specificity or whether they are increasingly becoming cosmopolitan. As in any other dispute, there are two extreme points of view in the interpretation of a national character: either there is no community of features that could be called a national character, and national self-consciousness is something like a relic, or it doesn't just exist, being unique for his ethnic group but also binds the individual to the nation becoming a kind of rock that no one can escape.

The difficulty of the case is exacerbated by terminological confusion, in particular, by the vagueness of the term. Defining the national character, some imply temperament, especially the emotional reactions of the people, others focus attention on social orientations, moral principles.

REVIEW OF LITERATURE. According to D. B. Parygin, "there is no doubt about the existence of psychological characteristics among various social groups, strata and classes of society as well as nations and peoples" (Parygin 1966). N. Dzhandildin proceeds from a similar view and defines a national character as "a set of specific psychological features that have become more or less characteristic of a given socio-ethnic community in specific economic, cultural and natural conditions of its development" (Dzhandildin 1971). S. M. Arutunyan, who also recognizes the existence of a national character, or "psychological mentality of a nation," defines it as "a peculiar national flavor of feelings and emotions, ways of thinking and actions, stable and national features of habits and traditions formed under the influence of material life conditions, features of the historical development of a given nation and manifested in the specifics of its national culture" (Arutunyan, 1966).

In order to understand the character of a nation, it is necessary to study, first of all, its history, social system and culture. Everyone knows that people belonging to different ethnic groups differ from each other in their temperament, customs and traditions. People usually list features that are typical, in their opinion, for their own and for other nations without much difficulty. But, on the other hand, all or almost all of these characteristics are extremely vague and subjective. As I.S. Kon rightly notes, consciously or not, we perceive and evaluate the behavior and way of life of another people through the prism of the cultural traditions and values of our own ethnic group which are defined as ethnic stereotypes on the basis of which the national character should not be based. At the same time, although each ethnic group, being considered as a whole, is unique, each of its typical features is not unique to it, but characterizes, to a greater or lesser extent, other peoples. This implies the most important methodological requirement: to take into account the relativity of any ethnic characteristics since the statements regarding the features of a national character expressed in absolute form, without specifying with whom and in what period of time this group is compared, inevitably create confusion (Kon 1968).

Indeed, those features that we perceive as specific features of a national character are the product of certain historical conditions and cultural influences. They are derived from history and change with it. And then, with a certain lag, the corresponding stereotypes change. So, the longer and more difficult the path traveled by the people, the more qualitatively different phases it contains, the more complex and contradictory its national character will be. On the other hand, there is nothing more false than turning a national character into a certain fatal force that predetermines the fate of a people.

The complexity and, in many cases, the impossibility of direct study makes the study of fiction especially important, covering national-typical features deeper and more multifaceted than scientific methods. Fiction shows the diversity of national types, their concrete class nature and historical development.

S.G. Ter-Minasova gives four groups of the sources confirming the existence of a national character:

1. International jokes based entirely on stereotypes of a particular people. These stereotypes do not so much reflect some of the most essential and typical features of a people but form them both in the eyes of other nations and in their own eyes.

2. National classical literature somewhat “tainted” as a source by individual authorship and a subjective view of the world.

3. Folklore, or oral folk art, as the most reliable source of information about the national character listed above

4. Last in order, but by no means least, the most reliable and scientifically acceptable evidence of the existence of a national character is His Majesty the national language. Language reflects and forms the nature of its carrier, it is the most objective indicator of the national character (Ter-Minasova 2000).

So, as I.S. Kon states, national character is both a myth and a reality. If it is understood to mean a certain immutable essence peculiar to all people of a certain nation, distinguishing them from all other ethnic groups and determining their social behavior, this is, from a scientific point of view, a myth. But, like any social and psychological myth, it reflects a certain historical reality: a community of psychic features and methods of action developed and learned in the course of the joint historical development reinforced by group self-consciousness. National self-consciousness has been and remains a vital aspect of personal and group identification (Kon, 1968).

RESEARCH METHODS. The main method is the descriptive method; methods of cognitive science were also used – the method of cognitive analysis, categorization, observation, comparison, generalization, the method of conceptual and taxonomic analysis; interpretation method; functional method; cognitive modeling method; data integration method.

RESULTS AND DISCUSSION. In modern discourse, the word “personality” is rather of a secondary plan, it is an affiliation of intellectual speech; in the language, it conveyed its main conceptual content to the word “person.”

Today, there are three most natural “parameters” or “aspects” of a person – three lines of his natural parametrization oraspectsations present in all cultures and in many of them “conceptualized”, that is, having their own forms of expression (Stepanov 1995). These three aspects are:

1. Man in relation to “Peace”, and thus, in the same relation to “God”; in pagan cultures – in relation to higher deities and lower spirits, etc., as well as to animals.

2. Man in relation to his own kind, to his family, clan, tribe, in general, in relation to “us” and “them”.

3. Man in relation to society.

The last two aspects allow us to assume that the ratio of self and some other group plays a very important role in identifying oneself as an individual.

In addition, in the concept of “personality” the component “free” is present from the very beginning. E. Benveniste showed that the social designations of collectives of people and nations in the semantic field in question are divided into two large groups – “Free” and “Slaves”. Designations of slaves in the Indo-European languages do not have a single term and in each area there are special ones dating back to the name of the people from whom mainly prisoners and slaves were obtained in wars in this area. Thus, the concept of “slave” is every time a synonym for the concept of “alien”, “prisoner”.

On the contrary, the designations of the notion “free man” are quite united and may be referred to several words that follow the same semantic principle: each time it is the designation of “own people”, “us” as people growing together. The main words go back to the Indo-European root of the verbal semantics *leudh- – “grow”. From it, on the one hand, the Old Slavonic and Old Russian word Lud, Germanic Gothic leodes “people”, Old English leod were formed; on the other hand, through derivatives Latin liber “free”, Greek *leudheros “free man”. Here the social origins of the concept of “free” are exposed. The initial is not the meaning of “liberated” but the meaning of belonging to an ethnic group indicated by a plant metaphor. This affiliation gives a person privileges that a foreigner and a slave do not have (Benveniste 1974). The concept of the “Us” and “Them” dichotomy is directly connected with the interpretation of the reality of a linguistic personality

Yu.N. Karaulov gives the following ways of interrelationship between a language personality and a national character: when it comes to a language personality, its intellectual characteristics come to the fore. Intellect is most intensely manifested in the language and explored through the language. But the intellectual properties of a person are clearly observable not at any level of language proficiency and language use. Applying knowledge about the structure of the language personality, it becomes clear that it does not start from the zero (verbal-grammatical) but from the first, linguistic-cognitive (thesaurus) level, based on a fairly representative set of texts of unusual content suggesting the isolation and analysis of a variable part in the picture of the world, the part that is specific to a given person and unique. On the other hand, for a person, the diachronic parameter is turned off, since psychologically both the past and the future are experienced by them as the present. In other words, existing and developing in the current time (changeable part), an identity is identical with itself, appears as a timeless essence (its stable part). What we call the timeless and invariant part in the structure of the language personality is a distinct stamp of national coloring (Karaulov 1987).

And in fact, everything that is usually associated with national character and national specificity has only one temporal indicator – the historical, national which is always diachronical. The historical coincides with its invariant part and thus we equate the concepts of “historical”, “invariant”, “national” in relation to the language personality.

It should also be borne in mind that when discussing the content of the concept of an ethnos and ethnic self-consciousness, linguists usually rely on several basic features, namely common origin; common historical fate; common

cultural values and traditions; common language, emotional and symbolic connections; common territory. As it can be seen, this entire set of complementary characteristics is diachronic through and through. On the other hand, in order to reveal the concept of an ethnos, people sometimes use the concept of common mentality for individuals constituting a given ethnic group, and a mental structure or national character can be considered both along with the above listed features and above them as an integrating superconcept directly correlative with the ethnic group. However, in any consideration of it, the interpretation of the very essence of the national character remains controversial. Ethnologists are aware of the decisive importance of the historical roots, the diachronic foundations of the folding and existence of a national character (Bromlej 1973).

CONCLUSION. It is important to understand that for a language personality it is impossible to draw a direct parallel with the national character but a deep analogy between them exists. It consists in the fact that the carrier of the national principle in both cases is relatively stable in time that is invariant on the scale of the personality itself, a part in its structure which is in fact the product of a long historical development and the object of intergenerational transfer of experience. The national permeates all levels of organization of the language personality, each of them acquiring a peculiar form of embodiment, and the frozen, statistical, invariant character of the national in the structure of the linguistic personality is transformed in the language itself into a dynamic, historical component. National character is determined not only by the language since along with it one of the most important signs of a people is a community of cultural values and traditions (Karaulov, 1987).

LIST OF REFERENCES

- Arutyunyan, S.M. (1966). Naciyaieyopsixicheskijsklad[Nation and its psychological entity]. Krasnodar: Izd-vo Krasnodar. gos. ped. un-ta.
- Benveniste, E. (1974). Obshhayalingvistika[General linguistics]. Moskva: Progress.
- Bromlej, Yu.V. (1973). E'tnosie'tnografiya [Ethnos and ethnography]. Moskva: Nauka.
- Dzhandildin, N. (1971). Prirodanacional'nojpsixologii [Nature of national psychology]. Alma-Ata: Kazaxstan.
- Karaulov, Yu.N. (1987). Russkijazy'kiyazy'kovayalichnost' [The Russian language and language personality]. Moskva: Nauka.
- Kon, I.S. (1968). Nacional'ny'jxarakter – mifilireal'nost'? [National character – myth or reality?]. Inostrannayaliteratura,(9), 215–229.
- Parygin, D.B. (1966). Obshhestvennoenastroenie [Social mood]. Moskva: My'sl.
- Stepanov, Yu. S. (1995). Al'ternativny'jmir, Diskurs, Faktiprincipprichinnosti[Alternative world. Discourse. Fact and Principle of reason.].Yazy'kinaukakonca XX veka: sbornikstatej / RAN, Institut yazy'koznanija RAN. Moskva: Rossijskij gosudarstvenny'j gumanitarny'juniversitet, 35–73.
- Ter-Minasova, S.G. (2000). Yazy'kimezhkul'turnayakommunikaciya [Language and intercultural communication]. – Moskva:Slovo.

For citation:

Katermina, V. (2019) NATIONAL CHARACTER AND LANGUAGE PERSONALITY: CULTURAL VALUES AND TRADITIONS // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 40-43. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-40-43>

Для цитирования:

Катермина, В. В. (2019) НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 40-43. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-40-43>

Information about the author: Veronika Viktorovna Katermina - Doctor of Philological Sciences, Professor, Kuban State University(Krasnodar, Russia)

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Сведения об авторе: Вероника Викторовна Катермина - доктор филологических наук, профессорКубанский государственный университет(Краснодар, Россия)

e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

**THE SPREAD OF CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN THE CHINESE CULTURAL DISTRICT
(UNTIL THE TWENTIETH CENTURY)**

Elena Khrisanova
Doctor of Pedagogics, Professor
I.Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)
e-mail: elenka0304@gmail.com

Yixia Ma
Lecturer
Guizhou Normal University
(Guizhou, China)
e-mail: 762495289@qq.com

Abstract. The article aims to identify on the basis of historiographical analysis of the factors of the spread of the Chinese language and culture and their impact on the development of countries belonging to the Chinese cultural district. The processes of introduction of Chinese in Korea, Japan, Vietnam, Thailand, Indonesia from ancient times to the present time are described. Economic and cultural relations of China and other countries of the district, their domestic and foreign policy in General, including language policy are considered. The positive influence of highly developed Chinese civilization on the development of culture and writing of these countries is shown. The role of ancient Chinese classical books ("LUN Yu", "Pentateuch", "thousand Words", etc.) in teaching the Chinese language to the peoples of the Chinese cultural district is revealed. Progressive changes in the state activity of the countries of the Chinese cultural district are revealed in connection with the introduction of the system of state examinations and the selection of talented officials. The conclusion is made about the positive importance of the Chinese language and culture for the development of neighboring countries; about the factors that had a positive (trade, travel) and negative (war) impact on the spread of the Chinese language and culture in the region.

Key words: Chinese cultural district, Chinese culture, language, Chinese writing

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КИТАЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ОКРУГЕ (ДО XX ВЕКА)

Елена Хрисанова
Доктор педагогики, профессор
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)
e-mail: elenka0304@gmail.com

Ися Ма
Преподаватель
Гуйчжоуский педагогический университет
(Гуй Ян, Китайская Народная Республика)
e-mail: 762495289@qq.com

Аннотация. Статья имеет своей целью выявление на основе историографического анализа факторов распространения китайского языка и культуры и их влияния на развитие стран, входящих в китайский культурный округ. Описаны процессы внедрения китайского языка в Корею, Японию, Вьетнаме, Таиланде, Индонезии с древних времен до настоящего времени. Рассмотрены экономические и культурные связи Китая и других стран округа, их внутренняя и внешняя политика в целом, в том числе языковая политика. Показано позитивное влияние высокоразвитой китайской цивилизации на развитие культуры и письменности этих стран. Выявлена роль древнекитайских классических книг («Лунь Юй», «Пятикнижие», «Тысячесловие» и др.) в обучении китайскому языку народов китайского культурного округа. Раскрыты прогрессивные изменения в государственной деятельности стран китайского культурного округа в связи с внедрением системы государственных экзаменов кэцзюй и отбора талантливых чиновников. Сделан вывод о положительном значении китайского языка и культуры для развития соседних стран; о факторах, оказавших положительное (торговля, путешествия) и отрицательное (войны) влияние на распространение китайского языка и культуры в регионе.

Ключевые слова: китайский культурный округ, китайский язык, письменность

ВВЕДЕНИЕ. Китайский культурный округ начал формироваться в период династии Хань. В течение длительного времени страны, входящие в этот округ (Китай, Япония, Северная и Южная Корея, другие страны Восточной и Юго-Восточной Азии), испытывали значительное влияние со стороны китайской культуры. Историографические исследования свидетельствуют о том, что объединению стран китайского культурного округа способствовало представление о китайской политике и культуре как единственно верной и самой прогрессивной (Lai Anya 2017). Вместе с тем не проводилось системного изучения в области распространения

китайского языка и его влияния на развитие культуры, государственности и систем образования соседних с Китаем стран.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Изучению и анализу особенностей распространения китайского языка и культуры в странах китайского культурного округа посвящены труды Чжан Цзин (распространение китайского языка на корейском полуострове), Ху Цзэ, Лю Сяофэй (изучение тенденций распространения китайской культуры в Японии), Ху Дэгоин, Чжао Хуэйся (анализ процессов распространения китайского языка во Вьетнаме), Лю Ли, Лу Фан (исторический обзор внедрения китайского языка в Таиланде), Синь Хуэй (развитие китайского образования в Индонезии). Лай Анья выявлены тенденции распространения китайской культуры по всем странам округа. Таким образом, можно рассматривать проблему распространения китайского языка и культуры как достаточно исследованную. Вместе с тем следует отметить, что основная часть трудов опубликована на китайском языке, что делает недоступным знакомство с ними для российских исследователей.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Фактические материалы для анализа взяты из опубликованных в Китае научных статей и монографий. Используются описательный метод, анализ и синтез полученной информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. *Китайский язык и культура на Корейском полуострове.* Связь между Кореей и Китаем сформировалась еще в древности, что подтверждается документами. В период эпохи Шан начался экономический и культурный обмен между Кореей и Китаем на основе китайского языка. Китайская письменность распространялась в Корею в период Чуньцю (770-476/403 гг. до н.э.) и Сражающихся царств (476/403-221 гг. до н.э.) благодаря торговле. Археологические раскопки в Корею позволили обнаружить металлические монеты, на которых были изображены иероглифы. Таким образом китайское письмо проникало в Корею. На стыке династий Цинь и Хань много китайцев переехало на полуостров Корея, что способствовало распространению китайского языка на корейском полуострове. В 108 году до н.э. Корея была покорена китайской империей Хань, что ускорило распространение китайского языка. В эпоху Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий (общий термин для исторического периода 220-589 гг.) на Корейском полуострове сформировалось три государства: Силла, Пэкче, Когурё. Все они активно общались с Китаем. В Силле использовали китайские фамилии, писали государственные хроники на китайском языке. В Когурё с самого начала устройства государства начали использовать китайский язык. На китайском языке создавались прекрасные поэтические произведения.

Долгое время в Корею не было своего письма. Китайский язык использовался элитой страны. Грамматические конструкции и фонетическая система китайского языка совпадали с корейским. Поэтому Седжон-тэван (4-й ван корейского государства Чосон), при котором был изобретен хангыль (фонематическое письмо) создал собственно корейскую национальную азбуку (Zhang Jing 2013).

В середине VI века между государствами Когурё, Пэкче и Силла началась борьба за влияние на Корейском полуострове. Правители Силлы заключили союз с китайской империей Тан: в 660 году под их власть перешло Пэкче, в 668 году – Когурё. В течение 228 лет они тесно взаимодействовали с Китаем. Были открыты государственные школы, из выпускников которых по результатам успехов в изучении китайского языка и культуры выбирали чиновников. Благодаря этому режиму было воспитано много талантливых ученых, специализировавшихся в сфере китайского языка. В 918 году на полуострове установилось правление династии Корё, когда началось официальное обучение китайскому языку.

В период династии Мин отношения между Кореей и Китаем были дружественными. Корея активно распространяла китайский язык и культуру. Но в период династии Цинь разразилась японско-китайская война (1894-1895 гг.) с целью установления контроля над Кореей. В результате победы Японии в этой войне в Корею отменили кэцзюйчжи и институты переводов, начали создавать школы иностранных языков. Постепенно китайский язык уступил место японскому, английскому, русскому, немецкому и другим языкам.

Распространение китайского языка в Японии. До династии Тан Япония называлась Ва или Вагоку. Начало распространению китайского языка по легенде положили корейцы Ван Жэнь и А Чжици, которые привезли китайские классические книги «Лунь Юй» и «Тысячеловие» в Японию. В конце правления династии Цзинь в Японии появились государственные историографы, владевшие китайским языком. Это объективно содействовало распространению китайского языка и культуры. В первой половине VI века по просьбе Японии корейцы отправили в эту страну ученых, которые работали как учителя китайского языка, обучали элиту общества. Японцы учились по «Пятикнижию» (конфуцианскому канону), «Тысячеловию» (классическому китайскому мнемоническому тексту, применяемому для заучивания иероглифов) и т.д. В этот период Китай был самым мощным, влиятельным и цивилизованным соседом Японии. Официальных контактов между правительствами Китая и Японии стало больше, поэтому для Японии воспитание ученых и чиновников, знающих китайский язык, являлось приоритетной задачей. В 594 году японский принц Сётоку (574-621) провел реформы, которые были направлены на создание централизованной исполнительной вертикали власти и распространение буддизма. В 604 году на китайском языке были написаны «Законоположениями в семнадцати статьях», был введен китайский календарь. Япония также посылала в Китай монахов для изучения буддийских канонов, каллиграфии, а также китайской медицины (например, монах Цзянь Чжэнь). В течение 300 лет Япония училась у Китая, вследствие чего общество и культура Японии быстро развивались.

До 1861 года между Китаем и Японией не было дипломатических отношений. В распространении китайского языка и культуры в Японии важную роль сыграла династия Цинь (1644-1911 гг.). В период ее правления происходило бурное развитие торговли между Китаем и Японией. Поэтому к переводчикам предъявлялись очень строгие требования. Для изучения китайского языка использовались фонетические учебники: «Да сюэ» («Великое учение», 2-я книга конфуцианского «Четверокнижия»), «Лунь Юй» (главная

книга конфуцианства); конфуцианское «Четверокнижие», «Мэнцзы», «Ши цзин» (записи древних песен, гимнов и стихов XI-VI вв. до н. э.). После фонетики изучались устойчивые выражения. Далее язык можно было изучать на более продвинутом уровне. Будущим переводчикам необходимо было читать китайские классические романы, например «Речные заводы» Ши Найяня (китайский роман XIV века), «Западный флигель» Ван Шифу, «Троецарствие» (роман, повествующий о событиях эпохи Троецарствия). После Опиумных войн, развязанных Великобританией и Францией, Китай постепенно превращался в полуколониальную и полуфеодальную страну. Япония после Реставрации Мэйдзи (реставрации «просвещенного правления», которая известна также как Обновление Мэйдзи и Революция Мэйдзи) стала сильной страной. В результате стали распространяться японский язык и японская культура (Hu Ze and Liu Xiaofei 2018).

Распространение китайского языка и культуры во Вьетнаме. В древности Вьетнам назывался Цзяо Чжи. В эпоху династии Цинь правительство посылало туда преступников, которые жили среди местных жителей. С этого времени началось распространение китайского языка и культуры. Во времена правления Эрши Хуан-ди (229-207 до н.э.) китайский князь Чжао Та стал царем в Южном Вьетнаме. При императоре Лю Бана (256 или 247-195 гг. до н.э.) ему официально был присвоен ему титул царя Южного Вьетнама. В этот период в стране активно насаждался китайский язык.

Во времена правления У-ди (156-87 гг. до н. э.) Вьетнам был разделен на девять округов, куда посылали китайских чиновников. Эти чиновники под влиянием идей конфуцианства принимали полезные для народа, гуманные управленческие решения, что способствовало социальной стабильности и распространению китайского языка и культуры. В эти времена чиновники даже избирались по тем же критериям, что и в Китае.

В период династии Сун в 1232 году во Вьетнаме была введена китайская система государственных экзаменов для получения ученой степени и права вступления в должность. В 1246 году в хрониках Вьетнама первый раз появилось понятие «цзиньши» (высшая ученая степень в системе государственных экзаменов кэцзюй), в 1247 году - другие китайские термины: первый из сильнейших – победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность, второй из сильнейших (второй в списке выдержавших столичные экзамены), «искатель цветов» (заявщик третьем месте на государственных экзаменах).

Во Вьетнаме китайский язык называли «языком конфуцианства». Вьетнамцы создали «ты-ном» - систему письма на основе китайской иероглифики, которая использовалась для записи вьетнамского языка.

В период династии Юань правительство Китая строило захватнические планы по отношению к Вьетнаму, однако впоследствии политический курс изменился в сторону добрососедства и культурного обмена. Китайский язык активно распространялся среди населения. У вьетнамцев стали формироваться обычаи, похожие на китайские. В начале правления династии Мин Вьетнам был своего рода вассалом Китая. Но в 1406 году между ними разразилась война. В 1427 году правительство Китая вывело армию из Вьетнама. Во Вьетнаме стала господствовать династия Ли, первый император которой, воспользовавшись китайской военной стратегией, добился автономии. В 1862 году правительства Вьетнама и Франции подписали Сайгонский договор. Французы ограничили распространение китайского языка и культуры. В 1919 году во Вьетнаме был проведен последний раз кэцзюй. В 1945 году китайский язык был официально аннулирован (Hu Deguoyn, 2018).

Распространение китайского языка и культуры в Таиланде. В Таиланде существовало два типа школ китайского языка: частные и государственные. В XIV веке в городах, где кучно жили этнические китайцы, было развито китайское образование. Преподавали «Четыре книги и пять канонов» (четыре книги: «Лунь Юй», «Мэнцзы», «Да сюэ», «Чжун юн»; пять канонов: «И цзин», «Шу цзин», «Ши цзин», «Ли цзи», «Чуньцю»). Но таких школ было мало. В начале XX века Сунь Чжуншань (китайский революционер-демократ, основатель партии Гоминьдан) организовал Объединенный союз, через который активно популяризировал китайский язык и литературу. В 1919 году этнические китайцы создали школу китайского языка Хуа И. Это стало началом открытия сугубо китайского образования. Постепенно появились школы китайского диалектного языка. До 1915 года функционировали 12 школ китайского языка. В 1922 году правительство Таиланда изменило языковую политику. Согласно новым правилам, дети в возрасте 7-12 лет обязательно получали таиландское образование. Это касалось также детей этнических китайцев. Данные правила с трудом принимались сообществом китайцев в Таиланде, они активно протестовали против нововведений, по причине чего данная языковая политика в течение 10 лет продвигалась с большим трудом (Liu Li, 2017).

После создания Китайской Народной Республики в Таиланде царили антикоммунистические и антикитайские настроения, поэтому к 1987 году насчитывалось только 125 школ китайского языка. В феврале 1991 года в Таиланде была введена новая политика, согласно которой китайский язык имеет одинаковый статус с английским, японским, французским и немецким языками. В последние годы при поддержке принцессы Маха Чакри Сириндхорн правительство Таиланда активно распространяет китайский язык и культуру (Zhao Huaixia and Lu Fang, 2019).

Распространение китайского языка и культуры в Индонезии. В исторических книгах есть упоминания, согласно которым самая первая школа китайского языка в Индонезии была открыта в 1690 году. Учебниками в ней были «Троеслово», «Байцзясин» (рифмованный список китайских фамилий для заучивания иероглифов наизусть), «Тысячеслово» (классический китайский мнемонический текст, применяемый для заучивания иероглифов) и «Четыре книги и пять канонов» (четыре книги: «Лунь Юй», «Мэнцзы», «Да сюэ», «Чжун юн»; пять канонов: «И цзин», «Шу цзин», «Ши цзин», «Ли цзи», «Чуньцю»).

В конце XIX – начале XX века много роялистов и республиканцев из Китая поехали в Индонезию распространять китайский язык и культуру. В 1906 году правительство Цин создало школу Ци-нань (районы расселения китайских эмигрантов в Южных морях), куда приехали обучаться множество учащихся из

Индонезии. В 1908 году голландские колонисты открыли школы, в которых не изучался китайский язык. Правительство Индонезии постановило, что школы китайского языка могут быть только частными, вследствие чего они не имели прав на получение государственной помощи. Правительство также не признавало их образовательный ценз. В 1942-1945 годах в Индонезии китайский язык могли изучать только в начальных школах. В 1950 году во время объединения Индонезии функционировало 816 школ китайского языка, но в этих школах процветал китайский национализм, что привело к активным антикитайским настроениям. В 1967 году Индонезия прервала дипломатические отношения с Китаем, которые были восстановлены лишь в 1990 году. С этого времени китайский язык стал вновь преподаваться в школах (Xin Hui, 2014).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Анализ истории свидетельствует о высокой оценке роли китайского языка и культуры в развитии государств китайского культурного округа. В аспекте цивилизованности Северная Корея, Япония, Вьетнам и другие страны долгое время отставали от Китая, поэтому освоение языка и культуры Китая стало неизбежным требованием национального развития и единственным выбором для этих стран. Овладение китайским иероглифическим письмом являлось способом повышения чиновников в должности. Бизнесмены также могли извлечь выгоду из экономических и торговых обменов с Китаем. В настоящее время китайский язык и культура активно интегрируются в мировое культурное сообщество, а опыт массового продвижения китайского языка в мире все еще находится в стадии накопления.

LIST OF REFERENCES

- Hu Deguoyn. (2018) *Analysis of the spread of Chinese language and culture in Vietnam*. International Communication, p.p. 76–84
- Hu Ze, Lin Xiaofei (2018) *Research on the interaction between Chinese and Japanese languages*. Changchun University Bulletin, p.p. 76–79
- Lai Anya (2017) *Study of the spread of the Chinese language in the world within the framework of "one belt – one road"*. Fuzhou Pedagogical University Press, 2017.
- Liu Li (2017) *Research on the integration of Chinese language teaching and the spread of Chinese culture in Thailand*. Education and Teaching Methods, p.p. 75–80
- Xin Hui (2014) *Overview of teaching Chinese in Indonesia*. Jiaozuo Pedagogical College Bulletin, p.p. 47–49
- Zhang Jing (2013) *Study of the spread of Chinese language and culture in South Korea*. Chinese National University Press, 2013.
- Zhao Huaixia, Lu Fang (2019) *Changes in Chinese education policy and development of Chinese education in Thailand*. Hainan Science–Technology University Bulletin, p.p. 67–73

For citation:

Khristanova, E. & Ma Yixia (2019) THE SPREAD OF CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN THE CHINESE CULTURAL DISTRICT (UNTIL THE TWENTIETH CENTURY) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.44-47.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-44-47>

Для цитирования:

Хрисанова, Е., Ма Ися (2019) РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КИТАЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ОКРУГЕ (ДО XX ВЕКА) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 44-47. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-44-47>

Information about the authors: Elena Khristanova – PhD, prof., Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russia)

e-mail: elenka0304@gmail.com

Ma Yixia – lecturer, Guizhou Normal University (Guizhou, China)

e-mail: 762495289@qq.com

Сведения об авторах: Елена Хрисанова- Доктор педагогики, профессор Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия)

e-mail: elenka0304@gmail.com

Ися Ма – Преподаватель, Гуйчжоуский педагогический университет (Гуй Ян, Китайская Народная Республика)

e-mail: 762495289@qq.com

COMPARATIVE STUDY OF PHRASEMES IN RUSSIAN, SPANISH, FRENCH AND GEORGIAN LANGUAGES

Marine Kobeshavidze
Doctor in philology, Associate Professor
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: mkobeshavidze@yahoo.es

Tsiuri Akhvlediani
Doctor of Philological Science
Emeritus Professor
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: akhvlediani.tsiuri@mail.ru

Ketevan Gabunia
Doctor in philology, Professor
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: keti_gabunia@yahoo.com

Abstract: the article is devoted to the problem of the typologization of phraseological units in Russian, Georgian, French and the Spanish languages. Different classifications of phraseological units are analyzed in these languages. The types of the phraseological units containing numerals, birds' names and emotional units are discussed. As well, they are presented theequivalents in given languages, in one case the exact equivalent and in the other cases close analogies. The object of the analysis is a small group of equivalents and analogies of the phraseological units in Russian, Georgian, French and the Spanish languages.

Key words: *phraseological units, semantic classification, functional-grammatical classification, numerals*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Марине Кобешавидзе
Доктор филологии, ассоциированный профессор
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили
(Тбилиси, Грузия)
mkobeshavidze@yahoo.es

Циури Ахвледиани
Доктор Филологических наук, профессор эмиритус
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили
(Тбилиси, Грузия)
akhvlediani.tsiuri@mail.ru

Кетеван Габуня
Доктор филологии, профессор
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили
(Тбилиси, Грузия)
keti_gabunia@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению испанской фразеологии с точки зрения происхождения и состава. Фоном для сравнительно-сопоставительного исследования послужили французский и грузинский языки. Названы основные группы испанской фразеологии с точки зрения происхождения. Отдельно проанализирован фразеомобразующий потенциал названий птиц и гиперонима птица.

Ключевые слова: *сравнительно-сопоставительный метод, фразеологическая единица, фразеоконпонент птица*

ВВЕДЕНИЕ. На сегодняшний день фразеология привлекает внимание многих исследователей как сложное и самобытное явление, которое отражающее культурную особенность нации и культуры. Фразеология является наиболее эффективным средством отображения объективной действительности, поскольку именно фразеологический состав языка играет особую роль в передаче культурно-национального самосознания народа и его идентификации. Интересно проследить и изучить, как соотносятся фразеологические единицы (ФЕ) в различных языках и культурах. В процессе сравнительно-сопоставительного ФЕ удастся найти точное

соответствие и совпадение, а иногда, особенно при переводе, приходится искать близкие или схожие по значению ФЕ.

Фразеологический состав каждого языка представляет собой многомерную комплексную систему, в которой каждый компонент обладает структурно-семантическими свойствами и отличается присущими ему характерными особенностями. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть испанские ФЕ на фоне фразеологии грузинского, русского и французского языков.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Данное исследование базировалось на описательно-аналитическом и компаративном методах, также были привлечены элементы лингвокультурологического метода.

ДИСКУССИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Во фразеологическом фонде любого языка отражаются национальные качества и особенности народа. Большое количество фразеологизмов различных языков появилось в прошлом и связано с бытием народа и их историей. Мы можем выделить следующие пути формирования фразеологизмов:

1. Профессиональная деятельность народа: исп. *a palo seco* – спокойно, без спешки, без прикрас; буквально: корабль плывет не спеша, с убранными парусами с убранными парусами; исп. *a todo trapo* – на всех парусах, вдоволь, вволю; исп. *Coger en el garlito* – обмануть; *caeren el garlito* – попасть в сети, попасть в ловушку, франц. *Tomber dans la trappe* и груз. *maxeSi gabma* [makheshi gabma]. Все перечисленные единицы связаны с трудовой деятельностью народа и одним из основных промыслов – рыболовством.

2. Народные обычаи и история: исп. *Armarse la gorda* – может разгореться большой скандал; исп. *Pasar la noche en blanco* – провести ночь без сна, не сомкнуть глаз; франц. *Passer la nuit blanche* (аналог.) и груз. *Ramis TeTrad gatareba* [gamis tetrad gatareba]. Первый фразеологизм связан с событиями 1865 года, когда была провозглашена первая испанская республика; второй связан с рыцарским ритуалом, когда рыцарь, одетый в белое одеяние, не спал ночью перед ритуалом крещения и провозглашения рыцарем.

3. Фольклор и мифология: исп. *El talón de Aquiles*, франц. *Le talon d'Achille*, груз. *Aqilevsi qusi* [akilevsi qusi] – ахиллесова пята; исп. *Construir castillos de arena*, франц. *Châteaux en Espagne*, груз. *Ocnebis koSkebi* [otsnebis koshkebi] – возводить замки мечты; *manzana de discordia*, франц. *Pomme de discorde*, груз. *ganxeTqilebis vaSli* [gankhetkilebisvashli] – яблоко раздора.

4. Художественная литература: исп. *Ponerle el casca bela Igato*, франц. *Le tout pour le tout*, груз. *gariskva* [gariskva] – отважиться, взяться за опасное (рискованное) дело; поставить себя под удар. Выражение связано с древней басней, вариант которой встречается в «La esclava y sugalán».

5. Фонд пословиц языка: исп. *hacersuagosto* – поживиться (чем-либо), нажиться, нагреть руки (на чём-либо) от пословицы *Hacer el agosto y vendimia*, в которой речь идет об урожае винограда и зерна, а в переносном значении получает значение «поживиться, получить прибыль».

Особую группу составляют ФЕ, вполне понятные при прямом переводе без дополнительных фоновых знаний и понимания культурных особенностей. Например: исп. *Ponerse como un tomate*, франц. *Rougir comme une tomate*, груз. *potidoriviT gawiTleba* [pomidorovit gatsitleba] – покраснеть как помидор; исп. *Echar un amano* – Подать руку помощи, франц. *Donner sa main*, груз. *Xelis waSveleba* [khelistsashveleba]; исп. *Todos los caminos llevan Roma*, франц. *Tous les chemins vont* или *mènent à Rome*, груз. *Yvela gza romSi midis* [kvelagzaromshi midis] – Все дороги ведут в Рим; исп. *no tenerpelos en la lengua* (букв. - языкбезволос), франц. *Avoir la langue bien* или *trop longue*, груз. *Eenas Zvali ara aqvs* [enas dzvali ara aqvs] – Языкбезкостей.

Выделяется группа испанских ФЕ, не имеющих аналога в других языках, следовательно, сложных для понимания их фразеологического значения: *media naranja* - вторая половина, пара (букв. половина апельсина); *aburrirse como una ostra* - скучать (букв. скучать как устрица), *pasar la noche en blanco* - не спать всю ночь (букв. провести ночь в белом), *por si las moscas* - на всякий случай (букв. на случай, если мухи); *darca la bazasa alguien* - Дать от ворот поворот (букв. дать тыквы); *tener mala leche* - иметь плохой характер (букв. иметь плохое молоко); *estar en el ajo* - быть замешанным в чем-то (букв. быть в чесноке); *me importa un pimiento* - мне наплевать (букв. мне важен перец); *salir del armario* - рассказать правду о себе (букв. выйти из шкафа); *a otra cosa, mariposa* - Давай сменим тему (букв. к другой теме, бабочка").

Как и в других языках, в испанском языке фразеомобразующим потенциалом обладают соматизмы, анимализмы, колоративы. Например, выделяется большая фразеогруппа с названиями птиц: *bebermenosqueun pájaro* – пить как птичка; быть трезвенником; капли не брать в рот, *cantarcomoun pájaro* - петь как соловей; заливаться соловьем; *cantarcomoun pajarito* – пищать как птенчик, т. е. болтать лишнее. Гипероним *птица* обнаруживает широкий спектр сем и является самым активным с точки зрения его фразеомобразующего потенциала в рассматриваемых языках: исп. *Comer menos queun pajarito*, франц. *Manger comme une mauvette* (или *un moineau*), груз. *CitiviT kenkva* - есть очень мало; клевать как птичка; исп. *libre como un pájaro* –вольный, свободный как птица, франц. *Libre comme l'air* (букв.свободный как воздух), груз. *CitiviT Tavisufali* [chitivit tavisufali]; *tímido como un pájaro*, франц. *Timide à l'abordée, timide comme une demoiselle* (букв. робкий человек, робкий как девушка), груз. *qaliSviliviT morcxvi* [qalishvilivit mortskhvi] – робкий, боязливыйкакптица. Приведём и другие примеры из испанского языка: *más ligero que un pájaro* – быстрый проворный как птица, *más inocente que un pájaro* – наивный, чистый, какптица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённый анализ испанских ФЕ на фоне французского и грузинского языков показал, что сложность понимания ряда ФЕ обусловлена их национально-культурной спецификой. Непонимание фразеологического значения и неясность внутренней формы затрудняют описание всех сходств и различий ФЕ. Но, несмотря на существующие затруднения, сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ интересен, поскольку

раскрывает национальную самобытность того или иного языка и способствует эффективной межкультурной коммуникации.

LIST OF REFERENCES

- Vinogradov. V.V. (1953). Osnovnie Temileksicheskie znacheniya slova. [Main subjects of lexical meanings of a word. Linguistics questions], 21.
- Vodyakha. A. A. (1996). Emotivnyy potencial frazeologicheskikh edinit. [Emotional potential of phraseological units / Vodyakha. A. A. // Vzaimodeystviye yazykovikurovney v sfere frazeologii. [Interaction of language levels in the domain of the phraseology]. Volgograd. Peremena., 30–32.
- Zhukov. V. P. (1987). Slovar frazeologicheskikh sinonimov ruskogo yazyka. [Dictionary of phraseological synonyms of Russian]. – M.: Russian language.
- Kurchatkina N.N. (1981) Frazeologia ruskogo yazyka. [The phraseology of Russian language. Moscow], 8
- Tedo Sakhokia, (1950-1955). Kartulikhatovanitskva-tkmani [Georgian Phraseology]). I-II-III tr., Tbilisi., (in Georgian).
- Frantsuzsko- Ruskii frazeologicheskii slovar. Moskva [French-Russian phraseological dictionary (under editing of Y. I. Retsker), Moscow, 1963.
7. M. Moliner. Dicionario de uso del español. Segunda edición. Madrid. Gredos. 1998.
https://centrospanol.ru/blog/frazeologizmi_v_ismanskom/
- Borshevich. Z. I., teacher School Volga from culture orientated organization Russian house in Valencia, Spain. COMPARATIVE STUDY OF PHRASEMES IN RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES. (<https://docplayer.ru/34802874-Sopostavitelnoe-izuchenie-frazeologizmov-v-russkom-i-ispanskom-yazykah-comparative-study-of-phasemes-in-russian-and-spanish-languages.html>).

For citation:

Kobeshavidze, M., Akhvlediani, Ts. & Gabunia, K. (2019) COMPARATIVE STUDY OF PHRASEMES IN RUSSIAN, SPANISH, FRENCH AND GEORGIAN LANGUAGES // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.48-50. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-48-50>

Для цитирования:

Кобешавидзе, М., Ахвледиани, Ц., Габуня, К. (2019) СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 48-50. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-48-50>

Information about the author: Marine Kobeshavidze, Associate Professor, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

e-mail: mkobeshavidze@yahoo.es

Tsiuri Akhvlediani, Emeritus Professor, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

e-mail: akhvlediani.tsiuri@mail.ru

Ketevan Gabunia, Professor, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

e-mail: keti_gabunia@yahoo.com

Сведения об авторе: Марине Кобешавидзе, ассоциированный профессор, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия

mkobeshavidze@yahoo.es

Циури Ахвледиани, профессор эмеритус, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия

akhvlediani.tsiuri@mail.ru

Кетеван Габуня, профессор, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия

keti_gabunia@yahoo.com

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-51-55>

HONEY IN RUSSIAN AND POLISH PHRASEOLOGY

Elena Nikolaeva

PhD, Associate Professor of Russian Language
Russian State Hydrometeorological University
(Saint-Petersburg, Russia)email: elena_kairovna@mail.ru

*This project was carried out with financial assistance from Russian Science Foundation (project No17-18-01062, State University of St.-Petersburg)

Abstract. The present paper is devoted to comparative analysis of Russian and Polish phraseological expressions with *měd / miód* 'honey'. It focusses on typical imagery concerning honey and the ways it is expressed in the phraseological system of two Slavic languages with the purpose of demonstrating how a metaphor has evolved out of set expressions with 'honey' and how it further developed within Russian and Polish repositories of phraseological units. Particular emphasis is laid on comparative expressions and the formation of prototypical image of "sweet life" attested across European and Eastern cultures. One instance of further evolution of this image in Polish is the jocular expression *cud miód* 'something very pleasing, delightful', while in Russian we find the expression *ne mēd* with a general meaning 'something unpleasant, painful, grievous'. The Russian idiom is well represented in phraseological dictionaries of Russian and other East Slavic languages, but its counterpart is lacking either in dictionaries of Polish or the materials of National corpus of Polish Language. However, a close study of contextual usages based on Internet sources has shown that a negated expression comparable to Russian *ne mēd* is present in contemporary Polish language.

Key words: phraseology, set expression, metaphor, honey, image

МЁД В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Елена Николаева

Кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург, Россия)
elena_kairovna@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов русского и польского языков с компонентом *měd* (пол. *miód*). В центре внимания исследования – выявление типовых образных представлений, связанных с лексемой «мёд», и описание способов их выражения во фразеологии двух славянских языков, демонстрация процесса формирования метафоры из устойчивых выражений с компонентом *měd* и ее дальнейшее развитие во фразеологических фондах русского и польского языков. Особое внимание уделено устойчивым сравнениям, процессу формирования образа-эталона «сладостей жизни» (всего того, что доставляет удовольствие), известного как европейским, так и восточным культурам. Дальнейшее развитие в польском языке этот образ получает в шутовом фразеологизме *cud miód* 'о чём-л. очень приятном, замечательном', а в русском – во фразеологизме *ne mēd* с общим значением 'о чём/ком неприятном, тягостном, тяжелом', что зафиксировано во фразеологических словарях русского языка (как и в словарях других восточнославянских языков), но отсутствует в словарях польского языка и материалах Национального корпуса польского языка. Однако привлечение контекстов употребления из интернета показало наличие этого выражения в современной живой речи носителей польского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое сравнение, метафора, мёд, образ

ВВЕДЕНИЕ. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению метафорических средств языка, их роли в создании национальной языковой картины мира. Продукты питания, шире – единицы пищевого (кулинарно-гастрономического) кода – обладают значительным метафорообразующим потенциалом и широко представлены во всех языках мира, что, по мнению составителей «Словаря русской пищевой метафоры», объясняется «высокой значимостью и доступностью питания в повседневной жизни человека» (Slovar' t.1, 2015: 319-320), а на наш взгляд, еще и мощным культурологическим (мифологическим, обрядовым) зарядом продуктов питания. Мёд в культуре славянских народов является символом бессмертия, плодородия, здоровья, благополучия, красоты, счастья, «сладости» жизни; его называют пищей богов и эликсиром жизни. Согласно старинным апокрифам, райские реки текут молоком, вином и мёдом (ср. в польском языке: *kraina mlekiem i miodem płynąca*); от корня мирового древа исходят 12 молочных и медовых источников. У славян он используется в свадебной, родинной, похоронной обрядности, в народной медицине (Slavjanskyie drevnosti 2004, т. 3: 208). Мёд ели и пили во все времена все славянские народы, поэтому он прочно входит в картину мира славян, в том числе – языковую. Во фразеологии (в широком понимании этого термина) этот компонент мы находим на всех уровнях: и в пословицах, и в идиомах, и в

устойчивых сравнениях. В центре внимания нашего исследования – выявление и описание способов выражения типовых образных представлений, связанных с лексемой *мёд*, во фразеологии двух славянских языках, демонстрация процесса формирования метафоры из устойчивых сравнений с компонентом *мёд* и ее дальнейшее развитие во фразеологических фондах русского и польского языков.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Метафоризация значения выступает основным способом создания вторичного языкового образа, обладающего смысловой двуплановостью. Эти образы находят свое отражение в образных средствах языка, прежде всего – во фразеологии. В современных исследованиях проблемы метафоры преобладает лингвокогнитивный подход, как справедливо отмечают Нино Саная и Зоя Адамия, анализируя метафорический образ коня во французском, русском и грузинском языках (Sanaia & Adamia, 2019: 74 – 82). Е.А. Юрина, отмечая, что метафорические модели как концептуальные структуры мышления объективируют себя в текстах посредством образных языковых единиц с метафорической семантикой, предлагает 3 уровня анализа общезыковой образной системы: 1) концептуальный (когнитивный) – уровень анализа типовых образных представлений в определенной лингвокультуре; 2) языковой (семантический) – уровень анализа образных лексико-фразеологических средств языка; 3) речевой (дискурсивный) – уровень анализа текстов, использующих метафорические образы (Jurina 2013: 11). В связи с этим материалом нашего исследования послужили не только данные толковых и фразеологических словарей (см. список источников), но и тексты Национальных корпусов (русского и польского) с целью выявления функционирования фразеологизмов с компонентом *мёд* в разных типах дискурса, а также выборки (контексты) с различных сайтов интернета, что дополнило данные Национальных корпусов.

Описание элементов пищевого кода в языке и культуре неоднократно привлекало внимание исследователей (Berezovich 2007; Kovshova 2013, Jurina 2013). М.Л.Ковшова, анализируя фразеологизмы с символическими компонентами *каша*, *хлеб* и *впитывать с молоком матери*, в своей монографии «Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры» убедительно показала, что пищевой код, в силу своей значимости в развитии и жизнедеятельности человека, является одним из базовых кодов культуры (Kovshova 2013: 232-253). На первичных образах еды основано большое количество фразеологизмов и метафор. Пожалуй, лучшим подтверждением этого является выход в свет «Словаря русской пищевой метафоры» (2015, т. 1; 2017, т. 2), в который вошли языковые, речевые и авторские метафоры, устойчивые сравнения, идиомы, пословицы, содержащие кулинарные образы. Анализируя подобные образные средства русского языка, имеющие в своем составе лексему *мёд* и ее производные (*медовый*, *медоточивый*), авторы выделяют 6 типовых образных представлений, связанных с мёдом:

1. Сладкий ароматный мёд выступает образным эталоном для характеристики продуктов, приятных на вкус и запах.
2. Блестящий желтый с оттенком коричневого или коричневый с желтым оттенком мёд служит образным эталоном для характеристики предметов подобного цвета.
3. Густой мёд выступает образным эталоном для характеристики веществ подобной консистенции.
4. Сладкий мёд, который улучшает вкусовые качества многих блюд, образно ассоциируется с чем-л. хорошим, милым, добрым.
5. Приторный вкус по причине слишком большого количества мёда образно ассоциируется с лестью, излишней угодливостью, любезностью.
6. Привлекательный для насекомых мёд уподобляется чему-л., вызывающему интерес у большого количества людей (Slovar' russkoj pishevoj metaforj, 2015: 319-320).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Анализ польского материала показал, что типовые образные представления совпадают в обоих славянских языках. Однако фразеологические единицы (далее - ФЕ), отражающие эти представления, имеют различную степень устойчивости и частотность употребления в современном языке. Многие единицы, популярные в речи, не зафиксированы в словарях, хотя частотность их употребления у разных авторов дает основания для включения их во фразеологический фонд. Так, устойчивое сравнение (далее - УС) *как мёд* не фиксируется в словарях с основанием сравнения *густой*, хотя часто встречается в этой форме в Национальном корпусе русского языка. Тягучая, вязкая консистенция мёда часто используется для создания образов, например, медленно текущего времени или насыщенного ароматами цветов и трав воздуха: *А Санин медленно пошел за ним, всей грудью вдыхая густой, как мёд, садовый воздух.* [М. П. Арцыбашев. Санин (1902)]. *Это — густое и душистое, как мёд, время небольших любовных сценок и лирических излияний, пропитавшее собою строго отграниченный и замкнутый и насквозь простилизированный клочок природного пространства* [М. М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа* в романе (1937-1938)]. *Бекмез, сваренный из яблочного сока, был густым и пахучим, как мёд.* [Фазиль Искандер. *Первое дело* (1956)]. В Национальном корпусе польского языка не удалось обнаружить сравнения *gesty jak miód*: густоватая консистенция продуктов чаще сравнивается со сметаной: *Powinien być tak gesty jak dobra śmietana* (о тесте). nkjrp.pl/poliqarp/nkjr300/query/11/. Однако, представляется, что индивидуально-авторский образ свисающих с дерева шишек, похожих на капли мёда *Z wysokich gałęzi jak krople miodu zwisały ciężkie szyszki*, доказывает существование этого типового представления у носителей польского языка.

И в русском языке, и в польском языке для передачи «желтого с оттенком коричневого или коричневого с желтым оттенком» цвета (типичное представление №2) чаще используется прилагательное *медовый* (пол. *miodowy*): *Стены были облицованы медовым полупрозрачным материалом, напоминающим янтарь* [М. Елизаров. Библиотекарь], реже - УС (жёлтый как мёд [как в соте мёд] (Mokiyenko & Nikitina, 2008: 381), пол. *złoty jak miód*, *zółty jak miód* (Bańko, 2013); *złocisty jak miód* (Wysoczanski 2005: 299): *Потом принесла для мужчин две плоские стеклянные чаши, так как отец не замедлил сходить к ближайшему виноторговцу и ради гостя приобрел кувшин золотистого, как мёд, вина.* [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)]; *Одна из самых ярких особенностей пекинской оперы — феерическое разноцветье лиц: белые, как снег; жёлтые, как мёд; зелёные, как трава; синие, как*

лазурит; красные, как мак; золотые, как солнце. [Дмитрий Козырев. Великий труд, подчеркнутая лёгкость // «Зеркало мира», 2012]; пол. *Te jej nogi smukle, długie, zawsze opalone, jej skóra miała kolor złocisty jak miód*. Marek Nowakowski, 2010; *Jedna baba (gliniana) była nadkrojona, aby świadczyć o swej szlachetności złocistym jak miód wnętrzem*. Jan Parandowski, 1936; *W wylocie wąwozu dostrzegł Angus niebo w lunie — ... i nie od razu pojął, że to ani zorza, ani promień solektora, lecz macierzysty władca Tytana — wielkopiersoieny, żółty jak miód Saturn*. Stanisław Lem, *Fiasco*, 1987.

Наиболее широко и разнообразно во фразеологии обоих языков реализуется типовое представление о мёде, как о чем-то хорошем, милом, приятном, включая и приятный вкус продуктов (т.е. № 1 и № 4 по классификации в Словаре русской пищевой метафоры). В функционально-семантическом аспекте сема 'хороший, приятный, доставляющий удовольствие' является определяющей, мотивирующей значение практически всех фразеологизмов с компонентом *мёд*. Например, ФЕ *мёдом намазано* 'привлекательно для

большого количества людей' – ср. пол. *miodem smarować (mazać), żeby ich miodem smarować innymi nie beda* (NKPP, 2: 493); *ложка дёгтя в бочке мёда* 'неприятной мелочи, небольшом недостатке, который может испортить все хорошее' – ср. пол. *łyżka dziegciu w beczce miodu*; (слетаться) как мухи / осы на мёд 'о большом количестве людей, стремящихся к чему-л. привлекательному, вызывающему большой интерес' – ср. пол. *jak muchy do miodu*. Эта же сема присутствует в польском библейском фразеологизме *mlekiem i miodem płynący* 'о счастливым и богатом месте' (в русском ему соответствует фольклорный по происхождению фразеологизм *молочные реки, кисельные берега*). Этот фразеологизм до сих пор весьма широко употребляется, например, в польских СМИ: *Mówiono im, że tam, gdzie mieszkają, będzie kraina mlekiem i miodem płynąca; że będą mieć pracę; że zarobią na wykształcenie dzieci, które z dyplomem inżyniera wrócą w rodzinne strony, bo tu znajdują swoje miejsce na ziemi*. NKJP: Zbiornik marzeń, *Dziennik Polski*, 2002-01-2. *Radośnie się robi na duszy, bo właściwie każdy kandydat obiecuje to samo, a więc - kogokolwiek wybierzemy - obudzimy się w Polsce mlekiem i miodem płynącej*. NKJP: Ale to już było..., *Dziennik Polski*, 2002-10-23. Сема 'хороший, приятный' содержится и в значениях отсутствующих в русском языке ФЕ *dobrac się do miodu* 'добиться до чего-л. хорошего, получить что-л. хорошее' и *spijać miód* 'извлекать выгоду из собственного или чужого успеха', соответствующее рус. *снимать сливки*: *Kubacki uważał go - w przeciwstawieniu do siebie - na wyjątkowego szczęściarza, któremu dane było spijać miód wszystkich życiowych sukcesów, podczas gdy jego, Kubackiego, cały świat zawsze gnębił i nie doceniał*. NKJP: Ryszard Matuszewski: *Alfabet: wybór z pamięci 90-latk*, 2004.

Но наиболее широко вышеописанное значение представлено в интернациональном устойчивом сравнении *сладкий как мёд*, пол. *słodki jak miód*, которое может использоваться для образной характеристики вкусных продуктов, беспечной приятной жизни, милых детей или девушек, приятных слов, чистого воздуха и т.п. (в польском национальном корпусе из 78 сравнений *jak miód* 38 зафиксированы с основанием сравнения *słodki*, в русском из 98 – 20):

Krem mrożony, bardzo dobry, słodki jak miód, waniliowy, pistacjowy... Wojciech Żukrowski. *Kamienne tablice*. 1966. *Życie w Unii Europejskiej miało i ma być tak słodkie jak miód, ale rzeczywistość okazuje się bardziej gorzka*. Monika Grabiec. *Nowiny Raciborskie* nr 16 2005-04-19. *Książka była słodka jak miód i gorzka jak piołun*. Jan Parandowski, 1936. *Душа должна находиться в постоянном восхищении, пить сладкие, как мёд, капли любви, веры, надежды...* [Светлана Васильева. Триптих с тремя неизвестными // «Октябрь», 2001]; *Они голосят, эти торговцы, хватают меня за руки, тягуче предлагают купить сладких, как мёд, огурчиков* [Мария Головановская. Я люблю тебя (1990-2000)]; *Воздух был сладок, как мёд*. [А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)].

Переплетение положительных бытовых ассоциаций, связанных с образом мёда, с культурными смыслами этого слова, основанными на ритуальном, мифологическом, медицинском использовании мёда, дают мощный положительный заряд компоненту *мёд*. И это приводит к тому, что основание сравнения (*сладкий*) опускается в речи: *Знаешь, какой у нас воздух? Как мёд*. [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]. *Рот как мёд, в очах — доверье, — Но уже взлетает бровь*. [Лидия Иванова. Искренне ваша грешница (2000)].

Далее происходит процесс исключения компаративного союза и превращение компонента УС в метафору, в основе которой широкий набор устойчивых сравнений с компонентом *мёд*. Идея подобия субъекта и объекта сравнения трансформируется в идею тождества, и признак сравнения становится явно избыточным. М.Л.Ковшова подробно описала процесс перехода фразеологизмов сравнений во фразеологизмы-метафоры, отметив, что «такое движение – от сравнения к метафоре – представляется закономерным развитием процесса уподобления, в котором метафора становится его завершением» (Kovshova 2016: 53). В «Современном толковом словаре русского языка» переносное метафорическое значение слова *мёд* определяется как «О том, что чрезвычайно приятно (на вкус, слух и т.п.). Арбуз – просто мёд» (STSR, 2001: 339): *Первая глава: весна, любовь, медовый месяц... мёд, одним словом...; вторая глава: искание должности, ссуда денег под залог, бедность, аптека и... завтрашнее шлёпанье по грязи на клдбище*. [А.П.Чехов, Рассказ без конца, 1886]

Составители «Словаря русского языка XVIII века» отмечают, что лексема *мёд* в переносном значении «что-л. приятное, услаждающее (обычно о льстивых словах, речах)» встречается уже в произведениях конца XVIII в. (2001: 103-104). Видимо, формирование метафорического употребления слова *мёд* начиналось еще в конце XVIII в.

Представляется, что именно эта метафора дает жизнь другому устойчивому сравнению, отрицательному: *не мёд*. *Конечно, жизнь рабочих в тогдашней заводской слободке далеко не мёд и не сахар*. [Сергей Баймухаметов. Кто погубил прежнюю Россию? Нация самоубийц? (2003)]

Современное употребление этого выражения по материалам Национального корпуса русского языка демонстрирует широкий диапазон значений этого выражения:

Где не мёд. О нелегкой жизни в каких-л. местах.

– Это, конечно, в доле не мёд, и на воле не мёд, а только зло берет, товарищ заведующий: не успел, понимаешь, родиться, на тебе – несчастная судьба! [А. С. Макаренко. Доктор (1938)]

Что не мёд. О чём-л. неприятном, тягостном, трудном.

Солдатская служба не мёд: учеба, наряды, караулы, вождение техники, ее обслуживание. [Судьба моя – спецназ (2004) // «Солдат удачи», 2004.10.06]

Кто не мёд. О ком-л. с трудным, тяжелым характером; неприятном окружающим по каким-л. причинам.

Ведь старик, по всему видать, далеко не мёд. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]

Не мёд что делать. О неприятном, трудном или малоприятном деле.

Спать в гамаках – совсем не мёд. Взбираться в них — еще хреновей: Взобрался, вроде, Киселев, Глядь – почему-то лезет снова! [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]

Кому с кем не мёд. (из Фразеологического словаря под редакцией А.И.Молоткова). Тягостно, нелегко, трудно (об отношениях между людьми). Нам не удалось найти в Национальном корпусе примеров употребления этого оборота в приведенной форме. Контексты во Фразеологическом словаре на это значение также отсутствуют (Frazeologichesky slovar', 1986: 240).

Во все дефиниции входит сема 'неприятный', обобщенное значение можно определить как противоположное значению УС как мёд 'о ком/чём неприятном, тягостном, не доставляющем удовольствия'.

В польском языке словари не фиксируют подобный фразеологизм, примечательно, что авторы двуязычного Большого фразеологического словаря, приводя четыре значения этого выражения, ни разу не использует буквальный перевод: не мёд *что* – пол. *żadna przyjemność*, не мёд *кто* – пол. *ktoś ma ciężki charakter* и т.д. (WSF, 1998: 787), что, на наш взгляд, подтверждает отсутствие в языке этого выражения. Однако материалы интернета свидетельствуют об обратном: 29 paź 2017 - *Bycie soltysem to nie miód, to bardzo czasochłonne zajęcie. Nie każdy zdaje sobie sprawę ile wymaga ono wyrzeczeń.* janowieckoscielny.wm.pl/422048, *Bycie-soltysem-to-nie-miod.html*; 30 kwi 2018 - *Czy nam się to podoba - ale tak to wygląda ten kochany zachód - to nie miód!!!!* <https://www.infosecurity24.pl/prawie-polowa-polakow-pozytywnie-ocenia-dzialalnosc>; *Ciągły hałas, dolegliwości zdrowotne - ta praca to nie miód. Na 18 godzinach w przedszkolu mój dzień się nie kończy.* [<https://pomorska.pl>] > Wiadomości > Sępólno Krajeńskie]

В польском языке развитие метафорического значения лексемы мёд шло несколько отличным путем. С середины XVII века в польском языке фиксируется сравнение *Jakby kto w serce miód wlewał*, с начала XX в. - *Jakby kto po sercu miodem posmarował* (NKPP, 2: 491), которые дали жизнь современному, широко употребляемому в речи фразеологизму *coś jest miodem na czyjeś na serce* 'coś jest dla kogoś bardzo mile' (в русском языке *бальзам на сердце*): *No i okazywana jej na każdym kroku sympatia i aprobaty pastorstwa była miodem na jej serce!* NKJP: Elżbieta Hajnicz: *Poza nurtem czasu, 1996: Agent proponuje ubezpieczenie, ustala składkę, po czym błyskawicznie przelicza ją na prowizję. Suma, która mu wychodzi, jest miodem na jego serce.* NKJP: Sprzedaż ubezpieczeń. Kurs mistrzowski, Gazeta Ubezpieczeniowa, 2002-08-01. Примечательно, что и вышеописанный фразеологизм *ne mёд* фиксируется с подобным расширением: *Samotny nauczyciel wśród samotnych dzieciaków Zdolny uczeń to nie miód na serce?* info.wyborcza.pl/temat/wyborcza/zbiory+miodu. Метафорическое значение, сформировавшееся во фразеологических компаративах, легло в основу еще одного, широко употребляющегося в речи поляков (и отсутствующего в русском языке), фразеологизме *cud miód* 'шутл. о чем-л. очень хорошем, замечательном'. Он представлен в Большом словаре польского языка (<https://wsjp.pl>) со всеми своими вариантами, что свидетельствует о его популярности: *cud miód i orzeszki*; *cud miód malina*; *cud miód ultramaryna*; *miód malina: Poprzednia pediatra była ok, a mój ortopeda to już w ogóle cud miód* (NKJP: Internet); [...] *zęby po ściągnięciu aparatu są takie boskie, że napatrzeć się nie można, cud miód i orzeszki [...]*. (NKJP: Internet); *Włosy mi się zrobiły jakieś grubsze, gęściejsze i niewiarygodnie lśniące. Cud miód malina.* (NKJP: Internet). https://wsjp.pl/do_druku.php?id_hasla=33140&id_znaczenia=3202140

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Сопоставление русского и польского фразеологического материала показало, что набор типовых образных представлений, связанных с мёдом, одинаков в обоих языках, хотя способ (форма) их выражения в устойчивых выражениях анализируемых языков значительно различаются.

Логика образа, закрепленного за словом мёд в сознании носителей языка и отраженная во фразеологизмах русского и польского языков, заключается в том, что в «положительную» семантику устойчивых единиц с компонентом мёд, формирующуюся на основе бытовых представлений о мёде как вкусной и полезной пище, вплетается его культурная семантика как символа здоровья, плодородия, бессмертия, что порождает мощный положительный заряд этого образа. Мёд становится эталоном «сладостей жизни» – всего того, что доставляет удовольствие. Рождается метафора, известная как европейским, так и восточным культурам. Дальнейшее развитие в польском языке этот образ получает в шутовском фразеологизме *cud miód* (о чём-л. замечательном), а в русском – во фразеологизме *не мёд* с общим значением 'о чём/ком неприятном, тягостном, тяжелом', что зафиксировано во фразеологических словарях русского языка (как и в словарях других восточнославянских языков) со второй половины XX века, а в польском языке этот фразеологизм только начинает входить в живую речь и пока отсутствует не только в словарях, но и в Национальном корпусе польского языка.

LIST OF REFERENCES

- Bańko, M. (2004). Słownik porównan. Warszawa: Wydawnictwo naukowo PWN.
Berezovich, E. (2007). Yazyk i tradicinnaya kultura. Etnolinguisticheskiye issledovaniya [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik.
Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka (1986) [Phraseological dictionary of the Russian language]. Red. Molotkov, A.I. Moskva: «Russkiy yazyk».

Kovshova, M. L. (2016) Frazeologicheskiye sravnitel'nyye konstruktii s nevyrazhennym priznakom sravneniya: vozmozhnosti i ogranicheniya na upotrebleniye // Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii [Phraseological comparative constructions with an unexpressed sign of comparison: possibilities and restrictions on use // Stable comparisons in the system of phraseology]. Sankt-Peterburg – Greifswald. (p.p. 50-58).

Kovshova, M. L. (2013): Ligokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguoculturological method in phraseology: Culture codes]. Izd. 2. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM».

Mokiyenko, V.M., Nikitina, T.G. (2008): Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy [The Big Dictionary of Russian folk comparisons]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp».

NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich (1969-1978). Pod red. Krzyżanowskiego, J. Warszawa, T.1-4.

Sanaia, N. & Adamia, Z. (2019) Analiz metaforicheskogo obraza konya vo frantsuzskom, russkom i gruzinskom yazykakh [Analysis of a horse's metaphorical image in French, Russian and Georgian]. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 1 N1. (March), pp.74–82. Doi: doi.org/10.33739/2587-5434-2019-74-82

Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. T. 3. (2004). Red. Tolstoy, N.I. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka (2001) [Dictionary of the Russian language of the XVIII century] AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: YU. S. Sorokin. Vyp. 12. (L'stets — Molvotvorstvo). SPb.: Nauka.

Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Tom 1: Blyuda i produkty pitaniya (2015) [Dictionary of Russian food metaphor. Volume 1: Meals and Food]. Red. Yurina, Ye.A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Tom 2: Gastronomicheskaya deyatel'nost' (2017) [Dictionary of Russian food metaphor. Volume 2: Gastronomy]. Red. Yurina, Ye.A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (2001) [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Red. Kuznetsov, S.A.. SPb.: «Norint».

WSF: Wielki slownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski (1998). Red.naukowy Lukszyn J. Warszawa: Harald G Dictionaries.

Wysoczański, W. (2005). Językowy obraz świata w porównaniach zlekalizowanych. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Yurina, Ye.A. (2013): Vkusnyye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov [Tasty metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau.

Электронные ресурсы

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. [дата обращения 30.05.2019]

НКJP - Narodowy korpus języka polskiego [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> <http://nkjp.pl/> [дата обращения 30.05.2019]

WSJP – Wielki slownik języka polskiego [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wsjp.pl/>

For citation:

Nikolaeva, E. (2019) HONEY IN RUSSIAN AND POLISH PHRASEOLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.51-55. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-51-55>

Для цитирования:

Николаева, Е. (2019) МЁД В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 51-55. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-51-55>

Information about the author: Nikolaeva Elena Kairovna - Associate Professor of Russian Language, PhD, Head of the Department of Russian language and pre-collegiate training, Russian State Hydrometeorological University (Saint-Petersburg, Russia)

elena_kairovna@mail.ru

Сведения об авторе: Николаева Елена Каировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и предвузовской подготовки, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Россия). e-mail: elena_kairovna@mail.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-55-59>

UNIVERSAL ASPECTS IN THE INDIVIDUAL HUMAN CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS)

Irina Podgorbunskaya

Candidate of Philology, Associate Professor

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

(Krasnoyarsk, Russia)

e-mail: mir_63@mail.ru

Abstract. Each natural language reflects a certain way of perceiving and encoding the world. The values expressed in the language are formed into a single system of views, which each nation has a national specificity, and as a result, speakers of different languages perceive the world in their own way, different from speakers of other languages. The stable semantic structure of the image of the world corresponds to the most universal space of human reactions in the process of perception of objects and phenomena of surrounding reality. Being in "contact" with the environment, the vision and hearing of the individual allow you to get acquainted

with real objects, events and respond to them. A comparative analysis of Russian, English and German phraseological units containing the components of the notation of color and form showed that there is a universal person in the individual consciousness through the prism of sensation and perception of color, form and their reflection in the linguistic picture of the world.

Key words: universality, naive picture of the world, individual consciousness, synesthetic significance, distant exteroceptors

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Ирина Подгорбунская
Кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева
(Красноярск, Россия)
e-mail: mir_63@mail.ru

Аннотация. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и кодировки мира. Значения, выражаемые в языке, складываются в единую систему взглядов, которая у каждого народа обладает национальной спецификой, и в итоге носители разных языков воспринимают мир по-своему, отличным от носителей других языков способом. Устойчивая семантическая структура образа мира соответствует наиболее универсальному пространству реакций человека в процессе восприятия объектов и явлений окружающей действительности. Находясь в «контакте» со средой, зрение и слух индивида позволяют ознакомиться с реальными объектами, событиями и отреагировать на них. Сравнительно-сопоставительный анализ русских, английских и немецких фразеологизмов, содержащих компоненты обозначения цвета и формы, показал наличие универсального в индивидуальном сознании человека через призму ощущения и восприятия цвета, формы и отражения их в языковой картине мира.

Ключевые слова: универсальность, наивная картина мира, индивидуальное сознание, синестетическое значение, дистантные экстероцепторы

ВВЕДЕНИЕ Проблема выявления общих закономерностей отражения окружающей действительности у разных наций особенно важна сейчас, когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха. Рассмотрим, каким образом язык отражает мир, пропущенный через сознание человека.

«Границы моего языка определяют границы моего мира». Эти слова Людвиг Витгенштейна с философской точки зрения можно расценить как то, что реальность опосредуется языком, который «пересоздает» ее внутри себя и тем самым творит образ мира, уникальный для конкретного языка, то есть язык конструирует реальность. Однако Э. Сепир утверждал, что «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы. «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие деления главным образом потому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Сепир 2003).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

История вопроса

Проблема универсальности разных явлений в языке поднималась практически во все эпохи развития лингвистики как науки. Предшественники в этом направлении создали учение о членах предложения, среди которых были Ян Амос Коменский, Р. Бэкон и др. Но, прежде всего, такие попытки связаны с разработкой универсальной грамматики, которая «была связана с универсальными семантическими категориями, которые *a priori* предполагались в основе каждого человеческого языка» (Uspenskiy 1970).

В XIX веке изучение универсального в языках продолжается в основном философами языка Э. Гуссерлем, А. Марти, которое базировалось на стремлении найти причины различия на национальном характере, культуре, языке и т.п. Интерес к языковым универсалиям возобновился с развитием структурной лингвистики в работах таких ученых как Ельмслева, Хомского, Н.С.Трубецкого, Р.О. Якобсона, Дж. Гринберга. Этой области исследования были посвящены также работы в языкознании Р.О. Якобсона, культурной антропологии Дж. Касагранде и психолингвистике Ч.Осгуда.

Наличие общих закономерностей (универсалий) в языках позволяют утверждать о существовании универсальных законов мышления людей разных национальностей и культур.

В данной статье мы будем рассматривать частный вид универсалий – семантические.

Психосемантика сознания

Окружающая действительность репрезентирована субъекту не только через знаковые, концептуальные модели, но и через призму чувственной модели мира (перцептивный образ).

Как утверждает Ю.Д. Апресян, в наивную картину мира, которая складывалась веками, входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., она «отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка...» (Апресян 1974). Отсюда следует, что индивидуальный «язык личности» можно рассматривать как с культурологической точки зрения, так и с психологической.

К наиболее общим, базисным категориям относятся категории количества и качества, меры и формы, материи и пространства, движения и свойства и др. Как уточняет А.Я. Гуревич, такие универсальные понятия и формы восприятия действительности, как пространство и время, изменения и причина, отношение частей к

целому, отношение чувственного к сверхчувственному связаны между собой в каждой культуре и образуют «сетку координат», посредством которой «люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Gurevich 1984).

Процессы функционирования индивидуального человеческого сознания, в системной организации которого выделяются такие образующие этой системы, как значение, личностный смысл, чувственная ткань, требует рассмотрения этих образующих в контексте целостного сознания в их взаимосвязях и взаимопереходах. Сознание каждого индивида, присваивая общественно выработанные значения, так или иначе возвращается к чувственной предметности мира (Leont'ev 1975).

Рассматривая чувственную ткань как одну из составляющих человеческого сознания, следует подчеркнуть ее функциональный статус. Когда субъект воспринимает действительность, ее образ существует для него через совокупность черт и элементов. «Взятые в отношении к предметному содержанию ситуации, данные элементы имеют значение только в отношении к ней и только в этом смысле служат “чувственной тканью” образа. Но в отрыве от отношения к образу целого эти элементы имеют собственное значение, которое, в свою очередь, может репрезентироваться субъекту через другие видимые характеристики объекта, т.е. через иные содержания образа» (Stolin 1973). Это идея многоуровневости строения предметного образа, идея поуровневого «развертывания» плана содержания, понимания образа как процесса его становления близки к пониманию значения как процесса, как пути движения его от мысли к слову (Vygotskiy 1968).

В процессе присвоения субъектом общественно выработанных значений происходит формирование индивидуальной системы значений, которая в той или иной степени приближается к системе значений общественного сознания (Petrenko 2005).

Соотношение реального мира, сознания и языка можно рассмотреть с помощью сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических единиц (ФЕ) различных языков.

ФЕ, базирующиеся на восприятии определенных сходств, где один из компонентов, значение которого связано с одним органом чувств, принято называть синестетическими. В этом случае происходит переход, например от осязания к слуховому восприятию или от последнего к зрительному восприятию. Отметим, что синестезия может быть представлена как древняя, широко распространенная и даже универсальная форма метафоры.

Но, несмотря на разные формы выражения отдельно взятого языка, есть что-то общее, которое восходит к чувственному в познании окружающей действительности. Как отмечает Н.К. Михайловский, в процессе познания большую роль играет состояния органов чувств и эффект строения. «Объект, действительность играют здесь совершенно подчиненную роль; не объект определяет характер впечатления, а известный нервный аппарат воспринимающего субъекта» (Mikhaylovskiy 1998).

Рассмотрим фактор, который обуславливает наличие универсального в сознании индивида – общность биологического происхождения.

Когда мы смотрим вокруг, то видим не хаос ощущений, а окружение, четко разделенное на осмысленные предметы. Зрение и слух относятся к дистантным экстероцепторам, то есть позволяют воспринимать, например, огонь костра, находясь на далеком расстоянии от него, или услышать звук колокола, раздающийся с очень большого расстояния. При этом нет прямого контакта рецепторов с объектом, хотя раздражение в виде отраженных объектом лучей света или вызванных им колебаний воздуха имеет место.

Вот почему мы утверждаем, что цвет, геометрические фигуры, воспринимаемые зрительно, и звук (слово, речь, музыка) связаны между собой, как звенья одной цепи, убрав одну из которых невозможно составить целое. Ведь еще древние философы пытались соотнести семь основных геометрических фигур и семь нот с семью основными цветами радуги. Они утверждали, что существует таинственное родство между числом, геометрической фигурой, цветом, звуком и человеком.

В культуре разных народов сложилась устойчивая символика цветов и геометрических фигур, которая позволяла древнему человеку ориентироваться в реальности была своеобразной «моделью» мироздания.

Сравнительный анализ русских, английских и немецких ФЕ

Белый цвет везде воспринимался как божественный, цвет чистоты и духовности:

белая магия (по средневековым суеверным представлениям: волшебство, чародейство с помощью небесных сил). - англ. **whitemagic**; нем. **weißeMagie**

иметь незапятнанную репутацию, быть невиновным – англ. **tohavealily-whitereputation** нем. **einweißeWestehaben**;

белая ворона – англ. **whitescow**, нем. **einweißeRabe**;

белые пятна (неисследованные места) – англ. **white** (blank, blind) spots; нем. **einweißerFleck**;

белое золото (природное богатство хлопок, а также о фарфоре) англ. **whitegold**; нем. **dasweißeGold**

белая смерть (наркотики) – англ. **whitedeath**; нем. **derweißeTod** (**смерть от замерзания [переохлаждения] / смерть среди льдов [снегов]**)

Черный – это цвет дьявола, творца черных деяний, символ конца и смерти, траура и печали, коварства и колдовства:

черная магия - англ. **blackmagic**, нем. **dieschwarzeKunst**;

черный рынок - англ. **blackmarket**, нем. **derschwarzeMarkt**;

черный товар – англ. **blackflesh**, нем. **geschwärzteWare**;

черный (трагичный) день - англ. **ablack-** letterday, нем. **einschwarzerTag**.

черная (паршивая) овца (позор все семье) – англ. **blacksheep**, нем. **dasschwarzeSchaf**

Противопоставление **белого** и **черного** несет в себе идею изначального дуализма мира, проявляющегося в непрерывной смене жизни и смерти, дня и ночи, в цикличности времен года, в борьбе добра и зла, явленного и неявленного:

черноеи белое (как совершенно разные вещи) - англ. **blackorwhite**, нем. **dasistwieschwarzundweiß**.

Золотой - это символ божественного света, славы, богатства и благодати. Блеск золота, как блестящего желтого цвета, всегда воспринимался человеком как светочность, застывший солнечный свет. Так же, как чудом застывшие лучи, золото символизировало просвещение, мудрость, милость и избранность:

золотое(мудрое)правило—англ. **thegoldenrule**, нем. **dieGoldeneRegel**;

поговорка: Слово- серебро, молчание - **золото** - англ. **Speech is silver, silence is golden**, нем. **Redenist Silber, SchweigenistGold**;

золотойвек- англ. **the golden age**, нем. **das goldeneZeitalter**;

золотойтелец (богатство)—англ.**thegoldencalf**, нем.**dasgoldeneKalbanbeten**;

золотаямолодежь- англ. **gildedyouth**,нем.**goldeneJugend**;

Красный - священный цвет, воспринимавшийся как цвет огня, солнца и потому выступавший в роли символа царской власти:

красная книга (книга, в которую занесены вымирающие животные, охраняемые законом) , родословная «**красная книга**» дворянских родов и список государственных служащих - англ.**theRedBook**; нем. **RoteListe**

(проходить)**красной** нитью(говорить о главной мысли)— англ. **redstring(thread)**,нем. **derroteFaden**;

смотретьсквозь**розовыеочки**- англ. **look through rose coloured glasses**, нем. – **durchdierosaBrilleschauen**;

Синий, голубой - это цвета воды, неба, тени, которые являются благом, а также ночи и ночной прохлады, они воспринимаются как трансцендентные:

синеванебес – англ. **theblueblanket**; нем.**Himmelblau**

голубаякровь-англ.**blue blood**, нем. **blauesBlut**

синий чулок (лишеннаяженственностииобаяния) – англ. **Bluestokiing** ,нем. **Blaustrumpf**

Зеленый - символ вечной жизни, бессмертия, а также природы, юности и цветения:

новичок(зеленый)— англ. **greenhand**; нем. **eingrünerJunge**

зеленая улица (давать зеленый свет) —англ.**greenlight**, нем.**grüneLicht**.

В отличие от цвета, определение геометрической фигуры имеет вполне однозначное толкование и связывается с преимущественным восприятием левым полушарием головного мозга, которое в хроматической модели интеллекта коррелирует с функциями сознания. Поэтому операции с цветом можно соотнести преимущественно с правым полушарием (подсознанием). Поскольку это подтверждается экспериментально, то в соответствии с теорией творчества (рождение новых идей происходит на неосознаваемом уровне) приобретает более глубокий смысл и постоянно высказываемая творцами мысль, что цвета рожают форму предмета.

Действительно, аналогично тому, как рожившаяся в подсознании идея для ее воплощения должна пройти стадии осознания, логического контроля и т. д., так и цвет переходит в форму. Иначе говоря, если идея через чувства переходит в понятие, то было бы логичным соотнести цвет с идеей, а форму с вербализованным понятием (Serov, 2004).

Учитывая, что формой является любой из элементов пространства, т.е. точка, линия, плоскость, фигура, приведем примеры фразеологических единиц, включающие эти элементы.

Точказрения - англ. **pointofview**, нем. **derGesichtspunkt**;

дойтидо**точки**(предела) – англ. **reachatippingpoint**, нем.**an diesenPunktzukommen ...dan**

точкакипения – англ. **boilingpoint**,нем. **Siedepunkt**;

точканевозврата – англ.**pointof no return**,нем. **Punktohne Wiederkehr**;

точкаотсчета – англ. **startingpoint**,нем. **Nullpunkt(Bezugspunkt)**;

точка соприкосновения – англ. **pointofcontact**,нем. **Kontaktpunkt**;

Линияповедения- англ. **lineofconduct**; нем. **Verhaltensrichtlinie**;

идтиполо**линии**наименьшегосопротивления - англ. **take/ followthelineofleastresistance**, нем. **aufderLiniedesgeringstenWiderstandesvorgehen**.

линия жизни – англ. **lifeline**,нем. **Lebenslinie**;

линиязащиты – англ. **line of defense**,нем.**Verteidigungslinie**;

линияпротивостояния – англ. **confrontationline**, нем. **Verzögerungslinie**.

Круг - первичныйсимволединстваибесконечности, знакабсолютнойисовершенства:

правлящие**круги**-- англ. **therulingcircles**, нем. **regierendeKreise**;

всемирном**кругу**- англ. **inthefamilycircle**, нем. **imKreisederFamilie**;

заколдованный**круг**- англ. **viciouscircle**, нем. **derZauberkreis**;

кругинтересов – англ. **range of interests**,нем. **Interessenkreis**;

кругобщения – англ. **socialcircle**, нем.**Freundeskreis**.

Треугольник, триада - единство трех лиц, предметов, явлений или понятий. Все виды движения в мире происходят под воздействием трех сил: положительных, отрицательных и направляющих (нейтрализующих):

любимый**треугольник**—англ.**the eternal triangle**, нем. **eindreieckigesVerhältnis**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав вышеприведенные примеры лексических единиц, мы можем утверждать, что независимо от того, что человечество говорит на разных языках, структуры мышления остаются сходными не только из-за

физической природы человека, но и существующих контактов между народами, а также единой информационной базы человека. Большое число языков, существующих в мире, – это различные пути, способы духовного освоения действительности, в основе которых лежат одинаковые принципы человеческого мышления. Они и ведут к адекватному достижению реального мира. В нашем случае цвет и форма, отражаемые в русских, английских и немецких фразеологизмах, подтверждают мнение о наличии универсального в индивидуальном сознании человека.

LIST OF REFERENCES

- Apresjan YU.D. Leksicheskayasemantika: sinonimicheskiyesredstvayazyka, izbrannyetrydy M.: YAzykirusskoykul'tury, «Vostochnayakul'tura» RAN, Tom 1, 1974, 472 s.
- Binovich L.E. Nemetsko-russkiyfrazeologicheskislovar' M.: Akvarium, 1995, 768 s.
- Vygotskiy L.S. Izneizdannymaterialov // Psikhologiyagrammatiki M.: 1968, 262 s.
- Gibson Dzh. Vospriyatiyekakfunktsiyastimulyatsii // Psikhologiyaoshchushcheniyivospriyatiya M.: «CheRo», 2002, s.182-201
- Gurevich A.YA. Kategoriirednevekovoykul'tury M.: Iskusstvo, 1984, 350 s.
- Kunin A.V. Bol'shoyanglo-russkiyfrazeologicheskislovar' B M.: Zhivoyyazyk, 1998, 944 s.
- Leont'yev A.N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. M. Politizdat, 1975 304 s.
- Mikhaylovskiy N.K. Tsitata// Mnogolikayafilosofiya . P.S. Taranov. D.: Stalker, 1998,464s.
- Novoye v lingvistikeVypusk V (yazykovyyeuniversalii) per. s angl. Pod redaktsiyey B.A. UspenskogoM.:Progress, 1970, s.304
- Petrenko V.F. Osnovypsikhosemantiki. – 2-ye izd.,dop. – SPb.: Piter, 2005. – 480 s.
- Sepir E. Status lingvistikaknauki // YAzykikakobrazmira. M.: ООО «Izd-vo AST», 2003, 576 s.
- Serov N.V. Tsvetkul'tury: psikhologiya, kul'turologiya, fiziologiya. SPb.: Rech', 2004, 672s.
- Stepin V.S. O prognosticheskoyprirodefilosofskogoznaniya // Voprosyfilosofii, 1986, №4 S. 43-52
- Stolin V.V. Problemaznacheniya v aktevospriyatiyaiyedinityschuvstvennoogoobraza // Ergonomika. Trudy VNIITE, №6, M.: Nauka,1973, s. 62-69
- Shekasyuk B.P. Novyynemetsko-russkiyfrazeologicheskislovar' M.: LIBROKOM, 2013, 864 s.
- Cambridge Idioms Dictionary. – Cambridge University Press, 2006, 505p
- Longman Dictionary of Phrasal Verbs / Longman Group Limited, Harlow. – M.: RusskiyYazyk Publishers, 1986, 734 p.
- Longman Idioms Dictionary. – London: Longman Limited, 1998, 398 p.
- Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. – Oxford: Oxford University Press, 2002.465 p.
- Wörterbuch der deutschenIdiomatik. – Berlin: Dudenverlag, 2013, 928 s.

For citation:

Podgorbunskaya. I. (2019) UNIVERSAL ASPECTS IN THE INDIVIDUAL HUMAN CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.55-59. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-55-59>

Для цитирования:

Подгорбунская, И. (2019) УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 55-59. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-55-59>

Information about the author: Irina Podgorbunskaya - Candidate of Philology, Associate Professor, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russia, Krasnoyarsk
e-mail: mir_63@mail.ru

Сведения об авторе: Ирина Подгорбунская - Кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия
e-mail: mir_63@mail.ru

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-59-63>

TOWARDS THE EXISTENCE OF BUZZWORDS IN THE LANGUAGE

Karine Vlasova

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

Lobachevsky State «University of Nizhny Novgorod - National Research University» Arzamas Branch

(Nijegorodsk, Russia)

vlasova-mail@mail.ru

Abstract. Using the data of the Oxford Dictionary the author reveals the modern buzzwords in the English language. Buzzwords in Russian are also considered in the present article. The analysis of the factual material is made with the help of a descriptive and comparative methods. The signs of the buzzwords are defined. The examples of buzzwords that reveal the peculiarities of the mental picture of the informants of the language and culture in a definite period of time are given.

Keywords: language fashion, lexicon, buzzwords, movement, updating, Oxford dictionary

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ

Каринэ Абрамовна Власова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал
(Нижегородск. Россия)
vlasova-mail@mail.ru

Аннотация. На примере лексикографической фиксации слов в Оксфордском словаре рассматриваются модные слова в современном английском языке в XXI веке. Исследуются модные слова в русском языке. Анализ фактического материала осуществляется с помощью описательного и сравнительного методов. Определяются признаки модных слов. Приводятся примеры модных слов, отражающих особенности ментальной картины мира носителей того или иного языка и культуры в определенный период времени.

Ключевые слова: языковая мода, лексика, модные слова, динамика, обновление, Оксфордский словарь

INTRODUCTION. Language is a dynamic phenomenon at all its levels and in all its subsystems. Having emerged simultaneously with the emergence of society and representing an adaptive system, the language develops together with society, constantly adapting to changes in it. The most evident intensive changes are observed in the lexical system of the language, as the vocabulary is closely related to the extra-linguistic reality, reflecting it and its changes in it. Changes in the vocabulary of the language are characterized by two multidirectional processes. On the one hand, the language is enriched with new words – neologisms, and on the other hand, it loses the words that for some reasons are outdated and no longer meet the needs of society – historicisms and archaisms. Obsolescence leads to the withdrawal of the units in the passive vocabulary, even beyond the lexical system, and the process of appearing neologisms is carried out either on the basis of internal resources of the language or on the basis of borrowings from other languages. The use of internal resources of the language leads to quantitative and qualitative changes. Qualitative changes are a modification of the semantic contour units in varying degrees. It involves the transformation of monosemantic words into polysemantic ones including the volume of all meanings of the polysemantic words that is its epidigma. In other words, loan-shift or narrowing of the semantic range of the word takes place. (Klimkova, 2018). Over time, the volume and nature of the meaning of the word presented in dictionaries and reference books may change.

A flexible layer of vocabulary are buzzwords that reflect the features of the linguistic world view of the native speakers of this or that language and culture in a certain period of time. As a matter of fact, the issue of language fashion goes somewhat beyond linguistics and touches upon the problems of society. For example, in the late 70-ties of XX century in the United States a well-known political scandal *Watergate*, associated with the violation of the law by the Executive authority (power), gave rise to the fashion component-*gate* in a number of words: *Hollywoodgate* ‘scandal with Hollywood stars’, *Bushgate* ‘trouble with President Bush’ and others. In the late 80’s buzzword was the word *absolutely* in the sense of consent to anything. Another buzzword *gridlock* ‘traffic jam’ replaced the usual *traffic jam* (Vlasova, Titova, 2015).

LITERATURE REVIEW. Linguists’ attention to the lexical level of the language has not weakened recently. There are classical and modern works devoted to the problem of language fashion. Thus, in the work of V.G. Kostomarov the concept of language mode is considered as «a changing idea of the correct and effective use of language, sometimes brought to the point of absurdity...» (Kostomarov, 1999: 34). E.V. Klepach examines the basic concepts related to language fashion and its internal organization. She emphasizes that fashion – a holistic and universal phenomenon – penetrates into a variety of areas of human life: economic, psychological, aesthetic, linguistic and others (Klepach, 2000). N.D. Zhuravleva analyzes the phenomenon of the «fashionable» word on the example of the Russian language and highlights the fundamental features of the «fashionable» word: modernity, relevance, relative novelty and frequency. The principles of lexicographical description of «fashionable» words are formulated in the paper (Zhuravleva, 2010). «New Dictionary of Buzzwords» contains the words that differ in origin, style and scope of use. For example, we can find some slang words: *dibs* (Russian ‘babki’, money), *loot* (Russian ‘bablo’, money), *fiasco* or *failure* (Russian *oblom*), *hardcore* (Russian ‘zhest’), borrowings (*brand*, *boutique*, *drive*, *creative*, *mainstream*, *mentality*), neologisms (to *voice*, *positioning*, *self-sufficient*), etc. (Novikov 2008).

The analysis of the research papers devoted to the consideration of buzzwords in the language showed that the category of buzzwords words includes: borrowings from the English language, slang vocabulary, neologisms and generalized words.

METHOD OF RESEARCH. In this work the descriptive method of research for generalization and interpretation of the analyzed units was used, the interdisciplinary approach to the actual material allowed to consider the linguistic facts in close connection with the data of cultural studies, sociolinguistics and ethnolinguistics. Contextual linguistics and pragmatic analysis involving the consideration of the content and semantic space of a particular text was used.

RESULTS AND DISCUSSION. Buzzword is a special kind of new words and sentence pattern frequently used in commerce promotion, propaganda and professional activities to provide the awareness of the speaker, and to show importance, uniqueness, or novelty: a buzzword is usually a relatively new word, in which contains some kind of subtle aura, the attractiveness of the relevance and novelty" (Krongauz, 2008). A buzzword is a word that is relevant at a certain time. It is fresh and relevant either by its novelty (more often by the novelty of the plan of expression) or by the

fact that it denotes a significant problem or phenomenon for society. A buzzword is characterized by mass use. I can be either corporate in nature or limited to the scope of use by a broader society. Besides, a buzzword possesses relative frequency. According to Zhuravleva N.D. we distinguish the following criteria of a buzzword:

- relative novelty, "freshness" of the word,
- its relevance, contemporaneity,
- frequency,
- correspondence with aesthetic tastes and needs of a certain part of society.

A buzzword is characterized by the expansion of syntagmatic relations, the consequence of which is the ambivalence of the pragmatics of a buzzword (Zhuravleva 2010).

Buzzwords are differently presented in the English linguistics: vogue words or catch phrases. The term buzzwords appeared in the middle of the last century and meant words from the slang vocabulary of students. Currently, this term is used for all the most "fashionable" or popular words that arise with the advent of new technologies and phenomena. Often a buzzword coincides with a neologism – a word or a phrase recently appeared in the language (newly formed, previously absent in the language). Freshness and singularity of such a word, or a phrase or a figure of speech is clearly felt by native speakers. Fashionable words present a dynamic category. Being once popular and prestigious, such words become ordinary after a time, they lose their novelty.

New conditions of communication (electronic technologies, mobile phone technology) form new pragmatic conditions of communication and new lexical priorities. In English new words appear faster than in the Russian language. It is generally accepted that the English language of the last two to three decades differs greatly from the former English language. As far as changes are concerned, first of all, they occur in the most active level of the language system – vocabulary, and in it – in its pragmatic component. This is due not only to the rapidly developing information environment, but also to changes in the social environment. Often these words appear in the language due to some interesting, original meaning. As it becomes new, it begins to be used in broad contexts. The vocabulary of the English language is thus increased by thousands or even tens of thousands of words per year.

Oxford dictionary contains more than 600 thousand words. Despite such a huge volume, the dictionary continues to be constantly updated with new words. Updates on the Oxford dictionary occur every few months. Besides, every year, dictionary compilers choose «a word of the year». It is a word that best reflects the mood and trends in modern society. The Oxford dictionary section «Words of the Year», which presents «word of the year» and other the most popular words, attracts attention. For example, over the past few years the following words received the nomination «word of the year»: *selfie* (2013), *vape* (2014), *emoji* (2015), *post-truth* (2016), *youthquake* (2017) and *toxic* (2018). The «word of the year» reflects its specificity, embodies its spirit. In addition, «word of the year» reflects the novelty, originality and historical meaning of the current time.

Now we will show important manifestations of the language fashion in 2018. For example, in 2018 «word of the year» was *toxic*. For the first time the word *toxic* appeared in English in the 1660s. It was borrowed from the French language *toxique* and Latin *toxicus*. The Latin word *toxicum* 'poison' was borrowed from the Greek language. The ancient Greeks had a widespread expression of *toxikon Pharmakon* – the so-called lethal poison, with which the ancient Greeks smeared the arrowheads before the battle (Etymological dictionary).

In modern English, collocations with this lexeme are diverse. Moreover, it should be considered as a term that characterizes the whole cultural phenomenon. The rating of the compatibility of the adjective *toxic* is represented by the following lexical units: *a toxic chemical, toxic masculinity, toxic substance, toxic gas, toxic environment, toxic relationship, toxic situation, toxic culture, toxic waste, toxic algae, toxic air*. In its usual sense, the word *toxic* is equivalent to the adjective 'poisonous'. According to the dictionary direct value *toxic* 'toxic, poisonous' got a different meaning 'unpleasant', 'destructive' – about the relationship between people in 2018. The adjective *toxic* is used when talking about a bad situation at work, the feminist movement #metoo, which became popular last year. The term *toxic masculinity* 'unhealthy male dominance' is used. The analysis of multiple contexts shows that *toxic* token is generally associated with events, processes, and states that are perceived as negative.

Now we consider other popular words, also nominated for the word of the year:

Cakeism is belief that it is possible to use two incompatible versions simultaneously. The word is borrowed from the proverb *you can't have your cake and eat it too*, which literally interprets as «you won't have a cake if you eat it». Compare: and the sheep are safe and wolves are fed in the Russian language: «и овцы целы и волки сыты».

Gammon. *Gammon* is a pork ham. In 2018 this word has acquired another meaning: the British use this speaking about the men of the middle class over forty, whose face get bright red when they are expressing their political views.

Gaslighting is a kind of psychological manipulation: a person is forced to doubt his mental health. The term is taken from the title of Patrick Hamilton's play «Gas Light». The content is the following: the husband often leaves his wife alone. Poor woman seems to be dying of the light of gas jets and the steps of the boarded up attic. These were the signs that the woman was becoming crazy. In fact, all this was done by the woman's husband. In 2018, *gaslighting* began to be discussed again when human rights organizations began to notice such behavior for the heroes of British TV programs – the reality show *Love Island* and the dance show *Strictly Come Dancing* or *Orbiting*. The word came from social networks and denotes the behavior of someone who suddenly stops communicating with someone, but continues to follow this person on social networks and sometimes even respond to his or her new posts and photos.

Overtourism. This word is used to denote too many tourists who spoil the monuments of architecture and disturb the peace of the locals. After widespread use of low-cost airlines (cheap air carriers) and platforms for rental housing such as Airbnb, the number of tourists has greatly increased and they irritate the natives. Hence, two more terms appeared – *anti-tourism* and *tourism-phobia*. In 2018 the governments of different countries began to fight these

phenomena. For example, in Madrid restrictions on rental housing have been imposed, and in Venice – fines for sitting in the wrong places were imposed.

Teclash. The word *teclash* is derived from the fusion of the two words *technology* and *backlash* ‘powerful backlash of a group of people’. The term denotes a negative reaction to the growing influence of technology companies, especially from Silicon Valley. Many people working with technology in San Francisco protect their children from gadgets and buy them paper books. And young people are increasingly abandoning social networks for a time or forever.

According to other dictionaries, the most popular words in 2018 were:

Single-use ‘disposable’. This word has become popular against the background of increasing environmental problems: the amount of garbage is increasing and soon we will drown in it, if we do not take any action. Many supermarkets began to refuse to use plastic bags, and the European Parliament banned the sale of plastic goods – no more picnic with disposable plates and glasses. *Plogging*. The Scandinavian word *plogging* means *jogging*, which is carried out with benefit, simultaneously collecting garbage. *Plogging* was formed by combining the Scandinavian phrase *plocka upp* = *to pick up* and the English word *jogging*.

VAR.VAR (*video assistant referee*) ‘video assistance system for arbitrators’. The technology allows judges of football matches to make decisions in disputable situations thanks to video replays. The word was inscribed in the rules of the game of the International Council of football associations and became popular.

Floss. Dance *floss* became popular thanks to the video game *Fortnite*. The movements are very simple, so many bloggers and entertainers started to record their own versions of this dance (Collins Dictionary).

Nomophobia. This word denotes the fear of being without a phone or not being able to use it. *Nomophobia* comes from the combination of the words *no-mobile-phone phobia*. According to statistics, 53% of Britons experience anxiety when the phone is not at hand.

Gender gap implies a difference in the attitude of society to men and women or a difference between the actions of the sexes and their achievements.

No-platforming means to refuse the chance to publicize someone’s ideas or beliefs because they seem to be either dangerous or unacceptable.

Ecocide means complete destruction of the natural environment or causing serious damage to it (Cambridge Dictionary).

Most of the presented English words have no equivalents in Russian and are translated descriptively.

Buzzword words penetrate into all spheres of human life and activity, for example, in the field of tourism, the following words have appeared:

architourist – a tourist who visits other countries and cities in order to study architecture;

agritourist – tourist who follows or participates in agricultural activities;

weather tourist – the one who spends the weekend in pursuit of tornadoes, hurricanes or other terrible natural phenomena.

Methods of formation of buzzword words are quite diverse:

- by means of reduction: *apols* from apologies, *grats* from congratulations, *guac* from the guacamole, *srsly* from seriously, *a noob* from a newbie;
- by means of abbreviation – *A/W* ‘autumn/winter’, *BYOD* ‘bring your own device’, *FIL* ‘father-in-law’, *FOMO* ‘fear of missing out’, *LDR* ‘long distance relationship’, *MOOC* ‘massive open online course’;
- by means of addition: *bitcoin*, *buzzworthy*, *fauxhawk*, *flatfarm*;
- by means of combining the words: *cake pop*, *chandelier earring*, *click and collect*, *digital detox*, *double denim*, *geek chic*, *pixie cut*, *space tourism*.

Elections of the word of the year are held in many countries, including Russia. During the analyzed period the following words were defined in the Russian language: *Gosdura* (2013), *Krymnash* (2014), *refugees* (2015), *Brexit* (2016), *renovation* (2017), *Novichoc* (2018). Popular words of 2018 were the words *toxic*, *pension*, *pensioner*, *highly likely*, *harassment*, *the Mundial*, *sanctions*, *repost*, *digitalization*.

The linguistic facts given in the article show that, despite the significant differences between the two languages – Russian and English – the buzzwords in these languages and the words of the year have more similarities than differences.

CONCLUSION. Buzzword illustrate the dynamics of the lexical system of the language, demonstrate not only the obsolete words but the appearance of new words and meanings as well as the changes of their individual semantic components, in particular, the volume of encyclopedic meanings, connotations, including emotional, evaluative, stylistic meanings – ideological, political, social and others. The study of individual language units on the material of lexicographic sources allows us to solve a variety of research problems, such as how to track the etymology and frequency of the use of a particular language unit, its lexical compatibility, semantic prosody and other parameters.

LIST OF REFERENCE

- Vlasova K.A., Titova M.N. «Fashionable» words in modern English // Young scientist. 2015. No. 23.2. P. 96-98.
Zhuravleva N.D. The phenomenon of the "fashionable" word: lingua and pragmatic aspect (based on the material of the modern Russian language). Thesis for the degree in Philological Sciences: 10.02.01. Russian. Stavropol 2010. 24 p.
Klepach E.V. The Language of Fashion: evolution of linguistic forms. Thesis for the degree in Philological Sciences: 10.02.01. Russian. Moscow, 2000. 20 p.

Klimkova L. A. Social conditions and reactions through the prism of the language. National codes in the language and literature. Language and culture: Collection of articles on the materials of the International scientific conference «National Codes in Language and Literature». Nizhny Novgorod: DECOM, 2018. P. 120-128.

Kostomarov V.G. Language Taste of the Epoch. StP., Zlatoust, 1999. 320 pp.

Krongauz M.A. Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown. M.: Languages of Slavic culture 2008, 232 pp.

Novikov V.I. New Dictionary of Fashion Words. M.: AST: Zebra E, 2008, 192 p.

Etymological Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/toxic-> [date accessed 27.04.2019].

For citation:

Vlasova, K. (2019) TOWARDS THE EXISTENCE OF BUZZWORDS IN THE LANGUAGE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 59-63. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-59-63>

Для цитирования:

Власова, К. А. (2019) К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 59-63.

doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-59-63>

Information about the author: Karine Vlasova – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State «University of Nizhny Novgorod - National Research University» Arzamas Branch, Nijegorodsk, Russia
e-mail: vlasova-mail@mail.ru

Сведения об авторе: Каринэ Абрамовна Власова - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал (Нижегородск. Россия)

e-mail: vlasova-mail@mail.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

MEDIA CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-64-68>

WAYS TO ORGANIZE MULTI-LEVEL TEXT IN SCIENCE NEWS*

Tatiana Arsenyeva
Candidate of Philological Sciences
National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)
[e-mail: Jadviga27@mail.ru](mailto:Jadviga27@mail.ru)

Abstract. The rapid development of the flow of scientific information, and in particular science news, has led to an increase in the importance of this type of information. Science news is not only educational material that helps the audience move from a naive picture of the world to a scientific one. They are transformed into a science management tool, influencing the distribution of funding, attracting young people to science, shaping the image of a scientist in the eyes of the audience. The organization of a multilevel text of science news is one of the factors influencing whether the news reaches the addressee, whether it will win in the struggle for its attention with news from other spheres of public life. The method of organization depends on two factors: the channel of information transfer and the degree of preparedness of the audience. The research paper compares the ways of organize multi-level text in science news posted in socio-political media, in popular science media and in telegram channels about science. The study of this aspect will allow to understand the features of this type of information and how it can be used in educational and scientific discourse.

Key words: media, educational discourse, new texts, science news

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО ТЕКСТА В НАУЧНЫХ НОВОСТЯХ*

Татьяна Евгеньевна Арсеньева
Кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Россия)
[e-mail: Jadviga27@mail.ru](mailto:Jadviga27@mail.ru)

Аннотация. Быстрое развитие потока научной информации, в частности научных новостей (sciencenews), привело к увеличению значения этого типа информации. Новости науки – это не только просветительский материал, который помогает аудитории перейти от наивной картины мира к научной. Они становятся инструментом управления наукой, влияющим на распределение финансирования, привлекающим молодых людей к науке, формирующим имидж ученого в глазах аудитории. Организация многоуровневых текстов научных новостей является одним из факторов, влияющих на то, дойдет ли новость до адресата, выиграет ли она в борьбе за внимание адресата с новостями из других сфер общественной жизни. Способ организации зависит от двух факторов: канала передачи информации и степени подготовленности аудитории. В данной работе сравниваются способы организации многоуровневого текста в научных новостях, публикуемых в общественно-политических СМИ, в научно-популярных СМИ и в Telegram-каналах о науке. Изучение этого аспекта позволит понять особенности этого типа информации и то, как она может быть использована в просветительском и научном дискурсе.

Ключевые слова: медиа, просветительский дискурс, новые тексты, научные новости

ВВЕДЕНИЕ. Формат новостей о достижениях науки (sciencenews) активно развивается в современных медиа России и зарубежных государств. По данным ежегодного исследования динамики развития научной коммуникации в России, суммарное количество новостей по тематике науки и образования с 2013 по 2017 год выросло на 24% (исследование проводится по данным системы мониторинга «Медиалогия»). Адресантами sciencenews являются редакции общественно-политических СМИ или научные журналисты, и чаще всего такие новости затрагивают события из широкого спектра предметных областей.

Сегодня новости, рассказывающие о работе ученых, транслируются в СМИ, социальных сетях, агрегаторах научных новостей и мессенджерах. Среди наиболее заметных примеров можно привести рубрику «Наука» в газете «Известия», сайты «N+1» и «ПостНаука», агрегаторы EurekAlert!, Phys.org, AlphaGalileo, «Открытая наука», Telegram-канал «Намочи манту»; паблик «Образовач» и др. Одна и та же новость,

*This work was supported by grant 02-05-64967 from the Russian Foundation for Basic Research № 17-29-09132 «The "new literacy" in new mass media texts»

* Исследование выполняется при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09132 «"Новая грамотность" в новых текстах средств массовой коммуникации»

опубликованная в разных источниках, может иметь совершенно разную структуру, которая адаптируется адресантом под особенности канала передачи информации и особенности восприятия аудиторией.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Научные новости характеризуются огромным разнообразием тематических областей: от биологии и нанотехнологий до антропологии и физики новых энергий. Аудиторией sciencenews являются люди, не специализирующиеся в данных областях, а просто интересующиеся этой тематикой.

Исследованием различных аспектов функционирования sciencenews занимаются лингвисты (Dobrosklonskaya 2005), психологи (Volodarskaya 2009) и медиаисследователи (Bazyleva и Yudina 2017; Makarova 2013, Diveeva 2015 atc.), а также научные коммуникаторы, изучающие в том числе процессы создания и распространения научных новостей (Borisova, Mal'kov Zadereev atc.).

С позиции медиалингвистики практически каждая sciencenews представляет собой многоуровневый текст, в котором используется несколько семиотических кодов. Как отмечает В.Е. Чернявская, термин «поликодовый (многоуровневый) текст» используется при описании текста «как когерентного целого, слагаемого из нескольких семиотических кодов» (Chernyavskaya 2009).

Очевидно, что sciencenews относятся к новым текстам, одной из ключевых особенностей которых является смещение фокуса от содержания к форме подачи. Чем более разнообразны каналы передачи информации и чем более структурирована информация, тем больше шансов, что она дойдет до адресата (Arsenyeva & Fashchanova, 2018). Таким образом, исследование структуры многоуровневого текста научных новостей необходимо для понимания эффективности sciencenews.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В настоящем исследовании рассмотрены новости науки, опубликованные на различных каналах информации: в онлайн-версиях общественно-политических СМИ, в научно-популярных медиа и в Telegram-каналах. Был проведен анализ структуры новостей науки в разных типах медиа и сравнительный анализ полученных данных. Обзор структуры sciencenews проводился по следующим параметрам «перевернутой пирамиды» (одной из новостных схем): заголовочный комплекс, «тело новости», иллюстрация, бэкграунд, наличие инфоповода и вписанность в новостную повестку страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Отмечаемый «Медиалогией» стремительный рост количества новостной научной информации обнаруживает новые – прагматические – функции sciencenews: привлечение внимания к исследованиям (в том числе для привлечения финансирования), популяризация научной работы среди молодых исследователей, рост упоминаемости научных организаций в медиа.

Одними из первых sciencenews начали публиковать общественно-политические СМИ, в том числе их онлайн-версии. Важными особенностями новостей науки, влияющими на структуру текста, в данном случае становятся наличие информационного повода и научно-популярный подход к изложению материала.

В новости газеты «Московский комсомолец» (рубрика «Наука») провокационный заголовок «*Слонам и носорогам предсказали скорое исчезновение*» в комплексе с подзаголовком «*Предполагается, что это может произойти за сто лет*» выполняет функцию привлечения внимания. При этом он предваряет вполне научную новость об исследовании ученых из Великобритании, которые сопоставили данные и выяснили, что «*из-за человеческой деятельности Земля становится все менее пригодной для крупных животных, и все более – для мелких и быстро размножающихся животных, таких как грызуны*». Фотоиллюстрация, подобранная к новости, не имеет прямого отношения к тексту, однако вызывает умиление (на фото – слониха со слоненком).

Сама новость не содержит специальных терминов, для ее прочтения адресату не требуются специальные знания. Инфоповодом для новости стало исследование ученых, результаты которого были опубликованы в научной статье. При этом научная новость вписывается в текущую информационную повестку, в которой значимое место занимают вопросы экологической безопасности и сокращения биоразнообразия на планете.

Важной частью структуры новости является бэкграунд – информация, не имеющая прямого отношения к новости, однако совпадающая по ключевым словам и тематической направленности. В бэкграунде обязательно присутствует гиперссылка на другой материал этого СМИ, в данном случае бэкграунда два: это новость о смерти последнего в мире самца северного белого носорога и сообщение о планах ученых, сотрудничающих с зоопарком Сан-Диего, по клонированию исчезающих животных.

По похожей схеме работает и газета «Известия» (рубрика «Наука»). Опубликованный в апреле материал «*Днище в алмазах: корпуса кораблей хотят укрепить драгоценными камнями*» является расширенной новостью и рассказывает о разработанном томскими учеными новом сплаве с добавлением алмазного порошка. Заголовок, основанный на языковой игре из-за смешения устойчивого выражения *небо в алмазах* и стилистически сниженной лексики (*днище*), выполняет функцию привлечения внимания, однако не совсем точно отражает содержание новости. Заложенные в заголовке негативные коннотации лишь частично присутствуют в материале, и это отчасти подчеркивается нейтральным подзаголовком «*Построенные из уникального сплава суда будут легче, прочнее и дешевле существующих*».

В теле рассматриваемой sciencenews присутствуют специальные термины из области материаловедения (например, *лигатуры*), однако дается и их объяснение («*В данном эксперименте лигатуры представляют собой прутки — монолитные материалы в виде цилиндров, которые в дальнейшем будут достаточно удобны и технологичны для применения в судопроизводстве*»), позволяя читателю комфортно продолжать знакомство с материалом, не отвлекаясь на поиск определения термина.

Новость про новый сплав находится в тренде для медиа, поскольку затрагивает тему импортозамещения, в том числе в транспортной и оборонной сферах, о чем и есть упоминание в тексте.

Газета «Известия» не поместила бэкграунд в сам текст, однако рядом находятся новости с маркером «Читайте также», которые тематически связаны с данной новостью. В качестве иллюстрации выбрано нейтральное фото атомного ледокола.

Таким образом, привязанность к новостному поводу (опубликованное исследование, научное событие, заявление о разработке и т.д.), вписанность в новостную повестку (импортозамещение, экологическая безопасность, нацпроекты и т.д.), подбор неспециальных иллюстраций, вызывающих общечеловеческие чувства, и традиционная форма подачи новости («перевернутая пирамида»), наличие связанных новостей в том же СМИ и расшифровка всех специальных научных терминов являются обязательными условиями для публикации sciencenews в общественно-политических СМИ.

Похожий подход к структуре sciencenews используется и в научно-популярных медиа. Обязательным элементом структуры многоуровневого текста здесь также является заголовочный комплекс, однако сам заголовок выполняет больше информационную задачу, привлекая внимания не провокационностью, а содержательной частью. Это связано с тем, что аудитория научно-популярных медиа подготовлена к чтению именно научных новостей, и приоритетом для нее является именно содержание. В научпоп-медиа адресанту не нужно бороться за внимание аудитории с новостями из других сфер жизни (политики, экономики, криминала и пр.), здесь конкуренцию могут составить только другие sciencenews.

Портал «Наука и жизнь» в мае 2018 года опубликовал новость с информативным заголовком «Как иммунитет помогает метастазам», добавив к ней привлекающий внимание своей метафоричностью подзаголовок «Чтобы отправиться в путешествие, раковые клетки используют молекулярные «леса» из белка фибрина, которые делают для них иммунные клетки».

Новость насыщена терминологически, большинство терминов относятся к школьной программе, однако есть и такие, которые не знакомы неподготовленному читателю (например, *сквамозная карцинома легких*). Расшифровки терминов в новости нет, предполагается, что аудитория уже замотивирована читать более специальные тексты.

Бэкграунд новости, позволяющий читателю быстрее вникнуть в предысторию проблемы, расположен в начале текста (*Некоторое время назад мы писали о том, что...*). Это является нетипичным для новостей, однако нередко встречается на сайтах, специализирующихся на sciencenews.

Информационным поводом на научно-популярных порталах традиционно является выход статьи или презентация исследования (в данном примере «*описывают в Nature Communications исследователи из Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл*»). А вот вписанность новости в федеральную или мировую повестку не является обязательным элементом, поскольку научпоп-порталы зачастую фокусируются на разных областях науки, стараясь полноценно отражать происходящие в них изменения, и не зависят от ситуации в мире.

Отдельного внимания заслуживают иллюстрации к sciencenews в научно-популярных медиа. Их можно разделить на три типа: извлеченные из собственно научной статьи, по которой написаны sciencenews (рис. 1), подобранные по смыслу из научных источников (рис. 2) или метафорически подходящие по тематике новости (рис. 3).

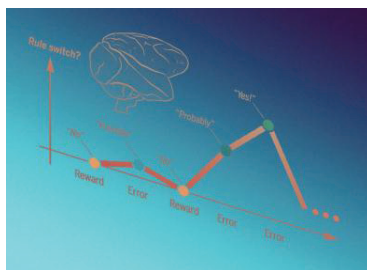

рис. 1 Morteza Sarafyazd & Mehrdad Jazayeri / Science, 2019 (новость «Макаки проанализировали многоступенчатые задачи», nplus1.ru)

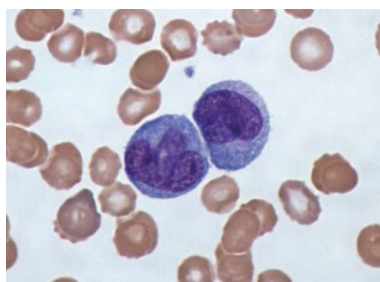

рис. 2 Моноциты в цифровом микроскопе. Фото. Dr. Graham Beards / Wikipedia (новость «Как иммунитет помогает метастазам», www.nkj.ru)

рис.3 *Gentlemen Prefer Blondes* / 20th Century Fox, 1953 (новость «Алмазы сформировались из океанского дна», *nplus1.ru*)

Таким образом, можно отметить, что принципиальным отличием sciencenews в научно-популярных медиа является их независимость от федеральной новостной повестки и ориентация на более подготовленную аудиторию. Как следствие, при организации многоуровневого текста адресанты обладают большей свободой в подаче информации, могут изменить привычное расположение структурных частей (например, бэкграунда) или подобрать иллюстрацию в виде мема. При этом сам текст новости отличается большей терминологической наполненностью, а обязательным условием является прямая ссылка на оригинальное исследование, по которому и была написана новость.

Еще одним каналом распространения sciencenews являются Telegram-каналы («Намочи манту», «Новости науки», «Тайны космоса» и др.). Организация многоуровневого текста sciencenews здесь отличается от других медиа и зависит от желания адресанта. К стабильным характеристикам можно отнести независимость от новостной повестки, отсутствие привязанности к новостному поводу (новость может быть написана и об исследовании, которое проводилось ранее, что неприемлемо для СМИ). Опциональными элементами являются ссылка на оригинальное исследование, ссылка на источник с переработанной информацией, личное мнение адресанта по данному вопросу и/или бэкграунд, иллюстрация. Существенно отличается и объем сообщения в Telegram-каналах с sciencenews: чаще всего этот объем не превышает тысячу знаков, что гораздо меньше размера стандартной новости в медиа (около 2500 знаков).

В качестве примера приведем сообщение из Telegram-канала «Намочи манту»: *Возможно, вы слышали, что янтарные бусы помогают уменьшить боль при прорезывании зубов. Даже если не брать во внимание то, что их эффективность и механизм действия (господи, какой там может быть механизм действия) не изучены, бусы явно не стоит использовать, потому что с безопасностью там определённо беда и были уже смертельные исходы (например, losangeles.cbslocal.com/2019/05/06/etsy-lawsuit-child-strangled-teething-necklace). В общем, вот два текста о том, как всё-таки помочь детям, у которых режутся зубы: * <https://scimoms.com/safe-teething-remedies> и * <https://www.facebook.com/SergDoc/posts/2308461395878352>.*

В посте присутствует личное мнение адресанта (*господи, какой там может быть механизм действия*), новостной повод (ссылка на новость о событиях в Лос-Анжелесе) и ссылки на бэкграунд – полезные исследования по теме, иллюстрация. При этом тема исследования относится к ever-green content и ее появление в научном Telegram-канале обусловлено новостным поводом из другой – социальной – сферы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В статье были проанализированы способы организации многоуровневого текста sciencenews в трех видах медиа: общественно-политических изданиях, научно-популярных порталах и Telegram-каналах о науке. Анализ показал, что организация текста, его структурные составляющие и подача напрямую зависят от носителя информации и аудитории, на которую работает медиа. В борьбе за внимание читателя побеждают тексты, созданные по законам «новых текстов»: структурированные, адаптированные под разные каналы передачи информации, использующие разные способы восприятия информации и разные семиотические коды.

Стремительно растущий поток научной информации и, собственно, sciencenews становятся не только способом просвещения аудитории, перевода наивной картины мира в научную, но и одним из инструментов для управления наукой (Yudina & Bazyleva 2019), в связи с чем увеличивается значимость изучения особенностей и потенциала этого вида информации.

LIST OF REFERENCES

- Arsenyeva T. E. Fashchanova S. V. (2018). New media and new texts: on the issue of specifics. *Kazanskaya nauka*. №12 2018. – Kazan': Izd-vo Kazanskij Izdatel'skij Dom. S. 97–100.
- Volodarskaya E.A. (2009) Socio-psychological concept of the image of science in society: avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 46 s.
- Diveeva N.V. (2015) Popularization of science as a type of mass communications in the context of new information technologies and market relations: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 22 s.
- Dobrosklonskaya T.G. Issues of studying media texts. M., 2005. 286 s.
- Makarova E.E. (2013) Popular science sites in the media system: typological and profile features: avtoref. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 25 s.
- Chernyavskaya V. E. (2009). Linguistic text. Polycodularity Intertextuality Interdiscourse [Text]: учебное пособие для студентов вузов по направлению 050300 "Филологическое образование" / - Москва: URSS : LIBROKOM. - 245 s.
- Yudina I.G., Bazyleva E.A. (2017) Science news as an object of scientific research // *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'*: mater. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 3 noyabrya 2017 g. / Novosib. gos. un-t. - Novosibirsk: IPC NGU. - S.101-105.

For citation:

Arsenyeva, T. (2019) WAYS TO ORGANIZE MULTI-LEVEL TEXT IN SCIENCE NEWS // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.64-68. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-64-68>

Для цитирования:

Арсеньева, Т. Е. (2019) СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО ТЕКСТА В НАУЧНЫХ НОВОСТЯХ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 64-68. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-64-68>

Information about the author: Arsenyeva Tatiana - Candidate of Philological Sciences, Head of the Information Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.

[e-mail: Jadviga27@mail.ru](mailto:Jadviga27@mail.ru)

Сведения об авторе: Арсеньева Татьяна Евгеньевна - кандидат филологических наук, начальник отдела информации, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия.

[e-mail: Jadviga27@mail.ru](mailto:Jadviga27@mail.ru)

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-68-71>

**IMAGES OF CULTURE IN MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONS AND METHODS OF TRANSFORMATION
(ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER.RU DMITRY VODENNIKOV'S COLUMN)**

Yekaterina Garanina

Master of Russian Language and Literature, Senior Lecturer

Pavlodar state pedagogical university

(Pavlodar, Kazakhstan)

e-mail: kate1917@mail

Abstract. The paper deals with functioning of cultural literary images in the modern media discourse on the material of the Russian poet Dmitry Vodennikov's column in the newspaper.ru portal. The texts from the column are analyzed from the intertext point of view in this paper. The transformation of cultural images in the space of modern Internet journalism is considered. The specificity of cultural images use as a part of the column's linguistic and artistic composition, the peculiarities of classical culture images' individual author interpretation are examined here. Different elements of case texts: quotations, allusions, reminiscences are the cultural game elements and serve as means of dialogue with the reader, form the cultural context of journalistic texts. The considered methods of cultural images functioning are typical for the phenomenon of the author journalism and the activity of columnists in general.

Keywords: intertext, allusion, reminiscence, column, journalism

**ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА
МАТЕРИАЛЕ КОЛОНКИ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА НА ПОРТАЛЕ ГАЗЕТА. RU)**

Екатерина Петровна Гаранина

Магистр русского языка и литературы, старший преподаватель

Павлодарский государственный педагогический университет

(Павлодар, Казахстан)

e-mail: kate1917@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы функционирования литературных образов культуры в современном медиадискурсе на материале колонки российского поэта Дмитрия Воденникова на портале Газета.ру. В данной работе тексты из колонки анализируются с точки зрения интертекста. Рассматривается трансформация образов культуры в пространстве современной интернет-публицистики. Исследуется специфика использования образов культуры как части языковой и художественной композиции колонки, особенности индивидуального авторского толкования образов классической культуры. Разные элементы прецедентных текстов: цитаты, аллюзии, реминисценции – являются элементами культурной игры, служат средствами диалога с читателем, формируют культурный контекст публицистических текстов. Рассмотренные способы функционирования образов культуры характерны для явления авторской публицистики и деятельности колумнистов в целом.

Ключевые слова: интертекст, аллюзия, реминисценция, колонка, публицистика

ВВЕДЕНИЕ. Медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» (Dobrosklonskaya 2006). Медиадискурс в последние годы изучается очень активно. Это связано с тем, что сфера массовой коммуникации сейчас

претерпевает большие изменения. Одно из таких изменений – размывание границы между публицистикой и собственно художественной литературой. На границе этих явлений возникает, например, такой феномен, как блоггинг; к той же области относятся и авторские колонки, часто встречающиеся в современных СМИ, как традиционных, так и электронных.

Автор постоянной колонки – колумнист. Особенность его деятельности состоит в том, что колонка ведётся им единолично: он сам определяет круг поднимаемых в колонке вопросов, тему и проблему конкретной публикации, стилистические решения. Колонка выражает личное мнение автора, его собственный взгляд на поднимаемые проблемы. От колумниста (в отличие от «традиционного» журналиста) никто не ждёт объективности и беспристрастности. В этом отношении деятельность колумниста близка к деятельности поэта или писателя. Однако при этом колумнисту приходится помнить, что освещаемые им вопросы должны быть интересны и актуальны не только для него самого, но и для всего общества. Подобная двойственность приводит к тому, что колумнистами нередко становятся не профессиональные журналисты, а люди, пришедшие в публицистику из другой сферы деятельности: кино, театра, литературы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Данная работа написана на основе анализа колонки Дмитрия Воденникова в общественно-политическом интернет-издании Газета.ру (Vodennikov 2013-2019). Дмитрий Воденников – русский поэт и прозаик; начало его творчества относится к 1996 году, когда была опубликована его первая лирическая книга «Репейник». Колумнистом издания Газета.ру Дмитрий Воденников является с 2013 года. Несмотря на то что Дм. Воденников – один из интереснейших писателей современной России, систематическое изучение его творчества не предпринималось. Можно указать лишь на несколько статей, преимущественно критических, посвящённых отдельным аспектам его поэтического творчества (см., например, работы А. Касимова, Т. Райт, Е. Свитневой, Дм. Ольшанского и других). Изучение лирического героя Дмитрия Воденникова предпринято в научной работе А. Штраус (Shtrauss 2007). Однако изучения публицистической прозы Дмитрия Воденникова не проводилось.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. При этом стоит указать на тот факт, что исследование публицистической прозы Дм. Воденникова может способствовать осмыслению некоторых важных особенностей современного медиадискурса в аспекте использования в нём образов культуры. В данной работе тексты из колонки анализируются с точки зрения интертекста. Интертекст «рассматривает текст во всём многообразии его связей с другими, обычно чужими произведениями» (Baykova 2010). Вопросами интертекстуальности занимались многие современные исследователи, в частности, можно указать на работы Е.Г. Еременко (Yeremenko 2012), Т.Е. Литвиненко (Litvinenko 2008), типологии интертекстов в прессе посвящена статья Н.З. Башировой (Bashirova 2011). При анализе использован метод структурно-семантического анализа и элементы метода контент-анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Особенности функционирования интертекстуальных элементов в публицистических текстах Дмитрия Воденникова связаны, как уже говорилось выше, с тем, что его колонка – промежуточное явление: она лежит на границе публицистического и художественного дискурсов, имея характерные черты, свойственные им обоим.

Колонка Дмитрия Воденникова в издании Газета.ру ведётся с осени 2013 года (первая публикация – 26 октября 2013 года). На данный момент в ней размещена 141 запись. Интертекстуальные элементы содержатся в 127 публикациях. Следует отметить, что в колонке Дмитрия Воденникова представлены практически все разновидности интертекстуальных элементов, но наиболее часто встречаются цитаты (с указанием авторства), аллюзии и реминисценции. Возможно также очертить круг авторов, чьи произведения являются «основными поставщиками» культурных образов в колонке Дм. Воденникова. Из поэтов и писателей XIX века к ним относятся А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, из XX века – О. Э. Мандельштам, А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, из современных авторов – Захар Прилепин, Виктор Пелевин и Т. Толстая. Стоит отметить, что использование культурных образов ориентировано, скорее, на классику, чем на современность. Возможно, это связано с тем, что в структуре актуального публицистического текста ссылки на классический текст представляют собой систему устойчивых, неизменных ценностей. Публицистика – это всегда тексты о быстро меняющемся мире, классические же образы культуры выступают в роли вечного идеала, неопровержимого в данной системе культурных ценностей. В связи с этим следует сказать, что носителями нравственного, гражданского и эстетического идеалов являются также сами поэты и писатели, чьи биографии лежат в основе системы аллюзий в колонке. Имена современных авторов встречаются гораздо реже, вероятно, потому, что ни они сами, ни их произведения пока не могут претендовать на место идеала.

При этом Дмитрий Воденников не является литературным критиком или историком литературы; в его колонке очень редко встречаются публикации, которые были бы целиком посвящены какому-либо произведению или творчеству определённого автора. Таких публикаций было выявлено всего две: «В защиту миледи» (от 08.10.2016 г.) и «Поколение П» (от 26.04.2014). Первая из них посвящена неожиданной для колонки теме – анализу образа Миледи из романа А. Дюма «Три мушкетёра». Оригинальность этой публикации связана как с выбором автора и произведения (Дм. Воденников редко использует образы зарубежной литературы, можно отметить единичные случаи упоминания Шекспира, Рильке и Юкио Мисимы), так и с оригинальностью трактовки самого образа (Дмитрий Воденников считает Миледи французской Настасьей Филипповной). Вторая из упомянутых колонок посвящена творчеству Пушкина.

Многие публикации имеют заголовки, содержащие реминисценции на то или иное литературное произведение или аллюзии на какой-либо литературный факт: «Апрель как Чапаев и пустота», «Тайна зелёной палочки», «Гоголь, Чехов, Шнур», «Каренина уезжает в Сочи», «Страшнее макбетовских ведьм» и др. Однако

содержание самих публикаций далеко не всегда напрямую связано с прецедентным текстом или фактом, лёгшим в основу аллюзии. Так, например, запись «Каренина уезжает в Сочи» посвящена запретительной деятельности Роскомнадзора; в записи «Апрель, Чапаев и пустота» не упоминаются ни сам Виктор Пелевин, ни его роман, однако рассказывается о смерти Пастернака и цитируется «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого, основные же темы публикации – смерть, любовь и вечность. Использование аллюзий и реминисценций в названиях таких публикаций, как представляется, можно объяснить желанием автора дать своему тексту яркий, оригинальный заголовок. Подобные названия (построенные по принципу парадокса – что Карениной понадобилось в Сочи? Что общего между Гоголем, Чеховым и Шнуром?) привлекают внимание читателя и вызывают интерес.

Однако не следует думать, что реминисценции и аллюзии служат исключительно целям привлечения внимания читателя. Как уже говорилось выше, система образов классической литературы, а также сами авторы-классики служат для Дмитрия Воденникова своеобразным этическим и эстетическим камертоном. Но цитируемые и упоминаемые (более или менее развёрнуто) тексты, а также литературные и биографические факты связываются с темой колонки не напрямую, а через развитие субъективных, авторских ассоциаций. Композиция, построенная на развитии субъективных ассоциаций, в принципе характерна для авторских колонок, и эту черту в полной мере можно наблюдать в публицистическом творчестве Дм. Воденникова. Его колонка имеет полемичный, часто достаточно резкий характер, она содержит не объективную аналитику, а индивидуальный авторский взгляд, нередко парадоксальный. Соединение темы публикации и прецедентного текста также происходит по принципу развития субъективных авторских ассоциаций; при этом образы культуры прошлого практически всегда являются толчком, поводом для размышления о настоящем.

В колонке Дмитрия Воденникова существует ряд тем, к которым постоянно обращается внимание автора: нравственные ценности в современном российском обществе, толерантность, современное состояние образования и культуры, свобода (понимаемая как в политическом, так и в философском смысле). При размышлении над этими темами образы культуры прошлого служат, с одной стороны, средствами игры, которую автор затевает с читателем. Текст в такой игре представляется как шифр, разгадать который может только «посвящённый» – человек, имеющий такой же культурный, литературный, исторический багаж, как и автор. Например, название «Тайна зелёной палочки» (от 31.12.2016) понятно тем, кто знает, какой смысл вкладывается в этот образ в воспоминаниях Льва Толстого. Зелёная палочка символизирует тайну, открытие которой подарит счастье всему человечеству. Запись в колонке посвящена поездке автора в Ясную Поляну; начинается она с пересказа легенды о зелёной палочке, причём в силу насмешливой интонации легенда в пересказе выглядит довольно нелепой. Заканчивается публикация описанием визита Воденникова на могилу Толстого (похороненного, как известно, на том месте, где, по легенде, была зарыта зелёная палочка); в конце текста интонация резко меняется, становясь эмоционально напряжённой, взволнованной, близкой к интонации толстовской публицистики на нравственные темы. Заканчивается текст фразой: «Так я нашёл свою зелёную палочку». Своеобразие этой записи и сила её эмоционального воздействия на читателя во многом связаны со столкновением этих двух интонаций: небрежно-насмешливой, принадлежащей современному публицисту, и напряжённо-эмоциональной, толстовской, принадлежащей «вечному человеку». Но вся эта игра интонаций в полной мере доступна только читателю, который хорошо знаком с толстовским творчеством. В силу этого включение образов культуры в публицистические тексты психологически объединяет автора и читателя, делает их близкими людьми – людьми, имеющими одинаковый культурный код.

С другой стороны, образы культуры служат не только средством игры с читателем. Помимо этого, они создают в публикациях колонки систему аргументов, с которыми соглашается или – реже – спорит Дмитрий Воденников. Его публицистические тексты являются, таким образом, одновременно и размышлением над актуальными темами современности, и диалогом с культурой прошлого. Так, публикация «Бой Чуни с тарусским псом» – это и разговор о поэзии М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной (ассоциация с этими именами заложена уже в заглавии), о творчестве А. Ахматовой (чье имя естественно идёт рядом с именем М. Цветаевой) и С. Есенина (который, как и Цветаева, закончил жизнь самоубийством), и размышление о гордыне и смирении. На примере этой записи можно отчётливо увидеть, как работает система ассоциаций, организующая композицию текста. Первая ассоциация «Таруса – Цветаева» совершенно предсказуема, достаточно очевидна и ассоциация «Таруса – Ахмадулина» (Б. Ахмадулина с мужем долгие годы снимали в Тарусе дачу). К этим двум именам присоединяется имя А. Ахматовой – третьей женщины в русской поэзии XX века (которая, однако, не имела никакого отношения к Тарусе). Самая неочевидная связь – это имя С. Есенина. Ассоциация, которая связывает этого поэта с именем М. Цветаевой, – близость биографического факта: С. Есенин, как и М. Цветаева, закончил жизнь самоубийством.

В «Тайне зелёной палочки» и «Бое Чуни с тарусским псом» система аллюзий и реминисценций развёрнута и организует всю композицию текста. По такому же принципу построены публикации «Застрахуй меня», «Сделайте нам красиво», «Слово для обезьяны», «Фантастический рассказ» и многие другие. Однако в ряде публикаций прецедентные тексты представлены отдельными цитатами (иногда относительно обширными, иногда совсем краткими), реминисценциями или аллюзиями: «Ода пешему ходу» (одноимённое стихотворение М. Цветаевой), «День стрекозы» (упоминается Феклуша из «Грозы»), «Правила расчеловечивания» (цитаты из Даниила Хармса), «Везде кассиры» (упоминание эпизода из романа Ф.М. Достоевского «Идиот») и др. Иногда цитата приводится в преобразованном виде, как, например, в записи «Больше ненависти, господа» (от 02.08.2014): «Ненависть, как известно, спасёт мир. Это ещё Достоевский говорил» (буквальная цитата принадлежит герою романа «Идиот» Ипполиту Терентьеву: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир

спасёт «красота?»). Частый приём – завершение публикации стихотворением, которое ассоциативно связано с её темой (например, «Балконы большого города» заканчиваются стихотворением М. Цветаевой «Я бы хотела жить с Вами...»). Отдельные цитаты, аллюзии и реминисценции выполняют те же самые функции, что и развёрнутые элементы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Образы культуры – это, конечно, не только литературные образы. Но в силу ограниченности объёма статья основана на анализе только литературных образов и прецедентных текстов. Разные элементы прецедентных текстов: цитаты, аллюзии, реминисценции – являются элементами культурной игры, служат средствами диалога с читателем, формируют культурный контекст публицистических текстов.

LIST OF REFERENCES

- Bajkova S.A. (2010). Metatekst [Metatext]. Entsiklopediya gumanitarnykh nauk (3), 248.
 Bashirova N.Z. (2011). Tipologiya intertekstov v presse [Typology of intertexts in the press]. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki (153), 191-203.
 Vodennikov D. B. <https://www.gazeta.ru/comments/column/vodennikov/> [24.04.2019].
 Dobrosklonskaya T.G. (2006). Mediadiskurs kak objekt lingvistiki i mezhkulturnoj kommunikacii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication]. Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika (2), 21.
 Eremenko E.G. (2012). Intertekstualnost, intertekst i osnovnye intertekstualnye formy v literature [Intertextuality, intertext and basic intertextual forms in literature]. Uralskij filologicheskij vestnik (6), 64-72.
 litvinenko T.E. (2008). Yedinitiy interteksta [Intertext units]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (2), 91-98.
 Shtrauss A. V. (2007). Liricheskij geroj v poezii D. Vodennikova [Lyrical hero in the poetry of D. Vodennikov]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (303), 21-24.

For citation:

Garanina, Ye. (2019) IMAGES OF CULTURE IN MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONS AND METHODS OF TRANSFORMATION (ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER.RU DMITRY VODENNIKOV'S COLUMN) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.68-71. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-68-71>

Для цитирования:

Гаранина, Е. П. (2019) ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛОНКИ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА НА ПОРТАЛЕ ГАЗЕТА. RU) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 68-71. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-68-71>

Information about the author: Yekaterina Garanina, master of Russian Language and Literature, Senior Lecturer, Pavlodar state pedagogical university (Pavlodar, Kazakhstan)

об авторе e-mail: [kate1917@mail](mailto:kate1917@mail.ru)

Сведения: Екатерина Петровна Гаранина, магистр русского языка и литературы, старший преподаватель, Павлодарский государственный педагогический университет (Павлодар, Казахстан)
 e-mail: kate1917@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

THE PRACTICES OF RUSSIANS' REGIONAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MEDIA DISCOURSE*

Olga Ilina

PhD in Philology, Associate professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Evgenii Kablukov

PhD in Philology, Associate professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Abstract. The study, carried out in line with the method of discourse analysis, is aimed at describing the practices of construction the regional identity of Kaliningrad, Sverdlovsk and Tatarstan residents (the material of the research is the media discourse of these regions). Regional identity is considered as a discursive construct, based on spatial and temporal identification, entering into a complex interaction with a set of heterogeneous thematic identifications. It is shown that the following practices play an important role for the spatial identification of the residents of listed regions: construction of regional centers as capitals, naming of regions by means of paraphrases, fixing the unique status of the territory; construction of important neighbors and Moscow as the center of the all-Russian space. Temporal

* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-312-00143 "Regional identity of Russians in the media discourse: unity and diversity".

identification is associated with the construction of past, present and future. The past is determined by gatekeeping practices (event selection for media coverage) that form the historical narrative, which, as shown in the study, has evident regional specifics. The construction of the present is viewed through the prism of selected thematic identifications (economic and confessional). In addition, it is shown that the practice of selecting important for the region perspective projects forms the image of the future.

Keywords: identity, regional identity, discourse, discourse analysis, discursive practice

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ

Ольга Ильина

Кандидат филологических наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Евгений Каблук

Кандидат филологических наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Аннотация. Работа, выполненная в русле дискурс-анализа, нацелена на выявление и описание практик конструирования региональной идентичности жителей Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан на материале дискурса СМИ данных субъектов федерации. Региональная идентичность рассматривается как дискурсивный конструкт, в основе которого лежат пространственная и темпоральная идентификации субъектов дискурса, вступающие в сложное взаимодействие с набором разнородных тематических идентификаций. Показано, что для пространственной идентификации жителей названных регионов важную роль играют следующие практики: конструирование столичности региональных центров; именование регионов с помощью перифразов, фиксирующих уникальный статус территории; конструирование важных для регионов соседей и Москвы как центра общероссийского пространства. Темпоральная идентификация связывается с конструированием прошлого, настоящего и будущего. Прошлое определяется практиками отбора событий, формирующих исторический нарратив, который, как показано в исследовании, имеет выраженную региональную специфику. Конструирование настоящего рассмотрено сквозь призму отдельных тематических идентификаций (экономической и конфессиональной). Кроме того, показано, что практики отбора перспективных проектов, важных для региона, формируют образ будущего.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, дискурс, дискурс-анализ, дискурсивная практика

ВВЕДЕНИЕ. Исследователи утверждают, что идентичность все чаще становится предметом научных изысканий, при этом значительная их часть выполнена в русле социального конструкционизма (Benwell and Stokoe 2006: 17; Hall 2000, 15; Krzyżanowski 2010: 29). Целью нашей работы является выявление и описание практик конструирования региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ на примере трех субъектов федерации: Калининградской, Свердловской областей и Республики Татарстан (отметим, что Свердловская область входит в вернакулярный район Урал, в связи с чем следует говорить об уральской региональной идентичности в ее свердловском варианте: Ilina and Kablukov 2019). Материалом для исследования служат журналистские тексты печатных изданий названных регионов, опубликованные с 1 января 2017 г. и включенные в базу данных «Интегрум» (Integrum.ru).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Роджерс Брубейкер выделяет два типа концепций идентичности – жесткие и мягкие (Brubaker 2012: 81–82). Первые, связанные с эссенциалистской парадигмой и господствовавшие на протяжении долгих лет (ср. «инструментальный проект личности» Эпохи Просвещения, романтическое представление о врожденной природе человека и др. подходы: Benwell and Stokoe 2006: 18–20), подвергаются критике во второй половине XX века, что приводит к «кризису идентичности в общественных науках» (Brubaker 2012: 63–68). Реабилитация и актуализация термина «идентичность» осуществляется благодаря его переосмыслению в рамках социального конструкционизма, представители которого фиксируют изменчивый характер идентичности, рассматриваемой как социальный конструкт, и переносят акцент с идентичности как результата на идентификацию как процесс, который никогда не заканчивается (Hall 2000: 16). Так формируются мягкие концепции идентичности.

Лингвистическое изучение идентичности в ее мягком варианте осуществляется прежде всего в рамках дискурсивных исследований (обзор подходов см.: Epina 2016). При этом одни представители данного направления признают ментальную природу идентичности, рассматривая последнюю, например, как ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем» (De Cillia et al., 1999, 153). Другие исследователи полагают идентичность исключительно дискурсивным феноменом, поскольку она «складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует» (Sandomirskaya 2001, 45; см. также: Shepkina 2017). Представляется, что такой дискурсивный радикализм справедлив лишь отчасти: мы разделяем установку,

согласно которой дискурс-анализ отказывается от попыток изучить «то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению» (Rezvina 1999, 27), но при этом устремляемся от выводов, постулирующих исключительно дискурсивную природу идентичности, поскольку они касаются содержания той самой не исследуемой нами области сознания, а потому являются логически противоречивыми.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Данное исследование продолжает традиции Уральской школы дискурсивных исследований, которая исходит из принципов социального конструкционизма и базируется на идеях Мишеля Фуко, получивших лингвистическую интерпретацию в работах Э.В.Чепкиной (см., например: Chepkina 2000). При таком подходе внимание исследователя сосредоточено на *дискурсивных практиках* (Foucault 2004, 227–228; см. также: Foucault 1971), в числе которых практики формирования объектов дискурса (их отбора, номинации и описания), практики формирования субъектных позиций дискурса и практики конструирования истины, определяющие функционирование дискурсивных концептов (см.: Chepkina 2000; Chepkina and Enina 2011).

Мы рассматриваем идентичность как условный дискурсивный конструкт, формируемый в результате идентификации субъектов дискурса. При этом идентификация осуществляется посредством перечисленных выше практик, которые выявляют, с одной стороны, уникальность субъекта идентификации (индивидуального или коллективного), а с другой – его тождественность другим субъектам дискурса. Понимаемая таким образом идентичность представляется чрезвычайно сложным конструктом, для полного описания которого необходимо воссоздать все акты идентификации, что представляется невозможным. В связи с этим мы имеем дело не столько с идентичностью субъекта, сколько с ее упрощенной моделью, получаемой в результате научного реконструирования исследуемой идентичности, осуществляемого в соответствии с выбранной методикой.

Ключевыми при построении модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности), с нашей точки зрения, оказываются темпоральная и пространственная идентификации, задающие своеобразную систему координат той реальности, в которой существуют «носители» данной идентичности. При этом можно выделить и различные тематические направления идентификации, в том числе экономическое, политическое, этническое, профессиональное и др., которые не включаются в один ряд с пространственным и темпоральным, а встраиваются в них, то есть существуют внутри описанной выше системы координат (подробнее см.: Enina and Kablukov 2019: 122–123).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Пространство, в котором обитают жители рассматриваемых регионов, оказывается четко структурированным: в центре находится регион и его столица, далее расположены важные для идентификации соседи, также всегда фиксируется отношение к Москве как центру российского национально-гражданского пространства. Рассмотрим лишь некоторые общие практики пространственной идентификации. Первая связана с конструированием столичного статуса центра региона: *Сегодня Екатеринбург – это уже не просто третья столица России, как его называют, это современный, быстроразвивающийся особенный город* (Вечерний Екатеринбург. 06.06.2017); *При этом чудом сохранившееся в областном центре здание, которое непосредственным образом связано с превращением нашего города в янтарную столицу мира, находится в ужасном состоянии* (Страна Калининград. 08.03.2017); *По количеству жителей Казань находится на шестом месте в России, но ее неофициальный статус «третьей столицы» практически не подлежит сомнению* (Известия Татарстана. 23.08.2018).

Приведенные примеры показывают, что и Екатеринбург, и Казань претендуют на звание третьей столицы России. Между тем, при конструировании Калининграда и Екатеринбурга номинация «столица» всегда соседствует с конкретизатором, указывающим на регион, а в случае с Казанью фиксируются контексты, в которых такой конкретизатор отсутствует: *Столица Среднего Урала обзаведётся своим «Эрмитажем», к строительству которого приступят уже в этом году* (Областная газета. 23.01.2018); *Калининградцы и гости города начнут отмечать День рождения столицы янтарного края уже в эту пятницу, 20 июля* (Гражданин. 19.07.2018); *В Казани гастролирует уникальное представление, где жители города и гости столицы могут увидеть редкие и уникальные номера – и настоящий лед!* (Известия Татарстана. 01.11.2018).

В приведенных примерах видна также другая важная практика – использование перифразов для неформального обозначения региона («Средний Урал», «янтарный край»). Примечательно, что такие перифразы, подчеркивающие уникальность территорий, используются для обозначения областей, официальное название которых лишь фиксирует подчиненность областному центру, но не применяются для обозначения Татарстана, название которого и без того подчеркивает уникальный этнокультурный статус региона.

Значимыми для идентификации жителей оказываются также практики отбора, номинации и описания соседей. В случае со Свердловской областью – это другие регионы Урала, например Челябинская область (Южный Урал), а также регионы, примыкающие к Уралу: *Трансплантационная бригада Свердловской областной больницы № 1 провела первую на Южном Урале трансплантацию сердца. Пациентом стал 54-летний житель Челябинской области* (Уральский рабочий. 26.10.2017); *Кстати, в соседней Курганской области уже введен аналогичный знак «Зауральское качество»* (Областная газета. 26.08.2017).

Для Татарстана важными соседями оказываются в первую очередь регионы Поволжья: *Вообще, за прошедшие годы мы провели сотни энергетических обследований систем энергоснабжения во многих городах Татарстана и Поволжья...* (Известия Татарстана. 13.07.2017); *За звание лучшего в профессии соревновались 7 операторов и 7 начальников отделений почтовой связи из регионов Поволжья: Оренбургской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Ульяновской и других областей* (Казанские Ведомости. 30.11.2018).

Иная ситуация, обусловленная уникальным географическим положением анклава, фиксируется при анализе практик идентификации калининградцев: важными соседями для них являются соседние государства

Европы: Польша, Литва, а также Германия (несмотря на отсутствие общей границы): *Она дала толчок к созданию и работе круглых столов с Польшей и Литвой, решающих массу задач – от безвизового режима до транспортного регионального сотрудничества* (Дворникъ. 05.09.2017); *Радует, что, как и раньше, документы на немецкий шенген можно подать в любой рабочий день без предварительной записи. Другие новости, связанные с нашими ближайшими соседями, читайте на стр. 4* (Страна Калининград. 30.01.2019).

Москва как столица России представляется важной для идентификации жителей всех рассматриваемых регионов: *А ведь до этого момента салюты в честь побед нашей армии проводились только в столице – Москве* (Вечерний Екатеринбург. 26.01.2017); *Только вот в столице жилье поновее, а в Калининграде еще пока занимают немецкий фондом, которому больше 80 лет* (Дворникъ. 20.06.2017); *Время следования от Москвы до Казани должно сократиться в четыре раза с 14 до 3,5 часов* (Известия Татарстана. 16.02.2017).

Темпоральная идентификация связана с конструированием прошлого, будущего и настоящего. При этом особенно важным является исторический нарратив (см.: Smith, 1993), а на первый план выходят практики отбора исторических событий, попадающих в этот нарратив. Так, для жителей Свердловской области это дореволюционный период, связанный с освоением горнозаводского Урала, и период Великой Отечественной войны, когда начинает складываться концепт «Урал – опорный край державы»: *История Екатеринбурга ведёт свой отсчёт с 1723 года, когда на реке Исеть был основан завод-крепость* (Вечерний Екатеринбург. 06.12.2018); *Здесь трудились сотни эвакуированных предприятий. Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели – Победу в Великой Отечественной войне* (Областная газета. 06.05.2017). Следует упомянуть и другое событие, важное для идентификации жителей Свердловской области. Это расстрел царской семьи, который актуализируется в религиозном и туристическом контекстах: *К столетию со дня гибели императорской семьи в Екатеринбурге администрация города планирует организовать в городе «синюю линию»...* (Вечерний Екатеринбург. 13.03.2018); *Крестный ход проходит по так называемому маршруту скорби, которым в 1918 году останки царской семьи были доставлены для уничтожения на Ганину Яму...* (Уральский рабочий. 17.07.2018).

Исторический нарратив, конструируемый калининградскими СМИ, распадается на два периода. Первый связан с историей Восточной Пруссии, а второй начинается с событий Великой Отечественной войны и охватывает советский период: *Если же погрузиться в историю более глубоко, то мы увидим, что улица Сергеева, у немцев Hintertragheim, что в переводе «позади Трагхайма», закладывалась в XVI веке, во времена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, первого герцога Пруссии* (Гражданин. 23.03.2017); *Вторая часть мероприятий, посвященных взятию города 10 февраля 1945 года советскими войсками, также пройдет 11 числа, но у братской могилы советских воинов* (Гражданин. 02.02.2017).

При анализе исторического нарратива в СМИ Татарстана выявляется противопоставление двух субъектов истории, связанных с российской и татарской государственностью: *И татарстанская делегация положила перед российской текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»* (Казанские Ведомости. 13.07.2017). *В книге рассматриваются политические отношения между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды...* (Казанские Ведомости. 03.08.2018).

Настоящее предстает в медиадискурсе как «информационный образ актуальности» (ср. с определением журналистики: Kalmykov and Kohanova 2005: 8), однако для его серьезной характеристики необходимо отдельное исследование, в связи с чем мы лишь отметим, что данный конструкт целесообразно рассматривать как набор разнообразных тематических идентификаций, и коротко охарактеризуем две из них, выявляющие различия в идентичности жителей рассматриваемых регионов. Так, экономическая идентификация уральцев по-прежнему связана с горнозаводской историей региона, в то время как калининградцы считают важными отрасли, связанные с морем, а татарстанцы – добычу и переработку нефти: *Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу* (Областная газета. 16.02.2017); *Ежегодно через рыбоперерабатывающие цеха на их судах проходит около 150 тысяч тонн сырца* (Дворникъ. 10.07.2018); *При этом наши ключевые приоритеты остаются неизменными – это проекты по использованию нефти как ценнейшего сырья для нефтехимии* (Татарстан. 31.10.2018).

Конфессиональная идентификация также оказывается различной. СМИ Калининградской и Свердловской областей активно формируют образ регионов как мультикультурного пространства, однако фиксируются практики, противопоставляющие мусульман «своему кругу» и маркирующие их в качестве «других»: *Конечно, для 30 тысяч мусульман, а именно столько их живет в Калининградской области, здание небольшое, рассчитано примерно на сто пятьдесят человек* (Страна Калининград. 06.09.2017); *Сегодня начинается месяц Рамадан. В течение этого времени мусульмане ежедневно – от рассвета до заката – не должны ни есть, ни пить, они не должны сквернословить, предаваться плотским радостям, а творить добрые дела* (Областная газета. 26.05.2017). Сравним приведенные примеры с фрагментом из выступления президента Татарстана Рустама Минниханова: *Здесь на болгарской земле почти 11 веков назад наши предки приняли ислам. За это время наш народ прошел славный и нелегкий путь, сохранив веру в Аллаха и верность великим традициям...* (Вечерняя Казань. 04.09.2017).

Перейдем к конструированию будущего, которое во всех рассматриваемых регионах структурируется с помощью практик отбора масштабных проектов и предстает как «прогнозируемое время» (Kurina, 2017, 21): *Торговая отрасль и сфера услуг Екатеринбурга готовы к проведению крупных международных мероприятий, таких как чемпионат мира по футболу и даже международная выставка «ЭКСПО-2025»* (Вечерний Екатеринбург. 23.05.2017); *До мундиаля осталось 498 дней. Теперь о том, когда начнется футбольное*

состязание мирового уровня, жителям Калининграда напомнят специальные часы (Страна Калининград. 01.02.2017); Проектно-изыскательский институт ОАО «Мосгипротранс» опубликовал на своем сайте презентационное видео, в котором рассказывается о многих деталях проектируемой трассы высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань (Известия Татарстана. 16.02.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Региональная идентичность может быть реконструирована в виде модели, в основе которой лежат пространственная и темпоральная идентификации, задающие систему координат, в которую включаются иные разнородные идентификации: экономическая, политическая, этническая, конфессиональная и др. Анализ медиадискурса трех различных регионов России позволил выделить в рамках данной модели типичные дискурсивные практики конструирования региональной идентичности: практики конструирования столичности центра региона, практики отбора, номинации и описания соседей, практики отбора событий, формирующих исторических нарратив, и др. Перспективным представляется дальнейший анализ региональной специфики выделенных практик, а также исследование экономической, политической, этнической, конфессиональной и культурной идентификации жителей регионов России.

LIST OF REFERENCES

- Benwell B. & Stokoe E. (2006). *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Brubaker R. (2012). *Etnichnost bez grupp [Ethnicity without groups]*. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Chepkina E. V. & Enina L. V. (2011). *Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalism discourse: analysis of practices]*. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta, Ser. 1, 2, 76–85.
- Chepkina E. V. (2000). *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000) [The Russian journalism discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)]*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta.
- Chepkina E. V. (ed). (2000). *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna» [Problems of constructing the identity of Russians in the discourse of the media under the influence of the concept of «information war»]*. Moskva, Ekaterinburg: Kabinetniy ucheniy.
- De Cillia R., Reisigl M. & Wodak R. (1999). *The discursive construction of national identities*. *Discourse & society*, 10 (2), 149–173.
- Enina L. V. (2016). *Identichnost kak diskursivniy kontsept i mehanizmy diskursivnoy identifikatsii [Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification]*. *Politicheskaya lingvistika*, 6, 159–167.
- Foucault M. (1971). *Orders of discourse*. *Social science information*, 10 (2), 7–30.
- Foucault M. (2004). *Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga.
- Hall S. (2000). *Who needs identity?* Du Gay P., Evans J. & Redman P. (eds). *Identity: a reader*. London: SAGE Publications, 15–30.
- Ilina O. V. & Kablukov E. V. (2019). *Praktiki konstruirovaniya uralskoy identichnosti v mediadiskurse Sverdlovskoy oblasti [Practices of the Ural identity construction in the media discourse of Sverdlovsk region]*. *Politicheskaya lingvistika*, 2, 120–132.
- Kalmykov A. A. & Kohanova L. A. (2005). *Internet-zhurnalistskiy [Internet journalism]*. Moskva: Unifit-Dana.
- Krzyżanowski M. (2010). *The discursive construction of European identities: A multi-level approach to discourse and identity in the transforming European Union*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Kupina N. A. (2017). *Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regionalnom gazetnom izdaniy [Axiological strategy and its speech realization in a regional newspaper publication]*. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, Ser. 1, 4 (168), 19–31.
- Revzina O. G. (1999). *Yazyk i diskurs [Language and Discourse]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 9, 1, 25–33.
- Sandomirskaya I. (2001). *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik [The book about the motherland: Experience in analyzing discursive practices]*. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien.
- Smith A. D. (1991). *National Identity*. Reno: University of Nevada press.

For citation:

Ilina, O. & Kablukov, E. (2019) THE PRACTICES OF RUSSIANS' REGIONAL IDENTITY CONSTRUCTION IN MEDIA DISCOURSE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.71-76 doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

Для цитирования:

Ильина, О., Каблук, Е. (2019) ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 71-76. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-71-76>

Information about the authors: Olga Ilina – PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Evgenii Kablukov – PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Language and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Информация об авторах: Ольга Владимировна Ильина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: olga.ilina@urfu.ru

Евгений Викторович Каблук – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: evgeny.kablukov@urfu.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-76-80>

ON THE DISCURSIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF CONCESSION IN INFORMAL INTERVIEW

Elena Nikolaevna Klemenova
Doctor of Philological Sciences, Professor
Rostov State University of Economics (RINE)
(Russia, Rostov on Don)
klemenova@yandex.ru
Nadezhda Vladimirovna Kovalchuk
PhD, Associate Professor
Don State Technical University
(Russia, Rostov on Don)
nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Abstract: The purpose of this article is to implement a structural and pragmatic analysis of the rhetorical relations of concession in the texts of informal interviews, as well as to identify the basic model of implementation of these relations and its variants. At the level of informal interviews basic model is a three-part sequence of verbal steps of the interlocutors: the speaker, the subject pushes a value judgment (X), and the addressee agrees with this judgment or makes an assignment in favor of its efficacy (X'), but also potentially puts forward a contrasting argument (Y). This model has several variations, suggesting a different order of these dialogic steps. The basic implementation model of rhetorical relations concessions and its variants assume the source is equal to the weight of the two potentially incompatible perspectives. Informal interview takes a strong position in popular publications, reflecting the current trends in fashion, cinema, sports, everyday life.

Keywords: informal interview, basic model and its variants, concession, communication

О ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ УСТУПКИ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ

Елена Николаевна Клеменова
Доктор филологических наук, профессор
Ростовский государственный университет экономики
(Ростов-на Дону, Россия)
e-mail: klemenova@yandex.ru
Надежда Владимировна Ковальчук
Кандидат филологических наук, доцент
Донской государственный технический университет
(Ростов-на Дону, Россия)
e-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является осуществление структурно-прагматического анализа риторических отношений уступки в текстах неформальных интервью, а также выявление базовой модели реализации этих отношений и ее вариантов. На уровне неформального интервью базовой моделью является трехчастная последовательность вербальных шагов собеседников: говорящий, субъект выдвигает ценностное суждение (X), а адресат соглашается с этим суждением или делает уступку в пользу его эффективности (X'), но также потенциально выдвигает контрастный аргумент (Y). Эта модель имеет несколько вариаций, предполагающих различный порядок этих диалогических шагов. Базовая модель реализации риторических отношений и ее варианты предполагают, что источник равен весу двух потенциально несовместимых точек зрения. Неформальное интервью занимает прочные позиции в популярных изданиях, отражая современные тенденции в моде, кино, спорте, повседневной жизни.

Ключевые слова: неформальное интервью, базовая модель и ее варианты, уступка, взаимодействие

ВВЕДЕНИЕ. В современных дискурсивно-прагматических исследованиях неформальное интервью интерпретируется как последовательность речевых шагов, реализуемая посредством языковых средств и обладающая определенным воздействием на характер взаимодействия между двумя субъектами, попеременно меняющимися коммуникативными ролями говорящего и слушающего (Azarova, 2013; Vartanova, 2006;

Shishkina, 2010). При этом речевой шаг реализует то или иное пропозициональное содержание и выполняет функцию, предопределяемую типом манифестируемого иллокутивного действия. В результате анализа речевых шагов собеседников выявляются типы моделей успешной коммуникации.

Прагматическое измерение в неформальном интервью, согласно нашим наблюдениям, способствуют симфонии общения: (1) признание смысловой позиции партнера по взаимодействию и (2) одновременное утверждение собственной точки зрения на обсуждаемую проблему. В результате открывается перспектива моделирования диалогического взаимодействия с учетом того, как можно объяснить речевое поведение интервьюера и респондента в терминах их ментальных состояний и социальных обязательств, обмена актуальной информацией.

Особым аспектом изучения является то, как интервьюер и респондент конструируют отношения коммуникации в тексте неформального интервью, какие прагматические сигналы оказываются доступными им в процессе переработки данного текста.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Материалом исследования послужили неформальные интервью, опубликованные в англоязычных периодических изданиях, которые специализируются на разноаспектном освещении мнений ярких представителей кино, телевидения, моды и художественного творчества, а также отражении точек зрения рядовых представителей разнообразных социокультурных сообществ: «Cleo», «Chat», «Country Weekly», «Esquire», «Soap Opera», «Vanity Fair» и др. (2014–2015 гг.). Фрагменты текстов неформального интервью были отобраны методом сплошной выборки.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Общефилософские перспективы методологии исследования основываются на философских положениях Ф. де Соссюра и Н. Хомского о разграничении «языка как абстрактного явления» и «языка в действии» с опорой на такие категории, как «язык и речь» (Sousure, 1999), «компетентность и компетентность» (Chomsky 1972), которые, в свою очередь, соответствуют разграничению эмпирических и рациональных подходов к сбору и анализу языковых данных в аспекте прагматической лингвистики; П.–М. Штраус и В. Минкера в вопросах межличностной коммуникации, которая строится по определенным моделям: «...в процессе обмена диалогическими репликами собеседники попеременно принимают на себя роли говорящего субъекта и адресата, комбинируют речевые шаги в составе реализуемых высказываний для достижения определённых целей» (Strauss 2010: 28); У. Манна и С. Томпсон о тексте как иерархически формируемом феномене: элементарные текстовые единицы связываются с другими единицами в соответствии с определенными риторическими отношениями, которые отражают текущие намерения говорящего и коммуникативные цели порожаемого текста (Mann 1988).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Цель исследования состояла в описании базовой модели риторических отношений уступки в речи участников неформального интервью.

В результате наших наблюдений мы определили, что на уровне неформального интервью базовая модель представляет собой трехчастную последовательность речевых шагов собеседников: говорящий субъект выдвигает некоторое оценочное суждение (**X**), а адресат соглашается с этим суждением или делает уступку в пользу его действительности (**X'**), но одновременно выдвигает потенциально контрастирующий аргумент (**Y**). Эта модель, как было выявлено нами в ходе анализа, обладает несколькими вариациями, предполагающими, в частности, разный порядок следования указанных диалогических шагов, неявное выражение диалогического шага (**Y**). Ср.:

“–As far as I understand, roles without complexity just don't interest you.

- Except Scully, which I don't see as being particularly complex.

- Yes, but I'm saying, is like you know, as much as your Scully continues to represent an iconic female presence in TV. She's outspoken, powerfull. Your other roles reflect strong women who overcome major obstacles” (Soap World, 2015, № 16, p. 23).

- «Насколько я понимаю, роли, которые не предполагают сложностей, не интересуют Вас.

- За исключением Скалли, которую я не рассматриваю как особенно сложную.

- Да, но, похоже, Вы знаете о чем я говорю, поскольку Ваша Скалли продолжает репрезентировать знаковое присутствие женского начала на телевидении. Она откровенна, сильна. Ваши другие роли отражают образы сильных женщин, которые преодолевают значительные препятствия».

В анализируемом примере уступительная семантика актуализуется в тот момент спонтанной беседы, когда реагирующий собеседник (актриса Джиллиан Андерсон) указывает, что роль Скалли не оказалась для нее такой уж сложной, как другие исполненные ею роли. Далее интервьюер признает, что в той информации, которую только что представила Дж. Андерсон, есть рациональное зерно, и снова выдвигает суждение относительно того, что все роли, исполняемые актрисой, отличаются сложностью, поскольку отражают характеры сильных женщин, преодолевающих жизненные трудности. С интеракционной точки зрения признание утверждения, выдвинутого интервьюером, дает возможность реагирующему собеседнику выразить частичное (смягченное) несогласие с этим утверждением.

Базовая модель реализации риторических отношений уступки и ее варианты задействуются респондентом в целях предотвращения несогласия со стороны интервьюера, порождения смыслового унисона посредством признания одновременного существования двух потенциально несовместимых точек зрения. Варианты данной модели предоставляют респонденту возможность отступить от предварительно выраженного мнения или усилить контраргумент в пользу своего альтернативного мнения, а не уступку в пользу мнения интервьюера. Ср.:

“(X) - ... but even the privately owned places here are so characterless. I mean by and large.

(X') *Outside the Village they are.*

- *You know...*

(Y) – *There's some in the Village that are nice.*

- *Outside of the Village, yes. You certainly won't like to lose them. But everywhere else, you know, they're all alike – chrome and black chairs...*

- *And all those pictures and so forth...*

- *Yes, they're obvious not places where they want you to linger...*” (Country Weekly 2015, Nov., 18, p. 32).

«(X)- ... но даже местечки, находящиеся в частной собственности, здесь такие безликие. Я имею в виду по большому счету.

(X') *Они находятся вне района Вилладж.*

- *Знаете...*

(Y) – *В Вилладже есть местечки, которые прекрасны.*

- *Вне Вилладжа да. Конечно же, Вы не захотите утратить их. Но где-либо еще, знаете ли, они все похожи друг на друга – хромированные и черные стулья...*

- *И все эти картины и так далее...*

- *Да, очевидно, это не те местечки, где хотят, чтобы вы задержались...*»

В предваряющей неформальную беседу реплике интервьюер сообщает, что частные кафе в Нью-Йорке являются безликими. В следующем диалогическом ходе респондент, реализуя уступку, признает, что предыдущее суждение интервьюера является частично истинным: он выражает согласие с тем, что безликими предстают те частные кафе, которые находятся вне района Гринвич Вилладж. В то же время респондент поддерживает мысль о том, что в другом отношении инициальное суждение интервьюера является ложным: уютными в Гринвич Вилладж являются не только частные кафе.

Зарождающаяся в неформальном общении контрастность смысловых позиций интервьюера и респондента затмевается риторическими уступительными отношениями, а потому в спонтанном взаимодействии собеседников создаются условия для неконфликтного достижения общего мнения. Базовая модель реализации риторических отношений уступки и ее варианты исходно предполагают равный удельный вес двух потенциально несовместимых точек зрения в плане обсуждаемых событий, явлений, фактов, а также объектов, обнаруживаемых в этих событиях, явлениях и фактах. В частности, ограничение действенности предшествующей пропозиции на уровне отдельного речевого хода рассматривается нами как своеобразная стратегия, нацеленная на предотвращение нежелательного комментария со стороны интервьюера. Данная функция уступительных отношений актуализуется также для получения согласия интервьюера с точкой зрения, представленной респондентом.

Подтекстный смысл базовой модели выявляет семантическое содержание информации о «Я» респондента в связи с эмоциональным переживанием некогда приобретенного жизненного опыта, смещает фокус внимания в спонтанном взаимодействии в плоскость контекста сообщения о данном опыте. Уступка, выражаемая респондентом в пользу мнения интервьюера, дает ему возможность сообщить о том, что запомнилось им в плане обсуждаемого события или факта. Прагматическая функция риторических отношений уступки в подобном диалогическом контексте заключается в обеспечении детализации обсуждаемого события с точки зрения субъективной перспективы, отличной от перспективы интервьюера. Сообщение о запомнившемся событии материализуется как интенсивное аффективное переживание, ставящее перед респондентом проблему такой репрезентации события, которая позволила бы преодолеть аффект и установить дистанцию в отношении источника запомнившегося. С опорой на риторические отношения уступки респондент воспринимает «себя прошлого» как постороннего. Респондент вспоминает не только себя, но и то, каким образом он обзирал объективную реальность прежде, т.е. репрезентирует не только объективный мир, но и свой способ видения этого мира. Ср.:

“- *I'd like to say that I really think a lot of people were sincerely there, just to make the option known that it was still time to negotiate, and we didn't need to start the bombing... (X) and I hate to see everybody get a bad name for that, and you say that's what makes it New York.*

(X') – *Yes.*

(Y) *But it is a shame and it unfortunately the fact that there are more people like you than the rest...*” (LondonPaper, 2014, № 31, p. 12).

«- *Я хотел бы сказать, что я действительно много думаю о том, что люди были искренними там, просто предоставив альтернативу, а именно возможность договориться; и не было необходимости в том, чтобы мы начали бомбардировку... (X) и мне совсем не нравится, когда все плохо отзываются об этом, и Вы говорите, что в этом и состоит суть Нью-Йорка.*

(X') – *Да.*

(Y) *Но это позор и, к несчастью, факт того, что становится больше людей таких, как Вы, отличных от остальных...*»

В анализируемом отрывке из неформальной беседы интервьюер выражает мнение, согласно которому некоторые участники демонстрации желали, чтобы их смысловая позиция была услышана (а именно бомбардировка началась слишком рано, до того, как все возможности переговоров были исчерпаны). Инициатор неформальной беседы также добавляет, что свобода самовыражения, реализуемая в мирной форме, предстает фундаментальным правом. Респондент сначала соглашается с выдвинутым мнением интервьюера ((X') – *Yes.*), но затем переходит к негативной оценке произошедшего (обсуждаемое событие оценивается как

фактический позор), которая оказывается потенциально несовместимой с позитивным освещением права свободы самовыражения, представленным интервьюером в исходной реплике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Неформальное интервью занимает сильную позицию в популярных изданиях, отражающих текущие тенденции в сфере моды, кино, спорта, повседневности вообще. Взаимно вовлекаясь в неформальное интервью, собеседники фактически ориентируются на образ читателя, для которого это интервью и производится. Ориентация на данный образ в известной степени предопределяет частотность выражения риторических отношений уступки в неформальном интервью. В непринужденном повседневном общении подобные ограничения отсутствуют, сферу интересов собеседников составляет иллюкутивное состязательство, стремление решить собственные речевые задачи.

Несходные смысловые позиции собеседников манифестируются такими компонентами модели реализации риторических отношений уступки, как (X) и (Y), при этом в речевом ходе (X') выражается согласие реагирующего участника интервью с предварительно инициированной точкой зрения (X), которая принадлежит другому собеседнику, уступка в пользу его смысловой позиции. Выраженная уступка, в свою очередь, становится основанием для представления альтернативного мнения (Y), отражающего иной взгляд на обсуждаемую проблему. При этом компоненты (X') и (Y) реализуются преимущественно на уровне речевых ходов одного участника интервью.

Как показал наш анализ, компоненты модели (X), (X') и (Y) получают реализацию в языковых единицах разнообразной степени сложности: в отдельных словоформах, словосочетаниях, простых и сложных предложениях, которые, по сути дела, предстают как самостоятельные дискурсивные блоки, участвующие в формировании риторических отношений.

Вариативные возможности модели реализации риторических отношений уступки в рамках неформального интервью детерминируются равным участием журналиста и респондента в проектировании спонтанно порождаемого диалогического текста. Один из собеседников осуществляет уступку в пользу смысловой позиции другого собеседника, реализуя при этом потенциально контрастное суждение. В результате сглаживается полярность позиций участников интервью, осуществляется плавный переход к обсуждению других тем. Когнитивная природа потенциального контраста детерминируется способностью участников неформального интервью производить выводное знание из речевых шагов партнера по общению. Другими словами, компоненты обсуждаемой проблематики (X) и (Y) не воспринимаются собеседниками как исходно контрастирующие, а интерпретируются как таковые в рамках ситуационного контекста текущего диалогического взаимодействия.

LIST OF REFERENCES

- Azarova, O.A. Kommunikativnye strategii i taktiki respondenta v angloyazychnom neformal'nom interv'yu [Tekst]: dis. ... kand.filol.nauk/ O.A.Azarova. – Rostov n/D., 2013. – 187 s.
- Afanas'eva, I.V. Lingvo-ritoricheskie osobennosti angloyazychnogo interv'yu [Tekst]: dis. ... kand.filol.nauk/I.V.Afanas'eva. – SPb., 2010. – 221 s.
- Valgina, N.S. Teoriya teksta [Tekst] / N.S.Valgina. – M.: Logos, 2003. – 280 s.
- Vartanova, N.G. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti zhanra reklamnogo interv'yu v russkikh i francuzskikh SMI [Tekst]: dis. ... kand.filol.nauk/ N.G.Vartanova. – Rostov n/D, 2006. – 168 s.
- Karasik, V.I. Rechevaya kommunikaciya: diskursivnyy aspekt [Tekst] / V.I.Karasik // Grani poznaniya: elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGSPU. – 2013. - № 1 (21). – S. 23-33.
- Klemenova, E.N. Kvantor. Smysl. Tekst. Interpretaciya [Tekst] / E.N.Klemenova. – M.: FLINTA: Nauka, 2017. – 168 s.
- Plotnikova, O.A. Strategii kontrolya dialogicheskogo vzaimodeystviya v interv'yu [Tekst] / O.A.Plotnikova. – Omsk, 2007. – 180 s.
- Sossyur, F. de. Kurs obshchey lingvistiki [Tekst] / F. de Sossyur. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk.un-ta, 1999. – 432 s.
- Homskiy, N. Aspekty teorii sintaksisa [Tekst] / N.Homskiy. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. – 260 s. Shishkina, T.S.
- Pragmaticheskie osobennosti konstativnogo rechevogo akta v funktsii iniciiruyushey repliki neformal'nogo interv'yu [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / T.S.Shishkina. – Rostov n/D, 2010. – 18 s.
- Mann, W.C. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization [Text] / W.C. Mann, S.A. Thompson. – Amsterdam: John Benjamins, 1988. – Vol. 8 (3). – P. 243 – 281.
- Strauss, P. –M. Proactive Spoken Dialogue Interaction in Multy-Party Environments [Text] / P.-M. Strauss, W. Minker. – N.Y.; L.: Springer, 2010. – 180 p.

For citation:

Klemenova, E. N. & Kovalchuk N. V. (2019) ON THE DISCURSIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF CONCESSION IN INFORMAL INTERVIEW // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 76-80. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-76-80>

Для цитирования:

Клеменова, Е. Н., Ковальчук, Н. В. (2019) О ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ УСТУПКИ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 75-79. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-76-80>

Information about the authors: Elena Nikolaevna Klemenova - Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Journalism, Rostov State University of Economics (RINE), Russia, Rostov on Don
klemenova@yandex.ru

Nadezhda Vladimirovna Kovalchuk – PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Don State Technical University, Russia, Rostov on Don
nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Информация об авторах: Елена Николаевна Клеменова – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Ростовский государственный университет экономики Ростов-на Дону, Россия
klemenova@yandex.ru

Надежда Владимировна Ковальчук – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Донской государственной технической университет
nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-80-85>

LANGUAGE NORMS AND USAGE IN UKRAINIAN MASS MEDIA

Svitlana Korotkova

PhD, Associate Professor

National Technical University “Dniprovsk Polytechnica”

(Dnepr, Ukraine)

e-mail: sveta_korotkova@i.ua

Olena Polovynko

PhD, Associate Professor

University of Strasbourg

(Strasbourg, France)

e-mail: polovynko@unistra.fr

Abstract. This research traces the evolution of the norms of the Ukrainian and Russian languages and their usage in modern Ukrainian media discourse. In linguistic literature widespread understanding of the norm (tradition of the use of linguistic units) and narrow (result of purposeful language codification) are extended. The process of standardization of Ukrainian and Russian languages took place in different ways. The national Ukrainian literary language belongs to the languages with an ancient tradition but its norms were not established until quite recently, having changed several times. Analysis of media discourse reveals that a high level of proficiency in the state language demonstrates a limited group of the country’s population. As for the Russian language, while it does not lose its communicative power in many regions of Ukraine, in the speech of monolingual Russophones there are errors and ukrainisms. The intermediate Ukrainian-Russian language varieties, *surzhyk*, holds a special position in the media and public performances. In general, the contemporary Ukrainian media discourse demonstrates non-compliance with legislative and academic requirements but reflects the complexity of the linguistic situation in Ukraine.

Keywords: language norm, language standardization (normalization), media discourse, Ukrainian language, Russian language, *surzhyk*

НОРМЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В УКРАИНСКИХ МАСС-МЕДИА

Светлана Витальевна Короткова

Кандидат филологических наук, доцент

Национальный ТУ «Днепро́вская политехника»,

(Днепр, Украина)

e-mail: sveta_korotkova@i.ua

Елена Алексеевна Половинко

Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор

Страсбургский университет,

(Страсбург, Франция)

e-mail: polovynko@unistra.fr

Аннотация: В данном исследовании особое внимание уделено истории становления норм украинского и русского языков и функционированию языковых систем в современном украинском медиадискурсе. В лингвистической литературе встречается как широкое понимание нормы (традиции употребления языковых единиц), так и узкое (результат целенаправленной кодификации языка). Процессы стандартизации украинского и русского языков протекали по-разному. Украинский литературный язык относится к языкам с древней традицией, однако его нормы изменялись неоднократно и установились формально не так давно. Анализ украинского медийного дискурса показывает, что высокий уровень владения государственным языком демонстрирует не всё население страны. Что касается русского языка, он не теряет своей

коммуникативной мощности в отдельных регионах Украины, однако речь русофонов не лишена ошибок и украинизмов. Особое положение в средствах массовой информации и публичных выступлениях занимает смешанная украинско-русская речь, суржик. В целом приходится констатировать наличие некоторых несоответствий современного украинского медиадискурса законодательным и академическим требованиям. Неоспоримой при этом остается важность изучения данной сферы функционирования языков для описания языковой ситуации в Украине.

Ключевые слова: языковая норма, стандартизация (кодификация) языка, медиадискурс, украинский язык, русский язык, суржик

INTRODUCTION. Nowadays, when high technologies have penetrated deeply into our lives, it is difficult to imagine that just over one century ago TV did not even exist. In the Soviet Union, TV translation was born in the first half of the last century: the first experimental picture's transmissions were realized in 1931 by the laboratory of television in All-Union Electrotechnical Institute in Moscow. The first images were motionless – pictures of famous artists and honored workers of the country. On the 1st of October, a statement appeared in the newspapers that for the first time in the USSR, a regular broadcasting of “moving images” would begin. ‘Comrades radio viewers, said the speakers, we are starting transmission of the Soviet *farvision*’. The word ‘televiuer’ and the notion of ‘television’ have not entered into use...¹. In 1967, regular color broadcasting began in the USSR².

In the Soviet era, television speakers demonstrated the highest mastery of speech and television was a reliable source of language knowledge. However, the Ukrainian sociolinguists found another role of the Soviet television: with the advent of television, according to Laryssa Masenko, the Soviet government received a powerful tool of russification, which, along with the radio, gave it the opportunity to strengthen and accelerate the processes of linguistic and cultural unification of the peoples of the USSR (Masenko 2013: 83).

In independent Ukraine, state language policy, especially in recent years, has been aimed at popularizing the only state language – Ukrainian, but Russian speech is still heard from TV screens; moreover, the interpretation of the language norms of these languages is sometimes very blurred. Ukrainian literary language, firstly, has not yet acquired a stable norm, as evidenced by its variation on different TV channels, and secondly, a high level of proficiency in the state language demonstrates a limited group of the country's population. As for the Russian language, while it does not lose its communicative power in many regions of Ukraine, in the speech of monolingual Russophones there are errors and “ukrainisms”.

The purpose of this research is to trace the evolution of the norms of Ukrainian and Russian languages, as well as to analyze their use on the air on the five highest rated TV channels of Ukraine (according to the rating published in November 2018 on the website of the National Council of Ukraine on television and radio broadcasting³) in order to establish the degree of compliance of the modern Ukrainian media discourse within the legislative and academic requirements. The special position of *surzhyk*, intermediate Ukrainian-Russian language varieties, in the media and public presentations is being examined.

THEORETICAL BASIS. The term “norm” has the need to be specified because it remains a source of many ambiguities. In a broad sense, the norm is close to the concept of *usus* – the generally accepted way of using the language. This way of speech has developed spontaneously and become a tradition and it also distinguishes one language idiom from other language idioms. In a narrow sense, the norm is inextricably linked to the concept of literary (normalized or codified) language as the result of purposeful language codification (Itskovich 1970: 9). Eugen Coseriu was one of the first in language science who put forward a dual understanding of the norm: descriptive (reflecting the tradition) and prescriptive (reflecting the requirement) (Coseriu 1963: 175). The concept of “norm” and the concept of “codification” were defined specifically in the works of Boguslav Havranek, who stressed the need to distinguish between the validity of the norm, its real state and the idea of it, materialized in the dictionaries and reference literature (Havranek 1967).

The sociolinguists prefer to talk about the distinction between norm as language productions “as it should be” and variability as productions as they really are, but also about the distinction between spoken and written language: the norm is related to writing, the variation, on the other hand, is mainly seen and evident in the oral language, even if it seems that an important activity of the speaker is to try not to perceive it (Gadet 1995: 20). The oral form is characteristic of direct communication between people, it is more mobile, characterized primarily by features in the syntax and vocabulary. The written form of functioning differs from the oral form by the strictest selection of words, the representation of exact constructions, the use of a significant amount of abstract vocabulary.

Despite the fact that both Ukrainian and Russian represent a single group of Eastern Slavic languages and began to form as separate linguistic systems at the same time, the process of their normalization took place in different ways.

HISTORICAL CONTEXT. Traditionally, the Russian literary language of the great Russian nation of the Moscow state dates from the late XIV - mid XVII century (Erofeeva 2014: 18). The XVIII century was the period of transformation and enrichment, as the religious roots of the written form and the popular variants of the spoken form combined in a single language. Vasily Trediakovsky was the first who gave a theoretical substantiation of the necessity

¹ Translated into English by O. Polovynko from: «Товарищи радиозрители, - говорили дикторы, - начинаем передачи советского дальновидения...». Слово «телезритель» и понятие «телевидение» еще не вошли в обиход... (<https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/523158> [10.02.2019]).

² <https://ria.ru/20121001/761256162.html> [10.02.2019].

³ <https://www.nrada.gov.ua/rejtyngy-telekanaliv-sered-korystuvachiv-iptv-ott-u-ii-kvartali-2018-roku/> [15.02.2019].

of the regulation of the Russian literary language. However, the reformatory activity of Mikhail Lomonosov, who developed the “theory of three styles”, acquired special significance for the normalization of the language. It was the first step to the modern literary Russian. Other important contributions to the process of standardizing were made by Nikolay Karamzin, Aleksander Pushkin, Ivan Turgenev, Nikolay Gogol, and Fyodor Dostoevsky. The nineteenth century witnessed the establishment of standard Russian and the period of its greatest thriving. Modern Russian literary language is the language that has existed from Pushkin to the present day.

Ukrainian had, for a longer time, only a popular, spoken form. Ivan Kotliarevsky used this popular, folkloric material to create his literary style, thereby founding a new literary language, in the very end of eighteenth century. Another great Ukrainian poet, Taras Shevchenko, perfected Ukrainian, and contributed to its lexical and stylistic enrichment in terms of synonymy, neology, rhythm, and so on. His name has come to represent not just literature, but Ukrainian culture as a whole. Shevchenko was followed by a host of writers such as Panteleimon Kulish, Lesya Ukrainka, Ivan Franko, Mykhailo Kotsiubynsky, each of whom helped Ukrainian flourish (Shevchenko 2015). However, the control of Ukrainian territories by two different empires determined different conditions for the subsequent development of the title language of the Ukrainian nation. East Ukrainian and West Ukrainian variants of the literary language in the second half of the nineteenth century developed in isolation, based on different dialects.

The russification of a large part of Ukraine, which was controlled by the Russian Empire, led to the prohibition of Ukrainian in school and relegation to the status of language of rural register. In Galicia, the western part under Austrian tutelage, the development of the Ukrainian language was relatively free; the question of the canons of a standard Ukrainian language was raised and a chair of Ukrainian philology was created in 1849.

The USSR developed the use of Ukrainian starting in the 1920s, but by choosing a variant of central Ukraine, closer to Russian than the one that had been codified in Galicia (Marchand, 2014 : 3). The existence of two variants of the Ukrainian literary language in the XIX century in Soviet linguistics was ignored. The Bolsheviks, in the fight against illiteracy, opened more than eighteen thousand Ukrainian schools (Romancov, 2008 : 11) however, this policy was reversed in the middle of 1930s by a growing russification (Seriot 2005 : 41) which led to bilingualism in favor of the Russian language.

Thus, the Ukrainian national literary language belongs to the languages with an ancient tradition but its norms have been established quite recently, having changed several times. It is inherent in some “artificiality, immobility of norms” (Vydajchuk 2015: 199). Historical and socio-political factors limited its opportunities for functioning in all spheres of life and natural development. At the time of Ukrainian independence there is a tendency to focus on a more multifunctional Western Ukrainian version of the literary Ukrainian language. This tendency in particular began to spread in some media.

CURRENT LAGISLATIVE FRAMWORK. The information sphere of a democratic society presupposes the functioning within its framework of the media space as a communicator-intermediary between the source of information and the person (citizen) who wants to receive this information (Malyk 2009: 122). Television along with the press, radio and Internet sources provides information to the consumer. At the same time, the mass media discourse, in particular television broadcasting, reflects the communicative power of language systems operating in the territory of the state and provides content for the study of the linguistic situation.

The material taken from the television news releases of the five most popular Ukrainian TV channels, demonstrates the presence of several language systems in the Ukrainian mass media discourse and tracks the results of innovative processes in the languages (lexical and semantic neologisms, “reanimated” archaisms, periphrases, idiomatic expressions, adoptions from other languages).

Media space as part of the general information space of Ukraine is clearly regulated by national legislation. Thus, the Law of Ukraine “On television and radio broadcasting” determines the volume of broadcasting that should be carried out in the state language: “In the total weekly volume of TV and radio broadcasting... programs and/or films made in the state language must be at least 75 percent of the total duration of programs and/or films (or parts thereof) in each period between 07.00 and 18.00 and between 18.00 and 22.00”⁴. According to the Constitution of this state, the only official language is Ukrainian. However, the following paragraphs of this article leave much more space for other communication systems: the live broadcast program is considered to be made in the state language, if the speech (replicas) of the presenters (announcers) of the TV program is in Ukrainian. Television news releases remain a type of program which is allowed to use other languages without dubbing or subtitles “in the direct reportage from the place of incident (except for the discourse and replicas of reporters) in speeches, interviews, comments, explanations, questions, etc. of persons who participate in the program (except for the presenters) in volume, determined by the concept of the program”⁵. And this does not contradict either the Constitution which guarantees the free development, use and protection of the Russian language and other languages of the National Minorities of Ukraine, or the actual linguistic situation of the country where only half of the population considers Ukrainian as their unique mother tongue and only a quarter invest as monolingual Ukrainians (Polovynko 2018: 287).

⁴Translated into English by O. Polovynko from: *У загальному тижневому обсязі мовлення телерадіоорганізацій... передачі та/або фільми, виконані державною мовою, мають становити не менше 75 відсотків загальної тривалості передач та/або фільмів (або їх частин) у кожному проміжку часу між 07.00 та 18.00 і між 18.00 та 22.00* (<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3759-12>[28.02.2019]).

⁵Translated into English by O. Polovynko from: *У репортажі з місця події (крім мови та реплік репортерів) у виступах, інтерв'ю, коментарях, поясненнях, запитаннях тощо осіб, які беруть участь у передачі (крім ведучих (дикторів) передачі), або в окремих репліках ведучих (дикторів) передачі в обсязі, обумовленому творчим задумом передачі* (<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3759-12>[28.02.2019]).

DATA ANALYSIS. The announcers of TV programs and journalists belong to the category of people who is obliged to be fluent in the state language in order to ensure one of the most important requirements for television and radio broadcasting – improving the educational and cultural level of citizens. It should be recognized that the Ukrainian news presenters and reporters of all five channels which came into our field of research (1+1, Ukraina, STB, ICTV, Inter) demonstrate a high level of knowledge of the Ukrainian literary (codified) language. At the same time, a few tendencies are noticeable, especially in the speech of the announcers of the leading channel in this rating: 1. Preference is given to a vocabulary that is different from the Russian equivalents (*holovno* instead of *holovnymchynom* [mainly], *kredens* instead of *buffet dliaposudu* [cupboard for dishes], *papliuzhyty*, *han'byty* instead of *zasudzhuvaty*, *porochyty* [to defame]). 2. Word-building models, typical for the Ukrainian are attracting more motivating bases. This is illustrated, for example, by the processes of feminization of names of persons by occupation: *vykonuvachka* [executant, f], *ministerka* [Minister, f], *pedagogynia* [pedagogue, f] and even names of animals: *babachykha* [marmot, f], *hryzunka* [rodent, f]. On the model of neuter nouns ending in *-ня* (*obhovorennia* [discussion]) the new ones are created: *nastoluvannia* [enthronement]. 3. The formation of adjectives with evaluative suffixes (*n'ynezniit* [very drunk]), including the forms of the comparative degree from the relative adjectives and derivative adverbs (*vesnianiche* [more like in spring]).

All this does not detract the professionalism of the Ukrainian news presenters and journalists, but indicates that the Ukrainian language develops naturally, like any language system. However, in the news we hear more than just the speech of professional presenters. Informative programs cover events in all possible areas of public life, and in the presentations of reporters there are comments of participants of the relevant events, witnesses, experts representing different social strata of the population, a variety of fields of public life, all with different levels of education. While announcers and journalists are required to master perfectly the state language another participant of this program could represent any of the linguistic groups present in Ukraine, and speak in a language in which it is more comfortable for him to communicate. Furthermore, the replicas in Russian on live air are usually not dubbed.

The monitoring of news releases on the five Ukrainian TV channels studied revealed the geography of linguistic groups. The population of Ukraine is made up of a plurality of communities spread over several linguistic regions: a predominantly Ukrainian-speaking western part, a predominantly Russian-speaking eastern part and the intermediate regions where not only Ukrainian and Russian compete but also a mixture of these languages, *surzhyk*, is widespread. However, internal migration flows, which have intensified in recent years due to the military conflict in Eastern Ukraine, blurs the borders of these regions.

The geographical factor often beats the social one: even some civil servants, teachers, and doctors prefer to answer in Russian to the question that the journalist asks in Ukrainian. Furthermore, both Ukrainian and Russian speech are saturated with phonetic, lexical and grammatical interferences: 1. At the phonetic level we can observe in Russian speech the distinction of the pronunciation of the vowel phonemes /a / and / o / in the non-accented syllables, which is representative of a phonetic feature of the Ukrainian language; and the non-distinction of the phonemes mentioned in the same positions in Ukrainian speech instead, which is characteristic of the literary Russian language. 2. Influence of the Russian literary language appears in the consonantism system, in particular, there is devocalization of voiced consonants in a weak position in Ukrainian words. 3. Vocabulary is another level where interaction of Russian and Ukrainian is shown as strongly as in phonetics. Ukrainophones use Russian words (*skryvaty* instead of *khovaty* [to hide]) or combine the words according to the Russian lexical compatibility (*zadavatypyttannia* instead of *stavytypyttannia* [ask a question]). Russophone, in their turn, use the Ukrainian clichés which demonstrates the predominance of the Ukrainian language in the official sphere (*vyborchyprotses* instead of *izbiratel'nyjprotses* [electoral process]).

The analysis of the Ukrainian television news, particularly of the texts that are broadcast in the context of such programs, leads to the conclusion that the specificity of the Ukrainian media discourse is not only the functioning of two languages, but also the presence of an intermediate system that is the result of constant contacts between these two languages: from the TV screen we can hear not only the russisms in the Ukrainian language and vice versa, but also a real *surzhyk* “a pejorative collective label for non-standard language varieties that dissolve the language boundary between the Ukrainian and Russian standard languages” (Bernsand, 2001: 38), a linguistic hybrid, extremely complex for exhaustive scientific analysis and clear typology. On one hand, there is a group of monolinguals for whom *surzhyk* is the only means of communication. Most of them are the residents of small cities and villages, as well as people originating from villages who have education not higher than secondary. On the other hand, elements of mixed Ukrainian-Russian speech can be consciously used by bilinguals (multilinguals) and becomes a certain stylistic device, a specific feature of the person as a symbol of a certain social type widely represented in the Ukrainian society. Both of these types of *surzhykophones* can be regularly heard from the Ukrainian television.

Nonetheless, such defects are deemed acceptable by the Ukrainian National Council of television and broadcasting. Thus, one of the members of this state organ, Sergiy Kostynsky, said, commenting on the entry into force of the law on Ukrainian television quotas, that the discourse in *surzhyk*, in local dialect or russisms in Ukrainian speech will be taken into account in the quota on the Ukrainian language on television⁶. In this case, the language norm is perceived as part of social norms, which means that the prestige of a variety does not derive from its inherent qualities, but from its social value. In other words, the attempt to speak Ukrainian even without perfect knowledge of this language is valuable.

6 <https://prm.ua/rusizmi-dialekti-ta-surzhik-u-telefiri-bude-zarahovano-ukrayinomovnoyi-kvoti-natsteleradio/> [11.03.2019].

CONCLUSION. If we study only the speech of news presenters and journalists, the Ukrainian media discourse can be considered as a source of codified language knowledge, illustration of language development and changes in public consciousness. As for the other participants of the relevant programs, we have to state that for a large part of the Ukrainian population the standard Ukrainian remains a difficult ideal to achieve and many either prefer to speak Russian or ignore the norms that delimit the two languages.

On April 25, 2019, the Ukrainian Parliament adopted a new law on the state language – “On ensuring the functioning of the Ukrainian as the state language.” This law will regulate more than 30 different areas of public life. In particular, the law will provide at least 90 percent of the Ukrainian language on national TV channels; at least 50 percent of the names of Newspapers and magazines in the Ukrainian language at distribution points; at least 50 % of the names of Ukrainian-language books in the bookstores and publishers; the Ukrainian version of the authority sites, online stores and media. The law provides the clear mechanisms to monitor its implementation⁷.

The present study can serve as a material for comparison with the results of a similar analysis a few years later after the entry into force of this new law.

LIST OF REFERENCES

- Bernsand N. (2001). Surzhyk and National Identity in Ukrainian Nationalist Language Ideology. *Berliner Osteuropa Info*, 38-47.
- Coseriu E. (1963), *Sinkhroniia, diakhroniia i istoriia* [Synchrony, diachrony and history]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. 3. 143-343.
- Erofeeva I. V. (2014). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka* [The history of Russian literary language]. Kazan.
- Gadet F. (1995), Norme, variation, évaluation. *Histoire. Épistémologie. Langage*. 1995, 11, 18-22.
- Havranek B. (1967), *Zadachi literaturnogo yazyka i ego kultura* [Purposes of literary language and its culture] *Prazhskij lingvisticheskiy krugok* [Prague linguistic circle]. Moscow. 338-377.
- Itskovich V. A. (1970). *Norma i ee kodifikatsiia* [Norm and its codification]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems of speech culture]. Moscow: Nauka, 9-40.
- Malych I. (2009), *Natsional'nyi media-prostir v umovakh hlobalizatsii: pryomyi borot'by ta pravyla zakhystu* [National media space in the context of globalization: methods of struggle and rules of protection]. *Ukrayins'ka natsional'na ideia: realii ta perspektyvy rozvytku* [Ukrainian national idea: realities and prospects of development]. 21. 122-127.
- Marchand P. (2014), Le conflit ukrainien, des enjeux géopolitiques et géo économiques, *Echo Géo*. <http://journals.openedition.org/echogeo/13976> [20.10.2018].
- Masenko L. T. (2013), *Manipuliatyvni stratehii dyskryminatsii ukrains'koi movy na telebachenni radianskoï I postradianskoï Ukrainy* [Manipulative strategies of discrimination of the Ukrainian language on television of Soviet and post-Soviet Ukraine]. *Movoznavstvo* [Linguistics]. 5. 83-88.
- Polovynko O. (2018), Langue maternelle vs. identité linguistique et nationale : les standards ukrainiens et les Ukrainiens hors standard. Alén Garabato C., Boyer H., Djordjevic Léonard K. et Pivot B. (éd.), *Identités, conflits et interventions sociolinguistiques*. Limoges: Lambert-Lucas, 283-291.
- Romantsov V. (2008), *Naseleennia Ukrainyi yoho ridna mova zachasiv radianskoï vlady ta nezalezhnosti (KhKh – pochatok KhKhIstolittia)* [Population of Ukraine and its native language during Soviet power and independence (XX – beginning of XXI century)], Kyiv : Olena Teliga.
- Sériot P. (2005), Diglossie, bilinguisme ou mélange de langues : le cas du surzhyk en Ukraine. *La linguistique*. 2, vol. 41. Presse Universitaire de France. 37-52.
- Shevchenko N. (2015), The history of bilingualism in Ukraine and its role in today's political crisis. https://www.cairn-int.info/load_pdf.php?ID_ARTICLE=E_CSP_017_0203 [19.02.2019].
- Vydajchuk T. L. (2015), *Do problem dialektnoi osnovy ukrainskoï literaturnoi movy* [On the problem of dialect basis of Ukrainian literary language]. *Naukovyi chasopys Natsional'noho pedahohichnoho universytetu imeni M. P. Drahomanova. Serii 10: Problemy hramatyky I leksykologii ukrains'koi movy* [Scientific journal of the National Pedagogical Dragomanov University. Series 10: Problems of grammar and lexicology of the Ukrainian language]. Kyiv. 12. 199-204.

For citation:

Korotkova, S. & Polovynko, O. (2019) LANGUAGE NORMS AND USAGE IN UKRAINIAN MASS MEDIA // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 80-85. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-80-85>

Для цитирования:

Короткова, С. В., Половинко, Е. А. (2019) НОРМЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В УКРАИНСКИХ МАСС-МЕДИА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С.80-85. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-80-85>

Information about the authors:

Svitlana Korotkova – PhD, Associate Professor at National Technical University “Dniprovsk Polytechnica”, Ukraine
e-mail: sveta_korotkova@i.ua

Olena Polovynko – PhD, Associate Professor, Research and Teaching Associate at the University of Strasbourg, France
e-mail: polovynko@unistra.fr

⁷ <http://language-policy.info> [26.04.2019].

Сведения об авторах: Светлана Витальевна Короткова – кандидат филологических наук, доцент, Национальный ТУ «Днепропетровская политехника», Днепр Украина
e-mail: sveta_korotkova@i.ua

Елена Алексеевна Половинко - кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Страсбургский университет, Страсбург Франция
e-mail: polovynko@unistra.fr

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-85-88>

REGULARITY OF NATIVIZATION OF EXOTICISMS: LOANWORDS FROM THE SOUTH-ASIAN LANGUAGES IN THE CURRENT ENGLISH PRESS

Marina Kuzina

Candidate of Philology, Associate Professor

Moscow Pedagogical State University

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: kouzina-marina@yandex.ru

Abstract. Conveying the foreign, alien background in poetry, plays, short stories and novels has traditionally been regarded as the major aim of resorting to exotic vocabulary in belles-lettres. In the present article the statistics are presented to highlight the regular usage of South Asian exoticisms in a wider range of the English functional styles. The functional assimilation of the analyzed lexical loanwords is revealed through comparing dictionary entries (to denote the retaining or loss of the culturally loaded component of the meaning) and their actual usage in the British and American newspapers (“The Guardian”, “The Independent”, “USA Today”, “Washington Post”). The analysis of the current usage of exotic loanwords of South Asian origin contributes to the understanding of the conditions for the de-exoticization, i.e. nativization of exotic vocabulary. Among these the following features can be named: belonging to the groups of adjectives or verbs; relatively high level of the abstract meanings of the exotic nouns; the frequent occurrence in contemporary written journalese style; the topical socio-cultural context of its usage.

Keywords: South Asian loanwords; exotic word/exoticism; de-exotization; culture-loaded meaning

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА ДЕЭКЗОТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ)

Марина Кузина

Кандидат филологических наук, доцент

Московский педагогический государственный университет

(Москва, Российская Федерация)

e-mail: kouzina-marina@yandex.ru

Аннотация. Создание образа инонациональной речевой среды в художественной литературе традиционно рассматривается как основная цель употребления экзотической лексики в данном функциональном стиле. В данной статье приводятся статистические данные, свидетельствующие об активном употреблении ряда заимствований из языков Южной Азии в более широком диапазоне функциональных стилей современного английского языка. Особенности протекания процесса деэкзотизации устанавливаются путём анализа этимолого-культурологических помет в вокабулах с экзотизмом в качестве заголовочного слова, а также посредством привлечения контекстов их фактического употребления на страницах британских и американских периодических изданий («The Guardian», «The Independent», «USA Today», «Washington Post»). Изучение употребления южно-азиатских экзотизмов в современных англоязычных периодических изданиях позволяет сделать выводы об условиях утраты ими национально-культурной составляющей семантики: отнесение к классам имён прилагательных или глаголов, достаточно высокий уровень абстрактности у имён существительных, актуальный социокультурный контекст употребления и высокая частотность употребления.

Ключевые слова: заимствования из языков Южной Азии; экзотизм; деэкзотизация; национально-культурный компонент значения

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время ряд экстралингвистических факторов: рост численности южноазиатской диаспоры в Великобритании, США и Канаде; увеличение числа англоязычных и двуязычных печатных изданий и электронных СМИ для азиатских диаспор в метрополиях; растущая популярность мультикультурных художественных произведений (и их экранизаций) – способствует проникновению слов из языков Южной Азии в современный английский язык. Ряд лингвистов и журналистов настаивают на более активном использовании лексики, заимствованной из языков полуострова Индостан, ввиду их лаконичности, метафоричности и наличия в современном английском языке определённых лексических лакун: «Indianisms are a perfectly valid form of English – as are Americanisms – excluded only by rank snobbery. They should form part of our language’s global vocabulary» (The Guardian, 4/01/2016).

Большую часть лексических единиц индийского происхождения принято относить к экзотической лексике, то есть к словам иноязычного происхождения, обозначающим реалии чужой культуры – реалии, которые отсутствуют (или отсутствовали) в культуре языка-реципиента (Marinova, 2008). Акцентирование такой функции экзотизмов, как создание образа инациональной речевой среды именно в художественной литературе, закрепилось в отечественном языкознании (Bulakhovskiy, Inyutina, Krysin, Mikhailovskaya, Samotik, Filin, Shmelyov atc..).

Для многих лексем, возводимых к тому или иному этимону в группе южноазиатских языков, характерна высокая частотность употребления (десятки тысяч случаев употребления на одно периодическое издание) в целом спектре разнообразных контекстов в современных средствах массовой информации на английском языке, что позволяет отметить предпосылки к деэкзотизации одного или ряда их значений.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Незначительное число исследователей английского языка приводит списки заимствований, возводимых к этимонам в санскрите, хинди, урду и других языках Южной Азии. В.В. Скит (1911) в кратком словаре английского языка размещает словник из 71 лексемы интересующего нас происхождения, Н.Н. Амосова (1956) приводит 21 слово данного происхождения, В.П. Секирин (1964) – 38 лексем, в монографии Ф. Дуркина (2014) находим 53 лексические единицы.

Особый интерес представляет словарь «A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive», или «Hobson-Jobson», изданный в 1886 году Г. Юлом и А. Бернеллом: первый словарь англо-индийского языка, построенный на исторических принципах. Этому первому опыту регистрации лексики южно-восточного происхождения в английском языке следовали многие другие исследователи экзотической лексики в словарном составе английского языка, в частности: Дж. Витворт «Anglo-Indian Dictionary» (1885), Г. Вильсон «Glossary» (1885), Дж. Субба РAO «Indian Words in English» (1945), Р.Е. Хокинс «Common Indian Words in English» (1984), И. Льюис «Sahibs, Nabobs and Boxwallahs. A Dictionary of the Words of Anglo-India» (1991) (Bitko, 2013).

В современных электронных словарях издательств Оксфордского университета и Мэриам-Вебстер представляется невозможным точно определить число учтённых заимствований южноазиатского происхождения (не менее 500 слов), а учебные словари обычно включают около сотни заимствований данного происхождения: учебные словари издательства Пирсон-Лонгман в 1995 году регистрировали 126 единиц 1995 года и 132 единицы в издании 2015 года.

Следует отметить значительное преобладание количества работ по проблемам деэкзотизации лексики, заимствованной в русский язык, над работами по утрате национально-культурного компонента у заимствований в английском языке. К числу первых отнесём диссертационные исследования В.М. Феоклистова (1999), И.В. Федосеевой (2003), Н.В. Вагановой (2005), Э.А. Китаниной (2005), Е.В. Мариновой (2008), М.Б. Геращенко, О.И. Александровой (2010), Е.Е. Козловой (2012). Общетеоретические проблемы влияния языков Южной Азии на современный английский язык становятся предметом изучения ряда отечественных и зарубежных учёных, в частности Н.С. Битко, М.А. Блинов, Н.А. Вишневецкая, Е.П. Зыкова, Н.А. Милютина, Н.В. Тененёва, А.Н. Попова, А. R. Wadia, Sh. Bhatia, K. Teltscher.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Цель настоящей публикации – выявить закономерности деэкзотизации заимствований из индийской группы индоевропейской семьи. На примере употребления узальных экзотизмов *guru, juggernaut, karma, mantra, nirvana*, относящихся к тематической группе «религиозные понятия буддизма и индуизма», в ведущих британских и американских изданиях анализируются условия приобретения заимствованием способности обозначать реалию языка-реципиента и, как следствие, переходить из языковой периферии в ядро принимающего языка. Общее число выявленных примеров употреблений вышеприведённых слов составило более 140.000. Выводы о протекании процесса деэкзотизации сделаны как на основании этимолого-культурологических помет в вокабулах с экзотизмами в качестве заголовочных слов («The Oxford English Dictionary», «The Merriam-Webster Dictionary»), так и путём анализа контекстов их фактического употребления на страницах британских и американских периодических изданий («The Guardian», «The Independent», «USA Today», «Washington Post»).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Первым этапом систематизации условий функциональной ассимиляции индийских реалий, при которых они переходят из разряда «чужого» (экзотизмов, денотативное значение которых не способно обозначать денотат языка-реципиента) в «своё» (частично или полностью ассимилировавшиеся заимствования, обозначающие в том числе и денотаты языка-реципиента) является распределение экзотизмов на группы на основании трёх критериев: количества семем, сохранения ими национально-культурного компонента, характера этимолого-культурологических помет в вокабуле.

Весь корпус заимствований из языков Южной Азии, зарегистрированных в том или ином моноязычном или переводном словаре английского языка, можно условно разделить на три группы. К первой группе отнесём

слова с одним деэзотизированным значением, например: «bandanna/bandana, bangle, bungalow, calico, cashmere, catamaran, cheetah, cheroot, chintz, chutney, coir, cot, cummerbund, cushy» (The Merriam-Webster; the Oxford English Dictionary). Эти лексические единицы не сопровождаются самостоятельной и(ли) интегрированной культурно-этимологической пометой, а их вокабула может содержать несколько контекстов типичного употребления. В процентном отношении данные слова составляют почти половину от всех регистрируемых лексикографическим изданием южноазиатских заимствований.

Вторая группа представлена многозначными заимствованиями, некоторые значения которых регистрируются словарями как культурно немаркированные, а другие – как обозначающие именно денотат языка-донора, а не языка-реципиента: *avatar, guru, karma, mandarin, mantra, nirvana, pariah, pajamas/pyjamas, purdah, teak, yoga*, что предполагает размещение культурно-этимологического комментария у каждой семемы в вокабуле (The Merriam-Webster; the Oxford English Dictionary). Несмотря на то что в процентном отношении это самый незначительный пласт лексем южноазиатского происхождения, они характеризуются наиболее высокой частотностью употребления, самой развитой сочетаемостью и могут не восприниматься носителями английского языка как «чужие» слова.

В третью группу вошли заимствования, единственное значение которых способно указывать только на денотат языка-донора, что обязывает лексикографов снабжать их вокабулы самостоятельной и / или интегрированной культурно-этимологической пометой. Чуть более половины зарегистрированных в лексикографических источниках слов индийского происхождения относятся именно к этой группе, например: *ashram, ayah, baboo/babu, banyan, begum, Bengali, betel, bhaji/bhajee, biriani/byriani, Blighty, Brahman/Brahmin, Buddhism, Buddhist, chador, chai, chakra, coolie, cowrie, curry* (The Merriam-Webster; the Oxford English Dictionary). Собственно экзотическая лексика употребляется на страницах современных британских и американских СМИ исключительно редко (не более сотни употреблений для отдельно взятой лексемы): журналисты к ней обращаются при необходимости назвать и описать южноазиатские эндемики, продукты и блюда, предметы одежды, виды транспорта, жилища, бытовые приборы, сырьё, профессии, вероисповедание, исторические и современные обычаи и традиции.

Второй этап описания закономерностей процесса деэзотизации значений включает в себя анализ контекстов употребления наиболее частотных заимствований (*guru, juggernaut, karma, mantra, nirvana*) – с одним или несколькими деэзотизированными значениями. Данные лексемы обозначают базовые понятия буддизма и индуизма, зародившихся на полуострове Индостан, и могут быть возведены к соответствующему слову-прототипу в санскрите. Современные лексикографические источники непоследовательны в регистрации культурно маркированных и деэзотизированных семем в рамках одной словарной статьи. Так, у заимствования *mantra* культурно-маркированное значение фиксируется первым («(originally in Hinduism and Buddhism) a word or sound repeated to aid concentration in meditation; a Vedic hymn»), а деэзотизированное значение – вторым («a statement or slogan repeated frequently»). Однако для лексемы *juggernaut* вокабула строится по принципу «от производных (деэзотизированных) значений к изначальным (экзотическим) значениям»: 1. a huge, powerful, and overwhelming force; 2. (British) a large, heavy vehicle, especially an articulated lorry; 3. (old-fashioned name for Jagannatha) the form of Krishna worshipped in Puri, Orissa, where in the annual festival his image is dragged through the streets on a heavy chariot; devotees are said formerly to have thrown themselves under its wheels (The Oxford English Dictionary).

Для анализируемых заимствованных единиц характерно исключительно активное употребление на страницах современной англоязычной прессы. Изучение архива онлайн-версии британских газет «The Guardian» и «The Independent», показывает, что *guru* употребляется соответственно более 35.500 раз и 20.500 раз, *mantra* – более 20.400 раз и 7.200 раз, *karma* – более 16.820 раз и 1.710 раз, *nirvana* – более 7.200 раз и 3.680 раз, *juggernaut* – более 5.280 раз и 1.960 раз. <...> Иные тенденции употребляемости демонстрируют изучаемые заимствования в американских периодических изданиях «USA Today» и «Washington Post»: *mantra* употребляется соответственно 2.088 раз и 4.374 раз, *guru* – 2.073 раз и 3.978 раз, *juggernaut* – 1.368 раз и 2.218 раз, *karma* – 882 раз и 1.502 раз, *nirvana* – 557 раз и 974 раз (The Guardian; the Independent; the Washington Post; USA Today).

При этом в большинстве случаев данные заимствования употребляются в культурно немаркированных значениях. Так, в статьях по проблемам выхода Великобритании из Европейского союза заимствование *mantra* употребляется в широком значении «мысль, которая постоянно повторяется и должна быть воспринята без обдумывания», а не в узкоспециальном значении «священный гимн в индуизме и буддизме, требующий точного воспроизведения звуков, его составляющих»: *Together with three other MPs, Creagh has written a thundering article in the Northern Echo and the Yorkshire Post denouncing this patronising nonsense, denying the southern caricature that “we northern Labour MPs live in constant fear of losing our seats” and “unless we repeat that mantra that leave means leave ... we are all heading for the political scrapyard”* (The Guardian 30/04/2019).

Анализируемые заимствования также часто выносятся журналистами в газетные заголовки, что скорее объясняется частым использованием данных слов общественными деятелями, чем их едва ощутимым экзотическим характером. Следующие заголовки статей на политические, экономические, экологические и прочие актуальные темы можно рассматривать как типичные для современной англоязычной прессы: *David Cameron accused of idiocy over austerity mantra; Theresa May's new year mantra: Brexit means compromise; 'Pics or it didn't happen' – the mantra of the Instagram era* (The Guardian).

Кроме того, изучаемые заимствования демонстрируют тенденцию к расширению значения (или к образованию новых семем). Так, *juggernaut* в значении «слепая непреклонная сила» может относиться к лицу

(или группе лиц), к продукту человеческой деятельности, к абстрактному понятию и т. д. Многочисленные примеры контекстов, в которых масштабный ТВ проект, сериал или фильм бьёт рекорды просмотров, что позволяет сравнить его с колесницей бога Джаганнатхи (Кришны), которая идёт напролом, не взирая на любые препятствия: *As Nielsen begins tracking viewership, HBO's departing fantasy hit "Game of Thrones" continues to show muscle as a ratings juggernaut* (USA Today).

Также справедливо отметить, что деэкзотизированные заимствования часто удовлетворяют потребность в лаконичной и точной номинации. Например, при описании перехода от пятидневной к четырёхдневной рабочей недели в одном из американских офисов отмечается, что подобную смену рабочего графика нельзя охарактеризовать как «нирвану, свободную от проблем, недовольств, желаний что-то улучшить»: *He decided to try a four-day workweek instead. A year later, Andersen said it's working well, but "it isn't nirvana". With the exception of a receptionist, all his employers get Friday off and work slightly longer days Monday through Thursday. On those days, he's learned to schedule in blocks of break time to keep people productive, cater lunch and not schedule meetings on Thursdays, when everyone is focused on getting out the door* (The Washington Post).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Результаты проведённого эксперимента позволяют утверждать, что на процесс деэкзотизации у заимствований из языков Южной Азии напрямую не влияют следующие факторы: хронологическая характеристика, тематическая принадлежность, степень формальной ассимиляции, слово-прототип для каждой конкретной лексемы.

К условиям утраты экзотизмами национально-культурной составляющей семантики справедливо отнести следующее: особая частеречная принадлежность (отнесение к классам имен прилагательных или глаголов), достаточно высокий уровень абстрактности у имён существительных (наличие хотя бы одного абстрактного значения у двузначного экзотизма облегчает его соотнесение с более широким спектром денотатов), высокая частотность употребления, причём в общественно значимых контекстах.

LIST OF REFERENCES

- Bitko N.S. Yazykovye kontakty kak faktor formirovaniya leksikona indijskogo varianta anglijskogo yazyka // Zapiski z romano-germanskoj filologii. 2013. № 1 (30). – Str. 17-24.
Marinova E.V., Teoriya zaимstvovaniya v osnovnyh ponjatijah i terminah: slovar'-spravochnik, Moscow, FLINTA Nauka, 2013. (in Russian)
The Guardian // <https://www.theguardian.com> [30.04.2019].
The Independent // <https://www.independent.co.uk> [30.04.2019].
The Merriam-Webster Dictionary // <https://www.merriam-webster.com> [30.04.2019].
The Oxford English Dictionary // <https://en.oxforddictionaries.com> [30.04.2019].
The Washington Post // <https://www.washingtonpost.com> [30.04.2019].
USA Today // <https://www.usatoday.com> [30.04.2019].

For citation:

Kuzina, M. (2019) REGULARITY OF NATIVIZATION OF EXOTICISMS: LOANWORDS FROM THE SOUTH-ASIAN LANGUAGES IN THE CURRENT ENGLISH PRESS // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 85-88. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-85-88>

Для цитирования:

Кузина, М. (2019) ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА ДЕЭКЗОТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 85-88. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-85-88>

Information about the author: Kuzina M.A. - PhD in Philology, Associate Professor, Department of Phonetics and Lexicology of English Language, Faculty of Foreign Languages, Moscow State University of Education
e-mail: kouzina-marina@yandex.ru

Сведения об авторе: Кузина Марина Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет
e-mail: kouzina-marina@yandex.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-89-93>

**“NATURE – STATE” OPPOSITION IN THE ECOLOGICAL MEDIA DISCOURSE
(BASED ON GREENPEACE OFFICIAL CITE ARTICLES)**

Svetlana Kushneruk
Doctor of Philology, Professor
Maria Kurochkina
Candidate of Philology
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
 (Chelyabinsk, Russian Federation)
svetlana_kush@mail.ru
kma1974@yandex.ru

Abstract. Ecological discourse is one of the new and intensively developing areas of modern linguistics. An attempt was made to summarize the achievements of modern linguistics in the field of ecological discourse in the works of Ivanova E.V., Sukhoverhov A.V. and other linguists. Ivanova E.V. highlights the role of cognitive metaphor in the framework of ecological discourse. Ideologems, strategies and tactics of ecological discourse are defined in the articles by Kurilova N. In our study, we turn our analysis to one of the key oppositions of foreign ecological media discourse “nature :: state”, serving as the core of many documentaries and feature films in environmental protection and, of course, forming the basis of the ecological discourse of Greenpeace’s articles. We will trace the realization of this opposition in the major characteristics of Greenpeace’s eco-discourse: its vocabulary, modality and metaphorical system.

Key words: ecological discourse, media discourse, discourse strategies, modality

**ОППОЗИЦИЯ «ПРИРОДА – ГОСУДАРСТВО» В МЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ GREENPEACE)**

Светлана Леонидовна Кушнерук
доктор филологических наук, профессор
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
 (Челябинск, Россия)
[e-mail: svetlana_kush@mail.ru](mailto:svetlana_kush@mail.ru)
Мария Анатольевна Курочкина
Кандидат филологических наук
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
 (Челябинск, Россия)
kma1974@yandex.ru

Аннотация. Экологический дискурс выступает одним из новых интенсивно развиваемых направлений современной лингвистики. Предпринята попытка суммировать достижения современной лингвистики в области экологического дискурса. Освещается роль когнитивной метафоры в формировании экологического дискурса. Определяются идеологемы, стратегии и тактики экологического дискурса. В данном исследовании мы анализируем одну из центральных оппозиций зарубежного медийного экологического дискурса «природа – государство», выступающей стержнем многих документальных и художественных фильмов в защиту окружающей среды и, безусловно, формирующей основу экологического дискурса статей организации Гринпис. Мы проследим реализацию данной оппозиции в ключевых характеристиках экодискурса Гринпис: его лексике, модальности и метафорической системе.

Ключевые слова: экологический дискурс, медийный дискурс, стратегии дискурса, модальность

ВВЕДЕНИЕ. Современная лингвистика активно разрабатывает тематику дискурса, акцентируя функциональный аспект языка. В своем исследовании мы опираемся как на постулаты зарубежных лингвистов в области дискурсологии (Т. А. Ван Дейк, В. Кинч, Э. Бенвенист, Ю. Хабермас, Ж. Гийому, П. Серю и др.), так и на отечественные разработки (В. Г. Борботько, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. В. Петров, Ю. Н. Караулов, С. Л. Кушнерук и др.) (Kushneruk, 2012). Ученые выделяют множество видов дискурса, которые отражают языковую специфику тех видов деятельности, которые они обслуживают (Karasik 2004).

Экологический дискурс - это сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой, с одной стороны, вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета - экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов. С другой стороны, экологический дискурс - это совокупность экологических текстов, объединенных общей темой и направленных на реализацию определенной цели (Zay 2014).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. На современном этапе развития дискурсологии появляется новая отрасль - эколингвистика, которая включает экологию и лингвистику и опирается на синтез социального, психологического и философского принципов исследования в науке о языке.

Термин «эколингвистика» был предложен А. Филлом и, с точки зрения ученого, подчеркивал теоретический, методологический и эмпирический аспекты изучения языка. Н.А. Курашкина обобщает представленные А. Филлом задачи эколингвистики, куда входят выделение согласованных теорий языка, анализ языковых систем и текстов, описание языковых универсалий в рамках экологической тематики, исследование конкретных языков с целью поиска данных универсалий (сопоставительные исследования) и, наконец, определение роли языка в формировании экологической грамотности (Kurashkina 2016). В своих работах А.В. Суховерхов излагает свое видение целей и задач эколингвистики и раскрывает теоретические предпосылки ее возникновения в зарубежной лингвистике (Sukhoverkhov 2014).

Цель экологической коммуникации в большей степени направлена на формирование экологического сознания реципиентов и закрепление норм взаимодействия человека с окружающей средой (Zajceva 2014). Аксиологемы ответственности – одни из наиболее частотных лексем экологического дискурса публицистики, о чем говорится в работе Н.В. Куриловой (Kurilova 2013). З.В. Маньковская анализирует стратегии воздействия в экологическом дискурсе (Men'kovskaya 2008).

Е.В. Иванова выделяет различные аспекты изучения экологического дискурса и приводит его функционально-стилевую классификацию (Ivanova 2007). А.В. Зайцева разрабатывает типологию текстов экологического дискурса (Zajceva 2014). М. В. Басинская рассматривает основные лексико-семантические характеристики экологического дискурса. Н.В. Кузнецова, А.Н. Лебедева описывают способы реализации концепта «environment» в английском языке, затрагивая вопросы лингвистических перспектив экологических неологизмов (Kuznesova Lebedeva 2012).

В исследовании Д. Ранцев-Сикоры проводится анализ социальной сущности экологического дискурса. Автор описывает участников экологического дискурса и их характеристики, конверсационные стили, отмечается конфликтность экологического дискурса (Rancev-Sikora 2005).

А.И. Скрипникова освещает проблемы эколингвистики в медийном экологическом дискурсе (Skrpnikova, 2013). Медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, представляющий совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем их многообразии (Dobrosklonskaya 2014). Медиадискурс реализуется в медиатексте, выполняющем структурирующую функцию в информационном обществе. Теория медиатекста представлена в работах таких отечественных лингвистов, как С.И. Бернштейн, Д.Н. Шмелев, В.Г. Костомаров, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, И.П. Лысакова, Б.В. Кривенко, А.Н. Васильева, Т.Г. Добросклонская. Исследователи подчеркивают нелинейный характер медиатекстов, что подразумевает их сложную многоуровневую структуру, включающую вербальное, медийное и гипертекстуальное измерения, актуализирующиеся в Интернет-пространстве. На каждом из уровней медиатекст обладает богатыми возможностями комбинаторики вербальных и медийных составляющих.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ. Целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами. Одно из центральных мест в данной парадигме занимает теория речевых актов, созданная Дж. Остином в начале 1950-х годов прошлого века и получившая развитие в трудах Дж. Серля. Здесь язык рассматривается не как совокупность универсальных либо постоянно переопределяемых смыслов, но как область действий, посредством которых люди в повседневной практике влияют на поведение, мысли и эмоции окружающих (Prokoshenkova, Geckina 2006).

Т.А. ван Дейк считает, что «дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте». Для коммуникативного действия приемлемы вербальные и невербальные составляющие. Оно может быть описано согласно универсальной схеме, которая включает отправителя сообщения, получателя, канал, обратную связь, само сообщение, процессы кодирования и декодирования и ситуацию общения или контекст.

Интегрированный подход к исследованию дискурса в рамках медиалингвистики включает ряд наиболее значимых групп методов, где в первую очередь выделяют традиционные методы лингвистического анализа, при помощи которых возможно описать основные черты текста, выделив лексические, синтагматические, стилистические и социолингвистические особенности. Значительное место отводится методу дискурсивного анализа, позволяющему проследить широкую сеть контекстов, в которую погружен текст. Качественное описание элементов дискурса опирается на количественный метод – контент-анализ, включающий статистический подсчет выделенных текстовых единиц. С прагматической точки зрения, сущность оценочных компонентов и скрытой политико-идеологической составляющей медиатекста раскрывает метод критической лингвистики.

Современный анализ высказываний заключается в выявлении процессуальных, функциональных и интеракционных аспектов коммуникации, связанных с общественными процессами, в которых создаются и интерпретируются высказывания. С помощью анализа структуры и содержания языкового высказывания можно выявить стратегии участников интеракции, представляющие собой ряд последовательно принятых решений (Rancev-Sikora, 2005). Большую роль при этом играет контекст, который сам по себе объем и включает следующие аспекты: исторический, временной, социальный, политический, культурно-идеологический.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Материалом статьи послужил экологический дискурс организации Greenpeace, выложенный на официальном сайте организации. Нами проведен анализ 8 текстов объемом 30

листов, посвященных острым экологическим проблемам. Данные тексты имеют ярко выраженные черты медийного дискурса. Моделирование механизма отображения реальных событий происходит по типу «отражение», что предполагает наиболее точное, максимально приближенное к реальности воспроизведение событий. Материалы сопровождаются фотоснимками, интервью очевидцев и подробными описаниями наносимого природе ущерба (<https://www.greenpeace.org/international/>).

Участники данного дискурса представлены двумя непримиримыми лагерями. С одной стороны, это местное население, которое в текстах Greenpeace предстает как часть живой природы и каждого отдельного уникального экокомплекса:

e.g. Sámi reindeer herders, the indigenous Sámi communities in Northern Finland, The Mundurucu Indigenous people of the Amazon, Amazon Reef Defenders, Indigenous Mapuche in Argentina, the locals in the Komi Republic, The Karipuna (the Brazilian state of Rondônia).

Они живут в гармонии с окружающей средой, прислушиваются к голосу природы, зависят от окружающей среды в плане еды, традиционных промыслов, религии, духовности, переживают о ранах природы, воспринимая их как свою боль:

e.g. Reindeer have nourished the people of this land for thousands of years. A proposed plan for the Arctic railway would cut through our pasture, spoiling our forest, our fresh water supply and simultaneously destroying our past, our future, and our identity.

Активная роль отводится защитникам природы: Greenpeace; Matti Liimatainen, Greenpeace Nordic forest campaigner; Valery Bratenkov, an activist from the Save Pechora Committee; Nikolay Fyodorov, another member of the Save Pechora Committee.

С другой стороны, это представители промышленных мегакорпораций, которые, словно бездушные роботы, буквально вгрызаются в недра; словно хищники, подстерегают добычу:

e.g. Heavy vehicles belonging to Lukoil-Komi are moving upstream, pushing huge amounts of mud into the once clean river. / The greedy plans of oil companies can also hurt coastline communities that depend on a healthy ocean. / In the 1980s, mining companies were eyeing up the natural deposits underneath the Antarctic landmass.

Они преследуютсиюминутнуюнаживу, их лозунг - «Здесь сейчас»::

e.g. What do you think they see when they look at Patagonia? Some of the world's last untapped, hardest-to-access oil and gas? Dollar signs? We know they're aware of the climate crisis this kind of extreme oil extraction is unleashing on the world. / Forests are destroyed to create the products we use in our daily lives.

Их деятельность несет зло и разрушение, навевая в памяти образ адского огня в сказочной стране Мордор:

e.g. A well at the Alabushin oilfield, just 26 km away from the village, was burning for a month in spring 2017 and nobody could do anything. "I wonder why it reminds me Mordor so much," our videographer, Vitya, asks. "Because it looks like the Eye of Sauron," I reply.

Местное население, какиоокружающаяприрода, оказываются полностью дезориентированы, растеряны, потеряны:

e.g. They've turned our paths into a mess, we even can't walk there because of the mud. I went picking berries and mushrooms, and didn't see a single mouse, no animals, hazel grouses, partridges, wood grouses, hares. The wood is completely abandoned."

В списке виновных – государственные чиновники, потворствующие деятельности ориентированного строго на прибыль большого бизнеса:

The governments of Canada, Russia, Finland and Sweden; the Brazilian authorities, Brazil's new far-right president, Global industries, illegal loggers, miners, and land grabbers., French company Total, Shell, BP, giant oil companies, mining companies, industrial fishing, Big Oil, "The high government (Russia), a powerful logging and agriculture industry in Brazil

Промышленные гиганты выступают на стороне государства и получают юридическое покровительство - *carte blanche*. Представители властей, действуя в сговоре с богатыми магнатами, предпочитают игнорировать невосполнимый ущерб национальным богатствам:

e.g. Our investigations have identified frauds in the system that allows illegal timber to enter the market as if it was legal. Due to various forms of fraud that are common at the licensing, harvesting and commercialisation stages of timber production, it is almost impossible to distinguish between legally and illegally logged timber from the Brazilian Amazon. / We have always been forced to defend our rights and we refuse to look away while the Finnish state tramples on the rights of our people.

Места, описываемые в докладах Greenpeace, - это «горячие точки» экологических бедствий: Seismic surveys are ruining the fragile ecosystems and the lives of people in the vast European North of Russia; the Great Northern Forest in Finland, the Amazon Reef, the world's largest rainforest in The Amazon, the river Taiga, the vast European North of Russia, the Pechora River, The Antarctic ocean and the Antarctic landmass, The Congo Basin rainforest, Patagonia in the north of Argentina, the Great Pacific Garbage Patch.

Два описанных лагеря находятся в состоянии постоянного конфликта. Их цели и деятельность радикально противоположны. Против организации Greenpeace и ее участников власти постоянно организуют беспочвенные судебные процессы:

e.g. The decision to dismiss this lawsuit, which alleged Greenpeace engaged in racketeering and defamation, sends a strong message to all companies trying to silence civil society with baseless cases. The racketeering case

dismissed today is the second case filed by Trump's go-to law firm, Kasowitz Benson Torres, against Greenpeace on behalf of corporate interests.

Немного численные метафоры емки и красочны, как в любом медийном дискурсе:

e.g. You took to the streets and rose up against big banks financing climate-killing pipelines that snake across North America, infringing on the rights of Indigenous Peoples and poisoning water supplies at every turn.

Данное олицетворение основано на глагольной семантике, подчеркивается агрессивная напористость изобретенных человеком приспособлений, несущих смерть всему живому. Напротив, уникальная красота природы описывается через образы, создаваемые существительными, что указывает на ее стабильность и мирный покой:

e.g. The Amazon Reef is an underwater treasure and an unique ecosystem already threatened by giant oil companies that intend to drill nearby. It's a biodiversity hotspot. / Create an Antarctic sanctuary.

Большинство метафор носит традиционный характер, вызывая устойчивый эмоциональный настрой.

Источники метафор служат сферы войн и медицины:

e.g. They are real heroes as they are standing strong against a powerful logging and agriculture industry. They are the guardians of the Amazon. We stand in solidarity with them.

e.g. That's why we are fighting for companies to take responsibility and for a new food system that embraces local farmers, protects our health, and heals the planet. / A healthy climate depends on a healthy ocean.

Наша планета – больной организм, которому необходимо вернуть здоровье.

Экологический дискурс Greenpeace – это эмфатический дискурс, с ярко выраженной модальностью:

e.g. "We must and will continue to hold Energy Transfer accountable for its corporate behaviour on current risky pipeline projects like Bayou Bridge, where the company is continuing to use private security to intimidate protesters and has aggressively used domain laws to secure land.

Данные примеры основаны на выразительной семантике описательных глаголов, несущей всеобъемлющее неприятие и агрессивное поведение властей (*to intimidate, to trample on the rights, to silence civil society, to eradicating species, etc.*).

e.g. The Congo Basin rainforest supports an astonishing range of life within its teeming rivers, swamps and savannahs. / Only if forest destruction is detected and reported timely way, can those behind it be held accountable. / In the Amazon, people and environment are under pressure as never before.

Эмфатические конструкции употребляются в трех случаях: 1) чтобы удивить читателя уникальностью и красотой природы; 2) чтобы подчеркнуть варварское отношение к природе, не знающее границ разумной гуманной нормы; 3) чтобы вызвать у читателя тревогу за нынешнее состояние дел и акцентировать внимание на необходимости срочных действий.

В экологическом дискурсе Greenpeace ярко прослеживается стратегия включенности:

e.g. More than 2 million people are together defending the reef and we've already had our first victory. / And when Total tried to drill the precious Amazon Reef, two million of you gathered from across the world to fight back — and won! / Be an Amazon defender!

Стратегия включенности каждого отдельного человека в общее дело защиты окружающей среды лингвистически представлена местоимениями 1 лица множественного числа и местоимением 2 лица единственного числа, а также повелительной формой глагола. Она демонстрирует важность вовлеченности каждого отдельного человека и осуждает бездействие, провозглашая коллективную ответственность за спасение планеты. Данная стратегия также ярко проявляется в лозунгах, которые носят настоятельный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Суммируя вышесказанное, приходим к выводу, что экологический дискурс организации Greenpeace на лексическом уровне представлен номинациями участников противоборствующих непримиримых сторон, точными географическими названиями мест природных катастроф, глаголами, описывающими разрушение и вред природе, с одной стороны, и активное противоборство, с другой стороны, с большим преобладанием первой группы. Оппозиция «природа – государство» раскрывается эмфатически с высокой степенью модальности, выраженной модальными глаголами и наречиями степени. Метафоричность имеет источники в сфере войны и медицины, носит стертую образность, что безошибочно вызывает нужный эмоциональный отклик у читателя.

LIST OF REFERENCES

- Dobrosklonskaya T.G. (2014) Massmedijnyj diskurs kak ob"ekt nauchnogo opisaniya. Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. - Vypusk 22. - № 13 (184).- pp.182-187.
- Zajceva A.V. (2014) Tipologiyatekstovekologicheskogodiskursa FRG [Tekst]: dis. ... filolog.nauk. Smolensk. - pp. 134-137.
- Ivanova E.V. (2007) K probleme issledovaniya ekologicheskogodiskursa // Politicheskayalingvistika. - № 3 (23).- pp. 134-137.
- Karasik, V. I. (2004) Yazykovojkrug: lichnost', koncepty, diskurs. – Moscow: Gnozis. - 390 p.
- Kuznecova N. V., Lebedeva A. N. (2012) Lingvisticheskayarealizacijakoncepta «environment» v anglijskomyazyke // VestnikNizhegorodskougouniversitetaim. N. I. Lobachevskogo. - №1.- pp. 380-383.
- Kurashkina N. A. (2016) Istoki i puti razvitiya ekolingvistiki // Nauchno-metodicheskijelektronnyjzhurnal «Koncept». – T. 15. - pp. 246–250.- URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>.
- Kurilova N. V. (2013) Aksiologemysovremennogekologicheskogodiskursa // Armiyaiobshchestvo. - № 3 (35).- pp. 74-77.
- Kushneruk S. L. (2012) Diskursivnyjtekstovyj miry: vozmozhnostiurovnevojstratifikacijidiskursa // Politicheskayalingvistika. - №2 (40).- pp. 93-101.
- Man'kovskaya Z. V. (2008) Strategiya rechevogo vozdejstviya (na materiale anglijskih i amerikanskih publicnyh vystuplenij po problemam zashchity lesa i ohrany okruzhayushchej sredy): uchebnoeposobie dlyastudentov 4-go kursaspecial'nosti 031202

Perevodiperevodovedenie. - Gos. obrazovatel'noeuchrezhdenievyssh. prof. obrazovaniya "Moskovskijgos. un-tlesa". - Moskva :Izd-voMoskovskogogos. un-ta lesa. - 106 p.
 Prokoshenkova L.P., Geckina I.B. (2006) Diskursivnyj analizi ego rol' v sovremennoj lingvistike // Vestnik Chuvashskogo un-ta: Gumanitarnye nauki. - №4. - pp. 451-456.
 Rancev-Sikora D. (2005) Konflikt v pol'skomekologicheskome diskurse: popytkakonversacionnogo analiza // Sociologiya: teoriya, metody, marketing. - №2. - pp. 70-84.
 Skripnikova A. I. (2014) Ekolingvistika. Medijnyj ekologicheskij diskurs (naprimerek kazhstanskogo dvu-yazychnoj gazety «Ekologicheskij kur'er») // Filologiyai lingvistika: problemy i perspektivy: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, aprel' 2013 g.). — Chelyabinsk: Dvakomsomol'ca, 2013. — pp. 64-67. — URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3626/> [28.03.2018]
 Suhovertov A.V. Sovremennyye tendentsii v razvitiiekolingvistiki // YAzykikul'tura. - №3 (27). - pp. 166-175.
<https://www.greenpeace.org/international/> [02.03.2019]

For citation:

Kushneruk, S. & Kurochkina, M. (2019) "NATURE – STATE" OPPOSITION IN THE ECOLOGICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON GREENPEACE OFFICIAL CITE ARTICLES) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 89-93. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-89-93>

Для цитирования:

Кушнерук, С. Л., Курочкина, М. А. (2019) ОПОЗИЦИЯ «ПРИРОДА – ГОСУДАРСТВО» В МЕДИЙНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ GREENPEACE) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 89-93. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-89-93>

Information about the authors: Svetlana Kushneruk - PhD, prof., South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Russian Federation, Chelyabinsk

[e-mail: svetlana_kush@mail.ru](mailto:svetlana_kush@mail.ru)

Information about the authors: Maria Kurochkina - Candidate of Philology, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Russian Federation, Chelyabinsk

[e-mail: ma1974@yandex.ru](mailto:ma1974@yandex.ru)

Сведения об авторах: Кушнерук Светлана Леонидовна - доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия)

[e-mail: svetlana_kush@mail.ru](mailto:svetlana_kush@mail.ru)

Сведения об авторах: Курочкина Мария Анатольевна - кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия)

[e-mail: kma1974@yandex.ru](mailto:kma1974@yandex.ru)

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-93-96>

MEDIA DISCOURSE OF THE MODERN CITY AS A POLICULTURAL PHENOMENON

Iulia Mikhailova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Ural Federal University

(Ekaterinburg, Russia)

[e-mail: JMikhailova@yandex.ru](mailto:JMikhailova@yandex.ru)

Abstract. The article considers the media space of a modern city (Yekaterinburg) as a cultural text, which reflects different strata of culture, coexists different subcultures, sounds multilingual and multilingual. The material of the study was the texts of regional advertising and the media. The purpose of the study is to identify the lexical specificity of urban media discourse. In the work, a systematic approach was applied in the study of vocabulary using interpretative techniques. In the urban media discourse, along with the literary language, the dominant positions were occupied by unmodified strata of the language, in particular jargon, which lost their social limitation, but performed an expressive function, as well as urban vernacular, i.e. public means that do not have expressivity, but are outside the literary language. In the communicative space of the Ural city there are signals not only of multilingualism (subsystems of the nationwide Russian language), but also of multilingualism. A variety of languages has become an integral part of the urban environment. In numerous inscriptions, borrowed vocabulary performs not only a utilitarian information function, but also carries a certain aesthetics and forms an urban environment. Signs of Soviet culture occupy a special place in the urban space, which include, firstly, such linguistic units as precedent texts, precedent names and precedent statements, and secondly, non-verbal cultural precedent signs that are unmistakably perceived by the target recipient as Soviet.

Key words: mass media, discourse, sublanguage, foreign language, Soviet culture

МЕДИАДИСКУРС СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН*

Юлия Михайлова
Кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
e-mail: JMikhailova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается медийное пространство современного города (Екатеринбурга) как культурный текст, в котором отражаются различные пласты культуры, сосуществуют разные субкультуры, звучит разноязычие и многогочечие. Материалом исследования послужили тексты региональной рекламы и СМИ. Цель исследования – выявить лексическую специфику городского медиадискурса. В работе применялся системный подход в изучении лексики с использованием интерпретативных методик. В городском медиадискурсе, наряду с литературным языком, доминирующие позиции заняли некодифицированные страты языка, в частности жаргонизмы, утратившие социальную ограниченность, но выполняющие экспрессивную функцию, а также городское просторечие, т. е. общенародные средства, не имеющие экспрессивности, но находящиеся за пределами литературного языка. В коммуникативном пространстве уральского города есть сигналы не только многогочечия (подсистем общенародного русского языка), но и разноязычия. Разнообразие языков стало неотъемлемой частью городской среды. В многочисленных надписях заимствованная лексика выполняет не только утилитарную информационную функцию, но и несет определённую эстетику, формирует городскую среду. Особое место в городском пространстве занимают знаки советской культуры, к которым относятся, во-первых, такие языковые единицы, как прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания, а во-вторых, невербальные культурные прецедентные знаки, которые безошибочно воспринимаются целевым адресатом как советские.

Ключевые слова: масс-медиа, дискурс, субязык, иноязычная лексика, советская культура

ВВЕДЕНИЕ. Современное российское общество переживает смену культурных и социальных парадигм, активно и быстро перестраивается. Все эти процессы вызывают изменения в языковом пространстве современного города, и городская среда служит лакмусовой бумажкой социальной жизни. Сегодня город представляет собой не только социально-экономический феномен, но и многослойный культурный текст, в котором отражаются различные пласты культуры, сосуществуют разные субкультуры, звучит разноязычие и многогочечие. В рамках нашего исследования мы обратились к текстам рекламы и СМИ городов Урала, в первую очередь Екатеринбург.

Современный Екатеринбург – стремительно развивающийся индустриальный город, крупный культурный центр. Это место концентрации многопрофильной, разноаспектной информации, размещенной на различных современных носителях, таких как рекламные стенды, растяжки, видеозэкраны, бегущая строка, листовки. Вербальные средства в текстах рекламы и СМИ, которые и формируют языковую картину города, требуют использования специальных пластов лексики, наиболее эффективно воздействующих на потенциального потребителя, зрителя, читателя. Цель нашего исследования – выявить лексическую специфику городского медиадискурса. Материалом для исследования стали газеты рекламные тексты Уральского региона.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. По мнению В. В. Колесова, изучение языка города важно, так как, не зная «языкового быта города, трудно понять возникновение и стилистическое распределение тех или иных особенностей литературного языка. Не зная речи города, трудно оценить конкретный вклад каждой социальной группы в развитие современного языка, современной культуры и через них – всей совокупности социальных установлений вообще» (Kolesov 1991: 4). В многоаспектном изучении языковой жизни города особую область представляют лингвистические исследования городской среды: как культура отражается в языковом пространстве города и какова языковая среда современного города на фоне общей культуры. «Лингвистическому градоведению» (Podberezkina 1998) посвящены работы Т.В. Шмелевой, Л.З. Подберезкиной, А.А. Трапезниковой, Л.М. Майдановой, М.В. Голомидовой, Б.И. Осипова и др. В языке города, как отмечают многие исследователи, отражаются три основные тенденции – неологизации, экспрессивизации и демократизации, составляющие, по словам В.М. Мокиенко, наиболее общую доминанту современного состояния русского языка – его интенсивную динамизацию (Mokienko 2011: 22).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе применялся системный подход в изучении лексики городского медиадискурса, а также использовалась интерпретативная лингвокультурологическая методика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Современный городской медиадискурс представляет собой поликультурное пространство, так как, подобно мозаике, включает, наряду с кодифицированным литературным языком, терминологическую и профессиональную лексику, а также некодифицированные страты языка и в большом количестве лексические заимствования. Анализ лексических единиц в региональных СМИ и рекламе позволил выявить три тенденции развития медиадискурса: многогочечие, разноязычие, активизация «советского».

Многогочечие – это отражение в текстах социально-функциональной стратификации языка. Современное медийное пространство перенасыщено лексемами жаргонного происхождения, утратившими социальную ограниченность и ставшими общеупотребительными, но сохраняющими при этом экспрессивность: *Забей на*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А

* «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

работу (реклама базы отдыха); *Хозяин соседнего участка совсем "оборзел"* – *построил платную баню*; *Как научиться тонкому мастерству пофигизма* и под.

В региональных уральских СМИ достаточно часто встречается просторечие, в частности социально маркированное городское просторечие. Сюда относятся, во-первых, слова, прошедшие путь от диалектов до городского просторечия: *На уральском форуме угощали шаньгами с картошкой*; *После снегопада пошел дождь, и улицы превратились в настоящие катушки* (шаньга – 'ватрушка', катушка – 'скользкое место' – это диалектные слова, имеющие широкое хождение во всем уральском регионе). Во-вторых, внелитературное просторечие, т. е. общенародные средства, не имеющие экспрессивности, но находящиеся за пределами литературного языка: *А я теперь на пенсии, с внуками буду водиться*. *Учителя решили докапываться до истинных причин подросткового конфликта*. *Все доходы компаньоны договорились делить напополам*. Глаголы *водиться*, *докапываться*, наречие *напополам* отмечаются толковыми словарями как просторечные, но не маркируются эмоциональными пометами.

Употребление просторечных лексем в письменном публичном тексте свидетельствует об ослабленной языковой рефлексии авторов: регионализмы не расцениваются журналистами как внелитературные единицы, как инородные вкрапления, поскольку они входят во внутренний языковой код пишущего. Жаргонизмы же осознаются как экспрессивы и, как правило, маркируются кавычками. Функционирование элементов нижних социальных страт языка в медиатекстах дает вполне объективную картину о языковой компетенции обобщенного образа провинциального журналиста как поликодовой личности.

Поскольку наш мир постоянно пополняется новыми вещами, устройствами, которые приносят с собой и новые номинации, то в рекламе часто включаются термины, профессиональные слова, а для понимания рекламных текстов требуются специальные знания. Например, *девайс, стриминг, геймпад, гаджет кардридер* и др. (рекламы компьютерных аксессуаров); *комплектные и модульные здания, сэндвич-панели, стекломагнитный лист* (рекламы строительных материалов и услуг); *фитнес-трекеры, дарсонваль, мезороллер, кинезиотейп, рэй-эпиляция*, (рекламы технологий красоты и здорового образа жизни) а также *краудсорсинг, бизнес-коуч, бизнес-промоушн, шоу-рум, девелопмент, брокериджи* под. Большинство слов этой группы приходит из других языков, и в этом проявляется вторая тенденция – разноязычие медиадискурса.

Разнообразие языков стало неотъемлемой частью культурно-информационной среды российского города. В многочисленных надписях иноязычные слова выполняют не только утилитарную информационную функцию, но и несут определённую эстетику и даже, возможно, сами формируют городскую среду, особым образом организуя пространство города, становясь ориентиром в нём.

В коммуникативном пространстве уральского города также есть сигналы разноязычия и наблюдается экспансия заимствованной лексики, что соответствует общей тенденции современного русского языка (Krysin 2004; Maginova 2008). Во многом благодаря рекламе активно функционируют в русскоязычной среде *таунхауз, саундтрек, смартфон, тюнинг, мультирум* и др. Например: *Элегантные таунхаузы*; *Намного выгодней забронировать хостел в центре города*; *Группа не является мэйнстримом, не играет музыку ради денег*; *через час после начала акции на месте перформанса ничего не осталось*.

Создатели текстов СМИ и рекламы стремятся открыть дорогу заимствованиям, предоставляют им возможность полноправно функционировать в русском языке. Например, в рекламном тексте вечеринки «весенние метаморфозы» в KINO клубе используются иноязычные вкрапления, в той или другой мере ассимилированные (фонетически и морфологически) в русском языке и включенные в синтаксические отношения с собственно русскими единицами:

3 марта в KINO клубе пройдет вечеринка в military style; Main Room сегодня в почете; Во Flatroom все соблазны ночи: девочкам шампанское FREE; enter девушкам в два раза дешевле.

Намеренное употребление в рекламных текстах экзотизмов, часто не поддающихся чтению и интерпретации носителями русского языка и русской культуры, иллюстрирует сугубо прагматический подход создателей рекламы к процессу словотворчества. Яркая иноязычная оболочка слов привлекает чаще всего представителей молодежных субкультур, на которых и рассчитаны представленные рекламные тексты.

Таким образом, две тенденции – многогочечие и разноязычие – отражают принципиальную особенность современного городского медиадискурса: уже не письменный, а устный литературный язык вместе с субязыками и иноязычными заимствованиями завоевал прочные позиции в сфере общезначимой коммуникации.

Третья тенденция, проявляющаяся в масс-медиа, обусловлена отсутствием в современной России четких идеологических ориентиров и, как следствие, обращением к недавнему прошлому, к ценностной и эстетической реабилитации в обществе советской культурной составляющей.

Знаки советской культуры достаточно широко встречаются в городском медиадискурсе. К знакам советской культуры мы относим, во-первых, такие языковые единицы, как прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания, а во-вторых, невербальные культурные прецедентные знаки, которые безошибочно воспринимаются целевым адресатом как советские.

Чаще всего знаки советского встречаются в городском ономастиконе. Здесь выделяются две группы советских символов: сохраненные наименования прежних лет (улицы *Красных борцов, Красноармейская, Пролетарская, Коммунистическая*) и новые наименования из советского репертуара (магазин «Пионер», рестораны, клубы «СССР», «Рожденные в СССР», «Vodka Bar – СССР», «USSR», «BackinUSSR»). Чтобы связать советский знак с новой реальностью, номинаторы часто снабжают его параллельным развернутым

обозначением: «СССР» – *Самый Современный Свердловский Ресторан* (Екатеринбург); «КГБ» – *Клуб Грандиозных Баталей* (предоставляет услуги по проведению пейнтбольных игр).

Возвращение к советскому прошлому наблюдается также в текстах социальной и коммерческой рекламы. Примером могут служить два проекта социальной рекламы – СКБ-банка и Телевизионного агентства Урала, представляющие собой трансформированные агитационные плакаты советской эпохи.

Авторы, тиражирующие маркеры советской культуры, преследуют разные цели, и потому советские прецедентные знаки выполняют различные функции, иногда прямо противоположного характера.

1. Язвительно-ироническая функция: «*Главпиво 2 Апрельские тезисы*»; Это продолжение традиции, возникшей в 90-е гг., когда все советское отвергалось и осуждалось. Кичевые образы советского плаката используются в современном плакате для демонстрации существующих социальных проблем.

2. Ностальгическая функция. После периода активной критики пришло понимание того, что стереотипы, составляющие национальный опыт советского времени, сохранились в сегодняшней политической, социальной, культурной жизни. Граффити-тексты, PR-тексты, современная реклама используют советские знаки обычно в трансформированном виде, при этом ностальгические мотивы намеренно актуализируются с помощью предметного кода. Объектом ностальгии являются разные явления советской культуры, а также коллективные культурные практики и ценностные категории (коллективизм, надежность, стабильность, уверенность в завтрашнем дне) советского общества. Часто эта мысль выражается прямо и открыто. Например, в текстах газеты «АиФ»: *Многие испытывают ностальгию по советским ГОСТам и знаку качества; На многих телезрителей невольно накатывает ностальгия по глубоким шуткам советского периода; Совершенно неожиданно смена предпочтений пробудила ностальгию по советской еде и выпивке.*

Знаки советской культуры свидетельствуют о неоднозначном, амбивалентном отношении россиян к своему советскому прошлому.

Отмеченные в современном медиадискурсе тенденции подтверждают его разнообразие. Городские тексты решают не только практические задачи (ориентировать, указывать), но и (что особенно важно) культурные задачи – хранить память об истории города, служить энциклопедией и своеобразным учебником культуры во всем ее многообразии.

LIST OF REFERENCES

Kolesov V. V. Yazykgoroda. Language of the city. M., 1991.

Krysin L. P. Russkoyeslovo, svoeichuzhoye: Issledovaniye po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike / L. P. Krysin. – Moskva : Yazykislavyanskoykul'tury, 2004.

Marinova Ye. V. Inoyazychnyyeslova v russkoyrechikontsa XX – nachala XXI v.: problemyosvoyeniyaifunktsionirovaniya / Ye. V. Marinova. – Moskva : OOO «Izdatel'stvo ELPIS», 2008.

Mokiyenko V.M. Dinamicheskiyetendentsii v sovremennomrusskomyazyke // Zapiskigornogoinstituta. T. 193. Sankt-Peterburg 2011. S. 21-24.

Podberezkina L.Z. Lingvisticheskoye gradovedeniye (o perspektivakh issledovaniya yazykovogo oblika Krasnoyarska) // Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya. Vyp. 6. Krasnoyarsk-Achinsk, 1998. S. 22–30.

For citation:

Mikhailova, Yu. (2019) MEDIA DISCOURSE OF THE MODERN CITY AS A POLICULTURAL PHENOMENON // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 93-96. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-93-96>

Для цитирования:

Михайлова, Ю. (2019) МЕДИАДИСКУРС СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 93-96. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-93-96>

Information about the author:

Iulia Mikhailova - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
e-mail: JMikhailova@yandex.ru

Сведения об авторе: Юлия Михайлова - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: JMikhailova@yandex.ru

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-97-100>**PROVERBS AND PROVERBIAL SAYINGS AS LINGUODIDACTIC MATERIAL ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A POLISH SCHOOL**

„The project is financed from the grant received from the Polish Ministry of Science and Higher Education under the Regional Initiative of Excellence programme for the years 2019-2022, project number 009/RID/2018/19, the amount of funding 8 791 222,00 PLN”

Marzanna Karolczuk
Doctor of Philological Sciences
Institute of East Slavonic Philology
University of Białystok
 (Białystok, Poland)
 e-mail: karolczuk.m@poczta.onet.pl

Abstract. The use of proverbs and proverbial sayings in the learning process not only contributes to preparing the student for communication in a foreign language, but it can also deepen the knowledge of the native speaker's culture, promote the development of students' intercultural skills and a positive attitude towards another person. In addition, with the help of proverbs, one can work out language knowledge, speech skills and abilities. In this article, we consider the use of proverbs as linguodidactic material in a foreign language class and present the results of the analysis of Russian textbooks published in Poland in 1999-2014. The analysis of proverbs as linguocultural material showed that the exercises used in foreign language lessons can be divided into three groups: 1) exercises for identifying specific language issues, 2) productive exercises and 3) reflexive regional studies exercises. However, the exercises are not used often enough to introduce cross-cultural information and analyze the linguocultural characteristics of Russian people. In this way, the problem under consideration requires further research aimed at finding rational ways of using proverbs in the educational process.

Keywords: proverbs and sayings, exercises, textbook, Russian language

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Мажанна Карольчук
Доктор филологических наук
Институт восточнославянской филологии
Университет в Белостоке
 (Белосток, Польша)
 e-mail: karolczuk.m@poczta.onet.pl

Аннотация. Введение пословиц и поговорок в учебный процесс способствует подготовке учащегося к общению на иностранном языке, может углублять знания о народе – носителе языка, способствует развитию межкультурных умений учеников и положительного отношения к другому человеку. Кроме того, с помощью паремий можно отрабатывать языковые знания, речевые навыки и умения. В данной статье мы рассматриваем вопросы использования паремий в качестве лингводидактического материала на уроке иностранного языка и представляем результаты анализа учебников русского языка, изданных в Польше в 1999-2014 годах. Анализ паремий как лингвокультурного материала показал, что упражнения, используемые на уроках иностранных языков, можно разделить на три группы: 1) упражнения на идентификацию определенных явлений, 2) продуктивные упражнения и 3) рефлексивные страноведческие упражнения. Упражнения недостаточно используются для введения страноведческой информации и анализа лингвокультурных особенностей русского народа. Таким образом, рассматриваемая проблема требует дальнейшего исследования, направленного на поиск рациональных путей использования паремий в учебном процессе.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, упражнения, учебник, русский язык

ВВЕДЕНИЕ. Согласно документу Совета Европы под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (2001: 99-114), в процессе языкового образования надо формировать коммуникативную компетенцию, в состав которой входят: лингвистическая компетенция, прагматическая компетенция и социолингвистическая компетенция. Лингвистическая компетенция имеет многокомпонентный характер и включает такие компоненты, как лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая компетенции. Владение лексико-семантической

компетенцией предполагает как знание отдельных слов (например, существительных, дней недели, месяцев и т.д.), так и фразеологических единиц, которые объединяют идиомы, речевые штампы, несущие функциональную нагрузку, пословицы и поговорки. Прагматическая компетенция состоит из двух компонентов: дискурсивной компетенции и функциональной компетенции. Первая компетенция касается, например, знаний правил построения высказываний, их объединения в текст с учетом известной и новой информации, естественных причинно-следственных отношений, тематики, логики, стиля и регистра общения и др. Вторая – относится к умениям использования высказывания для выполнения различных коммуникативных функций и к умениям последовательно строить высказывание в соответствии со схемами взаимодействия. Развитие прагматической компетенции требует использования в языковом образовании широкого спектра языковых средств, в состав которого входят также и паремии. Социолингвистическая компетенция определяется как «способность использовать язык в социальном контексте с учетом темы и ситуации общения, ролей участников общения и окружения, правил поведения, принятых в данном языковом коллективе» (Ignatova 2010: 69). Авторы вышеуказанного документа Совета Европы в состав социолингвистической компетенции включают лингвистические маркеры социальных отношений, нормы вежливости, выражения народной мудрости, регистры общения (торжественный, ритуальный, официальный, нейтральный, неформальный, разговорный), диалекты и акценты. Выражения народной мудрости объединяют такие языковые средства, как идиомы, крылатые выражения, поговорки, приметы, пословицы.

Все вышесказанное обозначает, что цель обучения иностранному языку сводится не только к практическому владению видами речевой деятельности в разных жизненных ситуациях, не только к практическому использованию знаний о системе конкретного языка, но также, как пишет Е. И. Пассов (Passov 1989: 7), к углублению знаний о всех областях жизни страны изучаемого языка, к воспитанию диалектического отношения к чужой стране и чужому народу, а также к обогащению родного языка и родной культуры учеников. По нашему мнению, паремии должны составлять содержание языкового образования, потому что они помогают развитию отдельных компонентов коммуникативной компетенции, т.е. лингвистического, прагматического и социолингвистического компонентов.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть потенциал пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку как иностранному, а также представить результаты анализа учебников русского языка, изданных в Польше, в контексте присутствия в них паремий как лингводидактического материала, используемого на уроках иностранного языка на разных этапах обучения.

ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. Использование пословиц и поговорок в качестве учебного ресурса на уроке русского языка как иностранного рассматривается в качестве инновационной эффективной учебной стратегии. Именно в образовательной неязыковой среде паремии являются важным учебным материалом, который «создает чувство близости к изучаемому языковому социуму у студента» (Mikaeljan 2009: 91).

Паремии являются богатым учебным ресурсом и важной учебной стратегией по следующим причинам (Mikaeljan 2009, Samusenko and Shevchenko 2014, Mokienko 2015):

- содержат страноведческую информацию, в том числе о традициях, религии, истории народа; отражают национальный менталитет и помогают лучше понять носителей изучаемого языка; они специфичны для данной культуры и могут отсутствовать их аналогичные варианты в других языках;
- могут отражать некий коллективный разум; такие пословицы считаются универсальными и они имеют синонимичные варианты в других языках;
- присутствуют в повседневной речи, в литературе, СМИ, фильмах, являясь образцом возможного использования в речи для интерпретации и оценки окружающей действительности;
- отражают грамматические, орфографические, фонетические особенности изучаемого языка;
- благодаря мнемоничности, паремии легко запоминаются и воспроизводятся;
- используются для введения учебного, в том числе страноведческого, материала и закрепления лексических и грамматических навыков;
- могут быть источником развития четырех видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения и письменной речи;
- украшают речь, делают ее образной и эмоциональной, обогащают словарный запас учеников, расширяют из кругозор;
- имеют поучительный смысл;
- способствуют формированию коммуникативной и межкультурной компетенции.

ПАРЕМИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ.

Изучение паремий может проводиться на разных уровнях владения языком и с учениками разного возраста. Введение пословиц и поговорок на начальном этапе обучения может создавать творческую или даже игровую атмосферу в аудитории. На продвинутом этапе обучения работа с пословицами является «более зрелой», дает возможности использования более разнообразных упражнений, потому что «возрастает жизненный опыт учащихся, они могут выразить отношение к конкретной ситуации» (Maika 2013: 55). Хотя индивидуальная работа с паремиями не исключается, рекомендуется работать в парах и группах, потому что такой вид работы способствует самообучению и взаимообучению. В ходе парной и групповой формах работы «ученики могут

проявить такие замечательные качества, как доброжелательность, взаимопомощь, дружеская поддержка, терпение, уважение мнения товарищей, активность и творческий подход к заданиям» (Gutfraint 2011: 48). Кроме того работа с пословицами и поговорками может осуществляться как в аудитории, так и внеаудиторной деятельности, т.е. в самостоятельном освоении языка, в процессе подготовки к конкурсам, викторинам. Эффективное изучение паремий не должно происходить на основе случайных упражнений, а, наоборот, предполагает разработку целенаправленных видов упражнений. В методической литературе (Azimov and Schukin 2009: 322) обращается внимание, что упражнения занимают важное место в обучении, потому что они лежат в основе овладения какой-либо деятельностью. Подчеркивается также, что эффективность упражнений зависит от методики их организации и проведения, а также сознательной направленности ученика на повышение качества деятельности.

На основе методической литературы мы попытались определить, какие упражнения для изучения пословиц используются на уроках иностранного языка. Обзор литературы (Samusenko and Shevchenko 2014, Gutfraint 2011, Maika 2013) показал, что предлагаемые упражнения можно сгруппировать в три группы: 1) упражнения на идентификацию определенных явлений, 2) продуктивные упражнения и 3) рефлексивные страноведческие упражнения.

Основная цель упражнений на идентификацию определенных явлений – сообщить учащимся теоретический материал, необходимый для создания ориентировочной основы действий, систематизировать его и дать ученикам возможность осознать на конкретных примерах паремий выделенные группы трудностей или обсуждаемые грамматические, лексические и страноведческие проблемы. Задача учеников заключается в том, чтобы узнавать и различать рассматриваемые на уроке вопросы. Упражнения на идентификацию развивают лингвистическую компетенцию.

Цель продуктивных упражнений заключается в том, чтобы научить учеников правильно использовать в предложениях языковые, лексические и страноведческие явления на основе пословиц и поговорок. С помощью этих упражнений формируются грамматические, лексические, произносительные навыки, а также навыки устной и письменной речи. Продуктивные упражнения влияют на формирование межкультурной компетенции, так как они учитывают сопоставительное изучение пословиц и поговорок, т.е. на иностранном и родном языках, что позволяет лучше понять особенности чужой и родной культуры учеников. Продуктивные упражнения способствуют развитию лингвистической и социолингвистической компетенции.

Рефлексивные страноведческие упражнения углубляют знания учащихся об изучаемой культуре, народе – носителе языка, являются стимулирующим материалом для связной устной и письменной речи, основой сочинений и размышлений. Рефлексивные страноведческие упражнения должны быть дополнены примечаниями в виде вопросов, которые позволяют ученикам находить дополнительные сведения и информацию об истории, событиях, традициях, ценностях народа, язык которого усваивается. С одной стороны, осмысление пословиц осложняется, если в родном языке учеников аналогичные паремии отсутствуют, с другой – если они присутствуют, тогда иностранные пословицы и поговорки обладают этнокультурным потенциалом и могут быть инструментом развития положительного отношения к чужой культуре и подготовки к эффективному общению на иностранном языке. В методической литературе подчеркивается, что «знание пословиц и поговорок, отражающих требования к качеству речи, а также владение ими позволит избежать недоразумений в межкультурном общении и обеспечит успех в совместной коммерческой деятельности» (Zharkova 2013: 55). Рефлексивные страноведческие упражнения развивают все компоненты коммуникативной компетенции, а также межкультурную компетенцию.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПОЛЬСКИХ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА. С целью проверки присутствия пословиц и поговорок на уроке русского языка в польской школе мы проанализировали 14 учебников, изданных в Польше в 1999-2014 годах. Исследованные нами учебные пособия предназначены для учеников: 1) средней школы («Вот и мы», «Новые встречи», «Как дела?», «Новый Диалог», «Экспедиция», «Успех»), 2) гимназии («Эхо», «Прогулка», «Кл@сно!», «В Москву», «Времена»), 3) начальной школы («Ступени», «Моя волшебная азбука», «В школу»).

В нашем исследовании мы попытались найти ответы на следующие вопросы: 1) Присутствуют ли пословицы и поговорки в учебниках? 2) Какие типы упражнений предлагают авторы учебников? 3) Какие компетенции на уроке русского языка как иностранного можно развивать с помощью паремий?

Итак, в 6 типах пособий для средней школы мы обнаружили 128 пословиц и поговорок, в 5 типах учебников для гимназистов – 116 паремий, а в учебниках для учеников начальной школы – 23 паремиологические единицы.

В учебниках для учеников средней школы мы нашли 24 упражнения. Самую большую группу составляют продуктивные упражнения. Незначительно больше упражнений относится к упражнениям на идентификацию определенных явлений по сравнению с рефлексивными страноведческими упражнениями. В школьных пособиях для учеников гимназии мы заметили 22 упражнения, которые содержат по несколько пословиц. Упражнения можно отнести к трем типам: 1) упражнения на идентификацию определенных явлений, 2) продуктивные упражнения, 3) рефлексивные страноведческие упражнения. Большинство упражнений относится ко второй группе. Первая и третья группа содержат похожее количество упражнений. В учебниках для начальной школы мы отметили 13 упражнений. Учитывая критерий наиболее часто используемой группы упражнений в начальной школе, они могут быть расположены в следующем порядке: продуктивные

упражнения (самая большая группа), рефлексивные страноведческие упражнения, упражнения на идентификацию определенных явлений.

На основе проанализированного материала можно констатировать, что предлагаемые в учебниках упражнения способствуют развитию коммуникативной и межкультурной компетенции. Однако это делается поверхностно, потому что в учебниках отсутствуют комментарии о культурном фоне, касающиеся присутствующих пословиц и поговорок. Поскольку в учебных книгах преобладают на всех этапах обучения продуктивные упражнения, можно считать, что на уроках русского языка самое большое внимание уделяется развитию лингвистической и социолингвистической компетенции учащихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Подводя итог анализу пословиц и поговорок как лингводидактического материала на уроках русского языка как иностранного, мы можем заключить, что паремии могут являться эффективным средством формирования и развития коммуникативной и межкультурной компетенции. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что упражнения, содержащиеся в названных учебниках, для введения страноведческого материала недостаточно используют анализ национально-культурных и лингвокультурных особенностей русского народа, так как фон пословиц и поговорок отражает национальный менталитет этнических сообществ. Таким образом, рассматриваемая проблема требует дальнейшего исследования, направленного на поиск рациональных путей применения паремий в учебном процессе.

LIST OF REFERENCES

- Azimov, E. G., Schukin, A. N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New vocabulary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moskva: Izdatelstvo IKAR.
- Gutfraint, M. Y. (2011). *Ispol'zovanie poslovits dlya razvitiya navykov govoreniya* [Using proverbs to develop speaking skills]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, (5), 48-52.
- Ignatova, M. V. (2010). *Sotsiolingvisticheskaya kompetentsiya* [Sociolinguistic competence]. *Formirovaniye inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti ingvista – perevodchika na osnove proektov FGOS VPO tret'ego pokoleniya i obscheevropeyskikh standartov yazykovogo obrazovaniya*, M.L. Volovikova (ed.), *Yuzhnyj federal'nyy universitet, Rostov-na-Donu*, 69-72, http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/volovikova.pdf [10.03.2019]
- Maika, I. R. (2013). *Ispol'zovanie poslovits i pogovorok v obuchenii angliyskomu yazyku* [The use of proverbs and sayings in teaching English]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, (9), 54-56.
- Mikaeljan, L. S. (2009). *Poslovitsy russkogo yazyka – uchebnyy resurs i uchebnaya strategiya* [Russian proverbs -educational resource and strategy]. *Polilingval'nost' itranskul'turnyie praktiki*, 91-93.
- Mokienko, V.M. (2015). *Russkie poslovitsy v shkole* [Russian proverbs in school], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 1(61), vol. 1, 101-105.
- Obscheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, prepodavanie, otsenka* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment], (2001), H. Komorovska (ed.). Warszawa: Wydawnictwo CODN.
- Passov, E. I. (1989). *Osnovi kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obscheniyu* [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. Moskva: Russkiy yazyk.
- Samusenko, O. N., Shevchenko, M. V. (2014). *Paremiologicheskie edinitsy v praktike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Paremiological units in teaching russian as a foreign language], *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (77), 126-129.
- Zharkova, T. I. (2013). *Russkie i nemeckie poslovitsy i pogovorki v delovom obshchenii* [Russian and German proverbs and sayings in business communication]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, (11), 51-55.

For citation:

Karolczuk, M. (2019) THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING PROVERBS AND PROVERBIAL SAYINGS AS LINGUODIDACTIC MATERIAL ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A POLISH SCHOOL // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 97-100. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-97-100>

Для цитирования:

Карольчук, М. (2019) ПОСЛОВИЦЫ И Поговорки как лингводидактический материал на уроках русского языка как иностранного в польской школе // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 97-100. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-97-100>

Information about the author: Marzanna Karolczuk – PhD, Institute of East Slavonic Philology, University of Białystok, Poland, e-mail: karolczuk.m@poczta.onet.pl

Сведения об авторе: Мажанна Карольчук – доктор наук, Институт восточнославянской филологии, Университет в Белостоке, Польша, e-mail: karolczuk.m@poczta.onet.pl

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-101-104>

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES

Tamara Kyrik
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate professor

Kyiv Medical University
(Kyiv, Ukrainian)
e-mail: t.kiryk@kmu.edu.ua

Maryna Boholiubova
Senior Lecturer
Kyiv Medical University
(Kyiv, Ukrainian)
e-mail: astoret2015@gmail.com

Olga Lyalina
Senior Lecturer
Kyiv Medical University
(Kyiv, Ukrainian)
e-mail: imsd@kmu.edu.ua

Abstract. Kiev Medical University was established in 1992. Today it is one of the largest Ukrainian private universities. Cultural and humanitarian training at the university is carried out by the department of foreign languages and social and humanitarian disciplines. Teaching is conducted in Ukrainian and English. The modernization of the educational process is an urgent problem. The process of training and education of student youth should reflect the essential sociocultural processes, therefore, innovative technologies are implemented in the educational process, a special place belongs to media education technologies.

Keywords: higher medical education, teaching foreign languages, Wikididactics, blodidactics, medical blodidactics, innovative technologies

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тамара Викторовна Кирик
Канд. педаг. наук, доцент, зав кафедрой

Киевский медицинский институт
(Киев, Украина)
e-mail: t.kiryk@kmu.edu.ua

Марина Михайловна Боголюбова
Старший преподаватель
Киевский медицинский институт
(Киев, Украина)
e-mail: astoret2015@gmail.com

Ольга Александровна Лялина
Старший преподаватель
Киевский медицинский институт
(Киев, Украина)
e-mail: imsd@kmu.edu.ua

Аннотация. Киевский медицинский университет создан в 1992 году. Сегодня это один из крупнейших украинских частных вузов. Культурно-гуманитарную подготовку в университете осуществляет кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин. Преподавание ведется на украинском и английском языках. Осовременивание образовательного процесса является актуальной проблемой. Процесс обучения и воспитания студенческой молодежи должен отражать сущностные социокультурные процессы, потому что в учебном процессе реализуются инновационные технологии, особое место принадлежит технологиям медиаобразования.

Ключевые слова: высшее медицинское образование, преподавание иностранных языков, викидидактика, блогодидактика, медицинская блогодидактика, инновационные технологии

Введение. Экспресс-опросы как форма определения духовных ориентиров студенческой молодежи. Киевский медицинский университет, созданный в 1992 году заслуженным врачом Украины, кандидатом медицинских наук, Генеральным директором Украинской ассоциации народной медицины В. В. Поканевичем

(1950-2012г.г.), сегодня - один из крупнейших украинских частных вузов, единственное частное медицинское учебное заведение такого масштаба. Реализация авторской концепции нашла отражение в функционировании и развитии высшего медицинского учебного заведения нового типа. Сегодня Киевский медицинский университет - лидер среди частных вузов в Украине.

Сейчас в Университете обучается около 2600 человек, среди них 35% - студенты-иностранцы из 56 стран мира (КМУ, эл.ресурс 2018; КМУ УАНМ. эл.ресурс 2018) Преподавание ведется на украинском и английском языках. Культурно-гуманитарную подготовку осуществляет кафедра иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин. В англоязычных группах все дисциплины читаются на английском, украинский изучается как иностранный. В группах отечественных студентов украинский язык изучается с учетом будущей специальности обучающихся, обучение которых проходит в поликультурной среде. Осовременивание образовательного процесса в вузе является актуальной проблемой.

Остановимся на двух инновационных аспектах, используемых кафедрой в учебном процес **Анализ исследований и публикаций.** Процесс обучения и воспитания студенческой молодежи должен отражать сущностные социокультурные процессы. Следит за ними помогают блиц-опросы. Например, на первых занятиях по украинскому языку в группах отечественных студентов им предлагается спонтанно написать десять имен выдающихся украинских деятелей, которые, по мнению опрошенных, олицетворяют Украину, являются репрезентантами Украины и с кем, по мне нию студентов, в первую очередь следует знакомить представителей других культур Предлагается также назвать периодические издания, сайты, блоги, к которым обращаются студенты, утоляя «информационную жажду». Результаты опросов прорабатывают и объявляют сами студенты. Часто эти сообщения становятся основой для выступления на студенческих конференциях, публикуются (Onkovych Artyom 1996; Onkovych A.D 2002; Panchenko 2008)

Такие опросы - не новость. Например, в разделе «Персоналии - языковые знаки национальной культуры» в пособии «Українознавство і лінгводидактика» говорится об итогах подобных опросов, проведенных в девятилетние годы прошлого века в нескольких украинских городах в среде студентов технических специальностей. По результатам опросов, группу лидеров возглавлял Тарас Шевченко, которого большинство студенческих экспертов считало символом, духом, оберегом нации. За ним - Леся Украинка, ее называли в числе лидеров 85% опрошенных в Одессе и 56,1% - в Киеве. Десятка лидеров по рейтингу выглядела Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко, Михаил Грушевский, Григорий Сковорода, Иван Мазепа и Лина Костенко, Богдан Хмельницкий, Николай Коцюбинский, Николай Лысенко (Onkovych Anna, Onkovych Artyom 2003:18). Почти каждый второй внес в свой список историка и общественного деятеля Михаила Грушевского, произведения которого в Украине до провозглашения независимости были запрещены. Это свидетельствовало о переоценке ориентаций и ценностей, о формировании новой иерархии, которая проходила в условиях нового социального выбора. В первой десятке находилась Лина Костенко - единственный представитель современности. Не всеми экспертами однозначно оценивалась роль в истории Украины Ивана Мазепы и Симона Петлюры. По рейтингу они занимали достаточно высокие позиции, опережая таких известных деятелей, как князь Ярослав Мудрый, кинорежиссер Александр Довженко, писатель Иван Котляревский и еще более 250 человек из общего списка называний (Onkovych G. 1997; Onkovych Anna, Onkovych Artyom 2003; Onkovych Anna 2003) В ряде публикаций характеризовались конкретные персоналии (Богдан Хмельницкий, Михаил Грушевский), которые рассматривались в кругу духовных ориентиров современной молодежи; (Onkovych Artyom 1996; Onkovych A.D 2002)

В сентябре 2007 г. такой опрос был проведен а группах студентов-первокурсников специальности «Издательское дело и редактирование» НТУ Украины «КПИ». В публикации Дианы Панченко в сборнике «Друкарство молоде» (Panchenko 2008) указано: болем всего голосов отдано за Тараса Шевченко (96,82%). На втором месте - Леся Украинка (74,77%), на третьем - Иван Франко (65,07%). За ними - выдающиеся государственные деятели: Богдан Хмельницкий (60,31% - четвертая позиция), Виктор Ющенко (50,79% - пятая). Он - первый среди современников. На шестой позиции - Юлия Тимошенко и Михаил Грушевский (49,2%), на седьмой - Лина Костенко (28,57%), за ней - Ярослав Мудрый (26,98%). Братья Кличко (25,39%) занимали десятую позицию (все опрашиваемые отмечали именно обоих спортсменов). Так, в первой десятке самых известных соотечественников четверо - литераторы, пятеро - государственные деятели, двое - спортсмены. Кстати, за братьями Кличко шли Андрей Шевченко и Григорий Сковорода - по 23,8%. Также одинаковое количество баллов имели А.Довженко и И.Мазепа (17,46%). Первой из представительниц шоу-бизнеса выступала Руслана Лыжичко (15,87%), которая опережала поэта Василия Стуса и князя Владимира Великого (14,28%). Дальше - (по 12,59%) - И. Котляревский, В. Лобановский, В.Янукович и Вакарчук. 11,1% называемые имели Чорновил, Я. Клочкова и Роксолана (Настя Лисовская) 9,52% - Драгоманов и Винниченко; 7,93% - Кравчук, Остап Вишня и Данилко - «Сердючка») и М.Поплавский. Литераторы имели огромное влияние на общество. Результаты опроса отличались от результатов предыдущих лет, проводимых по методике Г.В.Онкович с начала 90-х годов. Неожиданным было количество современников во главе общего перечня персоналий, особенно - государственных деятелей, политиков.

Изложение основного материала.

Подобный опрос был проведен в сентябре 2018 и 2019 г.г. среди студентов-первокурсников нашего университета. Как и в предыдущие годы, в прошлом учебном году первое место в рейтинге занимал выдающийся украинский поэт Тарас Шевченко - 84,6% студентов именно его назвали лидером нации. На второй позиции - Леся Украинка, Иван Франко и Григорий Сковорода - 69,2% студентов включили их в свой список. Третье место занимает Богдан Хмельницкий (53,8%). Далее - кинорежиссер Александр Довженко, наша

современница Лина Костенко и историк, политический деятель Михаил Грушевский. Их назвали 38,4% студентов. На следующей позиции борцы за независимость Украины Симон Петлюра и поэт Василий Стус (30,7%). Далее - поэт Владимир Сосюра, князь - киевский правитель и креститель Киевской Руси Владимир Великий, гетман Иван Мазепа (23%). За ними - Ярослав Мудрый, Степан Бандера, Владимир Кличко (15,4%). Некоторые вспомнили представителей медицины: Николая Амосова, Николая Пирогова и Александра Богомольца. Были названы и современные спортсмены: Александра Усик, Андрей Шевченко, а также певцы Святослав Вакарчук и Кузьма Скрябин (анкеты обрабатывала студентка первого курса Анастасия Линченко). Поражало то, что список лидеров почти совпадал со списками 90-х годов (минимум современников, отсутствие государственников) и очень отличался от результатов «оранжевой волны» 10-летней давности. Результаты опроса этого года близки к прошлогодним. Правда, впервые в общем списке появился новоизбранный президент Владимир Зеленский (единичное название), имени которого ни в одном опросе прошлых лет не было.

Расширить знания о той или иной персоналии, которая является языковым знаком национальной культуры (Onkovych 1994, Onkovych G. 1996, Onkovych Artyom 1996), можно разными способами. В частности, можно предложить студентам назвать черты, наиболее присущие тому или иному деятелю, включенному в список персоналий, которые олицетворяют Украину, можно создать обобщенный портрет украинца, на которого ориентируется современная молодежь, можно поговорить о том, эти черты присущи только украинскому или это - общечеловеческие добродетели, эти качества - врожденные или приобретенные системой воспитания (Onkovych Anna, Onkovych Artyom 2003:33). Студенческий выбор персоналий - тема для размышлений и коррекции во время занятий по дисциплинам социально-гуманитарного цикла.

Персоналии, которые олицетворяют Украину, - языковые знаки национальной культуры, богатый материал для воспитания у молодежи лучших качеств. Убеждаемся в этом при проведении университетского этапа Международного литературного конкурса ученической и студенческой молодежи имени Тараса Шевченко. Главной его целью является чествование творческого наследия Т.Г.Шевченко, выявления творчески одаренной учащейся и студенческой молодежи и повышение уровня литературного образования в Украине и за ее пределами. Этот конкурс в КМУ проходит в два тура. На первом студенты пишут экспресс-эссе «Шевченко в кругу моих духовных ориентиров / приоритетов», читают произведения Кобзаря. На написание экспресс-эссе выделяется 15 минут. Тексты не могли быть слишком большими, поэтому на следующем занятии каждый студент озвучивал свое эссе, а товарищи по группе должны были выделить и охарактеризовать лучший текст. По итогам студенческих названий, определялся победитель в каждой группе, который должен был принять участие во втором туре. В прошлом году ими стали более 20 студентов, но до финиша (29 ноября) пришли Наталья Доброгивская, Юлия Савинова, Евгения Свистула, Михаил Фоменко, Юрий Ладнюк, Вадим Жвания, Елизавета Шевченко, Клим Золотарев, Михаил Яцентюк, Виктория Дудина.

Во второй тур студенты готовили самопрезентацию, декламировали свое любимое произведение Кобзаря. Праздничного настроения собравшимся добавили выступления иностранных студентов, которые читали «Завещание» Шевченко на разных языках: на азербайджанском, арабском, английском, французском, турецком. Студентка из Индии Преанджана проникновенно исполнила популярную современную украинскую песню «Плакала» на языке Тараса Шевченко. Эмоциональным был танец по сюжету поэмы «Катерина» в исполнении студентов университета Вадима Жвании и Даши Артемьевой. Настоящим украшением мероприятия была ведущая - першокусниця Амина Иршадова (Kirik, Nelovkina-Bernal'. Onkovych G.2018)

Международный литературный конкурс ученической и студенческой молодежи имени Тараса Шевченко в Киевском медицинском университете, инициированный кафедрой иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, превратился в настоящий праздник знаний, который объединил талантливую студенческую молодежь, преподавателей.

Конкурсная комиссия определила лучших участников, которые представляли университет на следующем этапе Международного литературного конкурса ученической и студенческой молодежи имени Тараса Шевченко. Присутствующие убедились в необходимости и возможности объединять общество вокруг национальной идеи, воспитывать у молодого поколения любовь к родному языку, способствовать росту авторитета Украины в мире.

Вывод. Экспресс-опросы, результаты которых обрабатывают и озвучивают сами студенты, могут быть эффективным источником осовременивания учебного процесса, его коррекции. Тот факт, что студенты почти не называют имен выдающихся медиков, ориентирует преподавателей на расстановку определенных профессионально-ориентированных акцентов на занятиях по языку и социально-гуманитарным дисциплинам.

LIST OF REFERENCES

- Kiryk T. V., Nelovkina-Bernal' O. A., Onkovich G.V. Iz dosvidu osuchasnennya osvithnoho procesu v medichnomu vishi // Innovacii ta tradicii u movniy pidgotovci inozemnih studentiv: tezi dopovidey mizhnarodnogo naukovopraktychnogo seminaru. – Н. : Vidavnicтво Ivanchenka I. S., 2018. – 336 s. - S.123 – 127.
- Onkovich A. V. Personalii kak znaki nacional'noy kul'tury v formirovanii nacional'no-kul'turnogo komponenta kommunikativnoy kompetencii / A. V. Onkovich // IV Mezhdunar. simpozium po lingvostranovedeniyu, Moskva, 31 yanv.–4 fevr. 1994 g. : tez. dokl. i soobsch./ Mezhdunar. assoc. prepodavateley rus. yaz. i lit., Ros. fond mira, In-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina. – М. : [IRYaP], 1994. – S. 166–168
- Onkovich G. V. Slovo-tema yak zgomutiy nacional'no-kul'turniy tekst i metodika yogo aktualizacii v auditorii studentiv-inozemciv / G. V. Onkovich // Tekst i metodika ego analiza : materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. Po problemam semant. issled. – Har'kov : [b. i.], 1994. – Ch. III. – S. 98–102.

Onkovich G. V. Personalii yak duhovni orientiri molodi / Galina [Ganna] Onkovich // Ridna shk. – 1996. – Lyut. (№ 2). – S. 32–34.
Onkovich G. V. Ukraïnoznavstvo i lingvodidaktika : navch. posib. / Ganna Onkovich ; Derzh. akad. keriv. kadriv osviti. – Kiïv : Logos, 1997. – 105 s. - S.16 – 33.

Onkovich Anna. Personalii kak duhovnye orientiry sovremennoy ukrainskoy molodezhi: smena stereotipov / Anna Onkovich, Artem Onkovich // Problemy współczesnej komparatystyki / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Instytut filologii rosyjskiej, zakład Komparatystyki Literasko-Kulturowej ; pod red. Haliny Chałacińskiej-Wiertelak i Wołodymyra Wasylenki. – Poznań : UAM, 2003. – S. 259–263.

Onkovich Artem, Sluchevs'kiy Mihaylo, Cegel'nik Bogdan. Personaliiya “Bogdan Hmel'nic'kiy” v koli duhovnih orientiriv suchasnoï molodi // Bogdan Hmel'nic'kiy yak istorichna postat' i literaturniy personazh / Vidp. za vipusk M. M. Kononchuk. – K.: Zhivicya, 1996. – S. 119-123.

Onkovich A.D. Personaliiya “Mihaylo Grushevs'kiy” u koli duhovnih orientiriv suchasnoï molodi // Zbirnik naukovih prac' “Mihaylo Grushevs'kiy – naukovec” ta politik u konteksti suchasnosti” (do 135-ï richnici vid dnya narodzhennya). – K.: Ukraïns'ka vidavnichna spilka, 2002. – S. 353-360.

Panchenko Diana. Personalii yak kod do rozuminnya nacional'nih cinnostey ta prioritetiv // Panchenko Diana. Drukarstvo molode: zbirnik materialiv students'koï konferencii. – Kiïv: VPI NTU Ukraïni «KPI», 2008 r. Kiïvs'kiy mediciniy universitet // [Elektronniy resurs] <http://kmu.edu.ua/> / Data zvernennya: 30 listopada 2018 r. Kievskiy medicinskiy universitet UANM (KMU UANM) // [Elektronniy resurs] <https://vuz.online.ua/region/10/302/>. Data zvernennya: 30 listopada 2018 r.

For citation:

Kyrik, T., Boholiubova, M. & Lyalina, O. (2019) INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 100-104.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-101-104>

Для цитирования:

Кирик, Т. В., Боголюбова, М. М., Лялина, О. А. (2019) ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 100-104. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-101-104>

Information about the authors: Tamara Kyrik - Candidate of Pedagogic Sciences, Kyiv Medical University, Kyiv, Ukrainian

e-mail: imsd@kmu.edu.ua

t.kiryk@kmu.edu.ua

Maryna Boholiubova - Senior Lecturer, Kyiv Medical University, Kyiv, Ukrainian

e-mail: imsd@kmu.edu.ua

astoret2015@gmail.com

Olga Lyalina - Senior Lecturer, Kyiv Medical University, Kyiv, Ukrainian

e-mail: imsd@kmu.edu.ua

Сведения об авторах: Кирик Тамара Викторовна - канд. педаг. наук, доцент, зав кафедрой, Киевский медицинский институт, Киев, Украина

e-mail: e-mail: imsd@kmu.edu.ua

t.kiryk@kmu.edu.ua

Боголюбова Марина Михайловна - старший преподаватель, Киевский медицинский институт

(Киев, Украина)

e-mail:

Лялина Ольга Александровна - старший преподаватель, Киевский медицинский институт, Киев, Украина

e-mail: e-mail: imsd@kmu.edu.ua

Manuscript received: 05/10/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-105-109>

LINGUO-METHODOLOGICAL ASPECT OF OVERCOMING INTERFERENCE IN TEACHING FOREIGN STUDENTS A SECOND NON-NATIVE LANGUAGE

Tetiana Krech

Candidate of Philological Sciences, Professor

Kharkov national university of civil engineering and architecture

(Kharkov, Ukraine)

e-mail: tatianakrech@gmail.com

Irina Milieva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kharkov national university of civil engineering and architecture

(Kharkov, Ukraine)

e-mail: mileva_i@ukr.net

Abstract. Target setting of this article is to identify the most significant pain points associated with the peculiarities of the manifestation of interference in closely related Slavic languages. The article experimentally identified and described the typology of difficulties caused by the peculiarities of interlanguage interference of closely related languages, given linguistic and methodical recommendations for overcoming them. Interlingual interference covers all language levels, this is especially pronounced at the phonetic level, since there are significant differences in the system of vocalism and consonantism. At the grammatical level, there is a difference in Russian and Ukrainian nouns on the basis of gender and number. One of the possible helpers in overcoming interference is an active educational vocabulary, which should become an assistant in speech production. The teacher requires close attention and differences in the norms of language etiquette in the Russian and Ukrainian languages.

Keywords: interlanguage interference, language level, educational vocabulary, norms of language

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Татьяна Васильевна Креч

Кандидат филологических наук, профессор

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры

(Харьков, Украина)

e-mail: tatianakrech@gmail.com

Ирина Владимировна Мильева

Кандидат филологических наук, доцент

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры

(Харьков, Украина)

mileva_i@ukr.net

Аннотация. Украинско-русское двуязычие является важным признаком языковой ситуации в Украине. Преподаватели-филологи прилагают значительные усилия, чтобы мотивировать иностранных студентов к добросовестному изучению украинского языка. Нарушение языковых и речевых норм украинского языка из-за переноса приобретенных знаний и навыков русского происходят практически на всех структурных уровнях языка. Интерференция проявляется, начиная с формирования слухо-произносительных навыков и заканчивая нарушением норм лексической и грамматической сочетаемости в речепроизводстве. Исследуя лингвометодический аспект интерференции близкородственных языков при обучении иностранных студентов, авторы дают практические рекомендации по ее преодолению.

Ключевые слова: межъязыковое вмешательство, уровень языка, образовательная лексика, нормы языка

INTRODUCTION. This article provides an analysis of the features of teaching a second non-native language in the context of a closely related bilingualism.

Despite the fact that official Ukrainian Studies usually consider Ukraine a single-level and monolingual state, it must be admitted that Ukrainian-Russian bilingualism is a system-forming feature of the linguistic situation in most Ukraine regions.

If individual bi- and polylingualism enriches the linguistic personality, expands its linguistic and cognitive horizons (let's recall the common quote attributed to J. Goethe: «As many languages you know, as many times you are a human being»), then societal bilingualism often becomes a serious issue in language production, sometimes even becoming «an excessive and unnatural phenomenon» (Gayovich), which destroys the basis of linguistic identity, although it is indeed the linguistic factor in combination with cultural identity that is key in the formation of national self-awareness.

In this article, we propose to outline the most significant pressure points associated with interference effects in closely related Slavic languages. The study is novel in that it describes interference effects in the context of foreign

students studying Ukrainian with previous acquisition of Russian, which causes a triple overlay: native – Russian (systematically different) and Russian – Ukrainian (closely related).

LITERATURE REVIEW. Analysis of publications on the subject suggests that interference effects in closely related and systematically different languages are multidimensional, extensive, and affect all levels of the compared languages.

Suffice it to recall the studies by Kh. Agitev, V. Admoni, Yu. Apresian, A. Balzeg-Shram, G. Schumacher, L. Barannikova, N. Baskakov, L. Bloomfield, Baudouin de Courtenay, M. Bulakov, L. Bulakhovsky, U. Weitreich, E. Vereshchagin, V. Vinogradov, B. Gavranek, V. Gak, B. Gornunga, Yu. Zhlukhtenko, L. Zilberman, T. Iliashenko, D. Imedadze, R. Slimchuk, M. Kopylenko, V. Kostomarov, M. Kochergin, A. Kunin, A. Lyubarskaya, M. Mikhailov, V. Moskovich, E. Passov, A. Reitsak, V. Rosenzweig, A. Rosetti, V. Rusanivsky, S. Semchipsky, E. Sapira, V. Stolbunova, A. Suprun, M. Uspensky, F. Filin, E. Haugen, N. Shoinsky, A. Shirokova, D. Shmelev, G. Shukhardt, V. Shcherba, G. Lkobeon.

The purpose of this article is to describe interference effects at all levels of closely related Russian and Ukrainian in order to minimize the errors in language produced by foreign students who are in a difficult linguistic situation of learning a second non-native language.

RESEARCH METHODS. The article experimentally identified and described the typology of difficulties caused by the peculiarities of interlanguage interference of closely related languages, given linguistic and methodical recommendations for overcoming them.

RESULTS AND DISCUSSIONS. In order to classify interference effects with the aim to describe them linguo-methodologically and provide recommendations for overcoming them, we conducted a preliminary analysis of the features of Ukrainian-Russian bilingualism.

It is no coincidence that at the 9th International Linguistic Congress the issue of bilingualism, which was long underestimated or not considered at all, was proclaimed one of the central problems of linguistics (Yakobson 1965).

Bilingualism as a complex and ambiguous phenomenon is studied by different sciences from different perspectives, which each time is determined by the goals and objectives of a particular bilingual study.

Here, bilingualism is considered as a fact contributing to the comprehensive development of the individual, in contrast to the point of view on bilingualism common in foreign sociolinguistics as a temporary, transient phenomenon that differs from the natural state of using a single language: «The situation of bilingualism in and of itself scares away traditionally-minded linguists» (Martine 1972: 84).

Ukrainian-Russian bilingualism has its own characteristic aspects, which is a consequence of the genetic, structural and areal proximity of two closely related languages.

Foreign students, who have just mastered Russian at a certain level, find themselves in a linguistic situation, which makes them master another non-native – Ukrainian – language, closely related to the previously learned Russian and systematically different from their native language.

That is why it has been repeatedly proved that when learning a new foreign language one should not use an intermediate language: triple translation (for example, Ukrainian – Russian – Persian) prevents a foreign student from directing all their mental capabilities and attention to the study of the semantic and structural features of the language that they are beginning to learn. Therefore, to systematize the input, it is recommended to use the demonstration (subjective, pictorial, motor), interpretation, and context techniques (Antoniv, 2010). But such a «monolingualism» in the classroom, of course, would have better «worked» if students would also hear the Ukrainian language in unofficial communication (as in the territory of Western Ukraine). Daily use of the Russian language in informal situations leads to a slowdown in learning Ukrainian, lowering of its status, mixing of grammatical forms, errors in the use of vocabulary, orthoepic errors, etc.

In view of this, as an object of research we chose the aspect of bilingualism, which gives an opportunity to reveal the minimum knowledge necessary for foreign students to communicate, perform certain functions at the domiciliary, professional, and sociocultural level, which necessitates the determination of the ratio of monolingual and bilingual factors in the textbooks created for students of this category.

The study of the features of Ukrainian-Russian bilingualism has led us to the conclusion that of the existing two types of linguistic interference, the direct (or explicit) one is of particular relevance, which, unlike the indirect (or hidden) one, is shown as violation of the language structure, which is associated with the specifics of functioning and interpenetration of closely related languages. In any case, this process is characterized by a bilateral orientation, affecting the deepest structural layers in both language systems.

Foreign students studying in Ukraine and choosing Russian as their language of instruction also study Ukrainian as a Foreign Language as a compulsory subject.

Here, all negative effects associated with interference are most pronounced. Despite the similarity of closely related languages at all structural levels, it is precisely this similarity that constitutes a «serious danger» (Muras, 2007, p. 258 – 261) to foreign students, as the inability to distinguish these features, the unconscious desire to use the elements of the language that they have mastered while learning the Russian language often leads to numerous mistakes and inaccuracies.

From our point of view, a comparative linguistic description of the investigated interference effects is necessary for diagnosing and predicting errors in speech practice of foreign students studying Ukrainian as a second non-native language, and determining the typology of difficulties and recommendations for overcoming them.

At the same time, the close connection of the methodology with linguistics in this process is an indisputable fact for us, since to successfully overcome interference, data from linguistics, psycholinguistics and psychology are necessary.

The connection between methodology and linguistics is also showed in the fact that only when utilizing the results of a comparative study of closely related languages in educational materials (textbooks, teaching aids, dictionaries) can all the advantages hidden in the linguistic experience of bilinguals, and in our case polylinguals, be achieved. On the other hand, the current level of development of linguistic methodology makes us turn to the recording and analysis of errors as a reliable means of objectively evaluating the processes occurring in the linguistic consciousness of a bilingual as a result of interlanguage contact. At the same time, this makes it possible to establish observation of the process of switching foreign students from one language to another, to make far-reaching linguistic conclusions, to outline the linguodidactic parameters of the necessary teaching materials, in particular, to determine the lexical-graphic parameters of multilingual educational dictionaries.

In foreign linguistics, there are sometimes doubts that a comparative analysis of the grammatical structure of two languages can predict the degree of difficulty in mastering the forms of the language being studied (Baudouin de Courtenay, Weintreich et al.)

Our observations allow us to conclude that many difficulties associated with the acquisition by foreign students of a second non-native closely related language, which is Ukrainian in the context of Russian being studied as a specialty language, are due to the features of inter- and intra-lingual interference effects.

In this regard, it is necessary to define the term «interference» from the standpoint of linguodidactics. In psychology, transfer, which in essence is interference, is defined as "a complex phenomenon of the human psyche, the hidden mechanism of which allows a person not only to use his knowledge, skills, and expertise in mental and motor activity, but also to transfer them to the newly acquired knowledge and skills (Psiholingvisticheskye voprosy 1972; Salistra 1966).

The transfer process is hidden from direct observation, but can be inferred from its results.

Usually, when teaching students a non-native language in the context of closely related Ukrainian-Russian bilingualism, students successfully use their knowledge from their mother tongue (Salistra 1966). For foreign students learning second non-native language, the transfer of knowledge is a much more difficult process, for it is based on language universals, which are usually regarded as "patterns common to all languages or for their absolute majority" (Novikov 1976:10; Zylberman 1972:22-23).

The issue of transfer is much more complicated in linguodidactics, since here the transfer is already considered as a combination of linguistic and individual psychological factors. Linguistic factors are a reflection of the typology of similarities and differences of the compared languages, and individual psychological ones are manifested in the individual's facility for languages, in the features of their past language experience (Psiholingvisticheskye voprosy, 1972, p. 88), resulting in a bilingual, and in our case a polylingual, developing the «feel of language», which is expressed in the ability to use language means without resorting to knowledge of the language (Shubin 1972: 43-44).

In our case, inter-lingual interference covers all levels of the compared languages.

In order to accumulate a «negative» language material, we conducted an ascertaining experiment, which allowed us to establish a typology of difficulties in the acquisition of Ukrainian by foreign students caused by interference.

At the phonetic level, interference is shown already at the level of the formation of hearing and pronunciation skills. Despite the fact that phonemic components of Russian and Ukrainian are similar, there is still a group of vowels and consonants that do not coincide (Shpitko 2010). Thus, in Ukrainian, the phoneme /o/ is always represented by an invariant [o], only in a certain position we observe [oʲ]. Unlike Russian, the Ukrainian phoneme /o/ in a weak position is never represented by non-full variants and does not come close to [a], which should be brought to attention of foreign students when performing phonetic exercises.

When introducing the Russian consonantism to foreign students, a lot of effort is needed to develop the pronunciation skills of the phoneme /ч/, which is always soft in Russian. These previously acquired skills are automatically transferred by students to the Ukrainian orthoepic system, in which the phoneme /ч/, as a sibilant, is always hard.

A significant difficulty for foreign students learning Ukrainian in the context of previously studied Russian is the correct pronunciation of a fricative sound [ʁ], which exists in most languages formed on a Slavic basis. Students try to pronounce it as a guttural voiced sound, similar to the one in Russian. The teacher should choose the right exercises to strengthen the root of the tongue and the back of the throat, and then help develop the pronunciation skills for this sound. These skills can be reinforced by pronouncing tongue twisters with students: *Галасливі гави й галки в гусенят взяли скакалки; Гусенята їм телочуть, що й вони скакати хочуть; ор: Гуска грає на гітарі, телотить гусак гагарі; Горобець гука грака, Гава гатить гопака.*

Interference with Russian is shown also when pronouncing words with the letter "щ", which in Ukrainian, unlike Russian, always means two solid sounds – [шч]: [шчоб], instead of [що]; [шчирий], instead of [щирий].

And there are a lot of such examples at the phonetic level, which requires a systematic work – measured linguistically and methodically – from a teacher.

At the grammatical level, the difference in Russian and Ukrainian nouns on the basis of gender and number is quite notable. For example, «собака» (Ukrainian – masculine, Russian – feminine); «путь» (Ukrainian – feminine, Russian – masculine), «посуд – посуда» (Ukrainian – masculine, Russian – feminine), «меблі – мебель» (Ukrainian – plural, Russian – singular), «двері – дверь» (Ukrainian – plural, Russian – singular, feminine).

Foreign students who have already acquired communication skills in Russian and proficiency in its lexical means, use their knowledge to understand the lexical system of Ukrainian. That said, a part of the vocabulary is common, has the same meaning and sound in both languages. Words such as «два», «ручка», «губа» can be used as «transpositional material that facilitates the understanding and activation of the vocabulary of a student who begins to

learn Ukrainian» (Metodyka vykladannia...). Much more difficult to master are the words that: a) match the letter structure, but differ in pronunciation («лист», «студент», «книга», «колектив»); b) are distinguished by one or two signs (both spelling and phonetically), but are also understandable («стіл», «ніс», «вухо», «волосся»).

Words that are similar in sound but have different semantics also cause great difficulties, which results in confusion and generates errors in language production among foreign students. For example, the word *вродливий* in Ukrainian means «beautiful», and the Russian lexeme similar in sound «уродливый» has the antonymic meaning «very ugly», which semantically corresponds to the Ukrainian «потворний»; the Ukrainian *баня* semantically corresponds to the Russian *купол*, and the Russian *баня* to the Ukrainian *лазня*. There are many examples like this, and they testify that phonetically similar words even in closely related Ukrainian and Russian may be non-identical and even opposite in semantics.

Inter-lingual interference also affects the level of inter-lingual homonymy: so, the Ukrainian *вклонитися* meaning «to bow, to greet» in Russian corresponds to the verb *уклониться* meaning «to avoid, to evade», or the Ukrainian *лишиється* meaning «to stay, not to leave» corresponds to the Russian *лишиться* meaning «to lose».

Interference is also shown at the lexical-grammatical level as violation of the norms of lexical and grammatical compatibility, causing errors that the teacher should pay attention to.

Often, foreign students use word combinations *не дивлячись на обставини* instead of the normative *незважаючи на обставини, здавати екзамен* instead of *складати іспит (екзамен), це до мене не відноситься* instead of *це мене не стосується*.

A certain role in provoking errors in language production is played by the use of lexical calque, which results in expressions like: *це являється прикладом* instead of *це є прикладом, це лишній раз доводить* instead of *це зайвий раз доводить, послати заказним листом* instead of *надіслати рекомендованим листом, дошка об'яв* instead of *дошка оголошень*.

The same loan translation affects the grammatical level. This is well demonstrated by the example of the formation of superlative adjectives, for example, the use of the word combination *самий відомий спеціаліст* instead of *найвідоміший спеціаліст*. This category of difficulty also includes the use of certain active participles unusual for Ukrainian, e.g. the common *завідуючий кафедрою* instead of the Ukrainian *завідувач кафедри*.

Differences in the features of closely related language systems can also be observed in speech etiquette, which is especially important in language acquisition by foreign students.

This and the presence of clipped forms of greetings in Ukrainian: *добридень, добри вечір, на добраніч*, which are absent in Russian.

Essential differential sign of the speaking etiquette of Ukrainians is the use of a vocative case for addressing someone, e.g. *Надіє Петрівно, Марино, пане лікарю*.

Above, we gave some recommendations on a possible system of exercises aimed at removing the difficulties caused by inter-lingual interference.

A bilingual, and even better a trilingual, active-type educational dictionary with anti-interference orientation should undoubtedly be of help, and can and should become a reliable assistant in language production.

It should be remembered that if a native speaker often uses the dictionary as an encyclopedic source, a source of replenishment of their linguistic knowledge, the foreign student, caught in the linguistic environment of their second non-native language, uses the dictionary hoping to acquire an assistant in language production and construction of statements, which gives answers to many questions revealing grammatical specifics of the studied language, features of lexical and grammatical compatibility of lexical units, and determines the set of discourses revealing denotative and connotative possibilities of lexical units.

In the described linguistic situation, the description of lexical units in the educational dictionary should be preceded by the study of features of Ukrainian-Russian bilingualism, which we, using the terminology of L. Shcherba, define as «autonomous, pure from the perspective of psycholinguistics, and marked by intensive contacts and inter-lingual connections from the standpoint of linguistics» (Shcherba 1974: 19).

It is no coincidence that in his preface to the Russian-French dictionary, one of the outstanding theorists and practitioners of lexicography L. Shcherba wrote that «there can be no two identical bilingual dictionaries for native speakers and for a person for whom this language is not native» (Shcherba, 1974: 17-18).

CONCLUSION. In summary, we tried to give a linguo-methodological assessment of the linguistic situation in which foreign students studying non-native systematically different Russian language have to learn a second – closely related to Russian – Ukrainian language.

Our practical experience of working with such an audience allowed us to experimentally determine the typology of difficulties caused by inter-lingual interference affecting all structural levels of the languages being studied.

We hope that recommendations outlined in the article will help to overcome the arising difficulties and make the process of teaching foreign students a second non-native language easier and more successful.

LIST OF REFERECES

- Antoniv, O. (2010). Hramatychnyi material u dystantsiinomu kursu ukrainskoi movy yak inozemnoi [Grammatical material in the distance course of the Ukrainian language as a foreign language]. *Teoriia i praktyka vykladannia ukrainskoi movy yak inozemnoi*. Vyp. 5. 128 – 136.
- Haiovych, H. Interferentsiia i surzhyk yak naslidky movnoi vzaємodii (na prykladi ukrainsko-rosiiskykh movnykh kontaktiv) [Interference and surzhyk as consequences of linguistic interaction (on the example of Ukrainian-Russian linguistic contacts)]. http://www.philology.kiev.ua/library/zagal/Movni_i_konceptualni_2012_41_1/224_233.pdf

- Zylberman, L.Y. (1972). Interferentsiya yazykov i metodika prepodavaniya inostrannogo yazyka na osnove rodnoho [Intervention of languages and the method of teaching a foreign language on the basis of native language]. Prepodavaniya inostrannykh yazykov i eho lingvistsicheskiye osnovy. Moskva: Nauka, 20 – 34.
- Martine, A. (1972). Rasprostraneniye yazykov i strukturnaya lingvistika [language distribution and structural linguistics] / Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Moskva. Vyp 6.
- Metodyka vykladanniia ukrainskoi movy [Methodology of teaching the Ukrainian language]. www.studfiles.ru/preview/5537864/page:13/8
- Muras, A. (2007). Vykladanniia ukrainskoi movy yak inozemnoi v universyteti imeni Adama Mitskevycha v Poznani [Teaching Ukrainian as a Foreign Language at the Adam Mickiewicz University in Poznan]. Teoriia i praktyka vykladanniia ukrainskoi movy yak inozemnoi. Vyp. 2. 258 – 261.
- Novikov, L.A. (1974). Russkiy yazyk kak ynostrannyi y osnovnye voprosy eho opysaniya [Russian as a foreign language and the main questions of its description]. Russkiy yazyk za rubezhom. № 4.
- Psiholingvistsicheskiye voprosy obucheniya inostrantsev russkomu yazyku (1972) [Psycholinguistic issues of teaching foreigners to the Russian language]. Moskva: Izd-vo MHU.
- Salistra, S.P. (1966). Ocherki metodov obucheniya inostrannym yazykam [Essays on methods of teaching foreign languages]. Moskva: Vyssh. shk. 251 s.
- Shpitko, I. M. (2010). Fonetychna interferentsiia v informatsiinomu prostori Ukrainy [Phonetic interference in the information space of Ukraine]. Doslidzhennia z leksykologii i hramatyky ukrainskoi movy. Vyp. 9. 323 – 331.
- Shubin, E.R. (1972). Pozitivnye i negativnye aspekty vliyaniya pevogo yazyka na ovladenie vtorym na razlichnyh urovnyah yazykovoij sistemy [Positive and negative aspects of the influence of the speaker language on mastering the second on different levels of the language system]. Inostrannyye yazyki v shkole. № 5. 27 – 32.
- Shcherba, L. V. (1974). Predislovie k bol'shomu russko-francuzskomu slovaryu: YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' Foreword to the large Russian-French dictionary: The language system and speech activity. Moskva: Nauka. 17 – 23.
- Yakobson, R. (1965). Itogi IH Mednarodnogo kongressa lingvistov [the results of the international congress of linguists]. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Moskva, Vyp. 4.

For citation:

Krech, T. & Milieva, I. (2019) LINGUO-METHODOLOGICAL ASPECT OF OVERCOMING INTERFERENCE IN TEACHING FOREIGN STUDENTS A SECOND NON-NATIVE LANGUAGE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 105-109.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-105-109>

Для цитирования:

Креч, Т. В., Мильева, И. В. (2019) ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ИНТЕР-ФЕРЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 105-109. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-105-109>

Information about the authors:

Krech Tetiana - Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Ukrainian language and language training for foreign citizens, Head of the Department of Ukrainian language and language training for foreign citizens, Kharkov, Ukraine

e-mail: tatianakrech@gmail.com

Milieva Irina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kharkov national university of civil engineering and architecture, Department of Ukrainian language and language training of foreign citizens, Kharkov, Ukraine.

e-mail: mileva_i@ukr.net

Сведения об авторах:

Креч Татьяна Васильевна - кандидат филологических наук, профессор, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры, кафедра украинского языка и языковой подготовки иностранных граждан, заведующая кафедрой украинского языка и языковой подготовки иностранных граждан, Харьков, Украина.

e-mail: tatianakrech@gmail.com

Мильева Ирина Владимировна - кандидат филологических наук, доцент,

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры доцент кафедры украинского языка и языковой подготовки иностранных граждан, Харьков, Украина.

e-mail: mileva_i@ukr.net

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

MEDIA EDUCATION TECHNOLOGIES IN DEVELOPING STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCE

Volodymyr Biletsky
Doctor of Technical Sciences, Professor
National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute"
(Kharkiv, Ukraine)
e-mail: ukcdb@i.ua

Hanna Onkovych
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Kyiv Medical University
(Kyiv, Ukraine)
e-mail: onkan@ukr.net

Olha Yanyshyn
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas
(Ivano-Frankivsk, Ukraine)
e-mail: yanyshyn_olha@nung.edu.ua

Abstract. The article concerns new media education technologies — social networks-based ‘pedagogical’ author’s pages, Knyhospalah didactics, Wikididactics — in the professional training at universities. We define ‘pedagogical’ author’s pages on social networks (blogs and social networking sites) as ‘pedagogical blog-didactics’, ‘scientific blog-didactics’, or ‘pedagogical scientific blog-didactics’. Involving concepts ‘wiki-media developer’, ‘wikipedists’, ‘wiki-teacher’, and ‘wiki-didacticist’, the term ‘Wikididactics’ concerns Internet technologies dealing with using Wikipedia articles in the education process, among them first ‘pedagogical pages’ kept by ‘techies’ groups on the Facebook-page ‘WICIDIDACTICS’, new Ukrainian Facebook-pages ‘Education by the Specialty ‘Petroleum Engineering and Technology’ and ‘Petroleum Education’ aimed at making speciality popular in Ukraine. In Ukrainian higher education, media education technologies, self-elaborated media education techniques, social networks-based ‘pedagogical’ author’s pages, ‘pedagogical blog-didactics’, ‘scientific blog-didactics’, Knyhospalah didactics, and Wikididactics proved appropriate in the professional training.

Keywords: information literacy, media didactics, higher education, professionally oriented media education, pedagogical blog-didactics, pedagogical scientific blog-didactics, Wikididactics, Petroleum Education

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Владимир Билецкий
Доктор технических наук, профессор
(Национальный технический университет "Харьковский политехнический институт"
(Харьков, Украина)
e-mail: ukcdb@i.ua

Анна Онкович
Доктор педагогических наук, профессор
(Киевский медицинский университет)
(Киев, Украина)
e-mail: onkan@ukr.net

Ольга Янышин
Кандидат педагогических наук, доцент
(Ивано-Франковский национальный технический университет нефти и газа)
(Ивано-Франковск, Украина)
e-mail: yanyshyn_olha@nung.edu.ua

Аннотация. Статья посвящена новым технологиям медиаобразования - «педагогическим» страницам в социальных сетях: викидидактике, блогодидактике, книгоспалах-дидактике - в профессиональной подготовке будущих специалистов. Авторские «педагогические» страницы, блоги и сайты сегодня – это «педагогическая блогодидактика», «научная блогодидактика», «научно-педагогическая блогодидактика». Термин «викидидактика» объединяет интернет-технологии, связанные с использованием статей Википедии в образовательном пространстве. Викидидактика включает понятия «викиразработчик», «википользователь», «вikipедист», «вikipедагог» и «викидидакт». Среди первых «педагогических страниц» на Facebook-странице «Викидидактика» новые украинские Facebook-страницы для студентов технических специальностей - «Нефтегазовое образование» и «Образование по специальности "Нефтегазовая инженерия и технологии"», целью которых является популяризация специальности в Украине. В украинском высшем образовании технологии медиаобразования, самостоятельно разработанные методики медиаобразования, авторские «педагогические» страницы на основе социальных сетей, «педагогическая блогодидактика», «книгоспалах-дидактика» и «викидидактика» оказались

актуальными для повышения профессиональной квалификации и самообразования, их применение иллюстрирует успешное развитие современной медиадидактики.

Ключевые слова: медиаграмотность, информационная грамотность, медиаобразование, медиадидактика, высшее образование, профессионально ориентированное медиаобразование, педагогическая блогодидактика, научно-педагогическая блогодидактика, викидидактика, нефтегазовое образование

INTRODUCTION. The rapid development of mass media/communication and their involvement in education and upbringing process have significantly intensified the creative search of teachers in many countries. The innovative activity of those dissatisfied with the traditional conditions, methods, and ways of training and educating teachers was oriented not only onto the novelty of the content of their efforts realization but, first of all, onto the qualitatively new results. As a result, media education was singled out as a separate branch, which is human-centered in its content. Its appearance in the educational space is an innovative educational process, conditioned by the social needs.

LITERATURE REVIEW. At one time, we already drew attention to the potential of professionally-oriented media education in higher education, which can significantly promote the formation of media and information literacy of specialists to-be (Gorun 2015, Onkovych 1997, Onkovych G., Onkovych, A 2014). We also showed that foreign and Ukrainian scientists differently interpret some terms such as 'information literacy', 'media literacy', 'media information literacy', and 'media competence of a specialist' (Onkovych 2013, Onkovych 2014, Fedorov, Chelysheva 2004). We also argued that the umbrella concept of 'media-information literacy' should be seen as a basic one in the modern, knowledge, society (Onkovych G., Onkovych A 2014).

The analysis of the recent issue-relevant research and articles confirms the accelerated velocity of introducing media education technologies into the higher school education process. To be convinced that media education approach can modernize the educational process, one should get acquainted with the thesis papers by R. Buzhikov, Y. Horun, I. Hurinenko, N. Dukhanina, O. Kalitseva, I. Sakhnevych, O. Yanyshyn and others.

The researchers proved media education tools to be effective for professional training of future professionals (economists, editors, fire inspectors, computer scientists, lawyers, petroleum engineers, and records information managers) and suggested self-elaborated techniques to do this.

TERMINOLOGY. Accessible in media education technologies potential encourages their active promotion and dissemination in educational institutions of different training profiles. It is highly urgent to stimulate media didactics in higher education (Onkovych 2013) (by the way, German scientists call it "Hochschuldidaktik", Ludwig Huber: Hochschuldidaktik als Theorie der Bildung und Ausbildung In: Dieter Lenzen (Hrsg.): Enzyklopädie Erziehungswissenschaft. Ausbildung und Sozialisation in der Hochschule, Band 10. Klett, Stuttgart / Dresden 1995, ISBN 978-3-12-939954-5, S. 114-138). Since "didactics is a part of pedagogy (...) that validates and explains the content of knowledge, methods and organizational forms of education", hence media didactics, in our opinion, is a set of organized knowledge about the principles, content, methods, means and forms of organizing educational process using mass media materials in teaching media pedagogy or other study subjects that ensure gaining teaching and educational goals with the help of the media.

As a branch of pedagogy, media education came into being in the second half of the twentieth century when it became necessary to prepare students for living in the information society and to make them capable of using any form of information, of communicating, of understanding the impact the means of information, especially - mass media can have on the person and its consequences (Dychkivska 2004:352). Now media education has become widespread. In particular, there are research institutes in Germany that carry out scientific research in this field.

German experts, for example, divide media education into two interrelated areas:

1) socially critical media education, which aims to change society through its means, such as the ability of ideological criticism; the ability to influence the media system; the ability to use alternative media;

2) politically motivated media education, which aims to fight against manipulations with the help of media. (Robak 2006: 278).

An essential aim of media education is to make young people ready for the critical perception of media. Media didactics concerns using media in the teaching-learning process. For some scientists, media education means mass journalism education (that is, the acquiring knowledge of journalism by non-journalists - that is "journalism for the masses").

Today media education technologies make use of 'traditional' media such as periodicals, radio, television, cinema, and contemporary information technologies such as software, hardware, and computer-based technology in the educational process; employs modern methods and information exchange systems for collecting, storing, processing, and transferring information (Dychkivska 2013: 337). In fact, such phenomena came into being in the society the moment the media emerged. However, it was not until recently that the new concepts emerged, were absorbed in the 'media' and began to be actively used in various areas of public life. In particular, let's recollect the gains of the language educators in teaching foreign languages reached in the 1990s. They suggested forming information interests of foreign students with the help of journalism (G. Onkovich), using TV programs "Vremia" to improve communicative skills (I. Yershov-Babenko), and using motion pictures and filmstrips in the educational process and others.

Now the concept of "media didactics" has become an "umbrella concept" for these and other concepts. In its turn, one of them - the concept of "Internet didactics" - has also become an 'umbrella notion' for the brand-new terms that appeared definitely because the Internet came into being. Among them – wiki-didactics, blog- (site-) didactics (pedagogical, scientific) etc. Therefore, now we can state that there are such segments of media didactics as television

didactics, movie-didactics, multimedia didactics (including - Internet didactics) etc. depending on the specifics type of the mass media employed.

THE AIM AND METHODOLOGY

The aim

Our goal now is to draw public attention to using "pedagogical" author's pages from social networks for education and self-education. They are blogs, social networking sites, etc., the content of which we define by the term "pedagogical blog-didactics», «scientific blog-didactics", and "pedagogical scientific blog-didactics". It is especially valuable that their authors are practical educators. The blogs kept by practical educators are professionally-oriented. Keeping such blogs is an unique way to inform pupils, students, and colleagues with one's own innovative know-how and applied methods of scientific cognition/It is also a great way to form and improve one's research, cognitive and personal competence.

The methodology

Through real virtual collaboration with colleagues and other blog-educators, such subject-oriented blogs, websites and Internet pages help to form one's competence in self-education (the ability to motivate and organize oneself to self-education) and social competence. It also results in better understanding one's role in the ongoing education process in the country.

Findings

Through the real virtual collaboration with colleagues and other blog-educators, such subject-oriented blogs, websites and Internet pages help you to form your competence in self-education (the ability to motivate and organize oneself to self-education) and to improve your social competence. Through real virtual collaboration with colleagues and other blog-educators, such subject-oriented blogs, websites and Internet pages help to form one's competence in self-education (the ability to motivate and organize oneself to self-education) and one's social one's competence. It also helps to better understand one's role in the country's ongoing education process. In the creation of such pages in Ukraine, school teachers led the way since they fully appreciated the advantages of using blog-didactics for communicating with the students, for disseminating subject knowledge, for exchanging experience with colleagues and the like. Recently the Ukrainian Internet space witnessed the emergence of the new page "Education by the specialty "Petroleum engineering and technology» which actually is the first "education page" kept by the "techies" group (accessible at https://www.facebook.com/groups/145315129579851/?fb_dtsg_ag=AdzaSkzFx-OV4-ran_zgiMJfsA675yvulSckOIjMoH7qYA%3AAAdyPt2SHLx4GdjlcymilgmaTiaXTc1M8g3bqu_MUuz6VrA).

The presentation of the post accentuates "The philosophy of this group aims at making petroleum engineering education popular in Ukraine", what exactly the page's correspondents successfully implement. Its administrators are well-known specialists in the field. Now the page can simultaneously be regarded as an example of media education technologies, media didactics of higher school, and subject media education.

The group "Education by the speciality "Petroleum Engineering and Technology"" illustrates the use of the latest media didactic technologies, such as multi-media didactics and Internet didactics, examples of which are also sites "Drillers Club Knowledge Box" (<https://www.facebook.com/groups/drillersclub/about/>), «Drillers Club Jobs» (<https://www.facebook.com/groups/559636290799507/>), «Drillingformulas.Com Fan Page» (https://www.facebook.com/drillingformulas/?hc_ref=ARS6I2OWCn0vE5wM7A5ddXRLHyEzvh-vDK11Qb3UMPXh9iS3Sv5PG_ekguIyumN3Ys0&fref=hf&hc_location=group) and "Petroleum Education" (https://www.facebook.com/groups/866495553505940/?multi_permaLinks=1011581418997352%2C1011564658999028¬if_id=1520964697188878¬if_t=group_activity&ref=notif) on Facebook.

On these web-pages, you can find various full texts education materials (manuals, lectures and workshops, reference books, dictionaries and specified encyclopedias) and scientific volumes (monographs and articles) as well as some trailers and educational films, animation clips, which visualize the design and principles of devices functioning and the various technology and natural processes and post job listings, as well as the results of scientific research. Here you see how temporal effects (slow motion and accelerated motion pictures, animated cartoons etc.) combine with professional programs used to simulate natural and technical objects such as SolidWorks, STATGRAPHICS Plus for Windows, software such as Smedvig Technologies, Roxar Software Solutions, Western Atlas, Landmark Graphics, Paradigm Geophysical, CogniSeis, CGG Petrosystems, PGS Tigress, Seismic Microtechnology, GeoMatic, Quick Look, Tigress, Western Atlas, DV-Geo. Facebook administers online group discussions and reports current and pre-planned events such as roundtables, conferences, announcements of launching important objects, etc. Moreover, chat (English chat) as a network tool for fast real-time text messaging among Internet users, in particular via Skype, enables conducting online lectures. These pages offer various online courses elaborated on several platforms such as Khan Academy platform (khanacademy.org), EdX Online Courses of Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology (edx.org), Coursera courses from the Universities of Stanford, Princeton, Michigan and Pennsylvania University (coursera.org) and Project Prometheus (Kyiv Taras Shevchenko National University, Kyiv Polytechnical University and Kyiv-Mohyla Academy, Lviv IT schools), etc.

However, there is a difference in the content of the described national media educational tools "Education by the speciality "Petroleum Engineering and Technology" and "Petroleum Education" and their international analogue "Drillers Club Knowledge Box". Domestic pages are integrative by nature and substantially cover the whole range of disciplines studied by students majoring in "Petroleum Engineering and Technologies", among them petroleum geology, well construction (drilling, cementing, exploitation, replacement, etc.), primary processing of well-extracted fluid (oil, condensate, natural gas) in industries, transportation of petroleum, petroleum products and natural gas and their

processing at petroleum refining and gas processing enterprises. At the same time, the whole set of the technologies and technical means employed is covered, including control, automation and dispatching, modelling of objects

As concerns the international page "Drillers Club Knowledge Box", it is rather limited, specialized and narrowly focused concentrating on drilling of the wells, especially on the technique and technologies used to drill them. In the future, such specialization is likely to be implemented in the domestic educational Internet space as well. That is how the colleagues-"technicians" have approached the development of the professionally-oriented media education and promote it the development of professionally-oriented media didactics.

The term "wiki-didactics" involves another branch of media education - Internet technologies (Onkovych 2017, Onkovych 2007) dealing with technology of using Wikipedia articles in the education process. Now there are 299 language sections in Wikipedia, with respective websites to be used in the educational process of a certain country. The usability of Wikipedia materials is unlimited.

In addition to the wiki-user concept, there are some other concepts:

- a wiki-media developer – a software creator;
- a wikipedists – an author and editor of wiki-articles;
- a wiki-teacher – a school teacher, a college instructor or a university lecturer who uses Wikipedia for teaching and training;

- a wiki-didacticist – a tutor who teaches how to write and edit Wikipedia articles and creates teaching aids, etc.

These processes have been monitored on the page "Wicididactics." In Facebook since September 2016 ([<https://www.facebook.com/groups/1796426670616724/>]).

The Wikipedia educational programs are implemented in different ways. Some of them are traditional. However, thanks to the wikipedists' enthusiasm and wiki-didactics many new forms have recently appeared in Ukraine. Let's overview the activities of the Wikimedia Ukraine Foundation, which holds wikis/wiki-trainings based on editing Wikipedia.

Such forms of training are carried out in different regions of Ukraine. Wikipedia International Education Program's focus is on inspiring students to create their entries on Wikipedia as an alternative form of their independent work. The program involves the dissemination of writing entries as a practical form of self-study for students universities and other schools. Some certain experience was gained from 2007 to 2014 by the lecturers of Donetsk National Technical University (DonNTU) who actively used Wikipedia in lectures on the earth sciences and processing of minerals. Wikipedia Project: *Thematic Replenishment/Index Mining* is the largest among Wikipedia's language sectors (including English and German).

In 2013, Kharkiv Polytechnic Institute, instead of summaries, introduced students' writing entries to the Ukrainian section of the online encyclopedia. Even earlier, a number of universities, in particular, DonNTU practised master's theses approbation in the form of 2-3 entries into Wikipedia. The practice of Chernihiv Pedagogical University demonstrates the interesting form of work in the students' scientific society. In O.M. Lazarevsky Education and Research Institute of History, Ethnology, and Law, they created the WikiStudio related to historical subjects [<https://www.facebook.com/groups/1565189783740050/?fref=ts>]. Through Wikipedia articles, the research performed by studio members immediately becomes a global asset. As you see, various forms of Wikididactics are adequate for various types of higher education institutions (Onkovych 2007).

Wikididactics is a part of pedagogy that deals with introducing Wikipedia into the educational process, developing and testing new didactic materials based on Wikipedia. the tasks of Wikididactics are, in particular, developing and practicing non-traditional kinds of classes (wiki-lessons, subject lessons (literature, geography, history, etc.), "A Person from Wikipedia", "People before Wikipedia", lesson-tours, wikiproject-based lessons, lessons based on the of photo competitions materials, etc.); wiki-training; development and implementation of different types of lectures for students: wiki-lectures, subject studies; establishing wiki-studios and wiki-schools in universities; writing entries, essays and review articles etc. The variety of Wiki lessons is spreading. They are lessons based on Wikipedia materials. Wiki lessons can be 1) content-oriented taking into account the materials of the discipline under study, and 2) Wikipedia-oriented aiming at introducing new articles into the Free encyclopedia (Onkovych 2018). In many regions of Ukraine, such work is carried out by teachers who are now working to make up the manual "Wikipedia in School." [<https://www.facebook.com/groups/495748843947287/?fref=ts>].

CONCLUSION. It is the indisputable fact that media pedagogy, media education, and media didactics have come into being in many countries of the world and their pedagogical achievements often become an innovative benchmark for us. As the analysis of national experience shows, Ukraine leads in some positions. The opportunities to develop media education technologies in higher education seem to be almost unlimited.

LIST OF REFERENCES

- Gorun, Yu. N.: To the Definition of Concepts 'Media Education', 'Media Competence', 'Media Literacy' (in Russian). In: Media Sphere and Media Education: Specifics of Interaction in Modern Sociocultural Space, pp. 103 – 113. Mogilev Institute of MVD, Mogilev (2015)
- Dychkivska, I.M.: Innovative Educational Technologies (in Ukrainian). Akademvydav, Kyiv (2004)
- Onkovych, G. et al.: Media Didactics in Higher School: Courses Curricula (in Ukrainian). Logos, Kyiv (2013)
- Robak, V.: On the Issue of the Development of Media Pedagogy in Germany (in Ukrainian). In: 2nd Ukrainian Pedagogical Congress, pp. 275 – 286. Kamula, Ltd., Lviv (2006)
- Onkovych, G.: New in Media Education: Wikididactics. In: Špiranec, S., Kurbanoglu, S., Boustany, J. (eds.) 5th European Conference on Information Literacy (ECIL) Abstracts, p. 250. InLitAs (2017), <http://ecil2017.ilconf.org/.../ECIL-2017-Book-of-abstracts>

- Onkovych, G.: Mass Media in Language Teaching (Ukrainian Studies Aspect) (in Ukrainian). *Dyvoslovo*, 5/6, 19–24 (1997)
- Onkovych, G.: Professionally-Oriented Media Education in Higher School (in Ukrainian). *Higher Education of Ukraine*, 2, 80–87 (2014)
- Onkovych, G., Onkovych, A.: Media and Information Literacy as the Umbrella Concepts of Learning Environment (in Russian). In: *Professionalism of Teacher: Essence, Content, Development Prospects*, pp. 328–332. MANPO, Moscow (2014)
- Onkovych, G.: Media Pedagogy and Media Education: Worldwide (in Ukrainian). *Dyvoslovo*, 6, 2–4 (2007)
- Onkovych, G.: Wikididactics and its Technologies in the System of Open Education (in Ukrainian). *Donetsk Herald of the Shevchenko Scientific Society*, 200–237 (2018).
- Fedorov, A., Chelysheva, I.: Media Education in Modern Russia: Basic Models. *Higher Education in Russia* (in Russian), 8, 34–39 (2004)
- Yanyshyn, O. K.: Enhancing Would-Be Translators' Information and Technological Aspects of Media Literacy by Using the Web Resource Citation Machine (in Ukrainian). *Zhytomyr Ivan Franko State University Journal*, 75, 97–103 (2014)
- Ganna Onkovich, Volodimir Biletskyi, Artem Onkovich, Mikola Tkachenko (2019). *Nove u vischly osvIti: Inzhenerna blogodidaktika // Vischa shkola*, 2019. # 1 (174). – S.26 – 33.
- Onkovich G.V., Biletskyi V.S., Onkovich A.D. *Blogodidaktika (2019) yak mediaosvitnya tehnologIya u movnly pIdgotovtI studentIv // «NovItnl pedagogIchnI tehnologIyi u vikladannI mov Inozemnim studentam» HarkIv: HNADU, 28 lyutogo- 1 bereznya 2019 roku. – Mlzhnarodniy naukovometodichniy seminar «NovItnl pedagogIchnI tehnologIyi u vikladannI mov Inozemnim studentam»: materIali seminaru, m. HarkIv, 28 lyutogo–1 bereznya 2019 roku. – HarkIv: HNADU, 2019. – 272 s. – S.149 – 155.*
- Onkovich G. V., Krivorotenko O. G. *PedagogIchna (2019) Blogodidaktika vchitelIv ukraYinskoYi movi ta lIteraturi // Problemi osvIti : zbIrnik naukovih prats. DNU «Institut modernIzatsIyi zmlstu osvIti». VInnitsya: TOV «TVORI», 2019. – Vip. 92. – 252 s. – S. 82 – 88.*

For citation:

Biletsky, V., Onkovych, H. & Yanyshyn, O. (2019) MEDIA EDUCATION TECHNOLOGIES IN DEVELOPING STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCE // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 110-114. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-110-114>*

Для цитирования:

Билецкий, В., Онкович, А., Янышин, О. (2019) МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 110-114. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-110-114>*

Information about the authors:

Volodymyr Biletsky - Doctor of technical sciences, professor, National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", Kharkiv, Ukraine.

e-mail: ukcdb@i.ua

Anna Onkovych - Doctor of pedagogical sciences, professor, Kyiv Medical University, Kyiv, Ukraine

e-mail: onkan@ukr.net

Olha Yanyshyn - Candidate of pedagogical sciences, dependant, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

e-mail: yanyshyn_olha@nung.edu.ua

Сведения об авторах:

Владимир Билецкий - доктор технических наук, профессор, Национальный технический университет "Харьковский политехнический институт", Харьков, Украина.

e-mail: ukcdb@i.ua

Анна Онкович - доктор педагогических наук, профессор, Киевский медицинский университет,

Киев, Украина

e-mail: onkan@ukr.net

Ольга Янышин - кандидат педагогических наук, доцент, Ивано-Франковский национальный технический университет нефти и газа, Ивано-Франковск, Украина

e-mail: yanyshyn_olha@nung.edu.ua

Manuscript received: 05/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-115-119>

TOPICAL ISSUES OF TEACHING TO READ IN RUSSIAN IN GEORGIAN UNIVERSITIES

Marine Aleksidze
Doctor of Philological Sciences
Associate Professor of the Institute of Slavistics
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Laura Guruli
Lecturer of the Language Center
Tbilisi Ivane Javakhishvili State University
 (Tbilisi, Georgia)
 e-mail: malexidze@yahoo.com
lguruli@mail.ru

Abstract. The methodology of foreign language teaching in higher education keeps paying particular attention to reading in foreign languages. The development of reading in a foreign language, as one of the four main types of speech activity, which is part of speech competency, helps achieve one of the key aims of foreign language teaching - formation of foreign language communicative competency in all diversity of its components. Reading is one of the primary types of activity among students in higher education, as reading helps develop reading skills, shape mixed language and speech skills, transform learner's knowledge in frames of all learned disciplines. For a future professional, reading in a foreign language is not only a means to satisfy his or her cultural requirements, but in the first place, is a means to master their future profession, a means to satisfy their professional interests. Due to this, it is important to organize the process of teaching of foreign languages so that it responds to contemporary requirements of teaching and to social demands. The presentation discusses the questions of teaching reading to undergraduate students on the basis of the handbook created by the authors 'We Read and Write in Russian' (Tbilisi, 2016) and it also suggests several directions towards the optimization of this process.

Keywords: reading, speech activity, text in a foreign language, information

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГРУЗИИ

Марина Алексидзе
Доктор филологических наук
Ассоциированный профессор Института славистики факультета гуманитарных наук
Тбилисский государственный университет
им. Иванэ Джавахишвили
 (Тбилиси, Грузия)
 e-mail: malexidze@yahoo.com
Лаура Гурули
Преподаватель языкового центра
Тбилисский государственный университет
им. Иванэ Джавахишвили
 (Тбилиси, Грузия)
lguruli@mail.ru

Аннотация. Методика обучения иностранным языкам в вузе по-прежнему уделяет большое внимание обучению чтению на иностранном языке. Развитие умений чтения на иностранном языке, как одного из четырех основных видов речевой деятельности, входящих в состав речевой компетенции способствует достижению одной из ключевых целей обучения иностранным языкам – сформированности иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов. Чтение является одним из ведущих видов деятельности студентов на этапе обучения в вузе, т.к. обучение чтению позволяет формировать навыки и умения чтения, формировать смежные языковые и речевые умения, трансформировать знания обучающегося в рамках всех изучаемых дисциплин. Для будущего профессионала чтение на иностранном языке выступает не только как средство удовлетворения его культурных потребностей, но в первую очередь как средство овладения будущей профессией, средство удовлетворения его профессиональных интересов. В связи с этим важно организовать процесс обучения иноязычному чтению таким образом, чтобы он отвечал современным целям обучения и социальному заказу общества. В статье рассматриваются вопросы обучения чтению студентов-бакалавров на материале созданного авторами учебного пособия «Читаем и говорим по-русски» (Тбилиси, 2016) и намечаются возможные пути оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: чтение, речевая деятельность, чтение на иностранном языке, информация

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время чтение является одним из важнейших иноязычных умений, которыми должен овладеть бакалавр в процессе обучения иностранным языкам. Для будущего профессионала чтение на иностранном языке выступает не только как средство удовлетворения его культурных потребностей, но в

первую очередь как средство овладения будущей профессией, средство удовлетворения его профессиональных интересов. В связи с этим важно организовать процесс обучения иноязычному чтению таким образом, чтобы он отвечал современным целям обучения и социальному заказу общества. Развитие умений чтения на иностранном языке, как одного из четырех основных видов речевой деятельности, входящих в состав речевой компетенции, способствует достижению одной из ключевых целей обучения иностранным языкам - сформированности иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Обучению чтению на иностранном языке уделяет большое внимание российская методика обучения иностранным языкам. Проблема обучения чтению всегда находилась под пристальным вниманием ученых-методистов, начиная с XIX века. Она получила осмысление в трудах Ф.И. Буслаева, В.И. Водовозова, В.В. Данилова, В.П. Острогорского, Л.В. Поливанова, М.А. Рыбниковой, Н.М. Соколова. Во второй половине XX века организация чтения была выделена как отдельная научная проблема в монографиях Е.В. Кратковского, Н.Д. Молдавской, Н.Н. Светловской, продолжалось рассмотрение чтения в контексте проблем педагогики, методики в работах О.Ю. Богдановой, М.Г. Качурина, Н.И. Кудряшевой и др. Анализ большого количества работ в этой области показывает, что для российской методической науки характерна последовательная, систематическая и глубокая разработка актуальных вопросов обучения такому виду речевой деятельности как чтение (Obuchenie chteniю ..., 2016).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе был использован описательно-аналитический метод как для анализа специальной литературы по теме исследования, так и для описания принципов работы по составленному авторами учебнику «Читаем и говорим по-русски» (Тбилиси 2016).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Чтение представляет собой вид коммуникативной деятельности, под которой понимается такая специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми в процессе общения, которая опосредуется языком.

Требование учета принципа коммуникативности при обучении русскому языку как иностранному обуславливает практическую направленность обучения, функциональный подход к отбору и презентации языкового материала, ситуативно-тематическое его представление, а также выделение определенных этапов обучения (Kostomarov and Mitrofanova 1988).

Надо отметить, что в некоторых современных лингвометодических работах, посвященных проблемам преподавания РКИ, обнаруживается дифференцированный подход к описанию языковой системы то на основе активной грамматики, то на основе пассивной - в зависимости от целей обучения: « активная грамматика обеспечивает учащимся общение в рамках учебно-бытовых ситуаций и включает поэтому в качестве основных аспектов речевой деятельности слушание, говорение и письмо, а в качестве дополнительного аспекта – чтение; пассивная грамматика ... включает в качестве основного аспекта речевой деятельности чтение...» (Rozhkova 1978).

В процессе общения человек имеет дело с речью. Речь является способом формирования и формулирования мысли, заложенной в текст. Читающий стоит перед задачей овладеть этим способом, т.е. речью.

Каковы особенности чтения как коммуникативной деятельности, если она проходит на иностранном языке? Из психологии обучения иностранным языкам известно, что структура и психологическое содержание деятельности не зависят от того, на каком языке она осуществляется – на родном или иностранном. Коммуникативная деятельность как на родном, так и на иностранном языке относится к одному и тому же классу речемыслительных процессов. Обучение чтению на иностранном языке – это прежде всего обучение иноязычной речи в процессе речевой деятельности. Такой подход при обучении чтению на иностранном языке представляет принципиально важный момент методической концепции обучения чтению (Pholomkina 1974; Mirolubov 2010) При таком подходе целесообразной становится только такая учебная деятельность, которая основывается на знании ее закономерностей и составляющих ее действий. Основной становится обучение иноязычной речи в процессе чтения.

Методика обучению взрослых учащихся – студентов, у которых уже сформирована коммуникативная деятельность на родном языке, имеет ту особенность, что они могут принимать информацию при чтении на родном языке, у них уже есть запас сформированных речевых умений и навыков. Это обстоятельство оказывается важным позитивным фактором при моделировании системы обучения чтению. У многих студентов навыки приема информации уже существуют на первом иностранном языке. Таким образом, психологической основой для становления деятельности на иностранном языке являются сформированные ранее речевые навыки и умения, и это является важным принципом методической системы, предназначенной для обучения взрослых (Garochka 1978).

На становление иноязычного речевого процесса оказывают влияние и индивидуальные особенности учащихся – особенности внимания, памяти, наблюдательность, способности догадки, прогнозирования, логическое мышление (Akishina and Kagan 2002). Немаловажную роль играют также некоторые умения и навыки интеллектуального порядка. В процессе овладения интеллектуальными функциями решающую роль играет обучение вообще, в том числе и обучение иностранному языку. Важная роль в развитии и продвижении этих функций принадлежит чтению – на родном и иностранных языках. Следовательно, вторым принципом обучения чтению является принцип направленности на развитие мыслительных операций (Garochka 1978).

Цель обучения чтению – раскрытие смысловых связей (понимание) речевого произведения, представленного в письменном виде. Для того чтобы научиться читать, необходимо выработать определенные навыки и умения. Их условно делят на две группы:

- 1) навыки и умения, обеспечивающие техническую сторону (восприятие графических знаков, соотношение их с определенным значением);
- 2) навыки и умения, позволяющие воспринять смысл текста (установление смысловых связей в тексте, восприятие его содержания).

Можно различить два уровня понимания текста: уровень значения (получение информации) и уровень смысла (понимание замысла автора, оценка и отношение к нему читающего) (Akishina and Kagan 2002).

Понимание и переработка смысловой информации при чтении – сложнейший внутренний процесс, который зависит от определенных мыслительных функций, от уровня языковых знаний, от уровня развитости навыков и умений читать на иностранном языке, от характера текста и его трудностей (Gapochka 1978). Мыслительная деятельность взрослых учащихся является ведущим звеном при овладении навыками и умениями иноязычного чтения. Уровень ее составляет тот фон, который убыстряет или замедляет процесс формирования нужных навыков чтения на иностранном языке (Protasova 1983; Likhacheva 2015)

Обучение чтению на иностранном языке строится обычно от элементов к целому, т.е. считается, что, если учащийся усвоит отдельные буквы, научится сочетать их друг с другом, начнет узнавать их в тексте, он научится читать. По мнению современных методистов, это не так. Нельзя считать, что учащиеся смогут читать, не освоив такие мыслительные операции, как умение соотносить внешний образ слова с его внутренним содержанием, прогнозировать, предвидеть следующие слова, фразы, отбирать нужную информацию (Akishina and Kagan 2002).

Механизмы чтения формируются дифференцированно, под воздействием определенных методов обучения. Для каждой стадии их формирования необходимо определить рациональные методические действия, их последовательность и системность, а также учебный текстовый материал. Текст определяет характер и целесообразность тех или иных речевых и мыслительных действий для извлечения из него информации и ее смысловой переработки.

Текст имеет и определенное психологическое воздействие на учащегося. Текст для чтения должен рассматриваться как объект, на который направлена коммуникативная деятельность учащихся. Если чтение – это цель обучения, то тексты являются средством для реализации этой цели. При отборе и классификации текстов для целей обучения чтению основным принципом должен стать принцип методической предназначенности текста. (Gapochka 1978)

При построении методической программы необходимо на каждом этапе учебного чтения определить, какие виды чтения являются целью обучения. Выбор видов чтения и соотнесение их с типами текстов обусловлены учебно-профессиональными целями учащихся, изучающих иностранный язык. Основным видом чтения, которым пользуются студенты, обучающиеся иностранным языкам на всех этапах обучения, особенно на начальном этапе – это изучающее чтение.

Таким образом, при построении системы обучения иноязычному чтению необходимо принимать во внимание принципы разного порядка – лингвистического, коммуникативного, психологического, которые должны представлять систему, позволяющую найти оптимальные пути и способы формирования рассматриваемого вида речевой деятельности.

Все вышесказанное надо по возможности учитывать при составлении учебного пособия по чтению и говорению, недостаток которых явно ощущается при обучении русскому языку в высших учебных заведениях, в частности в Тбилиском государственном университете им. И. Джавахишвили.

Надо отметить, что в связи с рядом факторов, а именно, с расширением влияния российского капитала, с развитием туризма и т. п., в наши дни в Грузии возрастают потребности в практическом владении русским языком и, как следствие, выдвигается практическая цель обучения русскому языку.

В последние годы политика государства направлена на расширение межнациональных связей и вовлечение людей разной национальности, живущих в сельских регионах Грузии, в культурную и общественную жизнь страны. В связи с этим, в вузах Грузии, в частности в Тбилиском государственном университете имени И. Джавахишвили, получили широкое распространение группы, где наряду с грузинами обучаются студенты армянской и азербайджанской национальности из отдаленных районов Грузии, поступающие в вуз по специальной государственной программе. Они изучают грузинский язык на подготовительном факультете университета, а затем продолжают учебу в вузе на грузинском языке, не всегда в совершенстве владея им. При это общая подготовка таких студентов также оставляет желать лучшего. В связи с этим надо учитывать трудности, которые возникают в аудитории, когда для части студентов, сидящих в одной аудитории, иностранный язык (в данном случае русский) является вторым после первого, каковым является грузинский язык для лиц негрузинской национальности, а для части (имеются в виду студенты-грузины) русский язык является первым иностранным языком (за исключением западноевропейских факультетов). В среднем на изучение русского языка выделено 4 часа в неделю, что ставит перед преподавателем нелегкую задачу распределения этих часов на обучение чтению, аудированию, говорению и письму.

Учитывая рассмотренные выше принципы обучения чтению, авторы разработали учебное пособие «Читаем и говорим по-русски» для студентов, изучающих русский язык на базе грузинского языка, который для определенной части учащихся, как было отмечено выше, является вторым иностранным языком. Кроме того, не всегда удается выделить группы с одинаковым уровнем владения русским языком, вследствие чего в учебное пособие были включены и тексты, рассчитанные на более подготовленных в языковом отношении учащихся. Часть этих текстов предназначена для самостоятельного внеклассного прочтения, т. е. для домашнего чтения, которое помогает студентам, в достаточной степени владеющим русским языком, совершенствоваться

навыки догадки и прогнозирования текста и способствует дальнейшему развитию словарного запаса и их интеллектуальных способностей. Для них же, в основном, предназначена рубрика «Знаете ли Вы? ...», которая дается после текста и тематически связана с содержанием каждого из них. Поскольку эта рубрика требует уже сформированных навыков чтения, то ее содержание в группе пересказывают после прочтения студенты, владеющие русским языком лучше, чем другие. Информация живо обсуждается среди студентов, развивая у них навыки слушания и говорения.

В данное учебное издание включены сюжетные тексты – оригинальные тексты, адаптированные, как правило, путем сокращения и компиляции в интересах реализации задач обучения. В основном они предлагаются впервые и не представлены (за редким исключением) в других изданиях по русскому языку как иностранному. Тексты располагаются по степени нарастающей сложности, что позволяет преподавателю выбрать необходимый материал, ориентируясь на уровень подготовки студенческой группы.

В первом семестре ведется работа по формированию умений и навыков только в изучающем чтении, которое сопровождается выписками новых слов и словосочетаний. На этом этапе необходима строгая минимизация лексики. Студентам предлагаются небольшие сказки: «Белка и Волк», «Бедняк и богач», «Сорока и ее дети» и т. д. Все они несут в себе устоявшиеся в обществе моральные принципы, которые в наше время для некоторой части молодежи становятся неприемлемыми в связи с ухудшением жизненных условий. Такого рода небольшие тексты живо обсуждаются в аудитории, в конце каждого текста студентам предлагается написать небольшое эссе по обсуждаемой теме. Такой живой интерес к тексту дает возможность преподавателю вовлечь всех студентов в обсуждение темы и помогает им выполнить упражнения на запоминание, выработку языковой и смысловой догадки. Основная цель преподавателя – развить в студентах навыки прогнозирования, догадки, способствовать накоплению лексико-грамматического материала.

Все тексты снабжены ударениями и переводом на грузинский язык большого количества новых для учащихся слов, данных на полях, что способствует снятию трудностей при чтении из-за непонимания содержания текста.

Необходимой составной частью курса по чтению является система лексических и лексико-грамматических упражнений. В пособии представлены такие типы упражнений, как например: найдите правильное завершение предложения; соедините две части высказывания; выберите правильные ответы на вопросы; подтвердите или опровергните данную в предложениях информацию; замените прямую речь косвенной; вставьте глаголы в правильной форме и под.

Основная цель предлагаемых в нашем учебнике послетекстовых упражнений – закрепить новые знания в отношении лексики и помочь студентам удержать в памяти новые слова, после того как они уже поработали с текстом. Уже сам факт, что студенты вновь встретятся с этими словами, может стать решающим для их запоминания.

С помощью послетекстовых заданий проверяется понимание прочитанного, варьируется смысловая обработка информации текста, расширяется словарный запас обучаемых, активизируется их устная речь и обогащаются фоновые знания. Кроме того, послетекстовые задания нацелены на выработку умений ориентироваться в языковой системе. Как правило, после выполнения этих заданий студенты за одно задание осваивают предлагаемый им текст, что повышает мотивацию учащихся.

Все упражнения направлены на развитие не только навыков чтения, но и аудирования, говорения, и письма, что при ограниченном количестве выделяемых на изучение иностранных языков часов является немаловажным условием для работы в студенческой аудитории.

В конце каждого раздела осуществляется обобщение, повторение и своего рода контроль степени усвоения учащимися пройденного материала. Такой подход важен и для преподавателя: он помогает вносить необходимую коррекцию в дальнейший курс РКИ по результатам таких обобщений и проверок.

Как известно, сторонники коммуникативного метода советуют избегать прямого перевода на родной язык учащихся. В нашем учебном пособии мы даем задания на перевод отдельных предложений или целых отрывков из текста с грузинского языка на русский и с русского на грузинский в качестве эффективного контроля сформированности лексико-грамматических навыков. Родной язык учащихся используется нами также в качестве средства схематизации иностранных слов. Использование родного языка в целом должно носить осознанный и целенаправленный характер и быть ограничено определенным количеством ситуаций, где он не только не мешает, но и способствует оптимизации учебного процесса. Классическим в этом плане, как, впрочем, и по многим другим проблемам, считаются работы Л. В. Щербы, который считал, что можно изгнать родной язык учащихся из учебников, но его нельзя изгнать из голов учащихся. Он писал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. И мы должны из врага превратить его в друга». (Scherba 1974)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, практика показала, что использование принципа коммуникативности, положенного в основу нашего учебника, дает положительные результаты. С первых уроков учащиеся начинают говорить, наращивая навыки чтения и речевые навыки. Система уроков учебника и их содержание способствуют постоянному пополнению словаря студентов, усвоению необходимого объема русской грамматики, обеспечивают формирование устойчивых навыков общения в обиходно-бытовой, социально-культурной, общественно-политической сферах.

LIST OF REFERENCES

- Akishina, A. A., Kagan, O.E. (2002). Uchimsya uchit [Learning to learn]. Moskva: Russkij yazyk.
- Gapochka, I. K. (1978). O sistemnosti metodiki obucheniya chteniyu [About systematic methods of teaching reading]. In the: Prepodavanye russkogo yazyka studentam i spetsialistam nefilologicheskogo profilya. Moskva: Russkij yazyk.
- Kostomarov, V. G., Mitrophanova, O.D. (1988). Metodicheskoye rukovodstvo dlya prepodavatelej russkogo jazyka inostrantsam [Methodological guide for Russian language teachers to foreigners]. Moskva: Russkij yazyk.
- Likhacheva, O.N. (2015). Osobennosti obucheniya chteniyu studentov nejazykovykh vuzov [Features of teaching reading to students of non-linguistic universities]. Nauchnye Trudy Kubanskogo universiteta, (12), 50 – 62.
- Mirolubov, A.A. (2010). Metodika obucheniya inostrannym jazykam. [Methods of teaching foreign languages]. Moskva: Prosveshchenie
- Obucheniye chteniyu... (2016). Obucheniye chteniyu inostrannym jazykom v sovremennom universitete: teoriya i praktika: monografiya [Teaching reading in a foreign language at a modern University: theory and practice: monograph. / Edited by Bagramova N. V., Smirnova N. V., Shemeleva I. Yu.] Saint-Petersburg: Zlatoust.
- Protasova, T. N. (1983). Uchet individualnykh osobennostej studentov inostrantsev pri obuchenii chteniyu na russkom jazyke (nachalnyi etap) [Consideration of the individual characteristics of foreign students in teaching reading in Russian (the first stage)]. Moskva: Russkij yazyk.
- Rozhkova, G. I. (1978). Voprosy prakticheskoy grammatiki v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo [Questions of practical grammar in teaching Russian as a foreign language]. Moskva: Russkij yazyk.
- Pholomkina, S. K. (1974). Printsipy obucheniya chteniyu na inostrannom jazyke [Principles of learning to read in a foreign language]. In the: Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov v vuzе. Moskva: Russkij yazyk.
- Scherba, L.V. (1974). Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost [Language system and speech activity. Leningrad: Nauka.

For citation:

Aleksidze, M., & Guruli, L. (2019) TOPICAL ISSUES OF TEACHING TO READ IN RUSSIAN IN GEORGIAN UNIVERSITIES // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 115-119. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-115-119>

Для цитирования:

Алексидзе, М., Гурули, Л. (2019) АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ГРУЗИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 115-119. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-115-119>

Information about the author: Marine Aleksidze - associate Professor of the Institute of Slavistics,

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia, Tbilisi

[e-mail: malesidze@yahoo.com](mailto:malesidze@yahoo.com)

Сведения об авторе: Алексидзе Марина Джондоевна – ассоциированный профессор Института славистики факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

[e-mail: malesidze@yahoo.com](mailto:malesidze@yahoo.com)

Information about the author: Laura Guruli - lecturer of the language center, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia, Tbilisi

[e-mail: lguruli@mail.ru](mailto:lguruli@mail.ru)

Сведения об авторе: Гурули Лаура Михайловна – преподаватель языкового центра Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

[e-mail: lguruli@mail.ru](mailto:lguruli@mail.ru)

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-119-122>

LANGUAGES AND INTERMEDIATE LANGUAGE – POLYFONY AS A METHOD OF TEACHING LEXIS AND ITS RESEARCH

Archan Sarkar

**Doctor in Russian, Rtd. Professor
Dept. of Languages, Calcutta university**

(Calcutta, India)

e-mail : archansirkar@yahoo.co.in

Abstract. The present article aims to illustrate a methodological solution of teaching the lexical aspect of Russian as a foreign language. It takes into consideration the experience of teaching Russian in Bengali auditoriums where English happens to be an intermediate language and explores the theoretical grounds of lexical semantics, considered as an important area for a comparative study of lexical systems of languages. The given work reveals that the uniqueness of the lexical system of a language lies in the semantic structure of individual words. Foreigners' problems of mastering a lexis and its system, arising out of the abovementioned phenomenon are identified in this study and methodological recommendations are suggested considering informations of similar as well as dissimilar nature chiefly pertaining to semantic structure of words and their equivalents from the native language of the learners, the target language and the language-mediator.

Key words: learner's semantization, desemantization, lexical semantics, LSV

ЯЗЫКИ И ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК – ПОЛИФОНΙΑ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ

Арчан Шаркар
 Доктор по русскому языку, Отставной Профессор
 Кафедра языков, Калькуттский университет
 (Калькутта, Индия)
 e-mail : archansirkar@yahoo.co.in

Аннотация. Цель настоящей статьи – проиллюстрировать методическое решение обучения лексическому аспекту русского языка как иностранного. Она принимает во внимание опыт преподавания русского языка в бенгальских аудиториях, где языком – посредником является английский, и изучает теоретические основания лексической семантики, рассматриваемой как важная область для сравнительного изучения лексических систем языков. Данная работа обнаруживает, что своеобразие лексической системы того или иного языка заключается в семантической структуре отдельных слов. В этой работе выявлены проблемы освоения иностранцами лексики и её системы, а также предложены методические рекомендации с учётом информации как аналогичного так и несходного характера, в основном относящейся к семантической структуре слов и их эквивалентов из родного языка учащихся, изучаемого языка и языка – посредника.

Ключевые слова: учебная семантизация, десемантизация, лексическая семантика, ЛСВ

ВВЕДЕНИЕ. Лексика – обширная часть языка. Однако, несмотря на необозримность лексики, все её единицы функционируют в единой системе. Изучение лексической системы того или иного языка, в том числе русского, обучение иностранцам лексическому составу языка представляются затруднительными из-за того, что в отличие от систем грамматической и фонетической, лексическая система языка обладает сама по себе замечательной уникальностью. Своеобразие при этом наблюдается при раскрытии семантической структуры отдельного слова, что отличает его от его переводного эквивалента в другом языке. Изучение семантики лексических единиц в сопоставительном плане в изучаемом, родном и языке-посреднике, учитывая отличительные характеристики языкового сознания, реалии, сохраняя при этом самостоятельность каждого языка, может обеспечить иностранным учащимся лучшее представление о лексической семантике изучаемого языка.

Настоящая работа рассматривает теоретическую основу сопоставительного анализа некоторых особых моментов системности лексики языков. На основе опыта преподавания лексики русского языка как иностранного в бенгальских аудиториях, в которых языком-посредником выступает английский, описываются методические находки, которыми можно пользоваться в других аналогичных обстоятельствах.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ОПЫТ НА УРОКАХ. Методика обучения иностранцев лексике, прежде всего, сосредотачивает внимание на учебной семантизации лексических единиц, т.е. на выявлении их содержательной стороны при помощи перевода или с помощью уже известных обучающимся слов изучаемого языка. Следует подчеркнуть, что преподаватель должен при этом учитывать процесс десемантизации лексического значения слова, которая понимается как способ развития полисемии. Указанные процессы семантизации и десемантизации можно более детально рассмотреть в рамках лексической семантики, которая свидетельствует о том, что определённое слово и его переводной эквивалент по-разному раскрываются в разных языках. Это приводит к тому, что соотносительные единицы и их семантические структуры в разных языках или частично совпадают, или вообще не совпадают; из-за этого нередко возникает эффект отрицательной интерференции. Например, под влиянием английского 'to go' и бенгальского 'যাওয়া' 'realizуются некооретные формулировки типа *я иду на автобусе; под влиянием английского 'to have' и бенгальского 'খাওয়া' 'имеют место ошибки типа *я ем сигареты, *я хочу есть кофе и т.д. Вследствие соответствия английского 'to fall in love' и бенгальского 'প্রেমে পড়া' студенты используют выражение *падать в любовь и т.д.

Опыт показывает, что такие случаи нежелательной интерференции, вызванные межязыковыми семантическими соответствиями и несоответствиями, можно преодолеть посредством однословного устного перевода. Следует добавить, что часто семантизация лексических единиц связана с грамматической обусловленностью, например, *идти к учителю, идти за учителем, *выйти в учителя* и т.д. При этом в качестве добавочного средства толкование оттенков значений на бенгальском языке и их реализация в контексте даёт весьма плодотворный результат.

АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ. В методике обучения лексике кроме семантизации и десемантизации необходимо обратить внимание на противопоставление языка и речи. С точки зрения такого противопоставления, язык охватывает все единицы во всех своих значениях, тогда как речь ссылается именно на данные единицы в данных значениях (Leonteva A.A., 1988). Сказанное можно объяснить на примере имени прилагательного 'Высокий'.

উচ্চ	Высокий (1) дом	High building
উচ্চ	Высокий (2) урожай	High yield
উচ্চ	Высокий (3) мысль	High thought
বিশিষ্ট	Высокий (4) гость	Distinguished guest
উচ্চ	Высокое (5) мнение	High opinion

Как видно, переводные эквиваленты данного прилагательного при каждом его значении кроме одного есть в бенгальском – উচ্চ и в английском – high. Чтобы сообщить учащимся о неполном соответствии

значений русского слова и его обычных переводных эквивалентов в бенгальском и в английском, следует дать им точное представление о лексико-семантическом варианте (т.е. высокий 4). Из опыта вытекает, такое представление о многозначном слове и его лексико-семантических вариантах (далее – ЛСВ) через родной язык и язык-посредник важно и для рецептивной, и для продуктивной речевой деятельности учащихся.

Вышеуказанный комплекс «многозначное слово + ЛСВ» раскрывает в лексической семантике своеобразный триализм, который имеет большое методическое значение. С одной стороны, ЛСВ предстает в ономаσεологическом плане, подчёркивая номинативную функцию слова, а с другой – ставит варианты на семасεологическом уровне и охарактеризует семантическую структуру слова. При каждом новом значении слово приобретает иной синоним и иной антоним. Таким образом, каждое полисемантическое слово входит одновременно в три ряда: в ряды полисемии, синонимии и антонимии (Novikov A.L., 1987).

Приведем примеры:

Живая(1) рыба	Живущая Мёртвая	Living Dead	জীবন্ত মৃত
Живой(2) пример	Настоящий Ненастоящий	Perfect Wrong	যথাযথ ভুল
Живое(3) воспоминание	Яркое Смутное	Bright Dull	উজ্জ্বল অস্পষ্ট
Живой(4) ум	Острый Тупой	Sharp Blunt	ক্ষুরধার ভোঁতা
Живой(5) язык	Актуальный Мёртвый	Living Dead	চালু মৃত
Живое(6) изложение	Выразительное Бледное	Live Dull	প্রাঞ্জল নীরস

Семантический триализм, который обнаруживает внутриязыковые и также межязыковые различия, создаёт особые трудности у иностранных учащихся. Практика показывает, что трудности семантизации слов снимаются при использовании системных связей между словом с определённым ЛСВ и уже известными учащимся словами из родного языка и языка-посредника. Например, при выяснении значения 'длиться' глагола 'идти' (идёт дождь) можно прибегнуть к синониму 'продолжаться', а значение 'приближаться' (идёт весна) семантизируется посредством синонима 'приходит' и антонима 'уходит'. К указанному приему можно прибавить письменный перевод с русского языка на синтаксической основе. Он даёт преподавателю возможность проверить уровень понимания учащихся и в дальнейшем помогает им построить собственные речевые высказывания.

Приведем образец текста для перевода.

Рассказ начинается не с войны, а с одного ленинградца, который живо описывает своё воспоминание о войне. На самом деле, я сам очень люблю рассказать о своём живом воспоминании о встрече с этим военным врачом. Встреча эта состоялась, когда я ещё учился в школе. На встрече присутствовали мэр города, ректор нашего университета, руководитель профсоюзов, т.е. все высокие гости из разных областей городской жизни. Но в центре внимания был тот ленинградец. Из истории войны у нас уже сложилось высокое мнение о патриотизме жителей города Ленинграда. Но в тот день мы поняли, как каждый дом этого города – высокий или низкий, каждый ленинградец – живой или мёртвый стал живым примером героизма.

СЛОВО О СЛОВЕ. Лексика – самая подвижная часть языка. Большая восприимчивость к изменениям, происходящим в общественной жизни народа, делает саму лексику постоянно меняющимся уровнем языка. С особой яркостью эта изменчивость словарного состава языка отражается в лексической семантике, в частности, в смысловой структуре слов. На смысл слова оказывают влияние многие факторы – сфера его употребления, стилистическая принадлежность, позиция в активном или в пассивном словарном запасе и т.д. Примером может служить изменение семантического объема самого понятия 'Слово', начиная с "Слово о полку Игореве" и "Слово о законе и благодати" до А. Твардовского "Слово о словах".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Методика обучения лексике русского языка как иностранного должна быть построена с учетом существующей для конкретной аудитории картины лексической семантики русского языка, родного языка учащихся и языка-посредника. Исследование лексико-семантических групп, образованных на основании содержательного сходства единиц, входящих в них, а также семантической структуры отдельных слов в сопоставительном плане может выявить актуальные теоретические вопросы лексической семантики, значимые для методики РКИ.

Следует подчеркнуть, что одновременно преподавателю необходимо уделить внимание специфике лексических единиц русского языка и соответствующих эквивалентов в других языках, чтобы в процессе обучения информация из одного языка не мешала пониманию данных других языков. Кроме того, урок по русскому языку не должен становиться уроком по сопоставительной лексикологии. Предложенная полифоническая методика приводит учащихся к глубокому усвоению лексического материала русского языка и к быстрому приобретению умения выражать определённый смысл высказывания.

LIST OF REFERENCES

Leonteva, A.A. (1988). *Metodika* [Methodology]. Moskva: Russkyy yajik.

Novikov, L.A. (1987). *Sovremennyy russkiy jazyk. Teoreticheskij kurs. Leksikologija*. [Modern Russian Language. Theoretical course. Lexicology]. Moskva : Russkyy yajik.

For citation:

Sarkar Archan (2019) LANGUAGES AND INTERMEDIATE LANGUAGE – POLYFONY AS A METHOD OF TEACHING LEXIS AND ITS RESEARCH // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 119- 122. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-119-122>

Для цитирования:

Шаркар Арчан (2019) ЯЗЫКИ И ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК – ПОЛИФОНΙΑ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 119- 122. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-119-122>

About the author : **Archan Sarkar** - Dr. Ph.D. Retired Professor of Russian of the department of Languages, Calcutta university, India. A research supervisor of scholars. Research interests are theoretical Lexicology, Textual and theoretical phraseology, Methodology of teaching Russian as a foreign language.

e-mail: archansirkar@yahoo.co.in

Сведения об авторе: **Арчан Шаркар** - Отставной Профессор русского языка кафедры иностранных языков калькутского университета, Индия. Научный руководитель аспирантов. Сфера научных интересов – теоретическая лексикология, фразеология теоретическая и в тексте, методика преподавания русского языка как иностранного.

e-mail: archansirkar@yahoo.co.in

Manuscript received: 05/23/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-122-125>

THE COURSE "RUSSIAN PHRASEOLOGY" IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Marina Yevgenyevna Bokhonnaya
PhD in Philology, Associate Professor
National research Tomsk Polytechnic University
(Tomsk, Russia)

e-mail: bokhonnayame@tpu.ru

Yevgeniya Alexeevna Sherina
PhD in Philology, Associate Professor
National research Tomsk Polytechnic University
(Tomsk, Russia)

e-mail: sherinaea@tpu.ru

Abstract. The article discusses the place of the special course "Russian phraseology" among other linguistic disciplines in the practice of teaching Russian to a foreign audience. It is noted that the study of Russian phraseology is necessary not only for students of humanitarian specialties, but also for students of technical profile. In addition, it is significant both at an advanced stage of study, and for students with level A1-A2. There are options for the presentation of phraseological material for different target audiences. Particular attention is paid to the types of tasks aimed at the formation of communicative competence.

Keywords: foreign students, special course, Russian phraseology, intercultural communication, linguistic and cultural studies

СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Марина Евгеньевна Бохонная
к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
(Томск, Россия)

e-mail: bokhonnayame@tpu.ru

Евгения Алексеевна Шерина
к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
(Томск, Россия)

e-mail: sherinaea@tpu.ru

Аннотация. В статье рассматривается место спецкурса «Русская фразеология» среди других лингвистических дисциплин в практике преподавания русского языка иностранной аудитории. Отмечается, что изучение русской фразеологии необходимо не только студентам гуманитарных специальностей, но и обучающимся по техническому профилю. Кроме того, оно значимо как на продвинутом этапе обучения, так и для студентов с уровнем A1-A2. Предлагаются варианты подачи фразеологического материала для различной целевой аудитории. Особое внимание уделяется видам заданий, направленных на формирование коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: иностранные студенты, спецкурс, русская фразеология, межкультурная коммуникация, лингвострановедение

ВВЕДЕНИЕ. Изменения в общественной, политической и экономической жизни, происходящие в последние десятилетия в мире, прогрессирующее развитие международных контактов оказывают значительное влияние на систему образования. Развитие межкультурной коммуникации, возрастающий интерес к изучению иностранных языков и культуры обуславливает активное включение в учебный процесс с иностранными студентами материала страноведческого характера. Его использование постепенно трансформируется из факультативного, преимущественно иллюстративного в основное и приоритетное. Это главным образом определяет появление профильно-ориентированных лингвострановедческих курсов для иностранцев, среди которых особое место занимает спецкурс «Русская фразеология».

Цель настоящей работы – продемонстрировать значимость спецкурса «Русская фразеология» для иностранных учащихся и варианты подачи фразеологического материала для различной целевой аудитории.

Изучение русской фразеологии объясняется концентрацией в ней лингвистических, страноведческих и национально-культурных явлений, помогающих учащимся получать дополнительные знания в области географии, истории, политики, экономики и т.д., что имеет большое значение для процесса обучения в целом. В связи с этим оно необходимо не только студентам гуманитарных специальностей, но и обучающимся по техническому профилю. Кроме того, оно значимо как на продвинутом этапе обучения, так и для студентов с уровнем А1-А2.

Вопросами разработки лингводидактики русской фразеологии при обучении иностранной аудитории занимались такие исследователи, как Е. А. Быстрова, М. А. Олейник, Н. А. Семенова, О. С. Спиридонова и другие (Bystrova, 1985; Oleynik, 2006; Semenova, 2014; Spiridonova, 2010).

В лингводидактическом аспекте фразеология в настоящей работе рассматривается в широком смысле: это пословицы и поговорки, бытовые устойчивые выражения, научная фразеология, крылатые выражения из литературы, мифологии, Библии, кинофильмов и мультфильмов, рекламы и т.д. Под фразеологизмом понимается устойчивое по своему значению, составу и структуре выражение, состоящее из двух и более компонентов.

Фразеологизмы, как и многие слова, являются строительным материалом языка и национально-культурной картины мира. В процессе функционирования они называют, оценивают, образно сравнивают те или иные объекты действительности. Более того, многие фразеологические единицы могут использоваться как единственный номинант определенных явлений. Изучение русской фразеологии значительно обогатит словарный запас иностранных учащихся, совершенствует их знание стилистических норм русского языка, способствует лучшему пониманию языка, культуры, менталитета и специфики образного структурирования картины мира русского народа. Кроме того, оно поможет иностранцам стать равноправными участниками коммуникации с носителями изучаемого языка – легко понимать и продуцировать как устные, так и письменные тексты, свободно общаться на русском языке.

При выборе тематики фразеологизмов, отборе материала и при его подаче преподаватель, прежде всего, должен ориентироваться на профиль обучения студентов (гуманитарный или технический), их уровень владения русским языком, национально-культурную специфику мировосприятия, а также выделенное для спецкурса время.

СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ / SPECIAL COURSE «RUSSIAN LANGUAGE» FOR STUDENTS OF HUMANITARIAN SPECIALTIES

Студентов-гуманитариев можно знакомить с русской фразеологией, разделив ее на тематические подгруппы: «Животные», «Растения», «Время», «Расстояние и направление», «Праздники в России», «Характер человека», «Эмоции и чувства», «Внешность человека», «Продукты питания» и т.д. Выбор фразеологизмов, определение их количественного состава и степень сложности заданий будет зависеть от уровня владения иностранными учащимися русским языком.

Каждое занятие начинается с представления наиболее употребительных фразеологических единиц отдельно взятой подгруппы, их лексических, грамматических, синтаксических и стилистических особенностей. В процессе знакомства с фразеологизмами необходима отсылка к родному языку учащихся для сравнения-сопоставления идиом: «У вас есть такой фразеологизм? Как вы называете злого человека? А в вашей культуре заяц тоже трусливый?» и т.п. Студенты продвинутого этапа обучения могут подготовить небольшие сообщения о фразеологизмах той или иной тематической группы, бытующих в их стране, сравнить их с русскими фразеологизмами, проанализировать значение, найти общее и различное.

Практическая часть таких занятий направлена на усвоение теоретического материала и построена по принципу «от простого к сложному». Например, сначала идет тестовое задание либо задание на соотнесение фразеологизма и его значения, затем следует упражнение по типу «вставьте в пропущенные места в предложениях подходящий по смыслу фразеологизм» или «замените выделенные слова фразеологическими единицами». В завершении дается ряд заданий, ориентированных на современный дискурс и, соответственно, направленных на развитие коммуникативных навыков учащихся: составление диалогов, командная игра с карточками «объясни фразеологизм, не называя его», продуцирование текстов на изучаемую тематику (например, в рамках темы «Расстояние и направление» можно составить путеводитель по родному городу с использованием 5 фразеологизмов) и т.д.

Кроме того, учащихся гуманитарных специальностей в рамках рассматриваемого спецкурса можно знакомить с крылатыми выражениями известных людей (*и все-таки она вертится; Платон мне друг, но истина дороже* и т.д.), а также фразеологизмами, связанными с определенным историческим событием (*кричать на*

всю *Ивановскую, шапка Мономаха, погибнуть как швед под Полтавой* и т.д.), пришедшими в наш язык из мифологии и Библии (*Ахиллесова пята, Сизифов труд, заблудшая овца, возвращаться на круги своя* и т.д.), из произведений русских писателей (*А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь; не все коту Масленица; народ безмолвствует; служить бы рад, прислуживаться тошно* и т.д.), из кинофильмов и мультфильмов (*птичку жалко; будьте добры, помедленнее, я записываю; Цигель, цигель ай-лю-лю! Ай-лю-лю потом; ну, заяц, погоди; Таути, Таути... Не были мы ни в какой Таути! Нас и здесь неплохо кормят* и т.д.), из рекламы (*а ты налеп и отойди; и Сережа тоже; ты – не ты, когда голоден; иногда лучше жевать, чем говорить* и т.д.). Важно показать, что их употребление делает речь живой, яркой, образной, красочной, выразительной и эмоционально насыщенной. Обращение к данному фразеологическому материалу помогает иностранцам стать интересным собеседником, ближе познакомиться с русской историей и культурой, а так же лучше понять русский характер и юмор.

СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ / SPECIAL COURSE «RUSSIAN LANGUAGE» FOR STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALTIES

Для студентов, обучающихся по техническому профилю, спецкурс «Русская фразеология» может быть построен на работе с материалом научно-технической фразеологии – стандартизированных словосочетаний научной речи.

Фразеология научной речи включает в себя 2 пласта: общую фразеологию, так называемые идиомы книжной речи, которые употребляются не зависимо от гуманитарной или технической специальности (например, *как показывают наблюдения; назрела необходимость; на основании полученных данных; резюмируя вышесказанное; отсюда следует; оказать воздействие, провести эксперимент* и т.д.), и фразеологические единицы, представляющие собой общеупотребительные и узкоспециальные научные термины (*ключевые слова; двигатель внутреннего сгорания; правило буравчика; теория относительности* и т.д.). Соответственно, начинать знакомство лучше с общей фразеологии, а затем переходить к терминологической.

На занятиях до студентов важно донести, что данные фразеологические единицы преимущественно интернациональны, то есть их эквиваленты обязательно должны быть представлены в различных языках, к тому же они предельно точны и имеют однозначное прочтение в любом научном контексте. Их лексический и грамматический состав постоянен, а структура непроницаема.

На материале данных фразеологизмов хорошо отрабатываются такие задания по грамматике, как постановка существительных в форму родительного падежа (*закон Ньютон → закон Ньютона; свойства вещества → свойства вещества; обработка металл → обработка металла* и т.д.), образование форм существительных родительного падежа с нулевым окончанием и окончанием *-ов/-ев* (*килограмм/килограммов; микрон/микронов; кулон/кулонов* и т.д.), образование отглагольных существительных (*изучить → изучение; рассмотреть → рассмотрение; определить → определение* и т.д.), образование и использование краткой формы качественных прилагательных, сложной степени сравнения прилагательных и глаголов несовершенного вида, характерных для научной речи.

Наряду с этим обучающимся предлагаются отрывки из научных текстов (это могут быть не только письменные материалы, но и аудио- или видеофрагменты), где нужно найти (услышать) научные идиомы, вставить их в пропущенные места или исправить ошибки в их употреблении.

Задания на формирование коммуникативной компетенции представляют собой составление диалогов, ведение полемики или жепроведение научных дебатовна определенную заданную тематику с использованием соответствующих фразеологических единиц.

Воспроизводимость вышеуказанных устойчивых речевых единиц, отсюда экономия временных и мыслительных усилий помогают обучающимся сделать процесс их научной коммуникации быстрым и легким. Помимо этого, знание фразеологии научной речи определяет структурированное и логичное продуцирование иностранными студентами устных и письменных научных текстов в соответствии с особой стилистикой научного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Таким образом, спецкурс «Русская фразеология» занимает особое место среди других лингвистических дисциплин в практике преподавания русского языка иностранной аудитории. Изучение фразеологических единиц как феномена национальной культуры необходимо и студентам гуманитарных специальностей, и обучающимся по техническому профилю вне зависимости от уровня их языковой подготовки.

Комплексная работа с фразеологизмами, включающая в себя предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания, а также различные виды упражнений, способствует формированию у студентов коммуникативных навыков, а также необходимых языковых и речевых умений.

Кроме того, обращение к идиоматическим выражениям актуализирует у учащихся положительную мотивацию в образовательном процессе. Оно не только помогает им снять языковой и культурный барьер, повысить их уровень владения русским языком, в частности научной речью, но и ближе познакомиться с культурой и менталитетом русского народа.

LIST OF REFERENCES

- Bystrova E. A. Teoreticheskie osnovy obucheniya russkoy frazeologii v nacionalnoy shkole. — M.: Pedagogika, 1985. — 136 p.
Oleynik M. A. Obychenie inostrannykh studentov – gumanitariyev russkim frazeologizmam (Na materiale frazeologicheskikh edinic, sootnosimyh so svobodnymi slovosochetaniyami): Diss. ... kandidata pedagogicheskikh nauk. 13.00.02. SPB, 2006. — 227 p.
Semenova N.A. Aktualnost lingvometodicheskikh issledovaniy frazeologii v rabotes inostrannykh uchachimisya // Molodoyucheniye. — 2014. — №14. — P. 110-112.

Spiridonova O. S. Formirovaniye lingvostranovedcheskoj kompetenciiinostrannyh uchashhihsjanaprakticheskikh zanjatijahporusskomujazyku (namaterial'emalyh zhanov russkogofol'klora). Diss. ... kandidatapedagogicheskikh nauk. SPB., 2010. — 265 p.

For citation:

Bokhonnaya M. Ye., & Sherina Ye. A. (2019) THE COURSE "RUSSIAN PHRASEOLOGY" IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 122-125. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-122-125>

Для цитирования:

Бохонная, М. Е., Шерина, Е. А. (2019) СПЕЦКУРС «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 122-125. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-122-125>

Information about the authors:

Bokhonnaya Marina Yevgenyevna - PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, School of Core Engineering, National research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
e-mail: bokhonnayame@tpu.ru

Sherina Yevgeniya Alexeevna - PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, School of Core Engineering, National research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
e-mail: sherinaea@tpu.ru

Сведения об авторах: Бохонная Марина Евгеньевна - к. филол. н., доцент, Отделение русского языка, Школа базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
e-mail: bokhonnayame@tpu.ru

Шерина Евгения Алексеевна - к. филол. н., Отделение русского языка, Школа базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
e-mail: sherinaea@tpu.ru

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-125-129>

**THE VIDEO COURSE OF FOREIGN LANGUAGE:
FOCUS ON STUDENT'S AUTONOMOUS ACTIVITY**

Svetlana V. Dudushkina
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
[e-mail: Sepia3@yandex.ru](mailto:Sepia3@yandex.ru)

Abstract. The goal of the research is supporting the orientation of the foreign language communication in the university on the students' autonomous activity. The organization of classroom studies and self-activities should orientate students' work on autonomy, self-development and self-improvement. The research is based on theoretic and empiric methods: the analysis of psycho-pedagogic literature in the field of forming skills of autonomic activity, autonomy, students' educational competency; the deductive method of extrapolation the psycho-pedagogic theory on supporting the characteristics of linguo-didactic technology; the simulation of educational technology and predictive modeling of its characteristics during the educational process; the testing studying « Video-course of first foreign language » (2015-2019). The author of this article defines autonomy as the main orientation of the students' work in the video-course of first foreign language. The teacher's strategies orientate students on the creative process of choosing, watching and discussing the audio-visual Internet materials. The interconnection of creativity and autonomous activity is based on strong motivation and emotions caused by the variety of materials and vivid images created by multimedia technologies. The result of the research is an approved technology comprising particular strategies and methods for studying the discipline "Video-course of first foreign language" in language university. The choice of themes, types of studying and materials is made by students themselves as they have an aim to use the understood information not only during lessons, but also during the communicative situations.

Keywords: video-course of first foreign language, motivation, autonomous activity, student's creative activity, audiovizualization

**ВИДЕОКУРС ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА – НАПРАВЛЕНИЕ НА АВТОНОМНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СТУДЕНТОВ**

Светлана Викторовна Дудушкина
Кандидат педагогических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)
E-mail: Sepia3@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании ориентации обучения иноязычному межкультурному общению в вузе на современном этапе на автономную деятельность студента. Организация аудиторных занятий и заданий для самостоятельного выполнения должна направлять работу обучающихся в сторону автономии, укрепляя в их сознании мысль о постоянном стремлении к саморазвитию и самосовершенствованию. Исследование основано на теоретических и эмпирических методах: анализ психолого-педагогической литературы в области формирования умений самостоятельной деятельности, учебной автономии, учебно-познавательной компетенции у обучающихся вуза; дедуктивный метод экстраполяции положений психолого-педагогической теории на обоснование характеристик лингводидактической технологии; моделирование учебной технологии и вероятностное прогнозирование ее особенностей в процессе обучения; проведение опытного обучения по дисциплине «Видеокурс первого иностранного языка» в 2015-2019 гг. Автор статьи определяет автономию основным вектором работы студентов в ходе видеокурса иностранного языка. Стратегии преподавателя ориентируют обучающихся на творческий поиск в процессе отбора, просмотра и обсуждения аудиовизуальных материалов сети Интернет. Взаимосвязь творческого начала и автономной деятельности основывается на сильной мотивации, а также на эмоциональных переживаниях, которые обеспечиваются не только жанровым разнообразием материалов, но и яркими запоминающимися образами, создаваемыми мультимедийными технологиями. Результат исследования составляет апробированная технология, содержащая определенные стратегии, приемы и способы проведения обучения по дисциплине «Видеокурс иностранного языка» в языковом вузе. Выбор тематики и форма проведения занятий, отбор материалов проводятся самими студентами, перед которыми стоит задача максимально использовать понятую и переработанную информацию не только на занятиях по данной дисциплине, но и в ситуациях коммуникативного общения.

Ключевые слова: видеокурс первого иностранного языка, мотивация, автономная деятельность, творческая деятельность студентов, аудиовизуализация

ВВЕДЕНИЕ. Цель межкультурного образования в вузе подготовить специалиста готового и способного к иноязычной коммуникации. Специфика предмета «Иностранный язык», который является профильным для студентов – будущих лингвистов и педагогов, подразумевает необходимость постоянного развития и совершенствования владения иноязычным общением. Понимание этого факта должно быть привито обучающимся уже с первых дней языковых занятий.

Самостоятельная работа занимает полноправное место наряду с аудиторной в учебных планах языковых вузов. Мысль о том, что овладеть иноязычным общением невозможно только посещая занятия (даже с активной работой в течение всего занятия) и прилежно и вдумчиво выполняя домашние задания, должна целенаправленно формироваться в сознании обучающихся. Ориентирование студентов на автономную деятельность должно быть заложено в самих стратегиях организации работы по обучению всем аспектам и формам иноязычного общения.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Самостоятельное и автономное изучение иностранного языка (далее – ИЯ) находится в эпицентре научных исследований (М.А. Ариян, А.Е. Капаева, Н.Ф. Коряковцева, Т.Ю. Тамбовкина, Е.Г. Тарева и др.). В частности, учеными рассмотрены вопросы формирования стратегий автономного чтения (Т.Ю. Терновых, И.Д. Трофимова), методика формирования учебного умения активизировать языковой материал (Е.В. Апанович), проблемы управления самостоятельной учебной деятельностью студентов и контроля за качеством ее реализации (Г.Р. Биккулова, Н.А. Ерошина, И.П. Павлова, Т.Г. Сорокина, Е.Г. Тарева), подготовки студентов языкового вуза – будущих учителей к профессиональной автономии (О.А. Гаврилюк), применении принципа автономной деятельности студентов при обучении аудированию (С.В. Дудушкина). Важно, что аспекты автономии составляют ядро концепции формирования рационального стиля учебной деятельности студентов университетов (Тарева 2001).

Обучение аудированию всегда находилось в центре внимания ученых и методистов, о чем говорит весомый список работ, связанных с обучением аудированию в языковых и неязыковых вузах (И.Ю. Борозинец, Н.Н. Гавриленко, Н.И. Гез, Т.В. Громова, Н.В. Еухина, И.И. Халеева); с исследованием психофизиологической (Е.И. Исенина, М.П. Коваленко, Ю.А. Никитина, Е.С. Суздалева) и речеведческой основ аудирования (К.М. Бржзовская, М.С. Киринова); с выявлением и классификацией трудностей понимания аудиосообщений (Н.Ю. Абрамовская, Н.В. Елухина, Б.А. Липидус, Е.Г. Скосоренко, И.И. Халеева); с изучением проблем взаимосвязанного обучения аудированию с другими видами речевой деятельности (И.А. Зимняя); с установлением видов аудирования (Н.И. Гез, Е.В. Елухина); с разработкой систем упражнений и учебных пособий по обучению смысловому восприятию на слух (Н.И. Гез, Н.В. Елухина, Я.В. Зудова, А.И. Черкашина); с созданием теории и технологии контроля навыков и умений аудирования (Л.В. Туркина).

Вопросы обучения аудированию всегда были связаны с проблемой развития аудитивных навыков обучающихся и с совершенствованием умений преодолевать трудности при восприятии и понимании звучащей речи. На сегодняшний момент эти проблемы остаются актуальными.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Изучение проблемы внедрения автономии в учебную деятельность студентов в дисциплине «Видеокурс иностранного языка» основывается на применении теоретических методов: анализ психолого-педагогической литературы в области формирования умений самостоятельной деятельности, учебной автономии, учебно-познавательной компетенции у обучающихся вуза; дедуктивный метод экстраполяции положений психолого-педагогической теории на обоснование характеристик лингводидактической технологии; моделирование учебной технологии и вероятностное прогнозирование ее особенностей в процессе обучения; а также эмпирических методов: проведение экспериментального обучения в течение обучения по данной дисциплине в 2015-2019 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. На современном этапе иноязычного образования в вузе необходимо в каждой теме или разделе учебника совместно со студентами отмечать задания, выполнение которых требует подключения дополнительных материалов и источников информации. При проверке эффективности выполнения данных заданий следует коллективно обсуждать:

- как студенты приступили к поиску нужной информации;
- на каких источниках информации они остановили свой выбор и почему;
- какие стратегии они использовали для отбора нужной информации;
- какими способами переработки полученной информации они воспользовались;
- какова их самооценка успешности и полноты, глубины и точности представления данной информации на занятии.

В подобных обсуждениях происходит полезный обмен опытом между обучающимися, который также сопровождается советами и предложениями со стороны преподавателя. Если такая работа проводится с самого начала обучения в вузе, то ко второму семестру второго курса студенты владеют определенным набором стратегий для самостоятельной и даже автономной работы с источниками (Интернет-ресурсами).

Дисциплина «Видеокурс иностранного языка» (далее – Видеокурс) в институте иностранных языков Московского городского педагогического университета включает 72 часа, половина которых проходит в аудитории, а вторая – приходится на самостоятельную работу студентов. Необходимость разнообразной и интересной работы на занятии с одной стороны, и ограниченное количество часов с другой, требуют ориентации данного курса на автономную деятельность студентов. Как показывает практика, комплекса часов, заявленных для самостоятельной работы, недостаточно для полноценной подготовки к занятию. Подключение автономной деятельности студента становится необходимостью для данной дисциплины. Как вариант организации Видеокурса можно предложить следующие направления:

- 1) работа с видеоматериалами по текущим событиям мирового, национального значения (сенсации, праздники, фестивали, спортивные соревнования и т.д.);
- 2) работа с фильмами (художественные, документальные, мультфильмы) для обучающихся уровня В1 и с учебными фильмами для уровня А1-А2;
- 3) работа с видеоматериалами по темам основного учебника по иностранному языку (репортажи, интервью, видеоблоги).

Основными задачами Видеокурса являются усиление мотивации к изучению ИЯ и формирование и (или) развитие стратегий автономного обращения к видео-(аудио-)материалам и работы с ними как способа повышения уровня владения ИЯ. «Педагогический опыт показывает, что в обучении иностранным языкам качество достигается при синергетическом (взаимодополняющем) взаимодействии показателей организации обучения, самоорганизации учения, а также использования передовой методики преподавания иностранного языка» (Milrud 2011).

Видеокурс во многом является логическим продолжением дисциплины «Практика речи», расширяя возможности повышения мотивации, а, следовательно, и ориентации обучающихся на самостоятельную и автономную деятельность. Основная цель видеокурса – совершенствование умений аудирования. Данные умения, как доказано учебным опытом современного иноязычного образования, лучше всего развивать в процессе аудиовизуализации, что как раз и составляет основу видеокурса. В.В. Сафонова выделяет аудиовизуализацию как отдельный вид деятельности, представляющий возможность сочетания аудиотекста с различными видами зрительной информации – визуальной, образно-схематической, визуально-текстовой (Safonova 2011). Видеокурс необходимо выстраивать на основе творческой деятельности студентов, которая напрямую связана с автономной деятельностью т.к. именно в автономии проявляется «интерес к активной творческой работе, к вычленению способа ее осуществления, рационального способа решения учебной задачи, в стремлении к самосовершенствованию» (Koryakovtseva 2010).

Творческой называют не только ту деятельность, в результате которой получен новый продукт или применен новый метод, но и самостоятельный поиск и определение проблемы. «Необходимо всемерно стимулировать стремление учащегося к самостоятельному выбору целей, задач и средств их решения (как в больших, так и в частных вопросах). Человек, не привыкший действовать самостоятельно, брать на себя ответственность за принятые решения, теряет способность к творческой деятельности» (Smirnov, 2009). В число характеристик творчества входят эмоциональные переживания и сильная мотивация. Наличие высокого уровня мотивации, определенное психологическое отношение к учебному процессу определяются учеными как основные характеристиками автономии (Anikina 2011; Barbot 2000; Koryakovtseva 2001; Little 2001; Trofimova 2002). Иными словами, мотивация как двигатель творческого процесса, сопровождаемого эмоциональным

отношением, определяет основу автономной деятельности в целом, а в нашем случае работу студента в рамках Видеокурса. А.А. Колесников и Е.Г. Тарева выделяют автономизацию как один из критериев творчества, который обеспечивает личную включенность, саморефлексию обучающегося. Ученые подчеркивают, что «приоритетный статус имеют тенденции развития творчества средствами виртуальной образовательной среды» (Kolesnikov & Tareva, 2018).

Пример применения данных теоретических выкладок можно привести из практики ведения Видеокурса. Студенты сами выбирают актуальную тему, по которой хотели бы подобрать материал для занятия. В прошедшем учебном году в результате обсуждения большинством голосов группа выбрала актуальную для сегодняшней Франции тему: движение «Желтых жилетов». Для подготовки к занятию студенты просматривают не только свой отобранный материал, но и материал своих товарищей по группе. Необходимость просмотра всего комплекса материалов предоставляет обучающимся возможность расширить круг информационных источников, а также увеличить объем информации по данной теме, не говоря о разносторонности материала, т.к. отбор во многом зависит от личных особенностей каждого из студентов.

Выбор варианта проведения занятия предлагается самими обучающимися, и в данном случае они решили организовать круглый стол между представителями движения, представителями местных властей и правительства. Ведущий круглого стола – это журналист, поддерживающий объективный дискуссию. Во время дискуссии для каждой из сторон определены направления и регламент высказываний: для «желтых жилетов» – требования, для местных властей – недовольство беспорядками, для представителей правительства – обещания. Высказывания обучающихся включают в себя лексический материал подготовленных видеороликов.

Варианты ролевых игр могут быть самыми разнообразными. Мы остановились на дискуссии в национальном масштабе, но также можно рассматривать более узкую тематику, как, например, заседание регионального суда, где по обвинению проходят мародеры и грабители магазинов, которые воспользовались беспорядками во время одной из акций «Желтых жилетов» в одном из городов Франции. Организаторами игры выступают двое студентов, они готовят карточки, в которых указываются роль каждого участника и тип его поведения во время заседания суда. Сначала или в процессе суда (как доказательство вины подсудимых) демонстрируется видео ресурс, реальное событие, послужившее основой для игры.

Работа с фильмами может проводиться разными способами. А.Л. Бердичевский предлагает следующие приемы работы с видеофильмами: вопросы, беседа, диалогизация, инсценирование, экскурсия, описание, комментирование, рассказ, пересказ, составление характеристик, сообщение (Berdichevskiy et al., 2019). Все перечисленные формы находят место в видеокурсе, но отличительной чертой является то, что подготовка и проведение их на занятии осуществляется самими студентами.

В качестве примера остановимся на обсуждении мультфильма «Зарафа», в основу сюжета которого легли реальные исторические события. Двое студентов, выразивших желание подготовить обсуждение этого фильма, подготовили презентацию, где сначала представили выходные данные мультфильма. Затем на слайдах по очереди появлялись фотографии главных героев и персонажей, каждому из которых студенты давали характеристику. Затем ведущие перешли к вопросам по сюжету фильма, ответами на которые практически передавалось полное содержание «Зарафы», что можно рассматривать как комплексный прием «вопросы-рассказ-пересказ». Комментирование отдельных эпизодов происходит как со стороны ведущих, так и со стороны группы. За вопросами по сюжету последовали вопросы, касающиеся проблем, затронутых в фильме; как правило, эта часть вопросов вызывает оживленное обсуждение, переходящее в дискуссию. Параллельно с ведущими, отвечающими за организацию обсуждения фильма на занятии, один из студентов готовит вокабуляр к фильму, включающий незнакомую обучающимся лексику. Основываясь на данной лексике студенты готовят сценки, воспроизводящие понравившиеся эпизоды и составляют диалоги, что также является немаловажным компонентом для работы в видеокурсе, который ориентирован на практическое обучение ИЯ.

Следующим важным звеном работы Видеокурса является расширение информации, данной в текстах учебника, которая может определять тему для отбора более подробных, более современных материалов самими студентами. Восприятие и понимание аутентичных видеоматериалов являются основой для воспроизведения содержащейся в них информации во время дискуссий и круглых столов, направленных на формирование таких умений монологической речи как:

- подготовленно/ экспромтно высказываться о фактах, событиях, в том числе передавая свои оценочные суждения;
- передавать краткое/ основное/ полное содержание прочитанного/ увиденного;
- делать подготовленные и неподготовленные сообщения на основе прочитанного/ услышанного в том числе с выражением своего отношения;
- делать подготовленные и неподготовленные сообщения по проблеме;
- выступать с подготовленным докладом по теме/ проблеме (Berdichevskiy et al., 2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Современное иноязычное образование направлено на формирование автономии студентов. Автономная деятельность неразрывно связана с высокой внутренней мотивацией и творчеством обучающихся. Видеокурс предоставляет разнообразные возможности повышения интереса, а, следовательно, и мотивации у студентов, открывает пути творческого применения и расширения знаний ИЯ. Автономия проявляется в свободе выбора по отбору видеоматериалов из Интернет-ресурсов, а также фильмов для просмотра и аудиторного обсуждения. Студенты принимают на себя ответственность по определению и совершенствованию

стратегий восприятия и понимания аудиовизуальных материалов с целью дальнейшей переработки информации, что должно обеспечивать их активное участие в процессе обучения, заинтересованность в высоких результатах своей работы.

LIST OF REFERENCES

- Anikina J. S. (2011) *Uchebnaya avtonomiya kak neot'yemliyi component protsessa obucheniya inostrannomu yaziku v 21 veke* [Studying autonomy as essential component of educational process in XXI century] // Vestnik Tomskogo gos. un-ta, № 344, 149-152.
- Barbot, M.J. The auto-learning. Didactic of foreign languages. CLE International / HER, Liège, 2000. Berdichevskiy A.L., Ginniatullin I.A., Tareva E.G. (2019) *Metodika mezhkulturnogo inoyazichnogo obrazovaniya* [The methods of intercultural foreign language educational process in the university]. Moscow: Flinta.
- Kolesnikov A.A., Tareva E. G. (2018) *Razvitie tvorchestva starsheklassnikov sredstvami kreativnogo situativno-kooperativnogo pisma na inostrannom yazike* [High school learners' creativity development by means of L2 situational-cooperative writing] // Yazik i kultura, 165-184.
- Koryakovtseva N.F. (2001) *Avtonomia uchastih v uchebnoy deyatel'nosti po ovladeniu inostrannim yazikom kak obrazovatel'naya tsel'* [The students' autonomy of foreign language educational process as educational goal] // Inostrannye jazyki v shkole, № 1, 1-51.
- Koryakovtseva N. F. (2010) *Teoriya obucheniya inostrannim yazikom: produktivnye obrazovatel'nye tehnologii* [The theory of studying foreign languages: productive educational technology], Moscow: Akademiya.
- Little D. Learner Autonomy and Second/Foreign Language Learning. URL: www.lang.ltsn.ac.uk/resources/good_practice (26.04.2019).
- Milrud R.P., Maksimova I.R. (2011) *Obespechenie kachestva obucheniya inostrannim yazikom* [Providing the quality of foreign language educational process] // Inostrannye jazyki v shkole, № 6, 29-32.
- Safonova V.V. (2011) *Razvitie kul'turi vospriyatiya ustnoy rechi pri obuchenii inostrannomy uaziku: sovremennye metodicheskie problemi i puti ih resheniya* [The development of oral speech perception culture during foreign language studying: modern methodical problems and ways of solution] // Inostrannye jazyki v shkole, № 5, 2-9.
- Smirnov S.D. (2009) *Pedagogika i psihologiya visshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti: ucheb. posobie dlia stud. vish. ucheb. zavedenij* [The pedagogics and psychology of the university education: from activity to personality], Moscow: Akademiya.
- Tareva E.G. (2001) *Formirovanie racional'nogo stilja uchebnoj dejatel'nosti u studentov universiteta: teorija i tehnologija* [Formation of a rational style of educational activities in university students: theory and technology], Irkutsk: ISLU.
- Trofimova L.V. (2002) *Formirovanie samostoyatel'noj uchebnoj deyatel'nosti studentov yazikovogo fakulteta na osnove razvitiya uchebnoj avtonomii: dis. kand. ped. nauk* [The forming of self-studying process of foreign language university students on the basis of educational autonomy development], Tambov, 159 p.

For citation:

Dudushkina, Svetlana V. (2019) THE VIDEO COURSE OF FOREIGN LANGUAGE: FOCUS ON STUDENT'S AUTONOMOUS ACTIVITY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 125-129. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-125-129>

Для цитирования:

Дудушкина, С. В. (2019) ВИДЕОКУРС ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА – НАПРАВЛЕНИЕ НА АВТОНОМНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 125-129. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-125-129>

Information about the author: Svetlana V. Dudushkina - PhD (Pedagogy), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

e-mail: Sepia3@yandex.ru

Сведения об авторе: Дудушкина Светлана Викторовна - канд. пед. наук, доцент кафедры французского языка и лингводидактики, Институт иностранных языков Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

e-mail: Sepia3@yandex.ru

Manuscript received: 05/23/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

THE ENGAGEMENT OF ANALOG AND DIGITAL APPROACHES IN TEACHING TRANSLATION

Nataliya Gavrilenko
Doctor of Pedagogical sciences, Professor
Peoples' Friendship University of Russia - RUDN University
(Moscow, Russia)
e-mail: nngavrilenko@narod.ru

Abstract: The article discusses the current state of digital competence of a translator. For this purpose, the analysis of the competences allocated by researchers associated with the use of information technology in the activities of the translator has been carried out. The results of the foresight session “Translator 2030” have been analysed, and the status of the draft project of the professional standard of the translator has been reviewed. This interdisciplinary integrated document comprehensively describes this complex professional activity, which today is associated with the active use of digital technology. In the draft of the professional standard, four generalized labor functions of a translator are highlighted: technological support for translation activities, non-specialized translation, professionally oriented translation, translation management. The analysis made it possible to present the composition of the digital competence of the translator, which includes technical, informational, organizational and communication components.

Keywords: digital competence, key competence of a translator, draft professional standard, information technology

ОБРУЧЕНИЕ АНАЛОГОВОГО И ЦИФРОВОГО ПОДХОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Наталья Гавриленко
д.п.н., проф. кафедры иностранных языков
Инженерная академия
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
e-mail: nngavrilenko@narod.ru

Аннотация: В статье рассматривается современное состояние цифровой компетентности переводчика. С этой целью проведён анализ выделяемых исследователями компетенций, связанных с использованием информационных технологий в деятельности переводчика. Проанализированы результаты форсайт-сессии «Переводчик 2030», и рассмотрен состояние разрабатываемый проект профессионального стандарта переводчика. Данный междисциплинарный интегрированный документ всесторонне описывает эту сложную профессиональную деятельность, которая сегодня связана с активным использованием цифровых технологий. В проекте профстандарта выделены *четыре обобщенные трудовые функции* переводчика: технологическая поддержка переводческой деятельности, неспециализированный перевод, профессионально ориентированный перевод, руководство переводческой деятельности. Проведенный анализ позволил представить состав цифровой компетентности переводчика, которая включает технический, информационно-организационный и коммуникационный компоненты.

Ключевые слова: цифровая компетентность, ключевые компетентности переводчика, проект профессионального стандарта, информационные технологии

ВВЕДЕНИЕ. Сегодня практически каждый специалист должен уметь создавать и обрабатывать сложную информацию, думать системно и критически, принимать решения на многокритериальной основе, понимать суть происходящих процессов полидисциплинарного характера, быть адаптивным и гибким к новой информации, быть креативными, уметь выявлять и решать реальные проблемы цифрового мира. «Возникают не только новые цифровые профессии и исчезают старые аналоговые, но и внезапно появляются потребности в кадрах в таких объемах, которых просто нет на рынках трудах» (Kupriyanovskiy et. al., 2017: 21). Информационные технологии являются важнейшим ядром цифровой среды, и в процессе своей деятельности переводчик должен не просто изолированно изучать цифровую среду, а обязательно сотрудничать со специалистами, разрабатывающими эти технологии, что подразумевает «гибридную», междисциплинарную суть профессии переводчика. «Цифровая среда — это понятие, которое основано на наличии некоторого количества концептов, имеющих не гуманитарное измерение, а естественно-научное или математическое. Если мы спросим, что такое цифровая среда как явление, то мы можем ее довольно просто описать через три понятия — это данные, которые закодированы в двоичной системе, это алгоритмы, это программное обеспечение» (Moroz 2017).

В нашу жизнь входят такие понятия, как *цифровая среда, цифровая грамотность, цифровое сообщество, цифровая экономика, цифровизация образования*. Цифровизация деятельности переводчика ведет к изменениям на рынке труда, в профессиональном стандарте, к выявлению новых компетентностей переводчика, а следовательно, и к переосмыслению образовательных стандартов и путей подготовки профессиональных переводчиков.

Цифровые ресурсы, которые переводчик может использовать сегодня в своей профессиональной деятельности, позволяют преодолевать традиционные взгляды на перевод и на скорость выполнения этой сложной деятельности. «Цифровые технологии, с одной стороны, способствуют дальнейшему повышению объемов и

эффективности производства, с другой — позволяют реализовывать индивидуальный подход в различных сферах» (Nikulina and Starichenko 2018: 108).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА. Переводческое сообщество рассматривает различные сценарии развития профессии переводчика. Предполагается увеличение потребности в переводе с таких языков, как японский, китайский и арабский, появление междисциплинарных профессий, отмечается увеличение потребности в переводе аудиовизуального контента (About 2017). С развитием технологий предполагается рост спроса на перевод, осуществляемый переводчиками-фрилансерами, а не представителями переводческих компаний (Quelle société de traduction pour le futur? 2017).

Отмечаются и такие негативные тенденции, как «Уберизация» профессии переводчика. Использование платформ Stepes, Netflix, Hermes позволяет переводчику переводить выложенные предприятиями тексты прямо со своего смартфона, что обуславливает низкие тарифы на перевод. Отмечается также, что использование информационных технологий ведет к снижению ответственности переводчика за конечный результат (Moreau, 2017).

Вместе с тем цифровизация оказывает и положительное влияние на развитие переводческой отрасли. Например, канадские исследователи видят в современном информационном обществе увеличение роли переводов в сохранении культурной и национальной идентичности (Korzhagina 2016). В российском переводческом сообществе в мае 2017 г. «Школой дидактики перевода» была проведена «Форсайт-сессия: Переводчик 2030», позволившая наметить возможные пути развития этой сложной профессии (www.gavrilenko-nn.ru). Главным трендом проведенной сессии был единодушно назван тренд «*Автоматизация функции перевода вследствие развития высоких технологий*». В рамках данного тренда участники выделили следующие мини-тренды:

- активное внедрение роботов-переводчиков и систем полуавтоматического перевода (Trados, Smartcat, CATLabs и др.);
- внедрение и развитие технологии machinelearning, начало обработки больших массивов данных (BigData) и их применение в переводческой сфере;
- постоянное совершенствование автоматизированных переводческих алгоритмов;
- «геймификация» переводческого функционала;
- резкое увеличение нетекстового контента, для передачи которого переводчики должны обладать новыми умениями и навыками;
- рост доли машинного перевода.

В рамках рассуждения тренда «*Автоматизация функции перевода вследствие развития высоких технологий*» активно обсуждались угрозы, к которым участники форсайта отнесли:

- снижение потребности в «человеческом» переводе;
- падение доходов классических переводчиков;
- профессиональную деградацию: чем больше смогут делать роботы, тем меньше будут уметь сами переводчики;
- слабую подготовленность переводчиков к лавиноподобному развитию программного обеспечения;
- уровень профессиональной компетентности переводчика начинают анализировать машины-роботы, что приводит к риску ошибочной оценки;
- отставание уровня подготовки переводчиков в области использования программного обеспечения от потребностей рынка.

Вместе с тем были отмечены и *возможности*, которые предоставляет данный тренд:

появление новых смежных/междисциплинарных профессий или дополнительного функционала у переводчиков;

возвращение востребованности креативности и когнитивных навыков и умений;

необходимость в высокопрофессиональных переводчиках для обучения роботов. (Gavrilenko and Biryukova 2018).

Проведенная форсайт-сессия «Переводчик 2030» послужила началом разработки профессионального стандарта переводчика, которая ведется в России уже более двух лет. Представлен междисциплинарный интегрированный документ, всесторонне описывающий эту сложную профессиональную деятельность. Анализ деятельности предприятий, оказывающих переводческие услуги, показал, что работодателям приходится доучивать переводчиков, организовывая специальные курсы. Во многом это связано с активным использованием цифровых технологий в деятельности переводчика, что сильно повлияло на разрабатываемый проект профстандарта. В результате в последнем варианте данного проекта были выделены четыре обобщенные трудовые функции переводчика:

- *технологическая поддержка переводческой деятельности*: технологическое планирование переводческого проекта; подготовка исходных текстов для перевода и оформление текста перевода; технологическое обеспечение переводческих и локализационных проектов с применением систем управления содержанием; подготовка исходных текстов для машинного и автоматизированного перевода, предперевод; терминологическое сопровождение перевода; обработка памяти переводов;

- *неспециализированный перевод*: устный сопроводительный перевод; письменный перевод типовой документации;

- *профессионально ориентированный перевод*: устный последовательный перевод; синхронный перевод; письменный перевод (в том числе с использованием специализированных инструментальных средств);

художественный перевод; локализация аудиовизуальных произведений; аудиовизуальный перевод для аудиторий с особыми когнитивными потребностями;

- *руководство переводческой деятельности*: редакторский контроль перевода; предоставление консультаций по улучшению качества перевода; управление производственным процессом перевода.

Описание данных обобщенных трудовых функций в последнем проекте профессионального стандарта «Специалист в области перевода» обусловило появление следующих новых специальностей, связанных с использованием цифровых технологий: верстальщик перевода, переводчик-технолог, постредактор машинного перевода.

Разработка проекта профессионального стандарта «Специалист в области перевода» открывает новые возможности перед преподавателями вузов при создании образовательных стандартов. Действия, знания и умения, необходимые для осуществления трудовых функций переводчика, представленные в профстандарте, возможно включить в процесс формирования профессиональной компетентности переводчика.

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И ЕЁ КОМПОНЕНТЫ. Проведенный анализ состояния профессиональной деятельности переводчика показывает, что раньше переводчики имели дело только с аналоговой информацией, которую воспринимали с помощью органов чувств: слуха, зрения, обоняния и т.д. Теперь в их профессию вошли цифровые устройства: компьютеры, мобильные телефоны, проигрыватели компакт-дисков и т.д. Данный вопрос представляется важным при подготовке переводчиков, поскольку переводчик, как и любой человек, привык работать с *аналоговой* информацией, тогда как вычислительная техника работает с цифровой информацией.

Основное различие между аналоговым и цифровым сигналом заключается в структуре передаваемого сигнала. Аналоговые сигналы представляют непрерывный поток колебаний с изменяющимися амплитудой и частотой. Их преимуществом является то, что именно в аналоговом виде мы воспринимаем звук своими ушами. Недостаток заключается в невозможности хранения, передачи и тиражирования сигнала.

Цифровой сигнал представляет собой дискретные колебания, значения которых зависят от передающей среды, и воспринимается вычислительной техникой. Важным преимуществом цифрового сигнала является точность при копировании и передаче звукового потока. К недостаткам цифрового сигнала принято считать то, что данный сигнал выступает промежуточной стадией, и для восприятия этого сигнала человеком требуется цифро-аналоговый преобразователь, который переводит цифровой звук в аналоговый.

Необходимость работать не только с аналоговой, но и цифровой информацией, находить в сети необходимую информацию, работать с терминологическими базами данных, общаться в сети с заказчиком, создавать текст перевода в соответствующем формате и т.д. позволила исследователям выделять соответствующую компетенцию переводчика. Рассматривая данную компетенцию переводчика, исследователи называют её инструментальной (РАСТЕ 2007), технической (Porshneva 2004), информационно-технологической (Alferova 2010), информационно-организационной (Leonova 2017) и т.д.

В обновленном варианте требований к переводческой компетентности на сайте Европейского Союза представлена технологическая компетенция, которая включает следующий перечень знаний и умений переводчика:

- продуктивно использовать необходимые компьютерные приложения, включая полный спектр офисного программного обеспечения, и быстро адаптироваться к новым инструментам и новым цифровым ресурсам;
- эффективно использовать поисковые системы, инструменты на основе корпусов, инструменты текстового анализа и инструменты перевода;
- готовить, обрабатывать и управлять файлами и другими медиаисточниками как частью процесса перевода, например видео и мультимедиа,;
- осваивать основы машинного перевода и его влияние на процесс перевода;
- оценивать релевантность систем машинного перевода при переводе и при необходимости внедрять соответствующую систему в процесс перевода;
- применять другие инструменты для осуществления перевода, такие как программное обеспечение для управления рабочими процессами (Référentiel...2017).

Несмотря на различные названия компонентный состав данной компетенции, выделяемый исследователями, остается примерно одинаковым. Однако в выделяемых компетенциях не учтены все стороны современной деятельности переводчика в цифровом мире. В 2017 г. Комиссией по широкополосной связи в интересах устойчивого развития (Broadband Commission for Sustainable Development, основана ЮНЕСКО и Международным союзом электросвязи) был представлен отчет «Цифровые навыки для жизни и работы», который определил три группы цифровых навыков и компетенций современного человека:

- «базовые функциональные навыки», которые *необходимы для получения доступа к началу работы с цифровыми технологиями*;
- «стандартные цифровые навыки», которые *необходимы для осознанного использования цифровых технологий*;
- «продвинутые навыки», которые *необходимы для расширения и «преобразования» использования цифровых технологий* (Doklad sovmestnoy... 2017).

Как показали проведенная форсайт-сессия и анализ исследований переводоведов, выделенные навыки в полной мере представлены и в профессии переводчика, который не просто изолированно изучает необходимые для работы информационные технологии, но и обязательно сотрудничает со специалистами, которые разрабатывают эти технологии. Данный подход объясняет «гибридную», междисциплинарную суть современной профессии переводчика. Конечно, важно, чтобы переводчик знал, как устроена цифровая среда на технологическом уровне, но, кроме этого, он должен понимать меняющийся опыт человечества в области цифры и учитывать возможности,

которые данная среда открывает для его профессионального роста. Переводчику также важно помнить, что цифровое пространство является публичным, что подразумевает аккуратное отношение переводчика к использованию и распространению любых данных, любой информации. Ответственность переводчика включает умение обеспечивать онлайн-безопасность при работе с информацией в интернете. Иными словами цифровая среда для переводчика – это среда, в которой он должен быть успешен, результативен, и от того, как он представлен в этой среде, во многом зависит его профессиональная карьера.

Проведенный анализ позволил выделить в качестве одной из ключевых компетентностей (подробный анализ ключевых компетентностей см.: Gavrilenko 2018) – цифровую компетентность *переводчика, которая представляет собой готовность, способность и ответственность эффективно, критично и безопасно выбирать и применять информационные технологии на всех этапах своей профессиональной деятельности*. Выделяемые исследователями знания и умения переводчика в области информационных технологий были сгруппированы в рамках следующих составляющих цифровой компетентности переводчика:

- *Техническая составляющая цифровой компетентности переводчика* представляет способность/готовность переводчика использовать умения безопасно работать в сети и эффективно применять программное обеспечение при решении стоящих перед ним профессиональных задач на всех этапах своей деятельности и будет включать определенные знания и умения.

- *Информационно-организационная составляющая цифровой компетентности переводчика* связана со способностью/готовностью переводчика использовать систему знаний/умений, личностных качеств, необходимую для поиска, обработки, представления, хранения полученной информации и для организации в сети своей профессиональной деятельности (Leonova 2016).

- *Коммуникационная составляющая цифровой компетентности переводчика* представляет способность/готовность и ответственность переводчика мобилизовать свои умения и знания для безопасного осуществления онлайн-коммуникации в различных формах (электронная почта, чаты, блоги, форумы, социальные сети и др.) (Gavrilenko 2018).

Остается открытым вопрос, в какой последовательности целесообразно формировать компоненты цифровой компетентности переводчика. Среди основных направлений применения Интернета в переводческой практике исследователи выделяют 4 блока: поиск и получение заказов, коммуникация с коллегами, работа с переводческими онлайн-программами, поиск информации для решения переводческих задач (Korol'kova et. al., 2018). Деятельностный подход позволил Д.А. Алферовой разработать интегративную модель формирования информационной компетентности переводчика текстов по специальности, в рамках которой автор предложила алгоритм использования информационных технологий, начиная с первых шагов переводчика - поиска работы, беседы с заказчиком и получения заказа до момента сдачи отредактированного перевода его заказчику (Alferova 2010). Такой деятельностный подход к формированию цифровой компетентности **переводчика позволяет научить студентов использовать возможности цифровой среды на всех этапах своей работы.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведенный анализ показывает значимость цифровой компетентности переводчика, необходимость её выделения в качестве одной из ключевых составляющих профессионализма переводчика. Выделение в рамках данной компетентности технического, информационно-организационного и коммуникационного компонентов показывает необходимость знаний не только технической стороны использования цифровых технологий при переводе, но и умений соблюдать безопасность при использовании цифровой информации и этической стороны при общении в сети. В процессе подготовки переводчиков формирование данной компетентности влечёт за собой необходимость разработки соответствующей методики.

Разработка данной методики представляется достаточно сложным и трудоёмким процессом. Выделяемые знания и умения по своей сути находятся на стыке гуманитарных и технических наук, их возможно формировать только с междисциплинарных позиций. Количество важной для переводчика цифровой информации неизменно растёт и будут предлагаться всё новые возможности её обработки. Поэтому знания и умения цифровой компетентности переводчика должны регулярно корректироваться, адаптироваться к новым условиям с учётом динамики процессов цифровой экономики, что значительно усложняет деятельность преподавателя, так как требует постоянного обновления программ. Данный вопрос должен решаться с привлечением практикующих переводчиков и разработчиков программного переводческого обеспечения. Формирование цифровой компетентности переводчика целесообразно осуществлять не изолированно, а поэтапно в процессе решения стоящих перед переводчиком задач.

LIST OF REFERENCES

- Alferova D.A. (2010). Modul'noye obucheniye perezvodu nauchno-tekhnicheskikh tekstov s ispol'zovaniyem informatsionnykh tekhnologiy [Modular training in the translation of scientific and technical texts using information technologies]: дисс. ... кандидата педагогических наук. Москва, 273.
- Gavrilenko N.N. (2018). Klyuchevyye kompetentnosti perevodchika [Key Competencies of a Translator] // Didaktika perezoda: traditsii i innovatsii: kollektivnaya monografiya / Pod red. N.N. Gavrilenko. M.: Flinta, 27-59.
- Gavrilenko N.N., Biryukova Y.N. (2018). Razvitiye professii i perevodchika: instrument prognozirovaniya (na primere forsait-tekhnologii) [Development of the translator's profession: forecasting tools (by the example of foresight technology)] // Vestnik «Zdorov'ye i obrazovaniye v KHKNI veke. 20, № 7, 18-24.
- Doklad sovmestnoy komissii YUNESKO i MSE o tsifrovyykh navykakh, neobkhodimyykh «dlya zhizni i raboty» [Report of the joint commission of UNESCO and ITU on the digital skills necessary for “living and working”], oktyabr', 2017, <http://d-russia.ru> [6.11.2017].
- Korol'kova S.A., Novozhilova A.A., Sheyko A.M., ShovgeninaYe.A. (2018). Intrenet-resursyi SAT-sistemy v perezode [Internet resources and CAT systems in translation: Ucheb.-metod. Posobiye s CD-prilozheniyem. Angliyskiy, nemetskiy, frantsuzskiyazyki, M.: «R.Valent», 124.

- Kupriyanovskiy V.P., Sukhomlin V.A., Dobrynin A.P., Raykov A.N., Shkurov F.V., Drozhzhinov V.I., Fedorova N.O., Namiot D.Ye. (2017). *Navyki v tsifrovoy ekonomikei vyzov y sistemy obrazovaniya* [Digital Skills and the Challenges of the Education System] // International Journal of Open Information Technologies. vol. 5, 1, 19-25.
- Leonova A.S. (2016). *Razvitiye informatsionno-organizatsionnoy kompetentsii budushchego perevodchika* [Development of the informational and organizational competence of the future translator]: Diss. ... kand.ped.nauk. – Kazan', 218.
- Moroz O. (2017). *Normy tsifrovoy gramotnosti* [Norms of digital literacy] // PostNauka. 9 yanvarya 2017. <https://postnauka.ru/video/7200.15.11.2017>.
- Nikulina V.N., Starichenko Ye.B. (2018). *Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravleniye* [Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management] // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. № 8, 107-114.
- Porshneva Ye.R. (2004) *Mezhdistsiplinarnyye osnovy bazovoy lingvisticheskoy podgotovki spetsialista-perevodchika: diss.dokt.pednauk.* Kazan', 425.
- About K. (2017). *Traducteur, un métier d'avenir* <http://redaction-articles.com/traducteur-un-metier-davenir> [10.12.17].
- Korchagina E. (2017). *Le futur de la traduction au Canada, 2016* http://www.artsn.ualberta.ca/lesfrancopains/?page_id=523[10.12.17].
- Moreau A. (2017). *Le métier de Traducteur à l'heure de l'uberisation de l'économie* <https://mastertsmillie.wordpress.com/2017/05/08/le-metier-de-traducteur-a-lheure-de-luberisation-de-leconomie/> [10.12.17].
- PACTE. (2007). *Une recherche empirique expérimentale sur la compétence de traduction. Traduction spécialisée. Quelle qualification pour les traducteurs?* / Direction : Daniel Gouadec. Rennes : La Maison du dictionnaire, 95-116
- Quelle société de traduction pour le futur?* (2017) <https://lexling.com/blog/quelle-agence-de-traduction-futu>[10.12.17].
- Référentiel de compétences de LMT - Expert Group – 2017
https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fwk_2017_en_web.pdf[16.02.2018].

For citation:

Gavrilenko, N. (2019) THE ENGAGEMENT OF ANALOG AND DIGITAL APPROACHES IN TEACHING TRANSLATION // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 130-134. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-130-134>

Для цитирования:

Гавриленко, Н. (2019) ОБРУЧЕНИЕ АНАЛОГОВОГО И ЦИФРОВОГО ПОДХОДОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 130-134. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-130-134>

Information about the author:

Nataliya Gavrilenko - Doctor of Pedagogical sciences, Professor Foreign Languages Department Engineering Academia, Peoples' Friendship University of Russia - RUDN University, Moscow, Russia.
[e-mail: nngavrilenko@narod.ru](mailto:nngavrilenko@narod.ru)

Сведения об авторе: Наталья Гавриленко - д.п.н., проф. кафедры иностранных языков
Инженерная академия, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
[e-mail: nngavrilenko@narod.ru](mailto:nngavrilenko@narod.ru)

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-134-138>

AUDIOFILES WITH ORAL FAMILY COMMUNICATION IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Yuliya Pikuleva

PhD in Philology, associate professor,

**Department of Russian language, General linguistics and speech communication at
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin**

(Yekaterinburg, Russia)

e-mail: pik@bk.ru

Abstract: The article is devoted to the description of the methodology used in the process of speech training of foreign undergraduates and graduate students in UrFU. To increase the level of proficiency students at advanced levels of training are offered not just listening colloquial speech, but a more complicated procedure – transcript of audio taken with colloquial conventional signs. Regular work on listening and decoding oral family communication allows foreign students to understand its thematic, stylistic and value specifics, to easier interpret the purpose of the spoken text, to introduce new words and expressions into speech practice of each student. Commenting on the transcripts by the teacher contains an interpretation of deviations from the norms. Typical problem areas in listening are identified: significant for family communication precedent expressions, unofficial family names, language-game. The use of the proposed method can improve the linguistic, communicative and cultural competence of foreign students.

Key words: Russian as a foreign language, listening, unadapted text, family communication

ЗАПИСИ УСТНОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Юлия Борисовна Пикулева

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра русского языка. общего языкознания и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
e-mail: pik@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию методики, применяемой в процессе речевой подготовки иностранных магистрантов и аспирантов в УрФУ. Для повышения уровня владения языком студентам на продвинутом уровне подготовки предлагается не просто аудирование живой разговорной речи, а более сложная процедура – расшифровка аудиозаписей с помощью принятых у коллоквиалистов знаков. Регулярная работа по аудированию и расшифровке устной семейной коммуникации позволяет студентам иностранцам осознать её тематическую, стилистическую и ценностную специфику, легче интерпретировать целеустановку разговорного текста, ввести в речевую практику каждого студента новые слова и выражения. Комментирование расшифровок преподавателем содержит интерпретацию отступлений от норм. Выявляются типичные проблемные зоны в аудировании: ценностные для семейной коммуникации прецедентные высказывания, используемые для обращения к членам семьи имена собственные, языковая игра. Использование предложенной методики позволяет повысить языковую, коммуникативную и культуроведческую компетенцию студентов-иностранцев.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аудирование, неадаптированный текст, семейная коммуникация

ВВЕДЕНИЕ. Преподаватели русского языка как иностранного часто сталкиваются с проблемой адекватного восприятия звучащей русской речи студентами-инофонами. Причем трудности с интерпретацией услышанного возникают не только у студентов начального уровня обучения, но и у магистрантов и аспирантов с хорошим знанием языка. Для специалистов в области РКИ становится очевидной проблема дисбаланса между разными разделами курса: фонетике, разделу, значимому для аудирования, отводится в 6 раз меньше учебных часов, чем, например, лексике или грамматике (Grekova 2017). Причем считается, что на продвинутых уровнях обучения фонетикой заниматься уже не нужно, ведь базовые сведения о звуковом строе языка уже получены в бакалавриате. При этом очевидно, что аудирование – основа устной коммуникации: по данным исследований, восприятие звучащей речи составляет почти половину речевых действий, осуществляемых человеком в течение дня (Stepanenko 2017).

Остро встает вопрос об учебных материалах, способных развивать навыки аудирования. В учебной практике на занятиях РКИ используются, как правило, «озвученные письменные тексты» (Gonchar 2011), т.е. составленные с учебной целью и записанные профессионалами монологи и диалоги, а также «чтецкие» записи художественных текстов. В подобных записях звучащий текст исполняется в оптимальном для студентов определенного уровня подготовки темпе (например, 210-230 слогов в минуту для уровня В1). В учебных записях обычно нет фонового шума, который может выступать помехой для восприятия содержания текста. Однако в реальной речевой практике студенты-иностранцы, приехавшие на учебу в Россию, сталкиваются с необходимостью понимания неподготовленной звучащей речи бытового содержания, произносимой в быстром темпе при звуковых помехах. Корректное аудирование в этом случае становится условием адекватного вступления в коммуникацию с носителями языка, а также социокультурной адаптации учащихся в иноязычной среде.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Изучение аудирования как вида речевой деятельности началось в рамках методики обучения иностранным языкам (Bim 1988; Gez et. al., 1982; Eluhina 1989). Методисты в сфере РКИ, продвигая принцип коммуникативного характера обучения, отмечают целесообразность использования на занятиях аутентичных аудиотекстов (Andreeva 2018; Gonchar 2011; Kirsanova 2007). Именно этот материал признается валидным, т.к. позволяет формировать аудитивные умения, «научить обучающихся свободно ориентироваться в иноязычной среде, а также уметь адекватно реагировать в различных языковых ситуациях» (Nekrasova 2017).

Исследователями поднимается вопрос об восприятии речи как критическом перцептивном и когнитивном процессе, который становится эффективным, когда «слушатель не столько извлекает информацию из речевых сигналов, сколько реконструирует сообщение, основываясь на переработке речевой информации и используя широкий перечень эвристических стратегий» (Lebedinskij 2018). Аудирование описывается в методических работах как «сложный многоступенчатый процесс, который включает в себя различные виды обработки информации, в том числе «сверху-вниз» и «снизу-вверх» (Barsegyan 2017). Подобные стратегии понимания при аудировании, когда человек идет от языковой формы к содержанию текста или наоборот, были представлены в исследованиях А.Р. Лурии (Luriya 1998). Использование таких стратегий переработки информации при аудировании может помочь развить языковые, коммуникативные и культуроведческие компетенции учащихся.

Методисты отмечают трудности, с которыми сталкивается иностранец в процессе интерпретации устного текста на русском языке: трудности содержания, трудности языковой формы, трудности, вызванные структурной организацией аудиотекста и условиями его восприятия (Shchukin 2010), «трудности, связанные с

общей неразвитостью рецептивных механизмов» (Andreeva 2018). Также трудны для инофона аудиотексты с «индивидуальными особенностями источника речи» (Harseeva, Petrosyan 2018).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Стремление к совершенствованию навыков аудирования у иностранных аспирантов и магистрантов привело преподавателей – членов научной группы «Лаборатория коммуникативной филологии» УрФУ к использованию нового типа учебного речевого материала – записей живой разговорной речи. Это фрагменты семейной коммуникации, содержащие интересный материал, который может способствовать развитию языковой, коммуникативной и лингвокультурологической компетенций. Был собран репрезентативный объем текстов – 15 часов диалогов горожан-уральцев, связанных общностью семейных отношений. Эти тексты были предложены 6 молодым иностранным исследователям (аспирантам и магистрантам из Китая и Вьетнама) для перевода аудиозаписей в письменную форму. Ими использовалась методика письменной записи разговорной речи, принятая коллоквиалистами (см: Russkaya razgovornaya rech', 1978; Sibiryakova 1996; Shalina 2011). Сделанные иностранцами расшифровки высланы на проверку курирующему преподавателю, который оценивал корректность выполнения задания, вносил необходимую правку. Изменения получали фонетический, лексический, морфологический, синтаксический лингвокультурологический, лингвоаксиологический комментарий. Таким образом, в работе реализовывались принципы проблемного, личностно-ориентированного обучения в рамках коммуникативного подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. В результате проведенного исследования подтвердились предположения о трудностях проблемного обучения иностранцев аудированию. Несмотря на то, что вначале аспирантам и магистрантам предлагались для расшифровки тексты, максимально приближенные к студийным записям (телефонные диалоги, в которых два (реже три) человека говорят в среднем темпе без звуковых помех), первый опыт аудирования семейной коммуникации показал, что иностранцы испытывают сложности в интерпретации целеполагания коммуникантов, понимания содержания их высказываний, прецедентных культурных знаков, языковой игры, не говоря уже проблемах в интерпретации фонетических, лексических, грамматических отклонений от норм. Стало очевидно, что задание на расшифровку должно включать не только аудиофайл, но и текст-комментарий с параметрическим описанием коммуникантов и тех необходимых сведений о них, которые важны для интерпретации содержания текста. Например:

2 мая 2018 года. Разговор родственников за столом в праздничный выходной день (30 мин. 08 сек.).

Ольга (в тексте О.) – женщина 42 года, образование высшее, преподаватель, приехала в гости к Галине с роллами.

Галина (в тексте Г.) – женщина 32 года, двоюродная сестра Ольги, замужем, имеет дочь, учитель английского языка в средней школе.

Алла (в тексте А.) – девочка 5 лет, дочь Галины, ходит в частный детский сад, лето часто проводит в деревне у бабушки.

Такой претекстовый комментарий позволяет запустить в сознании иностранного студента механизм вероятностного прогнозирования и вычленить те темы, которые могут быть затронуты в диалоге родственников (майские праздники, планы на выходной день, блюда на праздничном столе, проблемы на работе, воспитание дочери, планы на каникулы). Эта информация должна позволить иностранцу сориентироваться в пространстве звучащего текста.

Языковая специфика разговорной речи (своеобразная «небрежность» на всех уровнях языковой системы), безусловно, осложняет расшифровку текстов, поскольку обучающимся приходится скрупулёзно фиксировать все отступления от норм произношения, построения предложений, отмечая паузы, но не ставя знаки препинания. Например:

Г. Вот смотри вроде из платья как бы выросла / но оно по ширине ей всё /

О. Ну понятно /

Г. Лялька по-моему ростовку совсем не меняет / В нём и в садик ходит ещё / Тока щас (только сейчас) стала отваливаться / вот вчера заметили // Может и в садик и дома в нём типа халата

Подобные бытовые разговоры, с одной стороны, кажутся интересным материалом, который может иллюстрировать особенности разговорного стиля речи, а с другой стороны, могут получить лингвоаксиологическое описание. Можно интерпретировать систему ценностей коммуникантов. Так, данный диалог дает возможность обсудить значимость для говорящих «вещных» ценностей – новой одежды для ребенка. Об этом свидетельствует то, что молодая мать считает необходимым оправдаться перед гостей за то, что ребенок ходит в старой рваной одежде. При этом очевидно, что для ребенка важна привычка – она готова носить любимую одежду не снимая. Бытовая тематика семейной коммуникации позволяет сделать вывод о том, что важно и ценно для говорящих в обыденной жизни. Иностранному студенту может спроектировать слышанное на свою коммуникативную практику и представить, как он бы вел себя в подобной ситуации.

Особый феномен разговорной речи, который вызвал большое затруднение у расшифровщиков, – это имена собственные, неформальные номинации, которые используются по отношению к родственникам в семейной коммуникации. Работая над аудиозаписями, иностранцы осваивают большую тему, связанную с образованием уменьшительно-ласкательных разговорных вариантов имён. Например, *Артём* может быть назван *Тёмьчем*, *Алла* – *Алосиком*, *Люба* – *Любашиком*, *Галя* – *Галинкой*. При первом предъявлении подобные имена, как правило, записываются неправильно, однако потом легко идентифицируются в тексте. Особое внимание при комментировании приходится уделять окказиональным номинациям, которые часто образуются на основе контаминации или игровой фонетической трансформации: *Манадя* – от *Мама Надя*, *Галялька* – *Галя-лялька*, *Пакейка* – *Матвейка*. Коммуникативная компетенция предполагает умение выбирать стилистически

адекватный вокатив при обращении к члену семьи, и на материале собранных текстов семейной коммуникации можно совершенствовать эту компетенцию.

Особую сложность вызывает расшифровка фрагментов, содержащих культурно значимую информацию, хрестоматийную для носителей русского языка, но совершенно не известную иностранцу. Например, в диалоге между пожилым отцом и его дочерью появляется прецедентная фраза из книги К.И. Чуковского «От трёх до пяти».

Ю. А-а / то есть на приеме у врача вы не были / Вы чисто на процедуру ходили?

П. Нет // Мы ходили на //

Ю. Обследование //

П. Обследовании //

Ю. Но это обследование надо показать ещё врачу? /

П. Ну да //

Ю. А-а // Ну как всегда у нас да? // (задумчиво) Многоходовка //

П. (со злостью) Это не многоходовка / это вообще дуреть //

Ю. Терпи коза / а то мамой будешь // (смеется)

П. Вот-вот / вот-вот / как-то вот //

Прецедентная фраза «Терпи, коза, а то мамой будешь» описана Чуковским как пример детской интерпретации совета «Терпи, казак, атаманом будешь». Она не осознаётся инофоном как устойчивый оборот, а потому при расшифровке выделяется цветом как проблемный элемент, который требует объяснения преподавателя. У обучающего вызывает недоумение, почему дочь называет отца *козой* и почему он может стать *мамой*. Для иностранца важным сигналом интерпретационной трудности становится смеховая реакция коммуникантов: если они не могут понять шутку, они просят преподавателя-куратора пояснить. Этот пример показывает, что у инофона, как и у ребенка, есть лингвокультурные лакуны, которые будут восполняться всё время обучения русскому языку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Системная и систематическая работа по обучению аудированию привела к тому, что иностранным аспирантам и магистрантам стали доступны для расшифровки сложные полилоговые тексты (от 4 до 8 коммуникантов). Как показало последовательное улучшение результатов расшифровки, работа с аутентичными текстами семейной коммуникации формирует у студентов продвинутого уровня языковую компетенцию (знание специфики разговорной речи), коммуникативную компетенцию (представление о стереотипных формулах, используемых в тех или иных ситуациях общения), культуроведческую компетенцию (знания о прецедентных текстах, значимые фоновые знания о истории России, её культурной и общественной жизни). Кроме того, контроль за строгим соответствием расшифровки требованиям оформления подобных текстов помогает донести до аспирантов и магистрантов мысль о важности вычитки материалов собственных научных исследований.

ИНФОРМАЦИЯ О ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/19 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

LIST OF REFERENCES

- Andreeva N.V. (2018). Osnovnye trudnosti v obuchenii audirovaniyu zarubezhnyh studentov (uroven' V1-V2) [The main difficulties in listening training of foreign students (level B1-B2)]. *Izvestiya Yuzhno-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, V.8, (1-26), 91-97.
- Barsegyan K.M. (2017). Obuchenie strategiyam pererabotki informacii v processe audirovaniya na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu [Teaching strategies of information processing in the process of listening at the lessons of Russian as a foreign language]. *Filologicheskij nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4(70), V. 2, 189-191. Tambov: Gramota.
- Bim L.I. (1988). Teoriya i praktika obucheniya nemeckomu yazyku v srednej shkole. Problemy i perspektivy [Theory and practice of teaching German in high school. Problems and prospects]. Moskva: Prosveshchenie.
- Borisova I.N. (2001). Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika [Russian conversational dialogue: structure and dynamics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Gez N.I., Lyahovickij M.V., Miroljubov A.A. i dr. (1982). Metodika obucheniya inostrannym yazykam v srednej shkole [Methods of teaching foreign languages in secondary school]. Moskva: Vysshaya shkola.
- Gonchar I.A. (2011). Zvuchashchij tekst kak ob'ekt metodiki v aspekte RKI [Sounding text as an object of methodology in the aspect of Russian as a foreign language]. *Russkij yazyk za rubezhom*, (2), 25-31.
- Grekova O.K. (2017). Formirovanie professional'noj yazykovej lichnosti inostrannogo filologa-rusista: govoryashchego, pishushchego, chitayushchego, slushayushchego [Formation of professional linguistic personality of a foreign philologist-Russian: speaking, writing, reading, listening]. *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, (22-1), 65-69.
- Eluhina N.V. (1989). Obuchenie audirovaniyu v rusle kommunikativno orientirovannoj metodiki [Listening training in line with the communicative-oriented methodology]. *Inostrannye yazyki v shkole*, (2), 28-36.
- Kirsanova O.F. (2007). Ispol'zovanie autentichnyh materialov na urokah anglijskogo yazyka ka sredstva formirovaniya inoyazychnoj kul'turologicheskoy kompetencii [The use of authentic materials in English lessons as a means of formation of foreign cultural competence]. *Inostrannye yazyki v shkole*, 19-25.
- Lebedinskij S.I. (2018). Strategii ponimaniya ustnoj nauchnoj rechi: dissertaciya doktora filologicheskikh nauk : 10.02.19 [Comprehension of oral scientific speeches: thesis of the doctor of Philology : 10.02.19.]. Minsk, rukopis'.
- Luriya A.R. (1998). Yazyk i soznanie [Language and mind]. Moskva: MGU.

- Nekrasova E.Yu. (2017). Kommunikaciya kak cel' i sredstvo obucheniya russkomu kak inostrannomu yazyku [Communication as a goal and means of teaching Russian as a foreign language]. *Molodezh'. Obrazovanie. Nauka*, (1-1), 81-86.
- Russkaya razgovornaya rech' : teksty [Russian speaking: texts] (1978). Moskva: Nauka.
- Sibiryakova I.G. (1996). Tematicheskoe strukturirovanie razgovornogo dialoga: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Thematic structuring of conversational dialogue: thesis of the doctor of Philology Sciences: 10.02.01]. Ekaterinburg, rukopis'.
- Stepanenko V.A. (2017). Novye tendencii v metodike prepodavaniya RKI [New trends in the methodology of teaching Russian as a foreign language]. *Tekst kul'tury i kul'tura teksta Materialy IV Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma*, Sankt-Peterburg: Obshchestvo prepodavatelej russkogo yazyka i literatury, 736-741.
- Harseeva D.O., Petrosyan O.B. (2018). Trudnosti audirovanie pri izuchenii RKI [Difficulties of listening in the study of Russian as a foreign language]. *Vyssshaya shkola: Problemy i perspektivy. Materialy 13-j Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*, 333-336.
- Shalina I.V. (2011). Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i epistolarnye obrazcy: hrestomatiya [Live speech of the Ural city: oral dialogues and epistolary samples: anthology]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Shchukin A.N. (2010). Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Methods of teaching Russian as a foreign language] (2nd ed.). Moskva: Vysshaya shkola.

For citation:

Pikuleva, Yu. (2019) AUDIOFILES WITH ORAL FAMILY COMMUNICATION IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 134-138. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-134-138>

Для цитирования:

Пикулева, Ю. Б. (2019) ЗАПИСИ УСТНОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 134-138. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-134-138>

Information about the author: **Pikuleva Yuliya Borisovna** – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian language, General linguistics and speech communication at Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

e-mail: pik@bk.ru

Сведения об авторе: **Пикулева Юлия Борисовна** – Кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка. общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

e-mail: pik@bk.ru

Manuscript received: 05/23/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-138-142>

INNOVATIVE PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AS A UNIVERSAL MEANS OF TRAINING, EDUCATION AND DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL PUPIL

Elena Rogaleva

DrHab (philology), Professor

Pskov State University

(Pskov, Russia)

e-mail: cambala2007@yandex.ru

Abstract. The article reveals modern approaches in the field of educational phraseography. The purpose of this article is to illustrate the concept of innovative phraseography for primary school using the materials of author's educational dictionaries. These dictionaries are built in the form of interactive cultural and cognitive hypertext, which has a high educational, cultural and educational potential. The article presents author's phraseographical method of discursive hypertext design, shows the tactics of etymological paraphrase in the system of text-forming techniques of innovative lexicography. The historical and etymological description of the phraseological unit is constructed using intellectual and developing technologies and involves the active participation of the pupils in the reconstruction of the etymological version: they observe, prove, generalize linguistic and cultural material, do the exercises and assignments related to different areas of knowledge. Innovative dictionaries, developed according to this author's concept, allow a primary school pupil to study a phraseological units in a complex way, as signs of language and culture.

Keywords: phraseography, educational dictionary, cultural and cognitive etymological hypertext, dictionary entry, primary school pupil

ИННОВАЦИОННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Елена Ивановна Роголёва
Доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
(Псков, Россия)
e-mail: cambala2007@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются современные подходы в области учебной фразеологии с учетом наметившейся тенденцией к повышению интереса у младших школьников к чтению литературы справочно-энциклопедического характера. Цель статьи – материалами учебных авторских словарей проиллюстрировать концепцию инновационных фразеологических словарей для начальной школы, представляющих собой интерактивный культурно-познавательный гипертекст, важнейшей характеристикой которого является наличие образовательного, культурологического, воспитывающего и развивающего потенциала. Это достигается за счет использования разработанного автором фразеологического метода дискурсивного гипертекстового конструирования с применением тактики этимологического парафразирования в системе текстоорганизующих приемов словарной репрезентации фразеологизмов младшему школьнику. В статье представлены материалы из фразеологического словаря в рассказах, где этимологическую версию с включением разнообразной информации, имеющей образовательно-развивающую и воспитательную направленность, раскрывают различные персонажи. Историко-этимологическая разработка фразеологизма строится с использованием интеллектуально-развивающих технологий и предполагает активное участие ребенка в воссоздании этимологической версии: он наблюдает, доказывает, обобщает языковой и культурологический материал, выполняя сопутствующие задания, связанные с разными областями знаний. Инновационные словари, построенные по данной авторской концепции, позволяют младшему школьнику освоить фразеологизм комплексно, как знак языка и культуры.

Ключевые слова: фразеология, учебный словарь, культурно-познавательный этимологический гипертекст, словарная статья, младший школьник

ВВЕДЕНИЕ. Младшие школьники испытывают затруднения в понимании семантики фразеологизмов, осмыслении их внутренней формы, корректном употреблении в речи. Это обусловлено не столько возрастными особенностями развития интеллектуальной сферы детей 7-10 лет, но и недостаточным научно обоснованным лингвометодическим обеспечением процесса усвоения фразеологизмов, адекватного уровню развития ребенка.

Одним из эффективных средств обучения фразеологии является учебный словарь. Этим определяется актуальность нашего исследования, целью которого являлась разработка концепции учебного антропоориентированного фразеологического словаря – культурно-познавательного, развивающего и обучающего коммуникации. В свою очередь цель данной статьи – на авторских словарных материалах представить концепцию комплексной репрезентации фразеологизма посредством инновационной лексикографической технологии, направленной на обучение, воспитание и развитие младшего школьника.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Как показал анализ литературы по проблеме нашего исследования, единичные исследования в сфере учебной фразеологии для адресата-ребенка затрагивают вопросы репрезентации фразеологизмов в словарях детской речи (Bestugina 2006), фразеологизации картины мира в текстах из детской художественной литературы (Petrenko 2008), выявления лингводидактических принципов конструирования фразеологического словаря для начальной школы (Basko 2016).

В качестве одного из перспективных направлений современной лексикографии выделяется разработка комплексных словарей, где языковые единицы получают подробную характеристику по многим параметрам, в результате чего создается многоаспектный лексикографический портрет слова (Bobunova 2009). К сожалению, большинство российских учебных фразеологических словарей (подробный анализ которых представлен в: Rogaleva 2009) для начальной школы нельзя характеризовать как комплексные. Кроме семантизации фразеологизма они в некоторых случаях содержат лишь этимологическую справку.

Вместо с тем для формирования нашей фразеологической концепции важна тенденция (наметившаяся еще в 80-е годы прошлого столетия) к стиранию граней между разными типами словарей (в частности, между лингвистическими и энциклопедическими словарями) (Zaikovskaia 2011), за счет чего повышается информационная насыщенность словарной статьи, приобретающей комплексный характер, что особенно значимо для учебного словаря как средства обучения, воспитания и развития языковой личности.

При этом современные теоретики лексикографии отмечают, что словарная статья является полностью авторским творением (Rezupova, 2008), а ее наполнение обусловлено как направленностью и типом словаря, так и «духом и воздухом» той эпохи, в которую словарь задумывается и составляется (Ivanova 2010), что повышает его ценность как текста для познавательного чтения. В этой связи важно отметить, что последние исследования по изучению чтения в России показывают изменившееся к нему отношение детей по сравнению с 2000-2010 гг., когда наблюдался полный отказ от чтения. Сейчас многие дети младшего школьного возраста с интересом читают научно-познавательную литературу, отдавая предпочтение энциклопедическим источникам (Kolossova 2016).

С учетом этой тенденции в настоящее время в Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ создаются интерактивные фразеологические справочные пособия в бумажном формате для детей младшего школьного возраста (Rogaleva and Nikitina 2017), (Rogaleva and Nikitina 2018). Данные словари являются не только первой учебной репрезентацией русской фразеологии, гарантирующей успешное усвоение

ребенком фразеологизма, но и становятся окном в мир русской культуры и истории, а также универсальным средством обучения, воспитания и развития младшего школьника.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования использовались приемы лингвокультурологического анализа, семантической идентификации и межъязыкового сопоставления фразеологизмов, методика структурно-семантического моделирования и описательный метод.

В целях реализации авторской концепции словарной репрезентации фразеологии адресату-ребенку был разработан лексикографический метод дискурсивного гипертекстового конструирования с использованием тактики этимологического парафразирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Наша фразеографическая стратегия, направленная на формирование фразеологической компетенции младшего школьника, а также его интеллектуально-речевое развитие и воспитание, находит воплощение в комплексной репрезентации фразеологизма посредством инновационной лексикографической технологии (Rogaleva 2014).

Воспитательно-развивающий и обучающий потенциал фразеологического словаря обусловлен «культуроносностью» самих фразеологизмов и культурно значимыми сферами (Mokienko 1982), к которым они восходят:

I. Природа, животный и растительный мир: *дрожать как осинный лист, белены объелся* и т.п.

II. Бытовая сфера: 1) реалии повседневной жизни прошлого – *ни кола ни двора* и т.п.; 2) единицы измерения – *семи пядей во лбу; от горшка два вершка* и т.п.; 3) денежные единицы – *ломаного гроша не стоит* и т.п.; 4) игры, развлечения, спорт – *подложить свинью, бить в баклуши* и т.п.; 5) народная кухня и пища – *проще пареной репы, тертый калач* и т.п.;

III. Профессиональная сфера: *доводить до белого каления, на одну колодку* и т.п.

IV. История: *коломенская верста, как Мамай прошел* и т.п.

V. Духовная культура: 1) обряды, суеверия, верования – *как в воду глядел* и т.п.; 2) религиозные представления, связанные с христианством; церковнославянская книжность – *к шапочному разбору, как сквозь землю провалился* и т.п.; 3) русская письменность, книжное дело – *от А до Я* и т.п.

VI. Фольклор: *тише воды ниже травы, по цучьему велению* и т.п.

Согласно нашей концепции на базе научной версии происхождения фразеологизма посредством речевой тактики этимологического парафразирования конструируются вторичные культурно-познавательные тексты, интерпретирующие этимологическую версию применительно к условиям учебной коммуникации. Использование специальных текстоорганизующих приемов этимологической парафразы, позволяет познакомить младшего школьника с разноаспектной информацией культурно-познавательного характера, позволяющей не только сформировать у него мотив восприятия этимологии фразеологизма, но и создать широкое поле ассоциаций, на основе которых происходит метафорическое переосмысление прототипа. Таким образом, каждая сконструированная этимологическая парафраза реализует «образовательный, культурологический, воспитывающий и развивающий потенциал» учебного лексикографического текста (Voitik 2005).

Проиллюстрируем данные положения материалами словарных статей из фразеологического словаря в рассказах (Rogaleva and Nikitina 2018), где разноаспектная культурно-познавательная информация вплетается в сюжетную линию истории, которую излагают «авторитетные» рассказчики.

«Мало каши ел»

<...Эта фразеологическая история начинается в Санкт-Петербурге. Совсем недалеко от Дворцовой площади, на улице Миллионной нас ожидает наш сегодняшний рассказчик. Посмотри, вот он! (Рисунок одного Атланта Эрмитажа в Санкт-Петербурге)

– Впечатляющее зрелище, да? Ну, так я же – титан, могучий великан, один из героев древнегреческих мифов. Меня зовут Атлант.

Здесь, в Санкт-Петербурге, я работаю колонной, которая поддерживает балкон Нового Эрмитажа. Тяжело ли мне? Да что ты, ерунда! Это пушинка по сравнению с небом, которое я в наказание почти всю жизнь держал на своих плечах.

А тут я приятно отдыхаю. Ведь каждый, кто ко мне подходит, обязательно на моей ноге палец пощекочет. Это примета такая. Говорят, тогда твоё самое заветное желание сбудется. Вот мальчишки меня и щекочут – хотягь стать такими же сильными, как я. Но это желание и загадывать не надо. Просто нужно есть больше каши. Каждый день. Как я в детстве. Каша даёт человеку силы и очень полезна для здоровья.

Конечно, всякое бывало. Иной раз и не доем ложку каши, чего не скажешь про моего приятеля Геркулеса (он же Геракл). После него тарелка всегда оставалась чистой. И вот результат. Мало того, что двенадцать подвигов совершил, так ещё и стал умнее меня. Даже сумел обхитрить в одном деле (эту историю я расскажу тебе в другой раз). А всё опять из-за каши.

Да, действительно, учёные доказали, что каша способствует развитию умственных способностей. И об этом хорошо знает повар Сгущёнкин, поэтому он со своей кашей уже тут как тут. Давай, поешь. Эту кашу в народе называют геркулесовой – она из овсяных хлопьев «Геркулес». Догадываешься, откуда такое название? (Рисунок тарелки с овсяной кашей).

Горячая? Ну, хорошо. Пусть остывает, а пока повар Сгущёнкин расскажет тебе о происхождении нашего фразеологизма.

Итак, выражение *мало каши ел* отражает значение каши как одного из основных видов питания на Руси. Каша – сытная и полезная еда. Ею часто кормят детей, ведь людям давно известно, что каша даёт силу и

способствует росту ребенка. Ну, а тот, кто пока еще мало каши ел, остается слабым, не может справиться с серьезным, сложным делом – это и есть шуточный образ фразеологизма.

А сейчас вопрос из серии «Верю–не верю»:

– Веришь ли ты, что человек по сравнению с муравьём мало каши ел?

– И правильно делаешь, если веришь. Муравей перетаскивает камень в 50 раз больше своего веса. Если бы человек мог проявить такую «муравьиную» силу, то без труда перетащил бы на новое место одноэтажный дом...» (Rogaleva and Nikitina 2018).

Таким образом, помимо этимологии фразеологизма читатель получает культурологически значимую информацию об Эрмитаже в Санкт-Петербурге, о героях древнегреческой мифологии, традициях русской кухни, расширяет свой кругозор знаниями о представителях животного мира, получает полезные советы относительно рационального питания и укрепления здоровья.

В следующем примере воспитательный момент реализуется через репрезентацию семейных ценностей, страноведческие знания пополняются информацией о русских свадебных традициях, а привлечение персонажей-рассказчиков – представителей разных специальностей – позволяет ввести в словарный текст профориентационный компонент:

«Отрезанный ломоть»

«...У дверей в эту словарную статью остановился наш знакомый повар.

– Да Вы не стесняйтесь, повар Сгущёнкин, заходите!

– Да я не стесняюсь, просто не уверен, что эта моя история.

– Да как же не Ваша? Смотрите, в толковом словаре написано: «Ломоть –отрезанный для еды плоский кусок чего-нибудь: *ломоть хлеба, ломоть сала, ломоть дыни*». Конечно, Ваша!

– Ну, хорошо. Беру нож и отрезаю ломоть от батона (рисунок батона, а рядом отрезанного ломтя). И что? Как это связано с фразеологизмом *отрезанный ломоть*? Ведь он обозначает человека, который отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь. Я же говорю, что это не моя фразеологическая история. Позовите экскурсовода Раскопкина. Пусть лучше он разбирается. А тебе чем этот отрезанный ломоть намазать – вареньем или маслом? Обратного его не приставишь, а так оставлять нельзя. Заплесневеет.

– Это не розыгрыш? Вы, действительно, хотите, чтобы я, экскурсовод Раскопкин, рассказал о происхождении фразеологизма *отрезанный ломоть*? Я готов. Слушайте.

Повар Сгущёнкин оказался прав. Действительно, *отрезанный ломоть к хлебу (к караваю) не приставишь*. Это старинная русская поговорка. Она и явилась источником нашего фразеологизма. Раньше на Руси так говорили про дочь, вышедшую замуж и ушедшую из родительского дома в семью мужа. Таковы уж были русские традиции.

В старину часто употребляли и такую поговорку : «Девочку в колыбельку , холстинку в коробейку ». *Холстинка* – это легкая льняная или хлопчатобумажная ткань. *Коробейка* – короб, большая плетеная коробка с крышкой. А общий смысл поговорки такой: если у вас родилась дочь, сразу же начитайте готовить ей приданое – имущество, с которым она уйдет из родительского дома в семью мужа. До середины XIX века приданое (постельное белье, скатерти, полотенца, одежду, посуду и т.п.) складывали в большие плетеные короба, позднее – в деревянные сундуки, украшенные резьбой, росписью, металлическими накладками. А от жениха девушке перед свадьбой приносили обязательный подарок – расшитые шёлком сапожки, чтобы она готовилась уйти из родного дома.

Позже *отрезанным ломтем* стали называть и сына, отделившегося от родителей. С особой горечью и сожалением так говорили о сыне престарелые родители, которым нужна была его помощь, ведь с каждым годом им становилось все труднее вести крестьянское хозяйство.

Ой, извини, пожалуйста. Я вынужден закончить экскурсию. Наш фразеологизм напомнил мне, что я давно не навещал своих родителей. А я ведь не какой-нибудь там отрезанный ломоть, а любящий, заботливый сын. Просто работа у меня увлекательная, иногда забываю обо всём на свете. Но ведь я благодаря своим маме и папе получил такое качественное образование и стал одним из лучших экскурсоводов в нашем городе. (Рисунок сын с подарками стоит. Мама и папа рядом).

А ты решил позвонить бабушке? Давно не виделись? Позвони, конечно. А еще лучше – навести ее сегодня же. Это самый лучший вывод из нашей фразеологической истории. А другие родные и близкие? Не забываешь ли ты поздравлять их с праздниками, навещать? Звонишь ли старым друзьям? (Рисунок экрана мобильного телефона на котором написано: «Позвони тем, кого ты стал забывать») ...» (Rogaleva and Nikitina 2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, инновационные учебные словари, разработанные в рамках антропоцентрического подхода, комплексно репрезентирует фразеологизм **посредством** интерактивного культурно-познавательного гипертекста, который является новой формой словарного описания фразеологизмов. Образовательно-развивающие и воспитательные возможности этимологического словарного гипертекста определяются его полифункциональной природой, обусловленной богатейшим культурологическим и дидактическим потенциалом фразеологизма.

Каждая словарная статья отсылает читателя к текстам художественной литературы и русского фольклора, к тем или иным разделам математики, к темам учебных предметов начальной школы (окружающий мир, литературное чтение, иностранный язык, информатика и др.) с целью извлечения информации, необходимой для выстраивания этимологической версии или активизации рецептивных и продуктивных речевых навыков в сфере фразеологии.

Таким образом, инновационные словари, построенные по данной авторской концепции, позволяют младшему школьнику освоить фразеологизм комплексно, как знак языка и культуры, а учителю, работающему с таким учебным словарем, помимо осуществления своих лингвометодических планов успешно решать воспитательные и образовательные задачи.

LIST OF REFERENCES

- Basko, N.V. (2016). Leksikograficheskoe opisaniye frazeologizmov v uchebnoy frazeologicheskom slovare dlya uchashchikhsia nachal'noi shkoly [Lexicographical description of phraseological units in the educational phraseological dictionary for primary school students]. *Nauka i shkola*, (2), 76-83.
- Bestugina, Iu. V. (2005). O leksikograficheskom opisaniye frazeologicheskikh edinit v slovariakh detskoj rechi [About lexicographical description of phraseological units in dictionaries of children's speech]. *V. Dal' v paradigme idei sovremennoi nauki: iazyk – slovesnost' – kul'tura – leksikografiya – frazeografiya*. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 175-183.
- Bobunova, M. A. (2009). Russkaya leksikografiya XXI veka [Russian lexicography of the XXI century]. Moskva.: Flinta: Nauka.
- Voitik, N.V. (2005). Aktualizatsiya pedagogicheskogo potentsiala uchebnogo teksta (na primere obucheniya inostrannym iazykam v vuze) [Actualization of the pedagogical potential of the educational text (on the example of teaching foreign languages at the University)]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO*, (2), 33-39.
- Zaikovskaya, I.A. (2011). Osobennosti realizatsii tekstovykh kategoriy v pechatnom i elektronnom slovare [Features of implementation of text categories in the printed and electronic dictionary]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, (130), 150-155.
- Ivanova, E. P. (2010). Novye vozmozhnosti semantizatsii leksicheskoi edinity v multimedii slovare [New capabilities of lexical units semantization of multimedia dictionary]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (1-2), 49-53.
- Kolosova, E.A. (2017). Potrebitel'skaya sotsializatsiya detei: podkhody i praktiki [Consumer socialization of children: approaches and practices]. *Detstvo XXI veka v sotsiologicheskoy perspektive: novye teorii, yavleniya i ponimaniya*. Moskva: ROS, 139-158.
- Mokienko, V. M. (1982). O tematiko-ideograficheskoi klassifikatsii frazeologizmov [About subject-ideographic classification of phraseological units]. *Slovari i lingvostranovedenie*. Moskva: Russkii iazyk, 1982, 108-121.
- Petrenko, E. E. Frazeologicheskaya kartina mira v khudozhestvennykh tekstakh dlya mladshikh shkol'nikov [Phraseological picture of the world in literary texts for primary school pupils]. Cheliabinsk: ChGPU.
- Rezunova, M. V. (2008). Slovarnaya stat'ya: tekst ili diskurs? [Dictionary entry: text or discourse?]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (10), 47-49.
- Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2017). Uma palata [He wasn't born yesterday]. *Frazeologicheskii slovar' dlya detei*. Moskva: Izdatel'skii Dom Meshcheriakova.
- Rogalyova E.I. & Nikitina T.G. (2018). Sami s usami [We weren't born yesterday]. *Vesyolye frazeologicheskii slovar'*. Moskva: Izdatel'skii Dom Meshcheryakova.
- Rogaleva, E.I. (2009). K kontseptsii interaktivnogo uchebnogo slovaria [On the concept of interactive educational dictionary]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki»*, (7), 116-120.
- Rogaleva E.I. (2014). Sovremennaya uchebnaya frazeografiya: teoriya i praktika [Modern educational phraseography: theory and practice]. Pskov: OOO LOGOS Plyus.

For citation:

Rogaleva, E. (2019) INNOVATIVE PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AS A UNIVERSAL MEANS OF TRAINING, EDUCATION AND DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL PUPIL // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 138-142. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-138-142>

Для цитирования:

Рогалёва, Е. И. (2019) ИННОВАЦИОННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 138-142. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-138-142>

Information about the author: Rogaleva Elena Ivanovna – DrHab (philology), Professor, Pskov State University (Pskov, Russia), e-mail: cambala2007@yandex.ru

Сведения об авторе: Рогалёва Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет (Псков, Россия), e-mail: cambala2007@yandex.ru

Manuscript received: 06/05/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-143-147>

BLENDED LEARNING IN THE LANGUAGE CLASSROOM

Valentina Reshetnikova
Senior Teacher
Russian University of Transport
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: valentina_ros@mail.ru

Annotation. A mixed form of education is that educational Internet technologies are used to support traditional full-time education. In blended learning, various methods of delivering educational material are used, such as e-learning and more traditional instructor-led learning. Learning organizations are currently combining online learning resources with classroom instruction or mixing the use of an independent workbook with individual instruction. Blended learning is important because it allows you to use different ways of learning and can satisfy different needs and learning styles. The method of working in tandem when learning a foreign language is considered. The effective use of a mixed form of teaching foreign languages allows you to increase the motivation of students to get good results in mastering a foreign language.

Keywords: remote, blended, learning, computer, Internet

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ КЛАССЕ

Валентина Решетникова
Старший преподаватель
Российский университет транспорта
(Москва, Российская Федерация)
e-mail: valentina_ros@mail.ru

Аннотация. Смешанная форма обучения заключается в том, что образовательные Интернет-технологии используются в качестве поддержки традиционного очного образования. В смешанном обучении используются различные методы доставки учебного материала, такие как электронное обучение и более традиционное обучение под руководством инструктора. Учебные организации в настоящее время объединяют онлайн-учебные ресурсы с обучением в классе или смешивают использование самостоятельной рабочей тетради с индивидуальным инструктажем. Смешанное обучение важно, так как оно позволяет использовать различные способы обучения и может удовлетворить различные потребности и стили обучения. Рассматривается метод работы в тандеме при изучении иностранного языка. Эффективное использование смешанной формы обучения иностранным языкам позволяет повысить мотивацию студентов получить высокие результаты в овладении иностранным языком.

Ключевые слова: дистанционный, смешанный, обучение, компьютер, Интернет

ВВЕДЕНИЕ. Современная методика выделяет ряд ключевых форм обучения. Это аудиторное обучение, предполагающее непосредственный контакт учащегося и обучающего; кейс-обучение, ориентированное на самостоятельную работу обучающихся, обеспеченное набором необходимых дидактических средств; обучение в сетях (e-learning), организуемое с помощью инструментальной среды, и т. д.

В эпоху, когда навыки работы с информационными и коммуникационными технологиями так важны, и так много совместной работы, совместного использования ресурсов, разработки контента и обучения осуществляется в цифровом, асинхронном и дистанционном режиме, маловероятно, что обучение студентов продолжится основываться исключительно на печатных учебниках и очных уроках, проводимых с шагом в 50 минут. Большинство педагогов, родителей и политиков считают «онлайн-обучение» подмножеством дистанционного обучения (где учащиеся и преподаватели географически разделены), в котором доставка контента и коммуникация осуществляются главным образом с использованием компьютеров, подключенных к Интернету.

В течение последних сорока лет индустрии обучения и развития постоянно внедряются новые инструменты, разные платформы и разные подходы к обучению. Благодаря лучшей и быстрой технологии мы начали использовать электронное обучение. Хотя электронное обучение было встречено с большими ожиданиями, теперь мы знаем больше о том, когда и как его использовать, и что наиболее эффективные программы электронного обучения - это те, которые сочетаются с другими учебными ресурсами.

В переводе с английского языка “blended learning” означает “смешанное обучение”. Это система обучения, которая совмещает в себе элементы и подходы преподавания в аудитории, автономного и дистанционного обучения. Суть смешанной формы заключается в том, что образовательные Интернет-технологии используются в качестве поддержки традиционного очного образования. Структура смешанного обучения включает в себя четыре основных составляющих: e-learning, т.е. обучение в Интернете, работа на компьютере с использованием интерактивных программ; самостоятельная работа – изучение грамматического материала, работа с текстами, словарем, развитие навыка восприятия на слух (аудио-, видеоресурсы); работа с

преподавателем – индивидуальная и групповая работа под руководством преподавателя, практика общения и отработка изученного материала; коучинг – режим личных консультаций с преподавателем (телефон, e-mail).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Появление обучения, которое сочетает в себе онлайн и личную доставку, является не просто теорией - оно уже разрабатывается и внедряется учебными заведениями по всему миру, а в некоторых случаях продолжается уже несколько лет. Смешанному обучению посвящены труды многих российских и зарубежных ученых. В России это Полат Е.С., Бухарина М.Ю., Моисеева М.В., Брейгина М.Е., Гетель Е.И., Бим И.Л., Андреев, А.А., Солдаткин В.И., Тихомирова, Е.И., Шленов, Ю., Мосичева, И., Шестак. В. За рубежом вопросами дистанционного и смешанного обучения занимались Дзюбан, Хартман, Москаль, Дикельман, Стакер, Хорн, Bishop., Verleger.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Идея смешанного обучения состоит в том, чтобы синтезировать ряд различных подходов для создания эффективного обучения. В то время как смешанный подход не является новой концепцией, многие организации в настоящее время объединяют онлайн-учебные ресурсы с обучением в классе или смешивают использование самостоятельной рабочей тетради с индивидуальным инструктажем. Таким образом, организации максимизируют и оптимизируют использование ресурсов.

Этот комбинированный подход к использованию ресурсов и доказательство наличия связанных с обучением вариантов часто может улучшить усвоение учебного материала.

Онлайн-обучение может быть либо дистанционным, либо смешанным обучением, причем оба они поддерживаются новым надежным учебным подходом, в котором используются лучшие элементы обеих настроек. Независимо от точного определения смешанного обучения, все больше онлайн-школ и программ сочетают в себе онлайн-обучение и индивидуальное обучение.

Что такое смешанное обучение и как оно является частью дистанционного обучения? Существует много определений смешанного обучения (иногда называемого гибридным обучением), но в основном это сочетание онлайн-обучения и очного традиционного образования. Он берет лучшее из обоих миров и объединяет их в один курс. Смешанное обучение (Blended learning)— это форма обучения, при которой часть познавательной деятельности обучающихся проводится на знаниях под непосредственным руководством преподавателя, а часть деятельности выносится на самостоятельную индивидуальную работу обучающегося с электронными средствами обучения. Даже если образовательное учреждение не предоставляет никаких дистанционных курсов или чисто сетевых, обучающийся имеет возможность обучения в данной форме, если он посещает свое образовательное учреждение и получает материалы от другого учреждения или занимаясь самообразованием с использованием электронных средств обучения (Polat, Bukharin, Moiseeva 2004:5).

В научной литературе можно встретить несколько вариантов названия данной формы обучения: гибридное образование (Hybrid Learning), обучение посредством технологий (Technology-Mediated Instruction), Web-Enhanced Instruction (обучение посредством веб-ресурсов) и Mixed-Model Instruction (обучение в смешанном режиме). Смешанным признается если от 30 до 79% учебного времени проводится онлайн.

Суть смешанного обучения заключается в том, что это не добавка к деятельности преподавателя, а замещение части его работы электронным ресурсом. Описываемые далее модели не относятся к смешанной форме обучения, однако в сочетании с онлайн обучением, могут представлять профессиональный интерес для преподавателей.

Традиционная модель очного обучения (Brick-and – mortar) предполагает работу в аудитории и делится на два вида: традиционное обучение (Traditional Instruction) и обучение с использованием электронных носителей информации (Technology- rich instruction). Traditional instruction— традиционная работа под непосредственным руководством преподавателя с использованием бумажных носителей информации по единому для всех расписанию. Technology- rich instruction —традиционная работа под непосредственным руководством преподавателя с использованием электронных носителей информации (электронные доски, электронные книги, Интернет-инструменты и учебные планы в режиме сетевого доступа), без предоставления учебных материалов в сети. Следующие модели представляют собой два вида онлайн обучения, но в корне отличаются от смешанной формы обучения.

Informal online learning— неформальное, интегрированное дистанционное обучение на основе мультимедийных программ, когда студенты используют электронные средства обучения в свое свободное время, вне занятий. Например, образовательное видео игры или просмотр онлайн-лекций. Самоконтроль преобладает над со стороны преподавателя. Это могут быть также программы самообразования при возможности консультаций. Они также ориентированы на обучение взрослой аудитории, то есть тех, кто по каким-то причинам не смог закончить школьное образование.

Full-time online learning— сетевая модель обучения, когда студенты получают материалы через Интернет и взаимодействуют с преподавателем посредством Интернет- технологий на расстоянии. Тем не менее, такое обучение предполагает сдачу экзаменов, лабораторных работ непосредственно в очной форме обучения в присутствии преподавателя.

Концепция смешанного обучения представляет собой сочетание нескольких составляющих: дистанционного обучения (Distance Learning), обучение в аудитории (Face-to Face Learning), обучение через Интернет (Online learning), и самообучение (Self-learning). Иногда люди используют смешанное обучение означает объединение традиционного класса для одного курса и онлайн-курса для другого.

Мы все знаем, насколько эффективным может быть обучение в классе. Мы также знаем, насколько хорошо электронное обучение может обеспечить обучение базовым навыкам, процедурное обучение и моделирование для широкой и географически распределенной аудитории. Нельзя отрицать ценность обучения

на рабочем месте, индивидуального обучения и наставника. Мы знаем сильные и слабые стороны этих ресурсов, поэтому мы пытаемся смешивать, используя наиболее эффективные компоненты каждого подхода. Таким образом, учащиеся получают лучшие биты от каждого ресурса, чтобы пройти соответствующую тренировку с высокой отдачей. Поэтому смешанное обучение представляет собой сочетание подходов к преподаванию и обучению. В смешанном обучении используются различные методы доставки, такие как электронное обучение и более традиционное обучение под руководством инструктора. Смешанное обучение важно, так как оно позволяет использовать различные способы обучения и может удовлетворить различные потребности и стили обучения.

Смешанное обучение - это не предоставление учащимся нескольких вариантов завершения обучения. Речь также не идет о предложении большого выбора или объединении подобных медиа для создания одного решения. Смешанное обучение - это смешение разных видов медиа и ресурсов для достижения оптимального решения для обучения. В конечном счете, точное определение смешанного обучения, помимо некоторой комбинации онлайн и очного обучения, может не иметь значения. В этой связи Дзюбан, Хартман и Москаль (2004) в кратком обзоре для EDUCAUSE под названием «Смешанное обучение» отметили, что смешанное обучение следует рассматривать как педагогический подход, сочетающий в себе эффективность и возможности социализации в классе с технологически улучшенными активными возможностями обучения.

В свое время, профессор Полат Е.С. утверждал, что «... дистанционное обучение - это новая форма обучения, которая существует в настоящее время уже во многих странах наряду с другими формами обучения - очной, заочной экстернатом в системе непрерывного образования» (Polat, Bukharin, Moiseeva 2004). Дистанционное обучение - взаимодействие преподавателя с обучающимися и обучающимися между собой, которое осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты: цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения, реализуемые специфическими средствами Интернет- технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность (Polat, Bukharin, Moiseeva 2004).

Дистанционное обучение - это интерактивность, то есть постоянное взаимодействие преподавателя с обучающимися, и обучающимися между собой в учебном процессе, которое реализуется на двух уровнях: обучающихся между собой и с используемыми ими средствами обучения. Ключевыми словами здесь являются «постоянное и систематическое взаимодействие на двух уровнях». Заочное обучение, это эпизодическое взаимодействие преподавателя с обучающимися и обучающихся с электронными средствами. Курс заочного обучения и курс дистанционного обучения принципиально отличаются один от другого организацией учебного материала, его структурой способом взаимодействия преподавателя и обучающихся, организацией информационно- образовательной среды учебного процесса, методами и формами обучения под воздействием используемых Интернет-технологий, встроенных в учебный процесс и представляющих его неотъемлемую часть. Система управления познавательной деятельностью обучающихся также обусловлена спецификой используемых услуг Интернет. Иными словами, взаимодействие возможно в рамках любой образовательной системы, но реализуется оно и познавательная деятельность обучающихся, специфическими средствами Интернет- технологий или других интерактивных технологий (Polat, Bukharin, Moiseeva 2004).

В настоящее время большой акцент делается на самостоятельную познавательную деятельность студента, что немаловажно, так как во время обучения закладываются основы профессионализма и формируются умения самостоятельной профессиональной деятельности. Сокращение аудиторных занятий ведет к поиску новых путей оптимизации методов обучения и внедрения в учебный процесс новых технологий, которые бы способствовали формированию учебных умений студентов в их внеаудиторной самостоятельной работе. Самостоятельно приобретенные знания запоминаются лучше, особенно если студент лично заинтересован в получении знаний. Поэтому преподавателю нужно сделать все необходимое для того, чтобы представить студентам такую возможность. Одним из инструментов интенсификации учебно- методической работы преподавателя со студентами может стать смешанное обучение.

Смешивание может быть на уровне курса, сочетая как онлайн, так и не онлайн обучение в рамках одного предмета. Смешивание может быть на институциональном уровне, например, онлайн-школы собирают своих учеников на регулярной, запланированной основе, когда учитель физически присутствует или находится на расстоянии. Наконец, некоторые студенты посещают один или несколько полностью онлайн-курсов и посещают традиционные классы для одного или нескольких очных курсов, другого типа смешанной модели. Занятия в смешанном курсе можно представить в виде трёх циклов работы (обучения) – работа «до», работа «во время» и работа «после». Первый цикл обучения проходит в дистанционной форме. Студенты изучают теоретический материал, формируют базовые знания по тематике. В качестве подготовки используется определённое задание. Работа «во время» является синхронной — практические занятия и консультации — и требует подготовки и осмысления. Во время этого цикла преподаватель обсуждает задания студентов и их вопросы по теме, а также объясняет новую тему. По окончании занятия проводится закрепление и проверка полученных знаний при помощи тестов, вопросов или практических заданий. Последний цикл посвящен закреплению нового материала — выполнение домашнего задания, проекта и т.д. Учащиеся возвращаются к самостоятельному обучению: применяют все полученные знания на практике через интерактивные компоненты курса, выполняют задания, общаются между собой через средства виртуальных коммуникаций. Все три цикла повторяются неоднократно в течение одного курса или семестра обучения. Студенты учатся целенаправленно, не теряя времени на обсуждение и прослушивание ненужной или известной информации. Более того, если

студенты в состоянии самостоятельно подготовиться к очередному занятию, то сами занятия становятся более интересными, так как появляется больше времени для практики, дискуссий и выполнения проектов

В последнее время не менее популярным становится изучение иностранных языков в Тандеме. Это форма открытого обучения, в котором люди с разными родными языками работают в парах. Цель Тандема – овладение родным языком своего партнера в ситуации реального или виртуального общения, знакомство с его личностью, культурой страны изучаемого языка, а также получение информации по интересующим областям знаний. Метод Тандема является одним из путей формирования речевой компетенции. Важнейшими принципами, раскрывающими суть метода, являются принципы обоюдности и автономии. Первый предполагает, что каждый из участников Тандема получит одинаковую пользу от общения. Второй основывается на том, что каждый из партнеров несет ответственность за конечный результат. В рамках данного обучения сочетаются традиционное (аудиторное) и виртуальное обучение на основе сетевых учебных курсов, то есть за «контактными» фазами следуют online-фазы. Такая форма объединяет преимущества обоих типов обучения. Это наличие прямых социальных контактов и, следовательно, развитие социальных компетенций при традиционном обучении, а также гибкость и эффективность электронного обучения, развитие информационных компетенций в ходе online - фаз.

Целью данной модели является совершенствование речевых навыков на коммуникативном и межкультурном уровне. В ходе учебного процесса происходит чередование не только виртуальных и реальных этапов работы в Тандеме, но и сам Тандем сменяется работой в одноязычных группах. На данном этапе уделяется особое внимание определенным грамматическим и лексикологическим вопросам и углубляется работа над языком. Кроме того, одноязычные этапы используются для организации двуязычных встреч – дискуссий на актуальные темы или программ академической мобильности. Эффективность изучения иностранных языков в Тандеме зависит от совершенствования способностей к автономному обучению и того, как они используются в партнерстве.

Основными преимуществами Тандема признаются интерактивность процесса обучения; удобства, связанные с возможностью работать над учебным материалом в удобное время и в любом месте, где можно выйти в Интернет; возможность синхронной и асинхронной коммуникации с преподавателем и другими обучающимися; возможность реализации нелинейных, гибких концепций обучения; индивидуализация процесса обучения (индивидуальный темп, задания по выбору, учет индивидуальных интересов и склонностей); мультимедийность процесса обучения; активность всех каналов восприятия информации благодаря мультимедийности; возможность сочетать индивидуальные и групповые формы работы; открытость процесса обучения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Преимущества смешанного обучения, в первую очередь, заключаются в сочетании самостоятельного обучения с обучением в аудитории и дистанционным обучением. Это позволяет не только восполнить недостаток личного общения, но и учитывать все существующие стили обучения. То есть при смешанном обучении успехов могут достичь и те слушатели, которые лучше учатся самостоятельно, и те, которые лучше учатся со слов преподавателя.

Естественно, как и любая модель обучения, смешанная модель имеет свои недостатки. Наиболее характерный недостаток для данной модели – это необходимость детально прописать, что, как и когда будут делать учащиеся. Иначе есть риск получить в аудитории группу с совершенно разным уровнем знаний и низкий рейтинг завершения курса, так как большинство студентов ориентируется только на очное мероприятие, тем самым не получив большого объема знаний.

Смешанное обучение становится все более популярным. Эффективность использования смешанной формы обучения иностранным языкам позволяет применять эту методику можно абсолютно к любой области знаний. Сегодня большинство западных компаний и учебных заведений активно используют эту модель в своей практике, регулярно проводя исследования, которые показывают только положительные аспекты сочетания традиционных и инновационных методов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, смешанное обучение можно рассматривать как систему, состоящую из единства ее компонентов педагогическое проектирование этой деятельности, ее содержательной и педагогической составляющих (в плане педагогических технологий, методов, форм обучения) и учебный процесс в сети. Дидактические особенности смешанной формы обучения, концепции образования в целом и обучения в частности определяют свою специфику формы подачи материала, отбора форм и средств обучения, для обеспечения эффективного решения задач подготовки специалистов.

LIST OF REFERENCES

E.S.Polat. M.Yu.Bukharin, M.V.Moiseeva; Pod. Red. E.S.Polat. - Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya: Uceb.Poobiye dlya stud. vissh. ped. Ucheb. Zavedeniy, M.: Izdatelskiy tsentr "Academiya", 2004, - 416 p.

For citation:

Reshetnikova, V. (2019) BLENDED LEARNING IN THE LANGUAGE CLASSROOM // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 143-147. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-143-147>

Для цитирования:

Решетникова, В. (2019) СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ КЛАССЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 143-147.. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-143-147>

About the author: Reshetnikova Valentina - a senior teacher of English and Russian as a foreign language, the department “Foreign languages-4”, the Institute of Transport Engineering and Control Systems, Russian University of Transport, Moscow, Russia.

e-mail: valentina_ros@mail.ru

Сведения об авторе: Решетникова Валентина - старший преподаватель (английский язык и русский язык как иностранный), кафедра «Иностранные языки-4», Институт транспортной техники и систем управления, Российский университет транспорта, Москва, Россия.

e-mail: valentina_ros@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-147-152>

LANGUAGE TRAINING OF FOREIGN STUDENTS IN THE CONDITIONS OF BILINGUALISM

Oksana Trostynska

PhD in Philology, Associate Professor

V.N. Karazin Kharkiv National University

(Kharkiv, Ukraine)

e-mail: okasana@ua.fm

Olena Kopylova

Senior Lecturer

V.N. Karazin Kharkiv National University

(Kharkiv, Ukraine)

e-mail: elene_k@i.ua

Abstract. The features of language training of foreign citizens at higher educational institutions of Ukraine are considered. The language situation in various regions of the country is analyzed. The models of teaching foreign students-non-philologists of learning the target language and the language of social and cultural communication in bilingualism conditions are described. A detailed analysis of the presented training models is given. The optimal model of language education for foreign students at Ukrainian universities is highlighted. The ways of solving the problems arising in the course of implementing the presented models of teaching inophones the Ukrainian and Russian languages are suggested. The usefulness of using a comparative method in teaching languages belonging to the same language group is denoted. The phenomena of positive and negative interference that arise in teaching the related languages are considered. The principles of teaching Russian language to inophones at V.N. Karazin Kharkiv National University are described. It is noted that the description of language material on the functional basis according to the principle “from the content to the form” allows structuring language material by combining the semantic content of speech with its formal organization. The competencies which are necessary for the formation of a Ukrainian-speaking language personality of a foreign student are considered.

Key words: bilingualism, foreign students, language learning models, higher educational institutions of Ukraine, students-non-philologists

**ЯЗЫКОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА**

Оксана Тростинская

Кандидат филологических наук, доцент

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

(Харьков, Украина)

e-mail: okasana@ua.fm

Елена Копылова

Старший преподаватель

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

(Харьков, Украина)

e-mail: elene_k@i.ua

Аннотация. Рассматриваются особенности языкового обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях Украины. Анализируется языковая ситуация в различных регионах страны. Описываются модели обучения иностранных студентов нефилологического профиля языку получения специальности и языку социокультурного общения в условиях билингвизма. Проводится подробный анализ каждой из представленных моделей обучения. Выделяется оптимальная модель языкового обучения иностранных граждан в украинских вузах. Предлагаются пути решения проблем, возникающих в ходе реализации представленных моделей обучения инофонов украинскому и русскому языкам. Отмечается целесообразность использования сопоставительного метода в преподавании языков, принадлежащих к одной языковой группе. Рассматриваются явления позитивной и негативной интерференции, которые возникают при обучении родственным языкам. Описываются принципы обучения русскому языку инофонов в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина. Отмечается, что описание языкового материала на функциональной основе по принципу «от содержания – к форме» позволяет структурировать языковой материал, соединяя смысловое наполнение речи с его формальной организацией. Рассматриваются компетентности, необходимые для формирования вторичной языковой личности иностранного студента.

Ключевые слова: билингвизм, высшие учебные заведения Украины, иностранные студенты, модели языкового обучения, нефилологический профиль

ВВЕДЕНИЕ. Современная языковая ситуация в Украине довольно сложная и неоднозначная. Несмотря на то, что единственным официальным государственным языком, в соответствии с Конституцией страны, является украинский, в большинстве регионов сложилось реальное двуязычие, при котором население общается на двух языках. Под двуязычием, или билингвизмом в современной лингвистике понимают ситуацию функционирования на одной территории двух языков общения, обусловленную этнической неоднородностью проживающих на ней людей. Помимо украинского языком общения в центральных, восточных, северных и большинстве южных областей страны является русский, на западе – польский и венгерский, на юге – молдавский и румынский (Lotfi Gagudi 2018). Если функционирование польского, румынского и других языков общения ограничено незначительной территорией и не имеет большого влияния на состояние языковой ситуации в целом, то русский язык в повседневной жизни использует по разным оценкам до 45% населения Украины. Наряду с бытовым общением русский язык продолжает функционировать в сферах образования и здравоохранения, в средствах массовой информации, рекламе и т.д. Обсуждение позитивного и негативного влияния билингвизма на развитие языкового общения и социально-политическую ситуацию в стране выходит за рамки нашего сообщения. Цель статьи – проанализировать влияние украинско-русского билингвизма на организацию языкового обучения иностранных студентов нефилологического профиля, получающих высшее образование в вузах Украины.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Как отмечается в Концепции языкового образования иностранцев в вузах Украины, «Цель языковой подготовки иностранных граждан состоит в формировании коммуникативной компетентности, обеспечении их коммуникативных потребностей в разных сферах общения: учебно-научной (для получения конкурентоспособной подготовки по выбранной специальности, выполнения научных исследований), общественно-политической и социально-культурной (для надлежащей адаптации и полноценного ориентирования в новой социально-культурной среде, личностного культурного роста), бытовой (для удовлетворения потребностей повседневной жизни), а также для воспитания гармоничной личности, способной к межкультурному диалогу» (Ushakova et al., 2014: 95). В условиях билингвизма потребности иностранных студентов в разных сферах коммуникативного подключения обеспечиваются разными языками, что требует изучения каждого из них. Различные аспекты языковой подготовки иностранцев в украинских вузах рассматривали в своих работах Л. Бей (Byej and Trostynska 2009), Я. Гладырь (Gladir 2008), О. Занько (Zanko 2014), Л. Кисиль (Kisil 2016), О. Чабан (Chaban), однако общая ситуация организации языкового обучения иностранных граждан в вузах Украины в условиях украинско-русского билингвизма до настоящего времени не получила системного рассмотрения, что и определяет актуальность данного исследования.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Использовались принятые в лингводидактике эмпирические (анализ научно-методической литературы по теме исследования, научное наблюдение учебного процесса, обобщение результатов наблюдения) и теоретические (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстракция, моделирование) методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Высшие учебные заведения Украины предоставляют образовательные услуги на трех языках: украинском, русском и английском (попытки отдельных вузов обучать иностранцев на французском и немецком языках носят экспериментальный характер). Иностранцы граждане и лица без гражданства, которые поступают в вузы для получения высшего образования, выбирают язык обучения в соответствии со своими возможностями (уровнем владения языком обучения) и предпочтениями, что определяется условиями контракта.

В зависимости от выбранного языка обучения и языка социокультурного общения в украинских вузах сложилось несколько моделей языковой подготовки иностранных граждан.

Модель 1. Язык обучения – украинский, язык социокультурного общения – украинский. Это оптимальная модель языкового обучения, поскольку средствами одного языка реализуются все основные коммуникативные цели иностранных студентов нефилологического профиля в условиях языковой среды, а именно: овладение умениями и навыками во всех видах речевой деятельности (чтении, аудировании, говорении и письме), обеспечивающими им возможности общения в украинской языковой среде (обучение, культурное и бытовое общение), адаптацию в академическом и социокультурном пространстве и получение специальности. Как правило, иностранные образовательные мигранты, приезжающие в Украину, не владеют украинским языком (за исключением детей из семей этнических украинцев), поэтому сначала проходят обучение на подготовительных отделениях до уровня В1 (в соответствии с общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком CEFR), который является необходимым условием поступления в вузы Украины и позволяет получить качественное высшее образование. На продвинутом этапе содержание языкового обучения включает четыре взаимосвязанные составляющие (лингвистическую, речевую, профессиональную и социокультурную), реализующие коммуникативные потребности иностранцев во всех актуальных сферах общения.

Модель 2. Язык обучения – украинский, язык социокультурного общения – русский. Поскольку изучение украинского языка для таких студентов является основой профессиональной подготовки по выбранной специальности, а сам язык – средством получения высшего образования, обучение украинскому языку направлено на формирование умений и навыков в тех видах и формах общения, на которых осуществляется учебная деятельность, а обучение речевой деятельности в учебно-профессиональной сфере общения является доминирующим на всех этапах обучения. В программу обучения включены: языковой материал, содержащий основные конструкции научного стиля речи на уровне простого и сложного предложения, формирование и развитие умений и навыков в различных видах чтения (изучающем, ознакомительном, просмотровом, реферативном) на материале текстов по общеобразовательным и специальным дисциплинам, обучение аудированию, направленное на снятие трудностей при конспектировании лекций по специальности, развитие репродуктивно-продуктивных и продуктивных видов речевой деятельности, необходимых для создания устных сообщений, докладов, участия в научных дискуссиях на учебно-профессиональные темы, написания рефератов, курсовых работ и подготовки дипломной бакалаврской работы. Следует отметить, что методика преподавания украинского языка как иностранного сравнительно молодая отрасль отечественной лингводидактики, нуждающаяся как в осмыслении и развитии теоретических положений, так и в разработке и создании практических учебных пособий по языку специальности для иностранных студентов разных уровней и профилей обучения.

Особенностью данной модели обучения является то, что потребности в изучении языка обучения (в данном случае украинского), а также ограниченное количество учебных часов, выделяемых учебными планами на языковые дисциплины, не оставляют места и времени для изучения иностранцами языка социокультурного общения (русского). Кроме того, в регионах, где реализуется данная модель (центральные и южные области), зачастую используется «украинский русский», т.е. русско-украинский суржик, что не лучшим образом отражается на формировании языковой личности инофона (Gladir 2008). Частично решить проблему могут факультативные занятия по русскому языку, направленные на изучение необходимого грамматического и разговорного минимума в рамках бытовых тем «В магазине», «В транспорте», «На рынке» и т.п., способствующие быстрой адаптации иностранцев в новом социокультурном пространстве.

Модель 3. Язык обучения – русский, язык социокультурного окружения – украинский. В настоящее время данная модель практически утратила актуальность, поскольку с изменением языковой политики обучение в вузах в большинстве регионов Украины осуществляется на государственном языке.

Модель 4. Язык обучения – русский, язык социокультурного окружения – русский. В русскоговорящих регионах Украины очень незначительный процент приехавших на обучение иностранных граждан выбирает в качестве языка обучения украинский язык. Это объясняется не только особенностями языкового общения в этих регионах Украины, но и популярностью русского языка в мире, и перспективами дальнейшего трудоустройства образовательных мигрантов (знание одного из шести мировых языков безусловно является дополнительным преимуществом при приеме на работу). Кроме того, большинство иностранцев из стран бывшего Советского Союза уже владеют русским языком, что позволяет им поступать в вузы Украины без обучения на подготовительных отделениях.

В настоящее время в Украине нет единой программы по русскому языку для иностранных студентов нефилологического профиля обучения. Каждый вуз идет по пути создания собственных учебных программ, наполняя их содержанием в соответствии с коммуникативными потребностями обучаемого контингента иностранцев. Опишем ситуацию обучения русскому языку инофонов на примере Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Иностранные граждане обучаются в университете на 14 факультетах. В зависимости от объема учебных часов, выделяемых учебными планами факультетов на языковые дисциплины, разрабатываются рабочие программы по русскому языку для каждой отдельной специальности. Основными коммуникативными сферами обучения являются учебно-профессиональная (доминирующая) и социально-культурная (занимает 15-20% от общего количества учебного времени). Основные функционально-смысловые типы речи для устного и письменного высказывания: монолог-описание, монолог-повествование, монолог-рассуждение, для диалогической речи – диалог-расспрос и диалог-беседа. Общим для студентов разных специальностей является содержание языковой компетенции, представленное на 1 курсе синтаксисом простого предложения (изучаются грамматические темы «Выражение субъектно-предикатных отношений», «Выражение объектных отношений», «Выражение определительных отношений», «Выражение обстоятельственных отношений (пространственных, временных, условных, причинно-следственных, уступительных, целевых»)). На втором курсе эти же темы представлены синтаксисом сложного предложения. Описание языкового материала на функциональной основе осуществляется по принципу «от содержания – к форме», что позволяет структурировать языковой материал, соединяя смысловое наполнение речи с его формальной организацией. Текстовый материал в учебно-профессиональной сфере общения представлен текстами учебников и лекций по общеобразовательным и специальным дисциплинам, статьями из научных и научно-популярных периодических изданий, тематика самих текстов определяется профилем обучения студентов. Разное содержательное наполнение занятий по русскому языку на разных специальностях объединяется единими коммуникативными задачами обучения в учебно-профессиональной сфере общения (к концу обучения студенты должны уметь читать разными способами чтения, аудировать и понимать тексты по специальности, составлять различные виды планов, конспектировать и тезировать прочитанные и прослушанные тексты, задавать вопросы по тексту и отвечать на них, передавать в устной и письменной форме основную информацию прочитанного и прослушанного текста, составлять тексты по аналогии на основе разного типа планов, а также визуальных опор, устно и письменно реферировать научные статьи). Учебные материалы социально-культурной сферы направлены на реализацию диалога культур и включают тексты для чтения и аудирования по страноведению и разговорные темы, отражающие культурные, национальные, социальные особенности Украины и страны студента («Украинский календарь», «Национальные праздники страны студента», «Традиции и обычаи украинского народа и страны студента», «Культура и ментальность украинского народа», «Высшее образование в Украине и в стране студента», «Университеты Украины и страны студента», «Украинская наука», «Выдающиеся ученые Украины» и т.д.). (Тrostinskaya et al., 2014).

Все иностранные студенты русской формы обучения изучают курс украинского языка в объеме 30-32- ух учебных часов (одна пара в неделю в течение одного семестра). Независимо от языка обучения административная деятельность в вузах осуществляется на украинском языке. Официальные документы (приказы, распоряжения), расписание занятий, объявления, студенческие и читательские билеты, зачетные книжки, разнообразные справки и удостоверения оформляются только по-украински. Двухязычная среда также способствует знакомству данного контингента иностранцев с украинским языком на бытовом уровне. Все это повышает мотивацию в изучении инофонами второго иностранного языка – украинского. Достаточно свободное владение учащимися русским языком позволяет использовать сравнительный метод при обучении их украинскому языку. Учет имеющегося языкового опыта обуславливает возможность сопоставления системы усвоенного иностранного языка с языком, который изучается. Такой сравнительный анализ позволяет выявить однотипные языковые явления и использовать уже имеющиеся знания и умения в процессе изучения нового языка. Принадлежность русского и украинского языков к одной языковой группе значительно облегчает иностранцам изучение украинского. Знания о системе русского языка переносятся на систему языка украинского, что способствует его пониманию, усвоению, а также формированию правильных речевых умений и навыков (позитивная интерференция). В то же время не следует забывать о возможности негативной интерференции, обусловленной употреблением при изучении украинского языка иностранцами грамматических и лексических форм, характерных для русского языка (неправильных, отсутствующих в украинском или наделенных в нем другой семантикой). Опыт работы свидетельствует, что наиболее продуктивным для русскоговорящих иностранных студентов является обучение украинскому языку с учетом явлений как позитивной, так негативной интерференции, которые используются для оптимизации учебного процесса и предотвращения системных ошибок, обусловленных влиянием русского языка.

Модель 5. Язык обучения – английский, язык социокультурного общения – украинский. Английский язык для обучения в первую очередь выбирают иностранные студенты из Индии и африканских стран (Нигерии, Ганы, Судана, Зимбабве, Кении), в которых он является официальным языком. Уровень владения английским этими студентами достаточный для получения высшего образования и, как правило, не нуждается в корректировке. Студенты из других стран, желающие учиться на английском языке, могут повысить свой уровень до необходимого для поступления в университеты на подготовительных отделениях. Обучение на английском языке предоставляют те учебные заведения, в которых есть возможность формирования отдельных учебных групп для иностранцев, как правило, это вузы с большим набором иностранных студентов (медицинские, фармацевтические, юридические, экономические, инженерные). Учебные планы этих вузов предусматривают обучение инофонов языку социокультурного общения (украинскому или русскому в зависимости от региона). Использование языка-посредника (английского) при обучении украинскому языку облегчает иностранцам овладение языком общения.

Основной целью обучения украинскому языку данного контингента иностранцев является формирование комплекса умений и навыков для общения в социально-культурной, учебно-административной и бытовой сферах. На первый план выходит освоение компетентностей, необходимых для осуществления межкультурной коммуникации. Среди наиболее действенных для формирования украиноязычной личности иностранного студента выделяют следующие компетентности: языковую (знания о языковых единицах украинского языка, его структуре и системных связях, обеспечивающие формирование умений и навыков их нормативного использования в соответствии с потребностями и коммуникативной ситуацией), речевую (практическое владение всеми видами речевой деятельности, умения понимать и продуцировать различные виды высказываний (устные, письменные, монологические, диалогические) в разных сферах коммуникации, вести диалогическое общение с учетом требований украинского речевого этикета), социокультурную (знания особенностей культуры и речевого поведения украинского народа в различных коммуникативных ситуациях и умения их использовать в процессе общения), межкультурную (способность ориентироваться в разных видах культур, умения реализовывать полученные знания в межкультурном диалоге с учетом социокультурных особенностей его участников). Изучение украинского языка как способа социокультурного общения предполагает в первую очередь развитие устных видов речевой деятельности с помощью ролевых игр, обучения различным видам диалогической речи, использования в учебном процессе проблемного обучения, свободного общения (Kostyuk, 2018).

Модель 6. Язык обучения – английский, язык социокультурного общения – русский. Объем изучаемого грамматического материала по русскому языку определяется уровнями А1-А2 и соответствует начальному этапу обучения на подготовительном отделении (графика и фонетика, предложно-падежная система, виды, времена, спряжение глагола, склонение существительных, прилагательных и местоимений, простое и сложное предложение). В соответствии с коммуникативными потребностями этого контингента иностранных учащихся обучение русскому языку строится на использовании культурологических тем и также ориентировано на формирование социокультурной компетентности, для которой отбор учебного материала осуществляется на основе ситуационно-тематического принципа, отражающего специфику его функционирования в типичных жизненных ситуациях, что максимально приближает процесс овладения языком к реальным условиям общения. В процессе формирования социокультурной компетентности иностранные студенты посредством русского языка знакомятся с культурой украинского народа, особенностями национального коммуникативного поведения, особенностями общения малых социальных групп.

Кроме русского языка как языка социокультурного общения иностранные студенты английской формы обучения также изучают государственный язык страны пребывания. Следует отметить низкую мотивацию данного контингента учащихся в изучении украинского языка. Поскольку на первом курсе иностранцы владеют русским языком на низком уровне, изучение украинского целесообразно начинать не раньше второго курса. Обучение начинается с алфавита и знакомства с фонетической системой украинского языка. Цель курса – овладение в ограниченном объеме фонетическими, графическими, лексическими нормами современного украинского языка в рамках учебного общения. Знакомство с основными грамматическими явлениями украинского языка строится на базе русских грамматических понятий по аналогии. Части речи осваиваются практически и только в тех формах, в которых они встречаются в запланированных для изучения разговорных темах. Поскольку овладеть за короткий период времени (в течение одного семестра) языком невозможно, курс украинского языка для этих студентов носит ознакомительный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Мы описали основные существующие на сегодняшний день модели языкового обучения иностранных граждан в вузах Украины, обусловленные сложившейся в стране ситуацией билингвизма. Успешная реализация этих моделей требует от преподавателей и методистов большой работы по созданию учебно-методического обеспечения учебного процесса (программы, учебники и учебные пособия, компьютерные обучающие материалы, средства контроля и т.п.) для каждой из них.

LIST OF REFERENCES

- Byej, L.B., Trostynska, O. M. (2009). Osoblivosti navchannya ukrayinskoyi movi inozemnih studentiv na Shodi Ukrayini [Features of teaching Ukrainian language to foreign students in the East of Ukraine]. *Mova i kultura*, (113), 356-365.
- Chaban, O. "Psiholingvistichnij komponent pri vivchenni rosijskoyi (ukrayinskoyi) movi yak inozemnoyi" <https://eadmurt.diit.edu.ua/bitstream/123456789/4425/.../Chaban.pdf> [12.04.2019]
- Gladir, Ya. S. (2008). Vikladannya ukrayinskoyi movi yak drugoyi inozemnoyi u tehničnomu VNZ: problemi i perspektivi [Teaching Ukrainian as the second foreign language in a technical university: problems and perspectives]. *Vikladannya mov u vishih navchalnih zakladah osviti na suchasnomu etapi*, (12), 113-117.
- Kisil, L. M. (2016). Osoblivosti navchannya aukrayinskogo profesijnogo movlennya studentiv-inozemciv v umovah bilingvizmu [Features of teaching Ukrainian professional broadcasting of foreign students in the conditions of bilingualism]. *Pedagogika ta psihologiya*, (53), 185-191.
- Kostyuk, S. S. (2018). Pidhodi ta principi formuvannya kompetentnostej mizhkulturnoyi komunikaciyi studentiv-inozemciv u procesi navchannya ukrayinskoyi movi [Approaches and principles of formation of competences of intercultural communication of foreign students in Ukrainian language learning process]. *Vikladannya mov u vishih navchalnih zakladah osviti na suchasnomu etapi*, (32), 46-50.
- Lotfi Garudi, G. S. (2018). "Bilingvizm v Ukrayini, jogo sociolingvistichni ta pravovi peredumovi" https://philologyjournal.lviv.ua/archives/3_2018/33.pdf [12.04.2019]

Trostinskaya, O. N., Kopylova, E. V., Alekseenko, T. N. (2014). Obucheni erusskomu yazyku inostrannykh studentov-nefilologov [Teaching Russian to foreign non-philology students]. Prepodavanie russkogo yazyka inostrannym studentam: teoriya i praktika, tradicii i innovacii, 297-341.

Ushakova, N. I., Trostinskaya, O. N., Dubichinskij, V. V. (2014). Konceptiya yazykovogo obrazovaniya inostrancev v vuzah Ukrainy (proekt) [The concept of language education of foreigners in universities of Ukraine (project)]. Prepodavani erusskogo yazyka inostrannym studentam: teoriya i praktika, tradicii i innovacii, 93-108.

Zanko, O .V. (2014).” Movna adaptaciya studentiv-inozemciv yuridichnih VNZ u bilingvistichnomu seredovishi” <http://hdl.handle.net/11300/6867> [10.04.2019]

For citation:

Trostynska Oksana & Kopylova Olena (2019) LANGUAGE TRAINING OF FOREIGN STUDENTS IN THE CONDITIONS OF BILINGUALISM // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 147-152. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-147-152>

Для цитирования:

Тростинская, О., Копылова, Е. (2019) ЯЗЫКОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 147-152. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-147-152>

Information about the authors:

Trostynska Oksana – PhD in Philology, Associate Professor, Language Training Department 1, Institute of International Education for Study and Research, V.N. Karazin Kharkiv National University.

e-mail: okasana@ua.fm

Kopylova Olena– Senior Lecturer, Language Training Department 1, Institute of International Education for Study and Research, V.N. Karazin Kharkiv National University.

e-mail: elene_k@i.ua

Сведения об авторах:

Тростинская Оксана – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки 1 Учебно-научного института международного образования Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

e-mail: okasana@ua.fm

Копылова Елена – старший преподаватель кафедры языковой подготовки 1 Учебно-научного института международного образования Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

e-mail: elene_k@i.ua

Manuscript received: 06/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-152-156>

THE TECHNIQUE OF HISTORICAL COMMENTARY IN STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Gulnara Suyunova

Doctor of Philology Sciences, Professor

Pavlodar State Pedagogical University

(Pavlodar, Kazakhstan)

e-mail: suynova_gulya@mail.ru

Gulfiya Otepova

Doctor of Historical Sciences, Professor

Pavlodar State Pedagogical University

(Pavlodar, Kazakhstan)

e-mail: suynova_gulya@mail.ru

Abstract. In this article the authors aim to show some features of the preparation of teachers of the Russian language in Kazakhstani universities, associated with significant changes in the approaches to its teaching in school. Pedagogical universities are faced with the task of correlating the content of theoretical and methodological courses in the preparation of teachers Russian with new school education strategies. The study of the facts of the modern Russian language in the diachronic perspective contributes to a deeper and meaningful perception by students of the theoretical material and forms their special subject-specific competences.

Keywords: comment, diachrony, methodology, training, morpheme

ПРИЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Гульнара Сейльбековна Суюнова
Доктор филологических наук, профессор
Павлодарский государственный педагогический университет
 (Павлодар, Казахстан)
 e-mail: suynova_gulya@mail.ru
Гульфира Елобаевна Отепова
Доктор исторических наук, профессор
Павлодарский государственный педагогический университет
 (Павлодар, Казахстан)
 e-mail: suynova_gulya@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы стремятся показать некоторые особенности подготовки преподавателей русского языка в казахстанских вузах, связанные со значительными изменениями в подходах к его преподаванию в школе. Перед педагогическими вузами стоит задача соотнести содержание теоретических и методических курсов в подготовке учителей русского языка с новыми стратегиями школьного образования. Изучение фактов современного русского языка в диахронической перспективе способствует более глубокому и содержательному восприятию студентами теоретического материала и формирует их особые предметные компетенции.

Ключевые слова: комментарий, диахрония, методология, обучение, морфема

ВВЕДЕНИЕ. В современной казахстанской школе содержание предмета «Русский язык» представлено в Типовой учебной программе обновленного содержания, принятой Министерством образования и науки в 2017 году. В соответствии с этой программой создаются новые школьные учебники русского языка, ориентированные на коммуникативно-деятельностный подход, в русле которого традиционные языковые компетенции оказываются вспомогательными по отношению к функциональным. Педагогические вузы на данном этапе стоят перед необходимостью пересматривать содержание и методику подготовки будущих учителей русского языка. Вместе с тем, ориентируя будущих выпускников на работу по новым требованиям, мы считаем крайне необходимым не просто сохранить систему знаний классического курса русского языка, но и значительно углубить осмысленность его изучения в сочетании с новым содержанием школьных программ.

Актуальность поднимаемых нами вопросов изменения в подготовке учителей русского языка во многом связана с характером специальности *5В011800-Русский язык и литература*, которая является одной из старейших специальностей нашего вуза, подготовка по ней ведется с момента создания Павлодарского пединститута в 1962 году. Предмет «Русский язык» входит в число обязательных в средних общеобразовательных школах республики, а дисциплина «Русский язык» является обязательной в средних и высших профессиональных заведениях Казахстана. Это определяет постоянную потребность в квалифицированных преподавателях русского языка. Кроме этого, широкое функционирование русского языка в республике также служит поддержке постоянного спроса на его изучение и хорошее знание.

Итак, подготовка учителей русского языка в Казахстане была и остается актуальным направлением в педагогических вузах республики. Особенно значимо в этом свете качественное преподавание разделов важнейшего для специальности «Русский язык и литература» курса «Современный русский язык». В частности, речь идет о преподавании раздела «Словообразование», изучение которого в школе весьма существенно отличается от его состояния даже пятилетней давности. Так, в ходе подготовки заданий рубежного контроля по дисциплине «Словообразование и морфемика современного русского языка» студенты, анализируя содержание Типовой программы и новых учебников, с большим удивлением приходят к выводу, что эти документы фактически не содержат большей части тех теоретических сведений по разделу, которые были во времена их обучения в школе (это примерно 5-7 лет назад).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Традиционно в состав лингвистической подготовки студентов-филологов наряду с курсом «Современный русский язык» входит и история языка, представленная дисциплинами «Старославянский язык», «Историческая грамматика». В рамках последней осуществляется выработка умения исторического комментирования современных фактов русского языка, имеющих то или иное своеобразие, связанное с их историей. Подобный подход к изучению языка возможен в силу сущности языка как развивающейся системы, что позволяет говорить о синхронии и диахронии в подходе к языковым фактам и явлениям. Это обстоятельство обуславливает необходимость обучения студентов-филологов историческому комментированию, которое является важным средством решения задач обучения, позволяет объяснять современные языковые явления при помощи установления их диахронических свойств.

Об обязательности исторической подготовки учителей-языковедов писали в свое время известные русские лингвисты и методисты. Так, принципа историзма в методике обучения русскому языку придерживались Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и др.

Необходимость использования исторического комментирования как одного из средств реализации принципа историзма в процессе обучения школьников русскому языку обосновывается в работах российских ученых-методистов М.Т. Баранова, Н. Белоконевой, Т.А. Бобровой, А.И. Власенкова, Л.В. Вознюка, А.П.

Еремеевой, О.Н. Зайцевой, В.В. Иванова, О.Г. Каменской, М.Р. Львова, СИ. Львовой, М.М. Разумовской, Е.Е. Стефанского, А.В. Текучёва, Н.М. Шанского и др. Современный методист М.Т. Баранов определяет историзм как специальный общеметодический принцип, предполагающий учёт исторических изменений, сохранившихся в той или иной форме в современном литературном языке. Использование данного приема зависит, полагаем мы, от уровня специальной подготовки учителя-языковеда, в нашем случае, русиста, его методических умений. Для осуществления подобной работы на уроках русского языка от учителя требуется так называемая историко-лингвистическая компетентность. Термин предложен исследователем Н. Ю. Штрекер, давшим следующую дефиницию этого вида компетентности: «Под историко-лингвистической компетентностью учителя ... мы понимаем свойство его личности, выражающееся в наличии знаний основ истории русского языка, умения пользоваться ими в процессе своей профессиональной деятельности и способности к творческому саморазвитию» (Shtreker 2008).

Ю.И. Бокатина полагает, что подобная компетентность педагога необходима для «формирования лингвистического мировоззрения учащихся» (Vokatina 2006). Несомненно, что историко-лингвистическая компетентность выпускников филологических специальностей также должна формироваться в ходе изучения цикла лингвистических дисциплин, изучающих язык в синхроническом и диахроническом ракурсах.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В процессе подготовки статьи использовался общенаучный описательный метод, основанный на исследовательских приемах сопоставления, наблюдения, обобщения, метода проблемного изложения. Применялся также теоретический анализ лингвистической, методической и дидактической литературы по проблеме исследования в ходе сопоставления учебной программы по курсу «Словообразование современного русского языка» (разработана на основе Типовой программы бакалавриата) и Типовой учебной программы по русскому языку и литературе для 5-7 классов обновленного содержания (Астана 2017).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Выше мы писали о возможности использовать прием исторического комментирования в ходе изучения в вузе курса «Словообразование современного русского языка». Историческое комментирование студентами-филологами фактов словообразования будет способствовать их более глубокому и осмысленному восприятию вузовского материала. В сочетании с современными методами и приемами исторический комментарий может значительно усилить научно-методический эффект преподавания курса словообразования и морфологии в вузе и в школе. Известно, что знания о языке представлены в виде лингвистических фактов, лингвистических понятий, лингвистических закономерностей. В зависимости от характера объекта знаний о языке мы можем выделить три вида исторического комментирования: 1. Историческое комментирование лингвистических фактов. 2. Историческое комментирование лингвистических понятий. 3. Историческое комментирование лингвистических закономерностей.

В ходе изучения словообразования в вузе преобладает первый вид исторического комментирования, а именно – комментирование фактов русского языка, которое включает в себя объяснение происхождения конкретных звуков, морфем, слов и фразеологизмов, знакомство с причинами конкретных чередований и т.д. Также оно используется при изучении отдельных орфограмм, особенно при запоминании слов с непроверяемыми написаниями. Цель исторического комментирования лингвистических фактов - объяснение происхождения и развития конкретного лингвистического явления. Историческое комментирование данного вида обладает ярко выраженной практической направленностью. В школе выпускники могут использовать такое комментирование в работе над орфографическими явлениями.

Следует указать, что историческое комментирование реализует не только общеобразовательную, но и прикладную функцию, способствуя развитию следующих учебно-языковых умений: 1. Опознавательных. Например, для курса «Словообразование» это умения выявлять родственные слова с точки зрения диахронии; умения видеть морфемный состав слова с точки зрения диахронии. Особенно отчетливо это проявляется при изучении темы «Исторические изменения в составе слова». 2. Классификационных: умения классифицировать устаревшие слова на архаизмы и историзмы, выделяя при этом лексико-словообразовательные архаизмы. Особенно важно, что историческое комментирование способствует формированию прочных правописных умений, особенно орфографических, а именно умения определять современное написание слова путём выявления его этимологии. В процессе обучения русскому языку историческое комментирование реализуется в виде таких форм, как историческое сравнение, историческое наблюдение, историческая справка.

Подчеркнем: если в вузе возможно активно применять исторический комментарий, то в казахстанских школьных учебниках русского языка, подготовленных по программе обновленного содержания, фактически отсутствуют даже моменты, где как-то говорилось бы о некоторых исторических особенностях языка, причем это касается всех разделов курса. Более того, в таких учебниках нет привычных нам традиционных тем по этим разделам. Упор сделан на лексические темы, с которыми связаны темы языковые, причем в весьма незначительном объеме. Иначе говоря, у казахстанских школьников в первую очередь формируется коммуникативная компетенция на русском языке, направленная в итоге на формирование функциональной грамотности. Возникает вопрос: а есть в таком случае какая-то необходимость в изучении студентами специальности «Русский язык и литература» исторический лингвистических дисциплин? Возможно, достаточно будет преподавания курса современного русского языка?

Как показывает наша преподавательская практика, понимание студентами ряда явлений в словообразовании невозможно без обращения именно к истории этих явлений. Здесь следует назвать темы «Морфема и ее виды» (алломорфы), «Исторические изменения в составе слова», «Морфонологические процессы в словообразовании», «Диахронические способы образования слов в русском языке». Например,

понятие об алломорфах становится осмысленным, если студенты выявят причины их появления в современном русском языке. Скажем, префиксы *раз-/рас* - результат действия живого фонетического закона ассимиляции по глухости-звонкости, который, в свою очередь, стал следствием закона падения редуцированных в древнерусском языке. Функционирование префиксов *пре-/пере* связано с историей неполногласных южнославянских и полногласных восточнославянских сочетаний, развившихся из общего праславянского сочетания **er*. Чередующиеся гласные в корнях *лаг-/лог-*, *гар-/гор-*, *бер-/бир-* и т.д. (*полагать-положить*, *гореть – загар*, *соберу – собирает*) - это следствие действия праславянского закона количественно-качественных чередований гласных, основанного на явлениях долготы и краткости гласных звуков. Можно приводить еще разнообразные примеры словообразовательных, точнее, морфемных явлений, понимание которых требует от студентов и преподавателя знаний по исторической фонетике.

Следует подчеркнуть: исторический комментарий на занятиях по словообразованию – это не самоцель, он прямо связан с будущей профессиональной деятельностью наших студентов, в связи с чем мы стремимся выявить возможности выхода этих тем в школьную практику русского языка. Например, после изучения темы «Морф и его виды» студенты проводят аналитическую работу «Взаимосвязь алломорфов и орфограмм», для чего тщательно изучают школьные казахстанские учебники по русскому языку как для русских, так и казахских классов. В ходе такой работы студенты изучили содержание и объем сведений по разделу «Словообразование» в учебниках 5-7 классов, установили, что в школе изучение орфограмм требует от самого учителя осмысленного знания истории появления алломорфов, представляющих, по сути, эти орфограммы.

Ю. Бокатина справедливо отмечает, что «эффективность обучения будущих учителей русского языка историческому комментированию..., формирование осознанных правописных и учебно-языковых умений, повышается при условии рассмотрения исторического комментирования как приёма обучения русскому языку» (Bokatina 2006).

Возможно ли применять историческое комментирование в школе? В. С. Кадыкова, М. В. Курышева приводят разделяемое и нами мнение учителей-практиков о том, «прием исторического комментирования в преподавании русского языка хорошие результаты, помогает учащимся осознанно осваивать сложный материал, формирует любовь и уважение к русскому языку, осознание языка как духовной ценности, имеющей высокое значение в жизни общества. Использование фактов истории помогает создавать на уроках проблемные ситуации, придавать обучению развивающий, деятельностный характер, при котором формируются ключевые компетентности в области лингвистики и приобретается опыт самостоятельной учебно-исследовательской, проектной деятельности» (Kadykova, Kurysheva 2011).

Обращение учителя к историческому комментированию в процессе обучения школьников русскому языку предполагает владение педагогом умениями осуществлять методический анализ содержания научного текста, в котором рассматриваются явления языка в их историческом развитии, и преобразовывать его в новое научно-учебное речевое произведение, актуальное для процесса учебной коммуникации на уроках русского языка.

Несмотря на рассуждения по поводу нужности исторического комментирования в школьной практике, ученые-методисты отмечают, что в процессе обучения школьников русскому языку педагоги редко обращаются к использованию исторического комментирования. Более того, Н.Ю. Бокатина пишет: «Историческое комментирование явлений языка в процессе учебного общения часто характеризуется коммуникативными неудачами, бедностью композиционного и языкового оформления. Причины этого, прежде всего, заключаются в том, что знания об историческом комментировании как приёме обучения русскому языку и особом типе высказывания не были предметом специального системного изучения в процессе профессиональной подготовки учителя» (Bokatina 2008). Следовательно, вслед за российскими коллегами мы вновь говорим о необходимости вырабатывать у студентов-русистов умение исторического комментария современных фактов русского языка, без которого сама проблема необходимости его проведения становится бессмысленной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Обобщая вышеизложенные мысли по заявленной проблеме, отметим следующие моменты.

Во-первых, историческое комментирование как лингвометодический прием представляет собой средство реализации принципа историзма, являющегося общенаучным принципом познания и требующего рассматривать объект в самодвижении, изменении, изучать его возникновение, переходы от одних стадий развития к другим.

Во-вторых, историческое комментирование в вузовском преподавании должно базироваться на знаниях студентов-филологов, полученных в ходе изучения исторических лингвистических дисциплин. Несмотря на появление в рабочих планах филологических специальностей большого количества современных (зачастую – просто «модных») лингвистических дисциплин, должны сохраняться классические курсы, составляющие ядро специальности и не подверженные никаким нововведениям. К таким мы относим исторические дисциплины «Старославянский язык» и «Историческая грамматика».

В-третьих, исторический комментарий, основа которого закладывается на вышеназванных дисциплинах, должен стать привычным для студентов-филологов приёмом изучения русского языка и войти в перечень его специальных методических умений.

Таким образом, историческое комментирование как приём обучения русскому языку способствует формированию лингвистического мировоззрения обучающихся, их приобщению к историческому и культурному наследию предшествующих поколений, интеграции в культуру других народов. Историческое

комментирование является средством решения задач обучения. При помощи этого приёма обучения студенты могут осознанно подойти к объяснению современных лингвистических явлений.

LIST OF REFERENCES

Bokatina YU. I. Istoricheskoe kommentirovanie v sisteme metodicheskoy podgotovki studentov-filologov: dissertaciya ... kandidatpedagogicheskikh nauk : 13.00.02.- Saransk, 2006.- 240 s.: il. RGB OD, 61 07-13/1120 // Historical commenting in the system of methodical training of students philologists.

Kadykova V. S., Kuryshva M. V. Istoricheskij kommentarij kak odin iz priemov formirovaniy ayazykovoju kompetentnosti mladshih shkol'nikov. Sajt «Psihologiya cheloveka», 2011 // Formation of historical and linguistic competence as one of the directions of competence-based approach in training of elementary school teachers.

Shtreker N. YU. Formirovanie istoriko-lingvisticheskoi kompetentnosti kak odno iz napravlenij kompetentnostnogo podhoda v podgotovke uchitelej nachal'nyh klassov // Nachal'noeazykovo obrazovanie v sovremennom obshchestve: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. yubil. konf. (Sankt-Peterburg, 12-13 noyabrya 2008 g.). SPb.: Saga, 2008. S. 353-357. // Historical comment as one of methods of formation of language competence of younger school students.

For citation:

Suyunova Gulnara & Oteпова Gul'fira (2019) THE TECHNIQUE OF HISTORICAL COMMENTARY IN STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 151-155. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-152-156>

Для цитирования:

Суёнова, Г. С., Отепова, Г. Е (2019) ПРИЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 152-156. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-152-156>

Information about the authors: **Suyunova Gulnara** – Doctor of Philology Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Pavlodar State pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

e-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Oteпова Gul'fira - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History of Kazakhstan, Pavlodar State pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

e-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Сведения об авторах: **Суёнова Гульнара Сейльбековна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический университет, Казахстан

e-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Отепова Гульфира Елюбаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Казахстана, Павлодарский государственный педагогический университет, Казахстан

e-mail: suyunova_gulya@mail.ru

Manuscript received: 05/25/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-156-161>

FINAL CONTROL FOR FOREIGN CITIZENS PREPARATORY FACULTY

Svetlana Varava

Assistant of Professor

V. N. Karazin Kharkov national university,

(Kharkov, Ukraine)

e-mail: varava22@gmail.com

Abstract. Ukraine has always been and remains an attractive country for foreigners who want to get a special education in various fields of knowledge. The number of foreigners who study in our state is growing every year. The quality of training problem is the main problem of the educational programs in each field of training. And no matter who enters a higher education establishment — a Ukrainian or a citizen of any other country — they must demonstrate the knowledge of the language at a level sufficient to master the profession. Due to the fact that in Ukraine the model of the graduate of the preparatory faculty is not developed today, there is no state educational standard, and language training is correlated only with curricula and programs approved by the Ministry of Education, the problem of unification of the final control of preparatory faculties graduates still remains. In this paper we will make an attempt to compare the correspondence between the levels of language and the stages of training at universities and suggest a possible way to solve the problem of final exams unification at preparatory faculties at universities in Ukraine.

Key words: foreign students, the initial stage of training, level of preparation, stage of preparation, final control

**ОБ ИТОГОВОМ КОНТРОЛЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ
ФАКУЛЬТЕТАХ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН****Светлана Варавя****Старший преподаватель****Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,****(Харьков.Украина)**e-mail: varava22@gmail.com

Аннотация. Украина всегда была и остается привлекательной страной для иностранцев, желающих получить специальное образование в различных областях знаний. Количество иностранцев, которые учатся в нашем государстве, ежегодно растет. Вопрос качества подготовки специалистов - основной вопрос образовательной программы каждой области знаний. И независимо от того, кто поступает в вуз - украинец или гражданин любой другой страны, - он должен подтвердить знание языка обучения на уровне, достаточном для овладения профессией. В связи с тем, что в Украине не разработана на сегодняшний день модель выпускника подготовительного факультета, отсутствует государственный образовательный стандарт, а языковая подготовка соотносится лишь с утвержденными Министерством образования учебными планами и программами, остается актуальным вопрос об унификации итогового контроля знаний выпускников подготовительных факультетов. В данной статье мы предпримем попытку сопоставить соответствие уровней владения языком и этапов обучения в вузах и предложить возможный путь решения проблемы унификации выпускных экзаменов на подготовительных факультетах вузов Украины.

Ключевые слова: иностранные студенты, начальный этап обучения, уровень подготовки, этап подготовки, итоговый контроль

ВВЕДЕНИЕ. Среди проблем, решение которых оказывает существенное влияние на повышение качества обучения, особое место занимает проверка и оценивание достигнутых результатов. От правильной постановки системы контроля во многом зависит и эффективность самого процесса обучения. В области контроля знаний в педагогической практике накоплен значительный опыт, в том числе и в Учебно-научном институте международного образования Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, однако, он используется не в полной мере.

В связи с тем, что в Украине так и не разработана на сегодняшний день модель выпускника подготовительного факультета, отсутствует государственный образовательный стандарт, а языковая подготовка соотносится лишь с утвержденными Министерством образования учебными планами и программами (Navchalni plany ta program (dovuzivska pidgotovka inozemnykh gromadian). Ch. 1, 2003); Navchalni plany ta program (dovuzivska pidgotovka inozemnykh gromadian). Ch. 2, 2005), остается актуальным вопрос об унификации итогового контроля знаний выпускников подготовительных факультетов. В данной статье мы предпримем попытку сопоставить соответствие *уровней владения языком и этапов обучения* в вузах и предложить возможный путь решения проблемы унификации выпускных экзаменов на подготовительных факультетах вузов Украины.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Исходным пунктом в разработке методики контроля знаний, достигнутых в процессе обучения, является определение целей обучения. На их основе устанавливаются конечные и промежуточные результаты обучения, что отражает качество.

В педагогической практике различают общие и специфические цели обучения. В данной статье мы остановимся только на специфических, соответствующих подготовке иностранных граждан на начальном этапе. Основной целью обучения иностранцев на подготовительном факультете является подготовка их к обучению на продвинутом этапе в украинских вузах на русском (украинском) языке: научить слушать и конспектировать лекции, читать и понимать научную литературу, реферировать, выступать с сообщениями, участвовать в дискуссиях по изучаемому предмету и др. Известно, что для иностранных студентов русский язык является не только средством общения, но и средством овладения специальностью, поэтому в процессе обучения на подготовительных факультетах большое внимание уделяется работе над научным стилем речи. Обучение студентов чтению и пониманию литературы по специальности, ведению бесед на темы, связанные с языком специальности, – это одна из задач подготовительных факультетов. Владение языком специальности обеспечивает не только получение и накопление знаний по данной специальности, но и процесс общения в учебной (аудиторной) деятельности студентов. Итогом работы над языком специальности на подготовительном факультете должно стать обеспечение коммуникативных потребностей учащихся в дальнейшем учебном процессе.

Другие цели (образовательные, воспитательные и развивающие) также важны и должны быть достигнуты. В системе подготовки иностранцев оптимальным, исходя из основной цели обучения, является способ задания целей через уровни усвоения (Kontseptsiia rozvytku osvity Ukrainy na period 2015–2025 rokiv; The Common European Framework of reference for Languages Learning and Teaching, 1997).

Понятия *уровень владения языком и этап обучения*, традиционно используемые в методике РКИ, не совпадают. Этап обучения – это определенный временной отрезок в системе вузовского образования. В то же время всегда встает вопрос о соотношении уровней владения с этапами обучения.

Необходимость оптимизации обучения иностранцев языку требует соотнесения существующих программ по русскому / украинскому языку с общеевропейскими компетенциями владения иностранными языками. Уровни сертификации согласуются с общеевропейской классификацией (The Common European Framework of reference for Languages Learning and Teaching, 1997; Ushakova N. I., Dubichynskyi V. V., Trostynska O. M.; Zagalnoevropejski

recomendatsii z movnoji osvity: vyvchennia, vykladannia, otsiniuvannia. (2003.), что можно изобразить в виде следующей таблицы:

Таблица 1.

Уровни языковой подготовки иностранцев в вузах Украины	Европейская система тестирования CERF
A1 – уровень выживания	A1 – Breakthrough
A2 – предпороговый уровень	A2 – Waystage
B1 – пороговый уровень	B1 – Threshold
B2 – пороговый углубленный уровень	B2 – Vantage
C1 – уровень профессионального владения	C1 – Effective Operational Proficiency
C2 – уровень свободного владения	C2 – Mastery

Свидетельство об окончании подготовительного факультета для иностранных граждан приблизительно соответствует сертификату В 1, который подтверждает, что учащийся способен удовлетворять свои коммуникативные потребности в социально-бытовой, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения. Таким образом, тест В1 должен являться обязательным и единым для всех иностранных абитуриентов украинских вузов.связи с этим в настоящей статье нас интересуют лишь уровни А1, А2, В1.

Охарактеризуем речевые действия, необходимые для участия в коммуникации на изучаемом языке на уровнях А1 – В1.

А1 (первый семестр подготовительного факультета, элементарный уровень). Уровень выживания. Учащийся понимает и может применить в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач, может представиться или представить других, задавать вопросы и отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, имуществе. Может участвовать в несложной беседе, если собеседник говорит медленно и отчетливо и готов оказать помощь.

А2 (первый семестр подготовительного факультета, базовый уровень). Предпороговый уровень. Учащийся понимает отдельные предложения и наиболее употребляемые выражения, связанные с основными сферами жизни (например, основные сведения о себе и членах своей семьи, работе, учебе и т.д.). Может выполнить задачи, связанные с простым обменом информации на знакомые или бытовые темы. В простых выражениях может рассказать о себе, своих родных и близких, описать основные аспекты повседневной жизни.

В1 (второй семестр подготовительного факультета). Пороговый уровень. Учащийся понимает основные идеи четких сообщений, сделанных на литературном языке на разные темы, типично возникающие на работе, в учебе, досуге и т. Умеет общаться в большинстве ситуаций, которые могут возникнуть во время пребывания в стране изучаемого языка. Может сделать связанное сообщение на знакомые темы или темы, которыми особенно заинтересован. Может описать впечатления, события, надежды, стремления, изложить и обосновать свое мнение и планы на будущее (Ushakova., Dubichynskyi, Trostynska.).

В связи с тем, что, как было отмечено, необходимым условием приема в украинские высшие учебные заведения следует считать владение иностранцами языком обучения (украинский, русский, английский и т.д., в зависимости от выбора студентом языка обучения) не ниже уровня В1, приобретенные в течение обучения на подготовительном факультете знания, умения и навыки должны быть проверены во время итогового контроля (выпускной экзамен на подготовительном факультете) во всех видах речевой деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Четкое теоретическое представление о методах проверки знаний, воплощенное в конкретные формы заданий, упражнений, текстов, является одним из наиболее эффективных способов, стимулирующих интерес к изучению языка, делающих учебный процесс целенаправленным. Регулярно проводимые «срезы» (текущий контроль) речевых умений должны показать преподавателю динамику формирования речевой деятельности учащихся в самом процессе обучения, а итоговый контроль – степень готовности учащихся к дальнейшему обучению в вузе.

При разработке дидактических материалов по контролю знаний (средств контроля: учебно-методических материалов, раздаточного материала, вариантов контрольных работ, групповых и индивидуальных заданий, учебно-дидактических карточек, экзаменационных заданий и билетов и т.д.) необходимо исходить из того, что контролируется на данном этапе обучения: уровень усвоения теоретических знаний (полнота и глубина знаний), умения и навыки (уровень овладения научным стилем речи, умение работать с учебником, умение использовать в речи изученный лексико-грамматический материал, продуцировать собственное высказывание, умение конспектировать и др.), формирование научного мировоззрения и развития мышления, уровень сформированности творческого опыта и др. Средства проверки должны быть адекватны видам учебной деятельности, формируемым в учебном предмете, и рассчитаны на планируемый уровень самостоятельности.

В соответствии с объектом контроля выбираются и соответствующие измерители (вопросы, задания, упражнения и т.д.). Измерители должны быть объективными (варианты заданий дидактически равноценными, форма предъявления заданий четкой, не включающей в себя ничего нового и непривычного, язык заданий корректным, не допускающим двойного толкования). Средства контроля должны быть развивающими и частично повторяющими предыдущие знания, а не разорванными на отдельные блоки.

Экзамен по русскому языку в конце первого семестра традиционно проводится в устном и письменном виде, который в уровневой системе приблизительно соответствует базовому уровню, поэтому его надо приближать к требованиям А2 (Тіровує тесту по руському языку як іностринному. Вазовуї урoвeн, 1999). Письменный экзамен можно проводить в форме тестов или в форме контрольной работы, включающей задания, объединяющие весь пройденный грамматический материал. Устный экзамен может включать в себя задания двух типов: чтение

адаптированного художественно-публицистического текста, ответы на вопросы по этому тексту и краткий пересказ; а также монологическое высказывание по одной из изученных в первом семестре тем («Я и моя семья», «Моя группа», «Город, в котором я учусь», «Жизнь и учёба на подготовительном факультете» и некоторые другие). При пересказе прочитанного текста студент должен охватить все основные смысловые моменты текста.

Кроме того, представляется целесообразным провести зачет по языку специальности. Материалы, выносимые на зачет, должны включать лексико-грамматические структуры, характерные для научного стиля, и изученные тексты. Студентам можно предложить выполнить несколько заданий. При выполнении первого задания студент должен показать знание пройденного материала. Он должен прочитать текст за заданное количество времени. При этом текст на 90 % приближен к одному из текстов, изученных в первом семестре на занятии (например, текст «Что изучает химия?»). Затем, не глядя в источник информации, студент отвечает на несколько (3 – 5) вопросов по этому тексту. Задаваемые вопросы касаются главной информации текста. Таким образом проверяется умение учащегося быстро ориентироваться в материале, извлекать из него нужную информацию, умение выделить информационное ядро. Второе задание может содержать в себе элемент творческого характера: студенту предлагается письменно ответить в виде «мини-реферата» на вопрос, связанный с изученной темой. Кроме того, с нашей точки зрения, необходимо провести письменную работу, с помощью которой проверяется владение студентом лексико-грамматическим материалом, специфичным для языка специальности данного профиля обучения. Результат контроля на данном этапе оформляется виде «зачтено» / «не зачтено».

Итоговый контроль во втором семестре – наиболее комплексный – происходит в виде зачетов и экзаменов. Исходя из основной цели обучения, на итоговых зачетах и экзаменах должны проверяться уровень сформированности языковой компетентности, необходимой для решения коммуникативных задач в учебно-профессиональной сфере общения в соответствии с выбранной специальностью, а также полнота и глубина знаний по предметам.

Известно, что требования, предъявляемые к иностранным учащимся при окончании подготовительного факультета, обычно включают в себя перечень основных навыков и умений, сформированных у студентов в области монологической речи, диалогической речи, аудирования, чтения и письма (Тривые тесты по русскому языку как иностранному. Уровен B1, 2002).

В частности, требования к монологической речи включают умение воспроизвести основное содержание прочитанного или прослушанного художественного текста и текста по специальности; прокомментировать собственными языковыми средствами отдельные фрагменты текста, трудные для восприятия; уметь построить собственное высказывание, в основе которого лежит интерпретация основной идеи текста и выражение собственного отношения к действующим лицам и событиям текста; умение построить собственное высказывание по одной из тем учебного плана второго семестра. Объективными показателями удовлетворительного уровня владения навыками и умениями монологической речи на данном этапе являются: соответствие речевого произведения студента основному содержанию текста, полнота воспроизведения основного смысла текста (для научного текста); формулирование собственного понимания идеи текста и отношения к действующим лицам и событиям текста, аргументированность идеи текста, характера действующих лиц фактами текста (для художественного текста); а также логичность изложения, соответствие нормам языка, темп речи – 150-180 слог/мин.

Для определения уровня владения навыками и умениями аудирования в конце второго семестра учащимся предлагаются специально составленные лекции научно-популярного, научного характера по дисциплинам, связанным с будущей специальностью студентов (лекции по физике, химии, биологии, литературе и т.п. в зависимости от профиля обучения), а также неадаптированные или с минимальной степенью адаптации художественные тексты или газетные сообщения. Тексты отбираются и адаптируются на основе лексико-грамматического минимума второго семестра и могут содержать до 3 % новых лексических единиц, которые не мешают пониманию идеи и основного содержания текста и значение которых студенты могут самостоятельно установить из контекста. Объективными показателями удовлетворительного уровня владения навыками и умениями аудирования на данном этапе являются: полнота, точность и глубина понимания текста.

Объективными показателями удовлетворительного уровня владения навыками и умениями чтения являются: полнота, точность и глубина понимания текста; степень адекватности раскрытия логической структуры текста; самостоятельность и обоснованность интерпретации основного содержания текста; скорость чтения текстов, предназначенных для изучающего чтения, – 60-75 слов/мин, текстов, предназначенных для чтения с охватом общего содержания, – 150-180 слов/мин. Тексты так же, как и при контроле навыков аудирования, отбираются и адаптируются на основе лексико-грамматического минимума второго семестра; они могут содержать до 5 % новых лексических единиц, которые не мешают пониманию идеи и основного содержания текста и значение которых студенты могут самостоятельно установить из контекста.

Студенты также должны обладать следующими навыками письма: уметь составить план, а также краткий или развёрнутый конспект прочитанного или прослушанного научного или художественного текста; уметь составить письменное сообщение на изученные темы. Объективными показателями удовлетворительного уровня владения навыками и умениями письма являются: соответствие пунктов плана содержанию текста и правильная формулировка пунктов плана (при составлении плана текста); а также соответствие конспекта основному содержанию текста, воспроизведение в конспекте всех основных смысловых фрагментов текста, логичность изложения, краткость изложения (до 50 % от общего объема текста), самостоятельность в выборе языковых средств, разнообразие использованных лексико-грамматических средств и соответствие нормам языка (при составлении конспекта текста) (Тривые тесты по русскому языку как иностранному. Уровен B1, 2002).

Итоговый контроль по языку обучения может проходить в три этапа: зачет, письменный экзамен и устный экзамен. Оценка выставляется общая. Поскольку в Украине нет государственного образовательного стандарта на обучение иностранцев, то и проведение экзамена в разных вузах проходит по-разному. С нашей точки зрения, экзамены и зачет надо приближать к требованиям B1 (Typove testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Uroven B1, 2002)., дополненными тестами по научному стилю речи.

Допуском к выпускному экзамену по языку (зачетом) может быть конспектирование лекции. Лекция может представлять собой научно-популярный текст, который звучит в исполнении преподавателя-предметника, а его запись проверяется преподавателем-русистом. Перед началом слушания лекции представляется целесообразным дать студентам словарь новых слов и терминов, а также план лекции. Время звучания лекции – около 45 минут. Студенты слушают информацию один раз, после чего воспроизводят ее с опорой на план и словарь. Степень понимания учебной лекции проверяется с помощью конспекта лекции. Оценивается работа альтернативными оценками «зачтено» / «не зачтено». При передаче более 50% информации с правильным использованием грамматических средств студент получает оценку «зачтено».

Хотелось бы особенно подчеркнуть важность проведения в конце второго семестра зачета в форме слушания и конспектирования лекции по специальности. Как известно, лекция – основной и общепризнанный прием обучения в вузах, один из основных источников знаний по специальности и основная ведущая форма аудирования у студентов-иностранцев. В связи с этим становится актуальным вопрос о подготовке иностранных студентов к восприятию и пониманию лекций на первом курсе вуза. Для того, чтобы подготовить студента к итоговому контролю в форме лекции, необходимо в течение семестра провести несколько аналогичных проверок. Кроме этого, должны также контролироваться и другие виды речевой деятельности, которые формируются на материале научного стиля. Преподавателю следует следить за тем, чтобы при развитии репродуктивных видов речевой деятельности у учащихся не был потерян навык языкового оформления высказывания, чтобы план содержания и план выражения мысли выступали в единстве.

Письменный экзамен, с нашей точки зрения, должен состоять из двух частей. Сначала студент выполняет итоговую контрольную работу, на которую выносятся весь изученный грамматический материал. После этого студентам предлагается написать изложение биографического характера с элементами теории ученого или описанием проведенных им опытов и т.п. (например, «Ньютон и его законы движения»).

Устный экзамен может включать в себя выполнение заданий трех типов: 1) чтение художественно-публицистического текста (15-20 мин., 400-500 слов), краткое изложение основного содержания текста без опоры на текст, выражение собственного отношения к событиям, действующим лицам и интерпретация основной идеи прочитанного текста; 2) чтение научного текста (15-20 мин., 250-300 слов), составление назывного плана, пересказ текста по составленному плану и выполнение лексико-грамматических заданий (например, указать управление глаголов и составить собственные предложения с этими глаголами; подобрать однокоренные слова к предложенным словам; заменить предложение синонимичным, используя синонимичные грамматические конструкции, характерные для научного стиля); 3) построение собственного монологического высказывания на одну из тем учебного плана второго семестра («Киев – столица Украины», «Столица моей родины», «Национальные праздники Украины и моей родной страны», «Изучение иностранных языков», «Рассказ о русском (украинском) писателе (учёном, художнике, композиторе), о котором узнал на подготовительном факультете» и некоторые другие).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, в связи с тем, что в Украине пока не разработана модель выпускника подготовительного факультета, отсутствует государственный образовательный стандарт, вопрос об унификации выпускных экзаменов на подготовительных факультетах для иностранных граждан в Украине на сегодняшний день остается актуальным. С нашей точки зрения, в равной степени является важным как традиционное проведение экзаменов в письменной (изложение, конспект лекции) и в устной формах, так и создание единого государственного образовательного стандарта владения украинским (русским) языком как иностранным и разработка на его базе унифицированной системы государственного тестирования с учетом коммуникативных потребностей учащихся в учебно-профессиональной сфере общения в соответствии с их будущей специальностью.

LIST OF REFERENCES

- Boginia L.V., Kryvorucko T. D. Yakist movnoji pidgotovku inozemnykh gromadian do vstupu u VNZ Ukrainy: standarty, realiji, perspektyvy [Quality of foreign citizens language training for entering the universities of Ukraine: standards, realities, perspectives]. Rezhym dostupu: http://elib.umsa.edu.ua/bitstream/umsa/8396/1/16_YMP.pdf
- Kontseptsiiia rozvytku osvity Ukrainy na period 2015–2025 rokiv [The concept of development of education in Ukraine for the period 2015–2025]. Rezhym dostupu: http://www.tnpu.edu.ua/EKTS/proekt_koncepc.pdf
- Navchalni plany ta program (dovuzivska pidgotovka inozemnykh gromadian). Ch. 1. (2003). [Curricula and programs (pre-university training of foreign citizens)]. Kiev: IVTS Vyd-vo Politekhniky.
- Navchalni plany ta program (dovuzivska pidgotovka inozemnykh gromadian). Ch. 2. [Curricula and programs (pre-university training of foreign citizens)]. (2005). Kiev: IVTS Vyd-vo Politekhniky.
- Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven. (1999) [Typical tests for Russian as a foreign language. Basic level]. Moscow – St.-Petersburg: TsMO – «Zlatoust».
- Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Uroven B1. (2002) [Typical tests for Russian as a foreign language Level B1]. Moscow – St.-Petersburg: TsMO – «Zlatoust».
- The Common European Framework of reference for Languages Learning and Teaching (1997) Strasburg: Council of Europe.
- Ushakova N. I., Dubichynskyi V. V., Trostynska O. M. Kontseptsiiia movnoi pidhotovky inozemtsiv v VNZ Ukrainy. (2011). [Concept of language training in universities of Ukraine]. Vykkladannia movy u vshchychkh navchalnykh zakladakh osvity. (Vol. 19), 136–146.

Zagalnoyevropejski recomendatsii z movnoji osvity: vyvchennia, vykladannia, otsiniuvannia. (2003). [Common European recommendations on language education: study, teaching, assessment]. Kiev: Lenvit.

For citation:

Varava Svetlana (2019) FINAL CONTROL FOR FOREIGN CITIZENS PREPARATORY FACULTY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p. 156-161. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-156-161>

Для цитирования:

Варава, С. (2019) ОБ ИТОГОВОМ КОНТРОЛЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 156-161.. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-156-161>

Information about the author: Varava Svetlana, Assistant of Professor, Department of Language Training 2, Institute of International Education for Study and Research of V.N. Karazin Kharkiv National University

Сведения об авторе:

Варава Светлана - старший преподаватель кафедры языковой подготовки 2 Учебно-научного института международного образования Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Украина

Manuscript received: 06/02/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

TRANSLATION

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-162-165>

DENOTATIVE AND TRANSFORMATIONAL APPROACHES TO THE TRANSLATION OF IDIOMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Galina Bezkorovaynaya
PHD in Philology, Assistant Professor
Moscow Polytechnical University, Higher School of Printing and Media Industry
(Moscow, Russia)
e-mail: begatil@yandex.ru

Abstract: The phraseologisms and idioms are one of the expressive means of the language and speech. The aim of this article is to regard denotative and transformational methods exemplified by the translation of the novel *Pelham* (1828) by Edward George Bulwer Lytton (1803–1873) and its Russian translation by A.S. Kulisher, N.Y. Rikova (1958). Based on the examples of the novel text the phraseologisms of the original and translation into Russian are analyzed. The denotative approach to the translation is the main one here and it is based on the general writer's concept. The translators use the phraseologisms where there are not any idioms in the original. Sometimes they use them instead of phrasal verbs.

Key words: phraseologism, denotative translation, transformation, writer's language, fiction text

ДЕНОТАТИВНЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Галина Тиграновна Безкорвайная
Кандидат филологических наук, доцент
Московский политехнический университет
Высшая школа печати и медиаиндустрии
(Москва, Россия)
e-mail: begatil@yandex.ru

Аннотация: Фразеологизмы являются одни из эмоционально-экспрессивных ресурсов языка. Предметом данной статьи является рассмотрение денотативного и трансформационного подхода к переводу фразеологизмов с английского на русский. В качестве примера выбран роман Эдуарда Джорджа Бульвер-Литтона (Edward George Bulwer Lytton, 1803–1873) «*Pelham*» (1828) и его перевод, выполненный А.С.Кулишер и Н.Я. Рыковой «*Пелэм, или Приключения джентльмена*» (1958). В статье анализируются примеры перевода разных разрядов фразеологизмов на русский язык. Основной подход к переводу данного произведения – денотативный, т.е. исходящий из общего сюжета и стиля писателя. Фразеологизмы иногда появляются в русском переводе там, где они отсутствуют в английском тексте, либо таким образом передаются фразовые глаголы.

Ключевые слова: фразеологические единицы, денотативный перевод, переводческая трансформация, язык писателя, художественный текст

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0088-3619>

ВВЕДЕНИЕ. Изучение двух подходов к переводу фразеологизмов в данной статье – денотативного и трансформационного – основано на анализе конкретного произведения Эдуарда Джорджа Бульвер-Литтона (Edward George Bulwer Lytton, 1803–1873) «*Pelham*» (в русской версии – «*Пелэм, или Приключения джентльмена*») (1828). В центре внимания находятся фразеологизмы разных разрядов: идиомы, паремии, крылатые выражения – и их перевод на русский язык.

Роман пользовался большим успехом в Европе, а в России им восхищался А. С. Пушкин, который имел замысел написать роман «Русский Пелам» (сохранилось несколько развёрнутых планов). Жизнь юного аристократа-денди, щёголя и завсегдатая великосветских салонов и игорных домов Пелэма находится в центре повествования от первого лица. Роман и, прежде всего, фигура главного героя были задуманы автором, чтобы показать, как человек, внутренне не зависимый, способен избежать дурного влияния света (Matveenko 2003). В романе переплетены две сюжетные линии. В одной из них Пелэм всеми силами стремится достичь высокого положения в обществе путём любовных связей, участием в грязных политических играх, стремлением выгодно жениться. Другая, детективная, описывает трагедию Реджинальда Гленвила – университетского друга Пелэма – его мечь обидчику своей возлюбленной при помощи различных проходимцев, убийство и связанное с ним расследование (Matveenko 2003).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Хотя вопросы перевода фразеологизмов с одного языка на другой привлекают внимание многих лингвистов, основополагающими по сей день являются работы А.В. Кунина – автора и составителя «Большого англо-русского фразеологического словаря», разработчика теории фразеологии английского языка. В предисловии к нему лингвист отмечает особую сложность перевода фразеологизмов, подчеркивая, что «при переводе устойчивых сочетаний слов следует также учитывать особенности контекста, в котором они употребляются» (Kunin 1967: 4). Мастера переводоведения отмечают различия переводческих подходов и приемов, в том числе при передаче значений фразеологизмов. Достаточно упомянуть известные теории А.Д. Швейцера, Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова.

Определение трансформационного и денотативного подхода разнятся. Так, А.М. Фитерман и Т.Р. Левицкая определяют три типа трансформаций: грамматические, стилистические, лексические трансформации. Сюда входят замена и добавление, конкретизация, генерализация предложений, опущение. А.Д. Швейцер, рассуждая об уровнях, позволяющих применять трансформации, предлагает делить трансформации на четыре группы, при этом считает, что на стилистическом уровне могут иметь место как грамматические, так и лексические трансформации. Я.И. Рецкер, напротив, называет лишь два типа трансформаций. Этот лингвист говорит о таких приемах их воплощения, как грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения, лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании. Нет единства и в определении денотативного приема перевода. Денотативная теория перевода определяет перевод как процесс описания при помощи языка перевода денотатов, описанных на языке оригинала. «Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему знаками исходного языка и через эти последние выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. (Rarenko 2010; 31-32). Уделяется внимание в лингвистике и особенностям перевода фразеологизмов в художественных текстах. В последние годы появились работы по этой тематике (см., например: Kazakova 2006; Sdobnikov, Petrova 2001).

Вопросами различных подходов к переводу художественных произведений занимаются и зарубежные лингвисты (Landers 2001; Snell-Hornby 2006). Набор лексико-фразеологических средств, помогающих говорящему / пишущему представить фразеологическое значение или его смысловые нюансы, а также реализация их значений происходит в рамках фразеоконтекста. В фразеосеминаре профессора В.М. Мокиенко также большое внимание уделено этой проблеме (Mokienko 2003). Вместе с тем остается ряд вопросов, которые не изучены в достаточной степени, в том числе и применение обеих стратегий в переводе фразеологизмов.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным методом проведенного исследования был избран сравнительно-сопоставительный, предусматривающий анализ отобранных приемом сплошной выборки примеров фразеологизмов в оригинале и переводе изучаемого текста романа. С целью определения использованных в переводе на русский приемов и подходов применялся семантический анализ лексических единиц и фразеологизмов. Применялся также метод анализа переводческих решений.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Проведенное исследование предполагало отбор и анализ фразеологизмов языка оригинала и перевода романа «Pelham» («Пелэм, или Приключения джентльмена»). Особенности стиля романа «Пелэм» рассматривались исследователями. «Многообразие лексики и фразеологии романа вызвано сочетанием легкого великосветского юмора и серьезной, то задушевной, то резонерской, то насыщенной мыслями беседы, реалистического описания улиц и зданий Парижа с готической романтикой кладбища в ночных скитаниях героев» (Chicherin 1958, XV).

Над переводом романа трудились А. С. Кулишер (главы I–LIV) и Н. Я. Рыковой (предисловия и главы LV–LXXXVI). Обе переводчицы принадлежали к ленинградской школе перевода. Они особенно известны переводами с немецкого и французского языков. В списке работ А.С. Кушнер роман Бульвера-Литтона чуть ли не единственный с английского.

Анализ отобранных при исследовании примеров показал, что в тексте романа присутствуют различные по составу фразеологические ресурсы: паремии, библеизмы, идиомы. Вместе с тем в тексте оригинала и в переводном тексте их количество разнится.

Повествование ведется от первого лица. Автор, будучи образованным человеком, наполняет текст библеизмами и крылатыми выражениями *She keeps a tolerable table, haunted with Poles, Russians, Austrians, and idle Frenchmen.*, при этом некоторые даны Бульвер-Литтоном на французском или латыни, например: *peregrinae gentis amaenum hospitium. Nobilis ornatur lauro collega secundo Le sentiment de nos forces les augmente* и т.п.

В тексте романа зачастую такого рода фразеологизмы остаются без перевода, что вполне обоснованно стремлением показать высокую образованность и автора, и главного героя. Иногда библеизмы или цитаты переводятся: *отделить зерно от плевел - ad separatum triticum a paleis.*

Фразеологизмы в романе разнообразны по составу и функциям. Как верно отмечает О.В. Ломакина, «при изучении языка писателя особый интерес вызывают различные индивидуально-авторские приемы использования фразеологических ресурсов языка» (Lomakina 2015, 8). Очевидно, что фразеологизмы, которые использованы в переводе данного романа, учитывают общую тональность стиля Бульвер-Литтона, особенности описания автором современного ему общества. Автор использует пословицы, которые сохранены в переводе: *'a ram may kill a butcher.- А знаете, ведь «иной раз бывает, что баран мясника зашибает».* *Sultitiam paliuntur, opes-Богатство покрывает глупость.*

Наличие соответствующего эквивалента позволяет дать в русском переводе адекватный вариант пословицы, библеизма и т.п. В русском переводе встречаем разговорно-просторечные фразеологизмы. Например:

Пропустив это замечание, мимо ушей; накормить вас до отвала; Меня словно окатили ушатом ледяной воды; первой мне попала на глаза пусть пеняет на свое собственное безрассудство - Пенять на себя; они ей нужны до зарезу; понадалось мне на глаза, При сопоставлении примеров видно, что в переводе возникают фразеологизмы, а в оригинале их нет: *Several days passed. I had taken particular pains to ingratiate myself with Lady Roseville* (ch. VI). *Прошло несколько дней; я всячески старался приобрести расположение леди Розвил, и в той мере, в какой дело касалось банального светского общения* (гл. VI). *I recovered myself instantly* (ch. VI). *Я мгновенно пришел в себя* (гл. VI); *had utterly disappeared.* (ch. VII) *спустя минуту бесследно исчез* *Glanville shook me from him in an instant, covered his face with his hands, and sunk down with one wild cry, which went fearfully through that still place, upon the spot from which he had but just risen.* *В мгновение ока* Гленвил оттолкнул меня, закрыл лицо руками, издал нечеловеческий стон, жутко прозвучавший в безмолвии кладбища, – и рухнул наземь у той могилы, с которой только что поднялся (гл. VI). *The reply came upon me like a shower bath; I was both chilled and stunned by so unexpected a shock* (ch. VII). *Меня словно окатили ушатом ледяной воды* (гл. VII). *Неожиданность ошеломила меня, и в то же время я весь похолодел. I could not sleep the whole of that night, and the next morning* (ch. VII). *Я не сомкнул глаз всю ночь и на рассвете отправился в путь* (гл. VII).

Денотативный способ получает широкое применение. Учитывается общая тональность произведения. По-видимому, репутация столь популярного произведения и стремление увлечь читателя привела в некоторых случаях к вольностям в тексте перевода. Например: *I inquired with very considerable emotion, whether there was not an easier way to return* (ch. V) *я, не на шутку встревожась, спросил, нет ли другого, более удобного пути* (гл. V).

Здесь справедливо вспомнить слова К.И. Чуковского о том, что для читателя важно, чтобы были переданы не только внешние формальные качества, но и внутреннее обаяние подлинника. (Чуковский, 1987, 34). И, хотя эти слова писатель относил к поэтическим произведениям, их можно применить к прозе.

В языке оригинала Литтон использует фразовые глаголы, которые в русском переводе предстают в форме фразеологизмов. Это можно рассматривать не как волю переводчика, а как особенности двух языков. Там, где метафоричность передается аналитическими средствами, переводчик оживляет текст фразеологизмами. Представляется, что стилистика всего романа позволяет сделать это. Следует согласиться с тем, что перевод романа на русский язык «показывает попытку соединения двух противоположных тенденций: с одной стороны, стремление переводчика к передаче художественного своеобразия романа, с другой – адаптация текста для массового читателя. Последнее зачастую достигалось либо упрощением содержания и формы оригинала, либо его сокращением» (Matveenko 2010).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Анализ перевода фразеологизмов разных разрядов в романе Пэлем Бульвер-Литтона, выполненного А.Н.Кулишер и Н.Я. Рыковой на русский язык, позволил сделать вывод о том, что при процессе раскодирования текста переводчики, как правило, использовали такие приемы, как полностью совпадающие эквиваленты, вольный перевод, трансформации, денотативный перевод. Использование разговорно-просторечных фразеологизмов в речи главного героя, который происходит из знатного рода, высокообразован, продиктовано попыткой демократизации текста для советского читателя. Денотативный перевод можно понять как желание придать повествованию некую «народность». Появление фразеологизмов в переводе не оказывает негативного влияния на русскоязычного читателя, а, напротив, способствует повышению интереса к прочтению. Некоторые просторечные фразеологизмы выглядят неестественно в устах благородных и образованных персонажей. «Улучшая» стиль Э. Бульвер-Литтона, перевод не искажает основное содержание и лишь придает роману привлекательность для современного русскоязычного читателя. В то же время денотативный подход в некоторой степени отдаляет его от адекватного перевода текста.

LIST OF REFERENCES

- Kazakova T. A. *Xudozhestvenny'j perevod. Teoriya i praktika: Uchebnik. [Literary translation.Theory and Practice]*— SPb.: OOO «In' yazizdat», 2006. — 544 s. — (Special'naya literatura po inostranny'm yazy'ka)
- Kunin, A.B. *Predislovie k anglo-russkomu frazeologicheskomu slovarju* [Preface to the Russian-English Phraseological Dictionary] A.B. Kunin // *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'*. Izd. 3-e, ispr., v dvux knigax. M.: Sov. E`nciklopediya, 1967. - T. 1 - S. 3 - 18.
- Lomakina O.V. *Roľ frazeologicheskix aktualizatorov v smy'slovoj realizacii frazeologizmov i poslovic v tekste (na materiale yazy'ka L.N. Tolstogo)*[The Role of Phraseological Actualisators in the Meaning Realization of Phraseological Units and Proverbs in Fiction Texts (exemplified by Leo Tolstoy Language)]// *Vestnik CzMO MGU* 2015 №2 S. 7-14
- Matveenko I. *Vospriyatie tvorcestva E`. Bul'vera-Littona v Rossii 1830–1850-x gg.* [Reception of works by E.Bulwer-Lytton in Russia in 1830–1850-] Tomsk: Tom. politexn. un-t, 2005. 241 s.
- Mokienko V.M. *Novajarusskajafrazeologija (New Russian phraseology)*. Opole; UniwersytetOpolski: InstytutFilologiiPolskiej-2003.
- Osnovny'e ponyatiya perevodovedeniya. Terminologicheskij slovar'-spravochnik* [The main concepts of translation Theory. Terminology Dictionary] Pod redakciej Rarenko M.B. INION M. 2010 S.31-32
- Sdobnikov V.V., Petrova O.V. *Teoriya perevoda. [The Theory of Translation]* Uchebnik dlya perevodcheskix fakul'tetov i fakul'tetov inostranny'x yazy'kov rezhim dostupa : https://www.studmed.ru/sdobnikov-vv-petrova-ov-teoriya-perevoda-uchebnik-dlya-perevodcheskih-fakultetov-i-fakultetov-inostrannyh-yazykov_94886cd64bd.html
- Chicherin A.V. «Pe'lem» Bul'ver-Littona predislovie k knige Bul'ver-Litton Pe'lem , ili priklyucheniya dzhentl'mena.[Pelham by Bulwer-Lytton. Preface to the book Pelham, the adventures of a gentleman] M.- Xudozhestvennaya literatura,- 1958-S. XV
- Chukovskij Vy'sokoe iskusstvo [The High Art] M.: Sovetskij pisatel' 1968. S.90
- Landers, Clifford E.*Literary Translation. A Practical Guide / Clifford E. Landers.* – Multilingual Matters LTD, 2001. - 214 p.
- Snell-Hornby, Mary.*Translation Studies: An Integrated Approach / Mary Snell-Hornby.* – revised edition. - John Benjamins Publishing Com

Bulwer-Lytton E. Pelham. Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/7623/7623-h/7623-h.htm>

Bul' ver-Litton Pe'lem , ili prikl'yucheniya dzhentl'mena. [Bulwer-Lytton Pelham, the adventures of a gentleman], M.-Xudozhestvennaya literatura,- 1958-S. XV <https://www.litmir.me/br/?b=129463&p=1>

For citation:

Bezkorovaynaya, G. (2019) DENOTATIVE AND TRANSFORMATIONAL APPROACHES TO THE TRANSLATION OF IDIOMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 162-165. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-162-165>

Для цитирования:

Безкоровайна Г. Т (2019) ДЕНОТАТИВНЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 162-165. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-162-165>

Information about the author: Bezkorovaynaya Galina - Candidate of Philology, Assistant Professor, department of foreign languages Moscow Polytechnic University, High School of Printing and Media Industry
e-mail: begat1@yandex.ru

Информация об авторе: Безкоровайна Галина Тиграновна - кандидат филол. наук, доцент кафедры « Иностранные языки», Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиainдустрии.
e-mail: begat1@yandex.ru

Manuscript received: 05/27/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-165-170>

**LINGUOCULTUROLOGICAL TRANSLATION PECULIARITIES OF DIPLOMATIC
CORRESPONDANCE OF FRENCH CONSULATES IN GEORGIA AND TURKEY
(middle 19th-early 20th)**

Victoria Diasamidze
Doctor of Philology, Associate professor
Batumi Shota Rustaveli State University
(Batumi, Georgia)
e-mail: victoria.diasamidze777

Abstract. The paper deals with the theoretical understanding and linguocultural interpretation from French into Russian of the archival diplomatic correspondence of the consulates of France in Georgia and the Ministries of Foreign Affairs of France and Turkey of the late XIXth-early XXth century. In this paper we analyse lexical, phraseological features and compare standard architectonics of drawing up official and business handwritten correspondence. Compliance with ethical and professional rules and regulations dictates the specific features of the syntax and appeal to the higher and lower officials. When translating into Russian, idioms and equivalents, generally accepted in official business correspondence with maximum preservation of color and features peculiar to the original, were taken into account.

Key words: diplomatic correspondence, French diplomacy, correspondence rules, handwritten discourse

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ПЕРЕПИСКИ КОНСУЛЬСТВ ФРАНЦИИ В ГРУЗИИ И ТУРЦИИ (сер. XIX-нач. XX века)**

Виктория Григорьевна Диасамидзе
Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор
Батумский государственный университет
имени Шота Руставели
(Батуми, Грузия)
e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Аннотация. Представленная работа посвящена лингвокультурологической интерпретации перевода с французского языка на русский архивной дипломатической переписки консульств Франции в Грузии МИД Франции и Турции конца XIX-начала XX века. Рассматриваются лексические, фразеологические и другие особенности, сравнивается принятая архитектоника составления официально-деловой переписки, по понятным причинам почти исключительно рукописного характера. Соблюдение этических и профессиональных правил и норм диктует специфические особенности синтаксиса и обращения к высшему и низшему должностному составу. При переводе на русский язык, прежде всего, учитывались идиомы и эквиваленты, общепринятые в официально-деловой переписке при максимальной сохранности колорита и особенностей, свойственных оригиналу.

Ключевые слова: дипломатическая переписка, французская дипломатия, правила переписки, дискурс рукописной корреспонденции

ВВЕДЕНИЕ. Начиная с XVIII века, доминирующим в дипломатии был французский язык; французскую дипломатию формировала большая плеяда выдающихся личностей и документы изначально отличались особым изяществом. В настоящей работе нами предпринята попытка сделать обобщенный анализ и дать характеристику особенностей дипломатической переписки на французском языке, выявить общие и различные черты её ведения в дипломатических отношениях Франции и Турции с консульской службой Батуми за период с середины XIX до начала XX века.

Фактическим материалом исследованию послужили тексты на французском языке из официальных архивов МИД Франции и Турции по различным внешнеполитическим вопросам и текущим вопросам международного сотрудничества, предоставленные г-ном Зауром Маргиевым, доктором Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основным методом исследования является культурологический и сопоставительно-типологический анализ, который позволяет выявить лексико-семантические единицы исходного языка и языка перевода.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Каждый вид дипломатической документации используется для решения определенных задач. Дипломатическая переписка является одной из форм делопроизводства в области международных отношений и переписки. Формальные правила переписки, внешняя атрибутика корреспонденции сложились полтора века назад. Специалистами по составлению дипломатических документов выделяются обычно следующие обязательные элементы: протокольные формулы, смысловое ядро, аргументация своей позиции.

В исследуемый период большая часть работы дипломатов заключалась в написании депеш, составляющих, наряду с шифрованными телеграммами, основной способ обмена информацией сотрудников консульских служб.

Французская дипломатическая служба, как отметил известный дипломат Ю.В.Дубинин, Командор французского национального ордена «За заслуги», всегда была самой большой по сравнению со службами других иностранных государств. Являясь одной из основоположников современной мировой дипломатии, французская дипломатия входит в первую тройку, наряду с английской и восточной (Dubinin 2004:38-69).

В последнее время оживилась дискуссия о роли и месте дипломатии по сравнению с прошлыми эпохами: теоретический и практический интерес представляет рассмотрение не только современных процессов в дипломатической службе Франции (Litvak 2016:18).

Как и в прежние времена, источниками качественной информации остаются контакты с людьми и набор собеседников, общение с которыми дает хорошую картину для досье дипломата. Тематика переводимой переписки различна: собирался и изучался материал о текущей ситуации за рубежом, делались прогнозы развития событий и предложения для достижения целей, поставленных политическим руководством.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. Нельзя не отметить высокую степень грамотности, общей культуры и профессионализма составителей и авторов переводимой нами и введенной в научный оборот документации. При переводе документации консульских и министерских служб мы столкнулись с неизбежными проблемами, связанными с неразборчивостью почерка, перепиской пером и чернилами в эпоху, предшествующую появлению печатной машинки. Это объясняет орфографические и стилистические погрешности в рукописном материале. Мы обратим внимание лишь на некоторые из них, часто повторяющиеся или не соответствующие высокому статусу писавшего. В массиве объемом около двух тысяч архивных рукописных листов исключительно редко ошибки, носящие, скорее, механический характер. Стилистические правки карандашом нередки на переводимых нами документах и носят, как правило, либо уточняющий, либо смягчающий жесткость позиции характер. К таким отклонениям по отношению к общепринятой орфографии можно отнести встреченное написание топонимов и даже имен собственных со строчной буквы. Так, остаётся лишь догадываться, отчего консул Франции в Кавказских провинциях, г-н Стайерт, неизменно подписывается “fr. Steyert” в своих письмах из Батума Министру иностранных дел, вместо общепринятого “Fr.Steyert”. Непоследовательность в обозначении топонимов проявляется в ”mernoire”, “hopa”, “anapa”, ”batoum”, а то и ”batoun”. Изящество стиля и соблюдение, как правило, норм орфографии не позволяют ставить под сомнение высокую степень грамотности потомственного аристократа Фр.Стайерта. Это же касается довольно распространенного в нашем фактическом материале отступления от норм орфографии в окончаниях наречий и имен существительных на -ment, -ant, -em. Необычно читать спустя 150 лет у разных авторов “tems”/temps, “enfans”/enfant, ”sentimens”/sentiments. Согласно нормативным грамматикам и пособиям по истории французского языка, орфографические нормы утвердились ещё в 12 столетии, и в особенностях орфографии 19 века подобные отступления не фигурируют (Katagoshchina atc.1976:269-270; Shigarevskaya 1974:235-236).

Фактический же материал показывает обратное: установление норм орфографии в живом языке – развивающийся процесс.

Говоря об особенностях обозначения топонимов эпохи времён турецкого владычества, невозможно не упомянуть постфикс “-Kalé” при наименовании городов во времена турецкого владычества, названия рек утратили свою вторую составную часть «цхали», заменив её на «су»/sou (Маргиев 2008:418): *Kemhel/Педум-*

Кале, Сухум-Кале/Soukhouit-Kalé, Чурук-су/Tchourouk-sou, Аджара-су/Adjara-sou, например: «В Редум-Кале господин Шампуазо, не найдя себе пристанища, был направлен в лагерь на Чурук-су, где оставался несколько дней в лихорадке и без оказания помощи».

Ориентализмы являются неперменной составной консульской переписки со странами Востока; начнём с упоминания градации гражданских лиц в зависимости от места, занимаемого лицами в обществе: почетный титул гражданских и военных чинов «-ага», титул правителей различных рангов «-бей», высший государственный сановник – «визирь», паша 1-го класса – «мушир», указ, издававшийся от имени султана и скрепленный его *тузрой* (знак в виде монограммы) – «ферман» и др. (там же: 697-744): «Поскольку лодка не смогла пристать к берегу Чурук-су из-за сильного ветра, они решили продолжить свой путь и вошли в порт Батума, где капитан **Солиман-ага** передал господина Мариополи в руки генерала **Этэм-пашии/Ethem-pasha**»; «Считаю своим долгом сообщить его Превосходительству **Великому Визирю** (что я сделаю это также в посольстве Константинополя и МИД Парижа) об испытываемых нами трудностях в получении результата в кратчайшие сроки...»; «Вчера, 23 декабря, 1854 года, мушир, главнокомандующий армейским корпусом Батума Мустафа-паша, публично огласил **Ферман** Султана относительно запрета на торговлю черкесскими и грузинскими рабами» (Попутно отметим, что в Османской империи институт рабства продержался дольше, чем в других регионах мира и только в 1876 году султанским указом на территории империи рабство официально было запрещено).

Немалую роль в работе консульств играли так называемые толмачи - драгоман, от добросовестности которых зачастую зависел исход многих дел. Драгоман (франц. *Dragoman* из араб.) - официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции. Драгоман обычно владел османским или арабским и, как минимум, одним из европейских языков. Драгоман работали в рамках администрации Османской империи, а также в составе европейских дипломатических, торговых представительств, согласно «Словарю русского языка» (Словарь русского языка: 1999). В консульской переписке часто мелькают весьма нелестные характеристики упомянутых драгоманов: «...факт, заслуживающий большого сожаления, состоит в том, что настолько важное дело с материальной точки зрения для компании Махсуссе/Махсуссе и для правительства османской империи (ибо дело о земельном участке ценой не менее, чем 15.000 руб.), находится в руках такой личности, как **драгоман Кости Шумул-оглу/Costi Schoumoul Oglou**, виновный в преступной смене подданства без особого на то позволения Его Величества, Светлейшего и Всемогушественного Правителя, не говоря уже о прочих злоупотреблениях вышеозначенного субъекта». И ещё один пример недостаточной преданности службе одного из драгоманов: «Мой отъезд из Трапезунда несколько задержался из-за увольнения некоего Шахума/Shahum, бывшего год у меня на службе в Тифлисе. Там мне поручили защищать османских подданных, что, впрочем, произошло в прошлом августе. В действительности, ситуация была обусловлена малой преданностью делу, отставаемому в настоящий момент. Как следствие, это вызвало увольнение этого **драгомана** и обязало меня найти ему замену в Константинополе».

Один из часто употребляемых ориентализмов – *башибузук* (от тюркского «баш» - голова и «бузук» - испорченный, бешеный) имеет следующие значения: 1) ист. солдат нерегулярной конницы в Турции в 18-19 вв.; 2) в переносном смысле - «грубый, необузданный человек; разбойник, головорез (Маргиев, 2008:701): «Согласно сообщению мушира, ...произошло нападение на укрепленный лагерь *Лажва/Laghva* в двух лье от Чурук-су. Этот аванпост, состоящий из 800 человек **башибузук/Вачи-Воззукс** Верхней Аджарии, вчера утром был атакован грузинскими войсками, численность которых, около пяти тысяч человек».

Летоисчисление, принятое в Османской империи, использовалось и в международной переписке, например, при обращении к Консулу Франции в Кавказских провинциях, мушир, главнокомандующий армейским корпусом Батума, Мустафа-паша из Штаб-квартиры в Чурук-су, 12 джемаз-эвел 1271г./12 djemaz-el-evtel 1271, пишет следующее 13 февраля 1855 года: «Господин Консул, я получил Вашу депешу **от 8 джемаз-эл-эвела**, в которой Вы просите информировать Вас о принятых мерах по освобождению семи человек, похищенных людьми из Верхней Аджарии».

Дипломаты исследуемого периода активно использовали термины из латыни. В нашем материале встречено значительное количество подобных примеров: «Его Превосходительство Рустем Паша Его Превосходительству Саид Паше, министру иностранных дел. Константинополь, 11 августа 1886 года. ... «Лорд Солсбери ... ответил мне, что уже сейчас, *apriori*, ему не кажется выгодным продолжать «чернильную войну» с полемикой, не способной привести к какому-либо решению». Используемый здесь же фразеологизм метафорического характера *чернильная война/guerre de l'encre*, иронически означает «письменный, выражающийся только в переписке, выступлениях в печати», вошёл в разряд архаизмов с середины прошлого века в связи с исчезнувшими из обихода реалиями. Латинизм *Clausulare bussicstantibus* широко используется при дискуссии вокруг отмены статьи Берлинского договора, дающей Батуму статус порто-франко: «...согласно «**Clausulare bussicstantibus**», право одностороннего расторжения, действительно, признаётся за государством в отношении заключенного им договора, если преобладавшие условия во время заключения данного договора со временем значительно изменились».

При проставлении даты в дипломатической переписке в конце 19 века используется архаичное обозначение месяцев, соответствующее их латинской этимологии. Это объясняется тем, что французский язык в официально-деловой переписке пришёл на смену латыни относительно недавно: так, сентябрь, дословно, седьмой месяц—“*septem*”, обозначается в виде “7-е”(septembre), ноябрь, девятый месяц—“*novem*”, обозначается в виде “9е”(novembre), декабрь, десятый месяц—“*decem*”, обозначается в виде “X-bre”(décembre) и т.д.

Формулы вежливости, правила написания дипломатической документации, ведение переписки уже имели стандартный устойчивый характер, используемый во всем мире. Уход от клише и международных стандартов нами не был отмечен и не приветствовался в дипломатической переписке. Традиционно не требовалось комплиментарного оформления только в таких документах дипломатической переписки, как памятные записки и меморандумы.

Обращение традиционно включает в себя указание официального поста или принятого титула (Господин Министр», «Ваше Превосходительство» и др.). В нашей документации встречаются оба варианта. Располагается обращение немного отступив вниз от адреса получателя и начинается, как правило, на той же вертикали, что и текст письма. После обращения при написании на французском языке принято ставить запятую или двоеточие. В исследуемый период нам встретился только первый вариант; текст самого письма всегда начинается с красной строки и с заглавной буквы, несмотря на то, что следует после запятой или двоеточия: «*Господин Министр, В своём последнем письме за № 21, я имел честь сообщить Вашему Превосходительству о том, что войско в Армении постепенно сократилось по причине болезней и отозвания в Россию дивизии гранатомётчиков и других войск, не относящихся к Кавказу. Эта новость подтверждается многими офицерами, покинувшими Тифлис, чтобы примкнуть к своим основным корпусам. В одном полку лишь у четырёх офицеров не было тифа. В общей сложности только одна пятая часть его избежала, а остальные ближайшии полгода не в состоянии нести любую службу. Тем не менее, отбытие из Потю было задержано, поскольку, как 12 мая пишет г-н де Ла Шом, на побережье сосредотачиваются войска и среди прочих – остатки дивизии гранатомётчиков, по численности не более батальона. Генерал Комаров, находящийся ещё только в 15 верстах от Чороха, просит подкрепления, ...» и далее по тексту.*

Даже если содержание дипломатической документации неприятно для адресанта, протокольная формула соблюдается без исключений. Так, консул Кавказских провинций Стайерт, возлагая на губернатора и мушира, главнокомандующего Батумским корпусом армии, всю «ответственность за неслыханное деяние, - насильственное похищение у власти подданного дружественной и союзной державы, коммерсанта, который, как вам обоим хорошо известно, пользуется протекцией Франции», однако, заканчивает письмо традиционным: «*Примите, господин Губернатор, уверения в моём глубоком почтении*».

Интересная деталь: в переписке консульства Турции с консульством Франции в Батуме того периода фигурирует термин, обозначающий правительственное учреждение в Константинополе содержащий элемент самовосхваления. В начале 80-х годов 19 века вместо Министерства иностранных дел употреблялось словосочетание *Sublime Porte*, буквально означающее «Величественные ворота» во дворец Главного Визиря Султана, а затем МИД Османской империи. В общепринятом употреблении словосочетание *Sublime Porte* переводится, как **Блистательная Порта**. Существует следующее определение и синонимичные выражения: *Порта, также Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта* - принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства, конкретнее - канцелярии Великого Визиря и дивана Османской империи. Сам термин происходит от французского *porte*, итальянского *porta* — «дверь», «ворота», что является калькой с османского *Bâb-ı Âli* — «высокие ворота».

В дипломатическом дискурсе корректно подготовленное письмо в структурном отношении выглядит, как правило, следующим образом: дата, включающая число, месяц и год написания (как правило, в сокращенном виде не воспроизводится), ставится под адресом отправителя. Адрес получателя помещается ниже адреса отправителя только в левом верхнем углу письма. Однако в исследуемый период времени почта доставлялась исключительно курьерами из соображений строгой секретности, поэтому полный адрес, как правило, не указывался. Возможно, этим объясняется то, что дипломатический дискурс исследуемого периода начинается с непосредственного обращения адресанта, в данном случае, вице-консула Франции в Батуме Оливье де Шаппделена (*Olivier de Chappedelaine*) к адресату, министру иностранных дел. Только в конце первой страницы проставляется полный титул адресата: «*Его Превосходительству Министру Иностранных дел от Вице-Консула Франции в Батуми Оливье де Шаппделена /Olivier de Chappedelaine из Тифлиса, 17 мая 1878года*».

Комплимент как заключительная формула вежливости, завершающая письмо, выбирается с учетом адресата и характера переписки. Например: «*Примите, господин Министр (воспроизводится чаще всего титул, содержащийся в обращении), уверения в моем весьма высоком уважении*» и др. Их вариативность в рассматриваемый период незначительна. В основном это рамочное оформление сводится к следующим формулам: «*Имею честь, господин Министр, быть преданнейшим слугой Вашего Превосходительства*»/ *J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Ministre, de Votre Excellence lettrès dévoué serviteur*” (1882 год). Ср.: (1879 год) “ *Agréé l'hommage du respect avec lequel j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Ministre, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur*”/ «*Примите заверения в моем почтении, Ваше Превосходительство, господин Министр, Ваш покорнейший и преданнейший слуга*». При этом упоминание

«покорнейшего и послушнейшего слуги»- адресанта постепенно, с приходом Нового времени, стало примером устаревшего употребления. При всей витиеватости клятв в верноподданничестве, содержащихся в формулах вежливости, характерной особенностью периода всё же была самостоятельность дипломатов, так как действовали они вдали от центра и вся связь ограничивалась почтовыми отправлениями (Панов <https://russiancouncil.ru/.../zarubezhnaya-diplomaticheskaya-sluzhba-rossii-vtoroy-ch..>). Отметим, что крайней неразборчивостью почерка и сокращенными до минимума комплиментами, завершающими письмо (*Примите и пр./Recevez, etc.*), чаще всего грешат высокопоставленные лица на вершине иерархической лестницы, дополнительные трудности создаёт крайне неразборчивый почерк министров иностранных дел: таков примерный перевод фактически неразборчивого текста министра иностранных дел, госсекретаря департамента: «*Господину Кавалеру Гамба/ Le Chevalier Gamba. Париж, апрель 1830 года. Господин, Ваша депеша от 1 января сего года подтвердила подробность, уже полученную послом (неразборчиво) в Константинополе относительно убийства, жертвой которого пал господин Доктор Шульз на границе Курдистана (неразборчиво). (неразборчиво) узнали с болью об этом событии, лишившего нас человека, на которого Правительство возлагало большие надежды. Благодарим за проявленный интерес и участие в этом деле полковника Макдональда и всех тех, кто принял живое участие в печальной участи этого путешественника. Мы узнали с удовлетворением о выполнении обещания, данного полковником Макдональдом разбраться в этом убийстве. Благодарим также за адресованные господину графу Гильемино/Guillemot список вещей и бумаг, принадлежавших Доктору Шульзу. Примите и т.д.*».

Дипломатическая телеграмма (ДТ), ранее называемая телеграфной депешей, обычно не сопровождается адресами и указанием отправителя с адресатом. В ней отсутствуют обращения и финальная формула вежливости. Подпись фамилией адресанта завершается ДТ, ставшая постепенно основной, наряду с депешами, формой дипломатической переписки: «*Тифлис, 29 июля 1878 года, 10 августа по новому стилю. Вчера сюда прибыл турецкий полковник для организации оккупации Батума. Утверждают, что оккупация 38-й и 39-й дивизиями будет завершена спустя неделю. Шапделен*».

Если после написания письма возникла неотложная необходимость сообщить о событиях, которые произошли позже, то после заглавных латинских *P.S. (Postscriptum)* дописывалась необходимая информация. Постскриптум, как правило, не подписывался; в конце его автор ставил свои инициалы. Злоупотреблять этой формой в деловой переписке не принято. Поэтому примеры составляют редчайшие случаи и, как правило, касаются событий, непосредственно следовавших составлению письма, как, например, в случае констатации вспышек малярии, обычных для Батума вплоть до 30-х годов прошлого века: «*P.S. В момент закрытия депеши ко мне вошел господин Шампуазо и своим рассказом, который я не успею Вам передать, господин Поверенный в делах, он подтвердил моё предположение, что он стал жертвой злой воли со стороны Мустафы-паши*».

Ещё одной особенностью документов, оформляемых секретарями под диктовку, являются общепринятые сокращения титулов и званий, к примеру: «*S.E. – Son Excellence/Vaue Превосходительство, S.M. – Sa Magesté/Vaue Величество, S.A.I. – Son Altesse Impériale/Vaue Императорское Высочество*» и т.д. Аббревиатуры встречаются и среди объёмных топонимов; так, «длинное» «Constantinople» усекается до «*Cons/ple*».

Заемствований, кроме вынужденных ориентализмов, в наших текстах не наблюдается; даже те два, пришедшие из английского языка, «*steamer*»/пароход и «*tonne*»/тонна, сменившая русский *пуд*, встретились в сугубо портовой тематике Батума. При всей открытости лексической системы по сравнению с грамматической нами зафиксированы отдельные обозначения реалий административно управленческого аппарата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, французская дипломатическая служба исследуемого периода традиционно следовала правилам и нормам общепринятой международной дипломатической переписки. Её специфика лексического и орфографического свойства обусловлена как отдаленностью эпохи, так и её культурно-историческим фоном.

LIST OF REFERENCES

- Dubinina, Y. V. (2004). *Diplomaticheskaya sluzhba Frantsii*. [French Diplomatic Service]. / Dubinina Y. V. // State Diplomacy of the Foreign States: utcheb. posobie / pod red. T. V. Zonovoi; MGIMO (U) MID RF, Moskva: ROSSPEN, 38-69.
- Katagoshchina N. A., idrugiye. (1976). *Istoriya frantsuzskogo yazyka*. Moskva, Vysshayashkola: 1976/Katagoshchina N. A. other. History of the French language. Moscow, Higher School: 1976.
- Litvak, N. V. (2016). *Informatsionnie protsessy v sovremennoi diplomaticheskoi sluzhbe*. O pitFrantsii. [Information Processes in Modern Diplomatic Service. French Experience]. Moskva: Izdatelstvo MGIMO.
- Marguiev Z. (2008). *Batum vovremena osmanskoj imperii*. [Batum during the Ottoman Empire] Batumi: Izdatelstvo Alioni.
- Panov A. N. (2015). *Zarubejnaya diplomaticheskaya sluzhba Rossii vtoroi tchetverti XIX...* [Foreign diplomatic service of Russia in the 19th century]. <https://russiancouncil.ru/.../zarubezhnaya-diplomaticheskaya-sluzhba-rossii-vtoroy-ch..>
- Shigarevskaya N. A. (1974). *Istoriya frantsuzskogo yazyka*. Leningrad: 1974/Shigarevskaya N. A. History of the French language. Leningrad: Enlightenment.

Фактический материал: Архивы МИДов Турции и Франции за 1850-1914 гг. HR_HMŞ_İŞO_00065_00012_001_001HR_SYS_01950_00062_001_001;HR_SYS_01950_00062_001_001;DSC_8916-DSC_9008(Предъявление по первому требованию).

For citation:

Diasamidze Victoria (2019) LINGUOCULTUROLOGICAL TRANSLATION PECULIARITIES OF DIPLOMATIC CORRESPONDANCE OF FRENCH CONSULATES IN GEORGIA AND TURKEY (middle 19th-early20th) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.165-170. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-165-170>

Для цитирования:

Диасамидзе В. Г. (2019) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ КОНСУЛЬСТВ ФРАНЦИИ В ГРУЗИИ И ТУРЦИИ (сер. XIX-нач. XX века) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 164-169. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-165-170>

Information about the author: Diasamidze Victoria- Doctor of Philological Sciences, associate professor, Batumi Shota Rustaveli State University,

(Batumi, Georgia)

e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Сведения об авторе: Диасамидзе Виктория Григорьевна—кандидат филологических наук, ассоциированный профессор,

Батумский государственный университет имени Шота Руставели, Батуми, Грузия

e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ „WEST-EAST”

Vol 2/1 №1

Passed for printing 23.09.2019 - 01.10.2019, Paper size 60×84/16. Offset printing. Print run of 250 copies, Order N 126

Подписано в печать 23.09.2019 - 01.10.2019 Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,6. Тираж 250 экз. Заказ №126

Publishing House “**UNIVERSAL**”

4, A. Politkovskaia st., 0186, Tbilisi, Georgia ☎: 5(99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30
E-mail: gamomcemlobauniversali@gmail.com; universal505@ymail.com

